

Ростислав Плетнёв

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XX ВЕКА

Р. Плетнев ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА.

Ростислав Плетнёв

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
XX ВЕКА

Перспектива

1987

Ростислав Плетнев

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Rostislav Pletnev

ISTORIJA RUSSKOI LITERATURY XX VEKA
(*The History of Russian Literature of the 20th Century*)

Copyright © 1987 by Hermitage

All rights reserved

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Pletnev, R. (Rostislav), 1903-
Istoriia russkoĭ literatury XX veka.

Title on t.p. verso: The history of Russian
literature of the 20th century.

Includes index.

1. Russian literature--20th century--History and
criticism. I. Title. II. Title: Istoriia russkoĭ
literatury 20-go veka. III. Title: Istoriia russkoĭ
literatury dvadtsatogo veka. IV. Title: History of
Russian literature of the 20th century.

PG3021.P527 1987

891.7'09'004

87-7162

ISBN 0-934923-01-9

Published by PERSPECTIVA
27 Cambridge Ave.
Englewood, N. J. 07631, U. S. A.

ДРУГИЕ КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ ПО НОРМАТИВНОЙ СТИЛИСТИКЕ. Монреаль, 1960 г., 68 стр.

ПАРНАС ДЫБОМ. (Поэтические пародии на разных русских поэтов.)
Редакция и введение Р. Плетнева. Монреаль, 1963 г., 96 стр.

О ЛИРИКЕ ПУШКИНА. Монреаль, 1963 г., 143 стр.

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (на русском и французском языках). Издание Монреальского университета, 1964 г., 965 стр.

О ЛИТЕРАТУРЕ (Статьи 1930–1968 гг.) Издание Русской летней школы Торонтского университета, 1968 г., 198 стр.

КУРС РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Торонто, 1968/69, 252 стр.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН. Издание ИМКА-Пресс, Париж, 1973 г., 171 стр.

ШЕСТЬ БЕСЕД О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. Издательство "Заря"
(Лондон, Онтарио, Канада), 1978 г., 112 стр.

ДЛЯ НЕМНОГИХ. Статьи и рассказы. Энн Арбор, США, 1984 г., 168 стр.

О Т А В Т О Р А

Предлагаемая вниманию читателей книга делится на четыре неравные части: 1. Введение — о главных литературных течениях в России начала XX века; 2. Зарубежная русская литература — об эмигрантской литературе, ставшей особой ветвью литературы на русском языке вне границ СССР. 3. Литература в СССР — основная часть книги — о Советской литературе 1918—1972 г. г. 4. О литературе Самиздата, т. е. о нелегальной и преследуемой литературе в СССР. Эта часть представляет собой последнюю главу третьего раздела книги.

Сами размеры настоящей книги заставляют автора быть немногословным и не разбирать творчество тех писателей, которые ему кажутся менее значительными как художники слова или не столь характерными для эпохи.

В книгах Глеба Струве, Марка Слонима, Веры Александровой и Этторе Логатто (Lo Gatto) охватывается или не вся русская литература двадцатого столетия, или не все ее формы (Самиздат). Может быть, краткий обзор всей литературы поможет некоторым читателям легче разобраться во всем необычном и трагичном в судьбах русских писателей советского периода, отраженном, как в зеркале, разбитом по воле Рока на две части. И в обеих частях в творчестве писателей можно видеть три аспекта: артистический, этический и политический.

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература начала двадцатого века овеяна духом НЕОРОМАНТИЗМА. В него входят и символизм¹, и противостоявший, но близкий к нему акмеизм, и импрессионизм, и даже футуризм.² В мире все захлестнул "потоп беспамятства", — писал в 1935 г. Вячеслав Иванов, профессор древних языков и эрудит, автор работы о Дионисе и прадионисийстве, (1927). Поэт, драматург, историк и мыслитель родился в 1866 г., умер в Риме в 1949 г., приняв ранее в Риме же католичество. В этом большом человеке обретает русский символизм связь с древнегреческой мистикой. Частью и сами названия некоторых книг стихов В. Иванова указывают на символы: "Кормчие звезды" (1903), "Прозрачность" (1904), "Тантал" (1905); ряд статей и переводов из Гиппонакта, Алкея, Сафо, Эсхила и др. Некоторым современникам поэта из старшего поколения казалась вся поэзия В. Иванова, все его научно-философские труды "отчуждением от жизни", читай — политической (С. Венгеров в "Дополнениях к Энциклопедическому словарю", СПб, 1905). Сам изящно-тонкий стиль и звучный язык В. Иванова воспринимался некоторыми критиками как "заржавленный архаизмами". В то время и материалисты, и все левые круги русского общества с гневом отрицали и религиозные искания Д. Мережковского (его журнал "Новые пути"), и учение Иванова об "отыскании Божественной Сущности в вещной природе", хотя это и есть первое дело для поэта и мыслителя. Именно такую попытку видел В. Иванов в символике театра мистерий, в приобщении зрителей и слушателей к мифотворчеству. Оттого позднее поэт и ученый просто задыхался в СССР, где стали абсолютно невозможны и запретны религиозно-философские искания даже в поэзии. Попав в Рим, писатель прожил в нем с 1924 г. до своей смерти. Чтобы понять этого яркого представителя символизма, написавшего и одну из лучших книг о Ф. Достоевском,³ следует приобщиться к стихии одного-двух его стихотворений с их искренними высказываниями: "Или не Рим золотой — мой нареченный предел?.." (1892).

...В стране богов, где небеса лазурны,
И меж олив, где море светозарно,
Где Пиза спит, и мутный плещет Арно,
И олеандр цветет у стен Либурны,
Я счастлив был... (1910)

Рим и его прошлая слава воспринимались и позднее как "зримое (видимое), некий ореол, нимб лучей вокруг предметов". Это хорошо подме-

тил А. Климов.

Вновь, арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним "Ave Roma"
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Из прозаических произведений В. Иванова самое большое впечатление производит небольшая книга писем поэта и ответов на его письма М. Гершензона, блестящего критика и историка русской литературы.⁴ Жили они одно время вместе в небольшой комнате, в период голода и холода большевистской революции. "Переписка из двух углов" (1921) – трогательная и глубокая книга разговоров в письмах об Октябрьской революции, о жизни, смысле веры и искусства в тяжкие времена катаклизмов в истории. Духовный мир всегда на первом плане у В. Иванова. Любые его стихи им наполнены:

Обнищало листья златое,
Просквозило в сенях осенних
Ясной синью тихое небо.
Стала тонкоствольная роща
Иссеченной церковью из камня...
Дым повис меж белыми стволами.
Над дверьми – сквозных узорочий
Завесы... Что рыбаей Господних
Неводы, раздранные ловом!
Что твои священные лохмотья
У преддверий белого храма, –
Золотая нищая песня!

* * *

Русский импрессионизм XX века значительно запоздал в поэзии и прозе по сравнению с Западом. Он, прежде всего, субъективность и острота наблюдений и мимолетных ощущений, изображенных художником в живописи или в слове. Пришел он в искусство со своей родины – Франции девяностых годов прошлого столетия. В живописи его главный представитель – К. Моне. В импрессионизме основное есть *впечатление* данных минут, а оно зависит то от освещения, то от предмета, на который направлено внимание, то от настроения художника. В русской музыке – это многие произведения А. Скрябина. В русской литературе импрессионистическая манера усложняла и обогащала стилистические возможности писателя и способы выражения им своего "Я". Отзвуки импрессионизма можно найти и в зрелой прозе А. Чехова ("Степь", "Дама с собачкой"), и в его драмах – "Чайка". Тяга к импрессионизму заметна в фантастических про-

изведениях А. Грина ("Бегущая по волнам", "Алые паруса" и др.). На русских писателей влияла изощренность техники описаний, психологический импрессионизм братьев Ж. и Э. Гонкуров, их чувствительная восприимчивость, умение "обнаружить тончайшую и скоровенную сущность вещей". Большое значение имели и некоторые произведения К. Гамсуна, М. Пруста и других. В некоторых рассказах Б. Зайцева видно, что он поддавался очарованию манеры импрессионистов. В поэзии это направление отразилось в стихах И. Анненского и К. Бальмонта.

* * *

Имажинизм ясно проявился в России, пожалуй, только после 1917 г. и, скорее, как временное увлечение, "гримаса", чем серьезное литературное направление. Слово ИМАЖИНИЗМ было заимствовано у английских представителей имажинизма (imagism) и у американских поэтов (Э. Паунд и Р. Олдингтон). Свою декларацию русские имажинисты опубликовали в 1919 году (журнал "Сирена" № 4). В эту группу входили А. Мариенгоф, С. Есенин, Р. Ивнев, В. Шершеневич. Настоящим поэтом из них был один Есенин, который вскоре ушел от имажинистов. Правда, был такой период, когда он даже составлял на бумажных лоскутках разноречивой из слов, вынимал наугад одну-две заметки и по этим словам пытался написать стихотворение. Слово — образ было на бумажке и оно было важнейшим элементом. Имажинисты пытались создавать из своих метафор поэтический узор, где образ зачастую уничтожал и смысл стихотворения. В. Шершеневич считал свои стихи простым "каталогом образов", а стихотворение — не целостным организмом, но только волной образов. Имажинизм любил свободный стих и экспериментировал в его области. Любопытно отметить, что разработка различных новшеств в стихах, божественные мотивы, тоска одиночки-поэта — влияли даже и на некоторых противников имажинизма. Как самостоятельная группировка поэтов имажинизм распался и развалился к 1927 г. Для так называемых "формалистов" в истории русской литературы были очень интересны попытки имажинистов выдвинуть на первое место в поэзии ОБРАЗ и МЕТАФОРУ.

* * *

К началу первой мировой войны оформляется и русский футуризм, сперва под несомненным влиянием итальянского писателя, идеолога футуризма — Ф. Маринетти (1876—1944). Этот теоретик футуризма в искусстве писал и по-итальянски, и по-французски. Его свободный стих повлиял и на русских имажинистов. Но насмешки Маринетти над социалистами и презрение к пацифистам многим левым кругам в России не нравились. Это сказалась на приеме Маринетти в России в 1913 г.

Одиннадцать пунктов манифеста о футуризме Маринетти были опубли-

кованы во Франции в 1909 году. В искусстве это: 1 Призыв к экспансии, к войне, ибо искусство "может быть только насилием, жестокостью". Эту идею перенял в России В. Маяковский (всю силу своего стиха он отдает "тебе, атакующий класс"). 2. По мнению Маринетти, надо создать динамическую литературу Будущего, освободиться от мертвой культуры Прошлого. (Сравните у оголтелого Маяковского: "Пулям по стенкам музеев тренькать, а не пора ли Пушкина к стенке".) Вскоре Маринетти обращается к "технике литературы", к новым стилистическим и идейным предпосылкам. Он требует разрушения всей традиционной грамматики и синтаксиса, вводит новое использование знаков, линий стиха как зрительных факторов. Это делает позже и Маяковский. Маринетти пользуется в поэзии алогичным построением своих образов, вводит странные аналогии, необъяснимые сравнения. Однако Маринетти был и храбрее, и искреннее в жизни, чем Маяковский, он пошел добровольцем на фронт в первую мировую войну. Маяковский же ни против немцев, ни на стороне красных не воевал и фронта не понюхал, несмотря на то, что был сильным и здоровым человеком. Маяковскому мы посвящаем отдельный этюд, но следует сказать вперед о футуризме в России и об отношении коммунистической печати к Маяковскому. То, что пишется теперь в СССР о поэте и затуманено, и неисторично. В лице Д. Бурлюка⁵ и В. Хлебникова футуризм себя в СССР исчерпал. Оба были в своей жизни и в искусстве более чем неуравновешенны, а их последователь — Игорь Северянин позднее вернулся к классическому стиху. Однако "эгофутуризм" Игоря Северянина имел одно время отклик и в поэзии Маяковского.

Для истинного постижения отношения компартии к Маяковскому важна брошюра С. Космана "Маяковский. Миф и действительность" (Париж, 1968 г.). С. Косман прежде всего приводит мнения о Маяковском других крупных критиков и писателей в СССР и за границей: Б. Пастернака, К. Чуковского, М. Горького, А. Лежнева, А. Воронского, Ю. Анненкова, И. Бунина и т. д. О поэме Маяковского "150 000 000" Ленин сказал: "Вздор, глупо, претенциозно". Почти вся советская критика при жизни поэта обвиняла его то в "мещанском анархизме", то в примитивизме и "хулиганском коммунизме". Рапповцы⁶ называли Маяковского нахалом и клоуном! По мнению С. Есенина, у Маяковского нет чувства слова, "нет почти ни одной рифмы с русским лицом". Поэт Г. Шенгели считал стихи Маяковского слабыми технически. Поэзия его "низменна психологически и является антикультурным феноменом". К моменту празднования двадцатилетия поэтической деятельности Маяковского на выставку его работ почти никто не пришел, а по приказу "Гослитиздата"⁷ из журнала "Печать и революция" вырезали портрет поэта и приветствие, уже после сброшюровки журнала! Это было сделано в начале апреля 1930 года, а 14 апреля Маяковский застрелился. Косман и спрашивает: когда же Маяковский стал гениальным поэтом революции? И отвечает: в 1935 году. Тогда сам Сталин заявил: "Маяковский был и остается лучшим, талантливей-

шим поэтом советской эпохи... Безразличное отношение к его памяти и к его произведениям ЕСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ". Хорошо сказал об этом Борис Пастернак: "Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине Второй". Спокойную же оценку Маяковского-поэта дал Роман Гуль в своей книге "Одвуконь" (Нью-Йорк, 1973 г.). Очень много верного о Маяковском и футуризме можно найти в двух прекрасных книгах Ю. Анненкова "Дневник моих встреч" (Вашингтон, 1966). Я полагаю, что футуризм ничего великого или особенно ценного – ни в России, ни в СССР – не дал. Пошумел, погорланил и выдохся.

СБОРНИК "ВЕХИ" 1909 года

В результате неудачной русско-японской войны 1904–1905 гг. вспыхнула революция 1905 года. Революция была быстро подавлена, и начался мощный подъем промышленности в России,⁸ развитие кооперативов и т. п. Часть интеллигенции и несколько выдающихся философов, бывших ранее марксистами, по-новому осознали политическое и духовное положение интеллигенции и характер народа. Результатом этого процесса явился сборник статей Н. Бердяева, С. Булгакова, М. Гершензона, А. Изгоева, Б. Кистяковского, П. Струве и С. Франка. Предчувствуя опасности крушения не только Империи, но и основ морали, основ правосознания и возможность жестокой диктатуры одной крайней партии, эти поистине провидцы многих форм будущей жизни в России попытались предупредить русское общество о грозящей опасности резкого и внезапного социально-политического переворота. Семь блестящих статей сборника посвящены разным аспектам русской духовной и общественной жизни. Свое значение "Вехи" не потеряли до наших дней. Многие молодые философы и литераторы в СССР опять и опять задумываются над страницами статей этих бывших революционеров и марксистов. Кстати, четверо из авторов сборника обратились во второй половине жизни к основам чисто христианской этики.

Мы попробуем свести к нескольким пунктам те предупреждения и упреки, которые на редкость образованные и вдумчивые авторы "Вех" обращали к русской интеллигенции.

1. Левыми кругами отрицалось полностью значение ищущей философской мысли. "Философия у них подчинялась утилитарно-общественным целям". Все подавлялось политическим деспотизмом.⁹ Независимое же от злобы дня знание считалось ненужным и РЕАКЦИОННЫМ. Все и вся подчинялось своеобразно и часто по-сектантски понятому идеалу общественного добра – социализму.

2. Стремление бороться против всякой религиозной и метафизической мысли на основании позитивизма и т. наз. "позитивной науки".

3. Атеизм был почти "общей верой, в которую крестились все вступаю-

щие в прогрессивные ряды интеллигенции". Атеизм же был "вера наизнанку",¹⁰ замечает проф. С. Булгаков.

4. Вводился свой, русский "способ спасения человечества", и всемерно поощрялось стремление к крайностям: максимализм, недостаток исторической трезвости, упорнейшая ВЕРА в социальное ЧУДО.

5. Разрушение семейной традиции среди большей части интеллигенции. Молодежь же рвалась просто к буйству. Буйнить и бить фонари считалось протестом против царского режима. Поощрялось отрицание среди молодежи всякой эстетики как наследия гнусной буржуазности.

6. Считалось, что право и его буржуазная гарантия не нужны, "пусть лучше разрушится вся жизнь современности, в которой нет добра". Ленин давно требовал введения партийного права с его исключительными законами против отдельных лиц, групп или классов. Не вопросы права были важны для левых, а только вопросы и проблемы политики в применении силы!

7. Левыми проявлялась полнейшая враждебность к государству, к учению о государстве философа Б. Чичерина или даже проф. Петражицкого. Была жестокая вражда к Империи Российской и ее интересам.

8. Поддерживалось всемерно утверждение, что добро и зло в человеке и в его действиях зависят только от политико-экономических условий жизни. Социальная политика у левых просто "поглотила и сам социализм". Так называемый "морализм русской интеллигенции есть отражение нигилизма". Чистая наука, религия и искусство просто отвергались. Сама жизнь не имела никакого объективного смысла для левой интеллигенции. Единственная задача человека есть служение народу. А истинное благо в жизни есть материальная обеспеченность при равном распределении материальных ценностей. Социальный же оптимизм интеллигенции опирался "на механико-рационалистическую теорию счастья" большинства. Счастье народа и нации-де зависит только от равномерно-справедливого распределения вещественных благ.¹¹ Для этого необходимо скорейшее разрушение всех существующих общественно-правовых норм и форм жизни. Спутник же разрушения — ненависть и сестра ее — жестокость были возведены в этический принцип! Цель — революция, и она все средства оправдывает.

Сборник "Вехи" и деятельность трезвых умов не изменили пути и желания интеллигенции в ее массе. Мудрые слова авторов "Вех" взбесили и Ленина, и массу "леводушных" интеллигентов. В томах Большой советской энциклопедии и в исторических и философских энциклопедиях, издаваемых в СССР, есть много злых нападок на "Вехи", но не было и нет анализа их содержания, серьезного спора по существу, критики мыслей и философских построений авторов "Вех". Не исправлять, а разрушать хотела основная масса интеллигенции. Она почувствовала зыбкость почвы, слабости режима, общее тяготение массы к социальным реформам. Но не было у нее ни ясных планов, ни государственного опыта, ни дисциплины мысли, а лишь утопичность идей.

В пришедшей же революции первой пострадала именно интеллигенция.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ЗАРУБЕЖНАЯ
РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ЗАРУБЕЖНАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Литература эмигрантов из СССР — неточное определение, лучше сказать “литература в изгнании”, но и это не охватывает всех писателей. Одни — эмигрировали, другие бежали, третьих выслали советские власти “за несозвучность эпохе”, выслали без суда (около 160 человек!). В число высланных попали многие философы, ученые, писатели, режиссеры, журналисты и т. д. (Бердяев, Булгаков, Вышеславцев, Евреинов, Лапшин, Лосский и другие). Одни, как А. Толстой, А. Белый, М. Цветаева, проф. Устрялов и некоторые другие, возвращались в СССР,¹² иные пополняли ряды эмигрантов, беженцев и изгнанников (Е. Замятин, С. Максимов, А. Даров, Н. Ульянов, А. Белинков, А. Кузнецов и др.) Всегда тут так или иначе терял СССР. Уехали изобретатели огромных талантов: Зворыкин, Сикорский, Тимошенко, Юркевич, ученые ранга П. Сорокина и Н. Лосского.

Писатели более других страдали в изгнании: специальность не по границе, оторванность от родного языка и традиций. Но, несмотря на “Железный занавес”, не было полной разобщенности двух ветвей одной литературы: перепечатывали в СССР кое-что И. Шмелева и И. Бунина. За рубежом выходили многие стихи А. Ахматовой, сочинения Н. Гумилева и М. Булгакова, а позже запрещенные произведения Солженицына, В. Шаламова, стихи Заболоцкого и Мандельштама. Едва попав в Европу или на Балканы советские офицеры старались раздобыть книгу генерала П. Краснова “От Двуглавого орла к красному знамени” (1922 г.). Отклики на зарубежные издания иногда проникали в советскую прессу, упоминания о них помещались в “Краткую литературную энциклопедию”, и т. д.

Справедливо писал незадолго до смерти Борис Зайцев: “На русской литературе революция отозвалась сильно. Почти вся действующая армия писательская оказалась за рубежом”. Действительно, всех известных до революции 1917 года писателей уехало и убежало к 1922 году пятьдесят семь человек! Оказались они в трудных условиях, но на свободе. Постепенно шло размещение большей части писателей: Берлин, Париж, частично Прага и Дальний восток — Харбин. После второй мировой войны культурные центры эмиграции переместились, главным образом, в Северную Америку.

Редко кто из русских эмигрантов мог подумать в 1922 году, что протечет более пятидесяти лет, а их положение не изменится. Старшие писатели, как правило, писали чаще всего о России, нередко в форме воспоминаний. “Мирное и поэтическое в прошлом, — писал Б. Зайцев, — гораздо больше привлекало, чем война, кровь, насилие, страдания”. И стар-

шее, и младшее поколения писателей и журналистов много трудились, создавали журналы, издательства, литературные кружки. Людмила Фостер¹³ в своей "Библиографии русской зарубежной литературы" приводит поразительные цифры: издано 1080 романов, 636 сборников рассказов, 1024 сборника стихов отдельных поэтов и антологий переводов иностранных поэтов, 99 отдельных изданий пьес и 103 пьесы в журналах и сборниках-альманахах. Кроме того, именно в эмиграции опубликованы многие очень важные исторические и литературные документы и ценные исторические романы (Алданов, Каратаев и др.). За рубежом вышли изумительно новые по стилю, композиции, авторскому голосу и самому замыслу романы В. Набокова-Сирина. Прекрасные книги лирических стихов высокого мастерства Г. Иванова, М. Цветаевой, И. Елагина, Л. Алексеевой. Основные труды Б. Зайцева, И. Бунина, И. Шмелева, Л. Зурова,¹⁴ Н. Федоровой и т. д. Все эти книги могли быть напечатаны только вне границ СССР, там, где есть свобода слова.

Проф. Н. Андреев¹⁵ делит историю эмигрантской литературы на русском языке на пять основных периодов или этапов: 1) образование эмиграции как культурной силы с 1919 по 1925 гг. 2) выдвигаются на сцену молодые писатели и поэты, с 1926 по 1940 гг. (В. Набоков-Сирин, В. Федоров, Г. Газданов и др.) 3) В 1940–1950 гг. многие переезжают в Америку. 4) В 1949–1960 гг. ведущую роль играет "Новый журнал" в Нью-Йорке, заменив прежние "Современные записки" Парижа. 5) Приблизительно с 1960–1961 гг. до 1972 г. налаживается связь с "Самиздатом" в СССР – "Грани", "Новый журнал", "Мосты" и другие журналы печатают запрещенные в СССР произведения. Печатаются вещи А. Солженицына, В. Шаламова, Е. Гинзбург, В. Максимова, В. Войновича, Ю. Галанскова, А. Синявского и других.

Старая эмиграция постепенно вымирает, кое-кто из молодых принимает язык страны, где живет, или уходит в быт и приобретательство, но многие все же продолжают культурную работу. Значение русской эмиграции необычайно велико: к ней, именно к ней обращается, например, А. Солженицын, прося объективной критики, указаний на источники для своего исторического романа; приехав за границу, многие писатели и ученые просто набрасываются на чтение эмигрантских журналов и книг. Крепкая связь эмиграции с культурным прошлым России очень ценится чуткими к истории читателями в СССР. Традиции демократии, традиции литературных школ увлекают многих даже искренних коммунистов. И постепенно начинается некий письменный обмен мнениями (См., например, №№ 105 и 106 "Вестника РХД" в Париже). Настанет момент и обе литературы сольются в одно русло могучей реки мыслей, чувств и картин жизни, которое мы зовем литературой. Будет опять одна литература одного народа. Разве тело, а не дух и творчество А. Мицкевича жило и живет в Польше, хоть и умер он в бедности и горе эмиграции? И Бунин, и Набоков, и Зайцев, и Шмелев будут жить, а от их имен и произведений всегда будет исходить

дух творческой свободы настоящего искусства и будоражить сердца русских людей как вне России, так и на пропитанной слезами и кровью земле великих страданий и великих свершений духа.

ЕВРАЗИЙСТВО и ЕВРАЗИЙЦЫ

Из всех идеологическо-политических течений в среде эмигрантской умственной элиты самое интересное и самое важное стало формироваться с началом двадцатых годов. Это политико-философское направление создало даже своеобразную партию политической окраски и, вне сомнения, как-то отразилось и отражается на духовной и политической жизни общества в СССР.¹⁶ Возникло движение евразийцев приблизительно ко времени Кронштадтского восстания в Советской России (февраль-март 1921 г.) и перехода (весной того же года) к новой либеральной экономической политике — НЭПу. НЭП восстановил лет на семь право на частную собственность и ввел продналог.¹⁷ К этому времени русская эмиграция как бы разделилась на три неравные части: огромное большинство эмигрантов считало невозможным возвращение в Советскую Россию пока там господствуют большевики. Незначительная часть решила вернуться домой, признав полностью идеи компартии, — так называемые “сменовеховцы”. Третья и довольно многочисленная сперва часть эмиграции, точнее, особая ГРУППА, — решила ждать и бороться активно не с коммунистическим режимом, не с властями в СССР, а бороться за духовное преобразование коммунизма в России. Евразийцы стремились пробудить патриотизм вместо интернационализма, возродить религиозность вместо атеизма и ввести идеи чисто национальной экономики. В Болгарии евразийцы издали сборник “Исход к Востоку... Утверждения евразийцев” (София, 1921). За десять лет евразийцы опубликовали ряд сборников, брошюр и книг. Среди зачинателей движения евразийства выдвинулись четверо: П. Савицкий, П. Сувчинский, Г. Флоровский и князь Н. Трубецкой. Несколько позднее к ним присоединился и Л. Карсавин.¹⁸

Преображение советской власти, думали евразийцы, необходимо должно произойти на новой религиозно-политической основе. Они верили, что революция обнажила, открыла отвратительные черты социализма в России. В отношении же к европейской цивилизации и культуре Запада евразийцы во многом были последователями славянофилов и почвенников шестидесятых годов XIX века (Хомяков, Самарин, Киреевский и др.). Основные утверждения П. Савицкого, Н. Трубецкого, Г. Флоровского и П. Сувчинского очень суммарно можно свести к шести главным пунктам: 1) русские — не европейцы и не азиаты, а евразийцы; 2) звезда политической Евразии уже восходит на триединой территории тундр, лесов и степей; 3) уже вполне обеспечено будущее для особой евразийской культуры и

государственности НОВОЙ ПРАВДЫ. В истории России было два великих начала – византийское и восточное: мать – Византия и суровый отец – Чингисхан; 4) на территории Евразии существует большая общность экономических интересов всего ее населения. 5) Евразия есть “преемница великого наследия Чингисхана и наследница Труда и “Общего Дела” (намек на идеи философа-утописта Н. Федорова и его книгу). 6) в Евразии должен быть установлен государственный строй Советов и управление особой ЭЛИТОЙ. Само же государство евразийцев необходимо сделать ИДЕОКРАТИЕЙ.

Евразийство в двадцатые годы и в начале тридцатых имело успех в среде эмигрантов, оно издавало еженедельную газету “Евразия”, свою “Хронику” и книги. С Октябрем, с революцией евразийцы всячески старались примириться, признав ее злодеяния, но и “прощая все бедствия разгула ее неудержимых сил”. Единственное, что они все гневно проклинали, был атеизм коммунистов и их борьба против православия. Я лично имел возможность наблюдать деятельность и посещать семинары евразийцев в двадцатые годы в Праге. Из молодых, начинающих свою ученую карьеру, я считался ярким оппонентом евразийцев, хотя и дружил с некоторыми из них. Во время дискуссии-спора с доцентом философии И. Белецким, я услышал от него очень характерную для них с Савицким фразу, которую я записал: “Вы говорите, что утверждение о туранском культурном наследии нелогично и неточно! Пусть, но силою своего дерзания мы преодолеем и логику развития!” Постепенный провал этого идейного движения, беда евразийцев и их последователей, происходили от несогласованности постулатов, от страстного желания стать политической партией без государства и от попыток связаться с Москвой. Туда ездил сам Савицкий. Это намерение сотрудничать с коммунистами оттолкнуло очень многих эмигрантов. Быть с безбожниками, борющимися против всякой религии, всякого идеализма, было неприемлемо и для многих евразийцев.¹⁹ Однако какие-то семена, посеянные евразийцами, с их пафосом и искренностью увлечения своими идеями, видимо, взошли на русской почве, в СССР. До окончательного зажима свободной мысли Главлитом можно найти несколько всходов идей евразийцев. Кое-что в произведениях Л. Леонова, А. Яковлева, молодого Федина и др. Позднее, в 60-х–70-х годах претворенные в новые формы мысли славянофилов и евразийцев обнаруживаются у И. Глазунова, В. Чалмаева, А. Ланщикова, Ю. Иванова и других людей нового поколения (художников, критиков, историков и писателей). Судя по многим явлениям, в СССР наблюдается полное “захирение марксистской мысли”, как заметил правоверный, но бунтующий коммунист Р. Медведев в своей книге (“Книга о социалистической демократии”). Молодое поколение уже задумывается над всеми результатами Октября, а устно, в своей среде, решается критиковать даже деятельность и идеи Ленина.

Жив ли в новой форме евразийский дух и некоторые идеи евразийцев?

Я полагаю, что да. Во всяком политическом духовном течении основную роль играет не логичность, не истинность, а горячая вера, волевой импульс, пафос новой проповеди. Так было с марксизмом,²⁰ с фашизмом и с национал-социализмом. Нельзя забывать, что национализм, часто и в форме "советского патриотизма", растет в СССР. Там есть настоящий духовный голод, ибо постоянная пропаганда одной окаменевшей доктрины надоедает живым ищущим умам. Привычка же, что государством управляет своеобразная элита, партийцы-аппаратчики, как-то сходится с идеями евразийцев, с их отталкиванием от Запада; их враждебность к Западу сходится с враждебностью и своеобразной завистью правящей партии. Любопытно отметить, что демографы указывают на то, что рост населения в процентах рождаемости у азиатов гораздо больший, чем у славян на территории СССР.

В литературе и публицистике в СССР теперь можно найти лишь легкие намеки на евразийские идеи, как-то прошедшие Сциллу и Харибду Главлита. В эмиграции же была и осталась полная свобода для ищущей истину мысли. Хорошо сказал некогда об эмиграции и эмигрантах профессор Г. Федотов: "Мы не знаем, какие выводы будут сделаны из нашей правды". И, может быть, некая часть правды в истории России и ее своеобразного пути была почувствована и евразийцами.

* * *

В двадцатых годах в Париже и Праге вспыхнул острый спор о возможности продолжительного существования эмигрантской литературы. В этом споре приняли участие историки литературы, писатели и поэты (Альфред Бем, Марк Слоним, Георгий Адамович, Владислав Ходасевич, Зинаида Гиппиус и др.). Аргументы скептиков и не верящих в продолжительность и силу эмигрантской литературы были очень просты: вне родной страны, оторвавшись от ее жизни и жизни и развития ее языка, вне общества и литературных течений своей страны, младшее поколение просто увянет, сойдет на нет. Очень хорошо на это сумел ответить Иван Бунин: "Почему, как только выехал из Белевского уезда, так и кончено, погиб талант".

Даже очень краткая история эмигрантской литературы прекрасно опровергает скептиков. Все свое самое лучшее Бунин написал за границей, важнейшие вещи И. Шмелева написаны вне России, Зайцев, Цветаева, И. Елагин, Набоков-Сиринов, Р. Гуль, Г. Гребенщиков, Д. Кленовский, Н. Федоров, М. Алданов и др. написали главные свои произведения тоже только за рубежом. Блеск идей, новая форма у ряда писателей-эмигрантов далеко превзошла почти всех современников на родине.

О ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ СТАРШИХ

К. БАЛЬМОНТ

Константин Бальмонт (1863—1948), выехав за границу, не написал ничего особенно нового. Слава этого талантливого поэта и переводчика отшумела с началом революции. У Бальмонта не было ни чувства меры, ни восприимчивости к новым веяниям, ни особого желания работать над стихом. Но было время, когда поэта считали одним из самых блестящих представителей литературы начала нашего века. Восторгались новой, звучной и капризно-индивидуальной поэзией. Попав в эмиграцию в 1920 г., он, как справедливо отметил Г. Струве, не утратил “ни своего дара песни, ни своего мастерства” (“Сонеты солнца, меда и луны”, “В раздвинутой дали”, “Северное сияние”). Ценны и переводы, довольно вольные, из других поэтов. Но успеха не было, не то, что было до революции.

Бальмонт происходил из хорошего дворянского рода, но, увлекшись, подобно большинству русских интеллигентов, революцией и левыми идеями, был за свое участие в организациях бунтарей исключен с юридического факультета... Эгоцентрик, влюбленный в себя и свою поэзию, в звуки и рифмы, он был носим на руках в предреволюционные годы. Октябрь смутил и опечалил Бальмонта: “Этим летом унижение нашей воли, этим летом расточенье наших сил... Этим летом я Россию разлюбил”.

Печататься Бальмонт начал рано — в 1890 г. в городе Ярославле он выпустил свой первый сборник стихов. Потом шли книга за книгой: “Под северным небом”, “В безбрежности”, “Горящие здания”, “Будем как солнце”, “Песни мстителей” — отклик и одобрение революционного движения 1905 года. Еще до Октября поэт написал и ряд книг с этюдами об Уитмене, Метерлинке, Уайльде, Бодлере и других властителях дум того времени. Интересны и описания его странствий вокруг света: “Край Озириса”, “Белый зодчий” и др. В поэзии и прозе у Бальмонта звучат призывы к наслаждению, к любви и искусству, к экстазу, к надменной гордости своим “Я”. В стихах его много музыки, напевности, а порою нежности. Рифмы то сталкиваются, то словно перекликаются друг с другом. Много гармонических аллитераций, искусного звукоподражания — ономапопеи: “Полночной порою в болотной глуши чуть слышно, бесшумно шуршат камыши”.

Иногда поэт словно выкрикивает свое кредо: “Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце и выси гор!..” Или: “В башне с окнами цветными я замкнулся навсегда и гляжу, как в светлом дыме возникают города...”; “Так и молви всем слепцам — будет вам! Есть у солнца аромат, сладко внятный только нам, зримый птицам и цветам”. Характерно его стихотворение “Завет бытия”:

Я спросил у свободного Ветра:
 Что мне сделать, чтоб быть молодым?
 Мне ответил играющий Ветер:
 "Будь воздушным, как ветер, как дым!"
 Я спросил у могучего Моря,
 В чем великий завет бытия?
 Мне ответило звучное Море:
 "Будь всегда полнозвучным, как я!"
 Я спросил у высокого Солнца,
 Как мне вспыхнуть светлее зари?
 Ничего не ответило Солнце,
 Но душа услышала: "Гори!"

Д. Мережковский, В. Иванов, В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт и отчасти А. Блок стоят у колыбели русского символизма и обновления поэзии начала XX века. Русский символизм связан с Западной Европой и ее поэзией, драмой и философией (Ш. Бодлер, С. Маллармэ, А. Рэмбо, В. Верлен, Г. Гауптман, Р. Рильке, Г. Ибсен, О. Уайльд, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др.). В поэзии, драме и романе основой считался *символ*, связь через него с "иными мирами" и божеством. В нем сильна струя своеобразного неоромантизма (А. Блок) и мистицизма всех окрасок. Переводили тогда много и разнообразных авторов — от Франциска Асизского и Якова Беме до Упанишад Индии, Ницше и древнего Секста Эмпирика. Искусство для представителей символизма служит созданию возможности проникновения в потусторонний мир. Условность, известная стилизация образов,²¹ туманность ряда выражений, основывание многого в поэзии на звукописи, множество иносказаний и намеков. Реми де Гурмон в предисловии к своей книге ("Книга масок", 1896) так формулирует символизм: "В его основе есть принцип идеальности мира... для думающего человека /он/ является универсальным принципом освобождения", ибо мир и его сущность не могут быть познаны разумом.

Символисты: Д. Мережковский, А. Белый, В. Иванов, К. Бальмонт и др. увлекались свободой поэтического воображения и силой *интуитивного* прозрения, создания особого своего мира вне законов физико-материальных, сводимых к математическим формулам. По их мнению, в сущности и глубине всего вещного есть Тайна. Она доступна до известной степени выражению в музыке и в символах и музыке поэзии. Через постижение Красоты, ее форм и символов, можно приблизиться к Добру. Отсюда термин некоторых символистов во Франции — "идеореализм". Эти мысли найдем и у А. Белого и у К. Бальмонта. Музыка, музыкальная стихия есть праоснова жизни или, по Мережковскому, — и символ есть выражение "безграничной стороны мысли". По В. Иванову истинный символ "неисчерпаем и беспределен в своем значении... Он многолик, многомыслен и всегда темен в последней глубине". Символ говорит нам на иератическом и маги-

ческом языке, языке сокровенном, на языке намека и внушения нечто "неадекватное внешнему слову" ("По звездам". СПб. 1909). Предметный, внешний мир в искусстве есть "окно в бесконечность". Отсюда, например, у К. Бальмонта многопланность и многозначность ряда стихов; таковы *лирические поэмы* А. Белого и Блока; появляется у символистов и "лирический герой". Как русский романтизм начала XIX века сильно отличается от немецкого, английского или французского романтизма, так обстоит дело и с русским символизмом. Многое не только отклик на Запад, но и своеобразно русское. Не случайно, что у истоков символизма в России находится поэтическое и философское творчество В. Соловьева. Важны "Критика отвлеченных /рациональных/ начал", и его мистическая Дама сердца и души — София, и уход философа-поэта в мир неоплатонизма: "...Все видимое нами — только отблеск, только тени от незримого очами". Я говорю о стремлении символистов к тайному, к сокровенному в жизни мира, к желанию идти "a realibus ad realiora", от вещного через символ к высшей сверхразумной реальности. Но в русском символизме (см. В. Брюсов, "Русские символисты", 1894—1895) есть и острая борьба чистого искусства с искусством гражданской полезности, разных течений, что отразилось в журналах и сборниках той эпохи ("Весы", "Аполлон", "Скорпион", "Гриф", "Северные цветы", "Мир искусства" и др.).

Я касаюсь символизма русского Серебряного века в литературе именно в разделе, посвященном К. Бальмонту. Мне кажется, что он сумел необычайно точно выразить основное в причинах зарождения символизма как "мечты о преобразении личности в культуре будущего" (А. Белый). Бальмонт писал в "Горных вершинах" (1904), что реализм, натурализм не отражают уже нового положения личности в мире. Реализм исчерпал себя "в своей сущности", ибо "нет больше естественного соотношения" между литературой (реализма), его манерой изображения и "состоянием современной души, манерой современной души чувствовать". Несомненно, в жизни нового литературного поколения изменилось прежде всего не столько мировоззрение, не столь и миропонимание, как *мироощущение* (Welttempfindung) и Weltansicht, т. е. интерпретация своих чувств и взглядов на мир, на вселенную. Этим и объясняется сперва некое притягивание Октября 1917 г. Блоком, А. Белым, Н. Бердяевым, Ивановым-Разумником, Ф. Сологубом ("Двенадцать", "Христос Воскрес" и др.), а потом или уход за границу, или гибель от отчаяния, или внутренняя эмиграция и обращение к христианству (Ф. Сологуб, В. Иванов, Н. Бердяев, Б. Зайцев и т. д.). Но поэзия высококультурных и образованных символистов повлияла и до сих пор влияет на поэзию и в СССР (А. Ахматова — "Поэма без героя", "Реквием", стихи О. Мандельштама и др.). Прав был К. Бальмонт, символизм был глубже "гражданской поэзии", он был более чуток к началу мирового катаклизма войн и революций. Символизм его предчувствовал и описал.

Д. С. МЕРЖКОВСКИЙ

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941). Критик, поэт литературовед, философ, романист. Рожден в Санкт-Петербурге, умер и похоронен в Париже. Соперник И. Бунина на получение премии Нобеля. Женат на поэтессе Зинаиде Гиппиус, писавшей в России под псевдонимом Антон Крайний.²² Если только после октября 1917 г. И. Бунин заговорил в воспоминаниях о хамстве и хаме в русской жизни, то Д. Мережковский еще до первой мировой войны написал этюд "Грядущий хам". Он же еще в 1905 г. писал: "Русская революция — всемирная. Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар. Но берегитесь, не вы нас (наш пожар) потушите, а мы зажжем вас". В 1921 г. он утверждает: "Должно учесть как следует безмерность того, что сейчас происходит в России. В судьбах ее поставлена на карту судьба всего культурного человечества... Большевизм — дитя мировой войны, так же как эта война только последствие глубочайшего духовного кризиса всей европейской культуры". Мережковские видели ход революции в Петербурге с 1917 по 1919 г.

С 1880-х годов начинается поэтическая деятельность Мережковского. В сборнике стихов 1888 г. можно уже уловить русское и французское влияния (С. Надсон, религиозность, мистика, печаль — Бодлер). В критическом анализе русской литературы этот во многом предтеча символизма, требовал расширения диапазона впечатлений русского литератора, изучения мистики и интуитивного познания (книга 1893 г. "О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы").

Из стихов раннего периода выделяются "Сакья-Муни" и стихотворение о жизни кораллов. В прозе он создает известные и на западе историко-софские романы. Трилогия "Христос и Антихрист" ("Смерть богов", "Воскресшие боги", "Петр и Алексей" 1896—1905). В них несколько схематично проведена мысль о сходстве духа Юлиана Отступника, Леонардо да Винчи и Петра Великого. Видна богатая эрудиция, но и стремление подчинить исторические фигуры вперед созданной схеме. В двухтомном труде "Л. Толстой и Достоевский" (I — Жизнь и творчество и II — Религия Л. Толстого и Ф. Достоевского, 1901—1902) писатель подчеркивает религию духа у Ф. Достоевского, а Л. Толстого называет "провидцем плоти". В мечтах Мережковский хотел предвидеть появление как бы нового Пушкина, который даст синтез провидца духа и провидца плоти. В "Религиозно-философском обществе" и в журнале "Новый путь" он обращался к возрождению в интеллигенции "нового религиозного сознания".²³ В журнале С. Дягилева "Мир искусства" (1899—1904) Мережковский, Д. Философов, А. Бенуа и другие распространяли новые взгляды на искусство и духовную жизнь. Мережковский особенно подчеркивал религиозные искания Л. Толстого и Достоевского. З. Гиппиус предчувствовала и писала о рождении чего-то нового на пороге XX века, но вместе и трагического. Мережковские с одной стороны не принимали традиций Православной

Церкви, а с другой вызывали отпор левых атеистов марксистов, как Г. Плеханов ("О так называемых религиозных исканиях в России", 1909). Левых возмущало утверждение Мережковского, что революция — это "грядущий хам", что ничто не изменится, что это серость, мещанство духа в черте (1906). В трагедиях "Павел I" (1908) и "Царевич Алексей" (1920) подчеркнута нота трагизма в русской истории. Та же нота и в романах об Александре Первом и о 14 декабря. Интересно отметить, что комиссар народного просвещения А. Луначарский в 1924 году советовал ставить пьесы Мережковского. Перед войной 1939—45 гг. он издал книгу "Лица святых от Иисуса к нам" (Павел, Августин, Франциск Ассизский, Жанна д'Арк и др.).

Политические взгляды Мережковского зависели от того, кого он в данный момент считал оплотом борьбы против коммунизма. То это был Пилсудский, то Муссолини, то одно время даже Гитлер. Эмигрировали Мережковские нелегально, перейдя границу в 1920 г. Ряд своих работ они позднее помещали до 1935 года в парижском журнале "Современные записки". За границей Д. Мережковский совершенно по-своему, с большой силой индивидуального яркого стиля, стал облекать свои историко-философские идеи в форму трактатов по истории Духа: "Тутанкамон на Крите", "Мессия", "Атлантида — Европа", "Тайна трех", "Египет и Вавилон" — подготовка истории к пришествию Христа, "Иисус неизвестный" (с привлечением апокрифов), "Наполеон" — личность и жизнь. О последнем проф. Брандт с доброй усмешкой заметил: "Наполеон был великий человек, полководец. Но у Мережковского это Христос в кавалерийских шпорах". Мережковский говорит: "Огромная идея /Наполеона/ была идея, по крайней мере наполовину, христианская". Биография героя — Наполеона — дана во второй части книги. Но некоторые из житий святых "Франциск Ассизский", "Жанна д'Арк", "Что сделал Св. Иоанн Креста",²⁴ необыкновенно искренни и горячи в устремлении к Высшему.

Мережковский мастерски умел описывать трагические массовые сцены, ушедший вещный мир. В ходе повествования писатель ищет аналогий прошлого в последующей истории. Он любит антитезы, чтоб подвести к мистике синтеза.

Вероятно, важнейший интуитивно-философский труд романиста и мистика есть уже упомянутая книга "Иисус Неизвестный". В ней многое спорно, но и глубоко интересно даже не философу, а обычному историку литературы. И жизнь, и скрытый смысл притч Христа, освещены совершенно новым светом учения о Духе. Труд этот переведен на ряд иностранных языков.

3. ГИППИУС

Зинаида Гиппиус (псевдоним — Антон Крайний), 1869—1945. Мужской острый ум, высокая культура, томлящаяся душа. Хороший поэт, изоциренно-чуткий критик, фантаст в политике. Жена и друг Д. Мережковского, любовь Д. Филофова. То декадент-символист, то основательница с Д. Мережковским религиозно-философского журнала "Новый путь". Со стихами выступила в 1888 году. Душа глубокая и мечущаяся. Страх смерти и слава любви, колдовство и вера, смирение и выкрик: "Люблю себя, как Бога!". Стихотворения: "1 — 2" (1904—1910), "Стихи" (Дневник 1911—1922), "Сияния" (1938), поэма "Последний круг"²⁵ и др. Интересны несколько сухопряные романы "Чертова кукла" (1911), "Роман — царевич" (1913) и "Мемуары Мартынова". Поэтесса выпустила и несколько сборников рассказов. Посмертно вышла любопытная книга "Дмитрий Мережковский" (1951). Из пьес отмечу "Маков цвет" (1908) и "Зеленое кольцо" (1916). Ценны, но не всегда объективны и зашифрованы мемуары "Живые лица" (1925). Множество публицистических статей в разных газетах и журналах. В "Русской мысли" (София, 1921) напечатаны части дневника З. Гиппиус. Любопытно и очень интересно ее открытое письмо английскому автору Г. Уэллсу, посетившему Петербург после большевистской революции (полностью напечатано с комментариями проф. Т. Пахмус). Был в сердце Гиппиус холодный пламень и "сердечный мороз".

Как эта стужа меня измаяла,
Этот сердечный мороз.
Мне бы заплакать, чтоб сердце оттаяло
Да нет слез... (1943)

Т. Пахмус приводит характерное для З. Гиппиус письмо к Г. Адамовичу:

Все мои Mezza²⁶ пройдены, отвечать мне за будущее — нечего, "опустошений" бояться поздно... Я ничего не могу и не умею "делать", ни варить суп, ни мыть полы, а то, что еще умею — ни для кого не пригодно... Да, очень трудно "сообщаться" человеку с человеком. Святые, пожалуй, правы, что каждый из них общался с Богом, а с людьми молчал".

Поэтесса видела опасности для свободы и культуры в России и на Западе. В декабре 1939 г. она писала Г. Герелль²⁷ о положении в Европе:

В этой черной ночи... нет ничего более деморализующего, чем остаться без дела и чувствовать себя в пустыне.

В первые годы эмиграции поэтессе казалось, что нужна боевая публицистика, ибо "всякая жизнь разрушена, а лица людей искажены... Но можно говорить о прошлом". Так думала З. Гиппиус и не слушала иных голосов в журнале "Воля Россия", не обращала внимания и на течение русской мысли под знаком Евразийства. На Западе она вспоминала советский режим:

...И я ходил в *петрокопроды*,²⁸
Хвостился днями у крыльца в райкомах,²⁹
Но и восьмушки не нашел свободы
Из райских учреждений ни в одном.

Была в З. Гиппиус большая зоркость к духовному, к трепету души.

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь одна...

Или:

Любовь единостью чудесной
Любовь единая дана

И сравнивает поэтесса Любовь с Божьей радугой, в единой дуге горят семь цветов, а венчает ее "святым единством — белизна". А часто бывает и так:

...Плачу без слез о неверном обете,
О неверном обете...
Мне нужно то, чего нет на свете!
Чего нет на свете!

Несколько странно и сходно плачу капризного дитяти: "Я хочу! Хочу того, чего нет ни у кого".

А. КУПРИН

Александр Куприн (1870—1938)³⁰ родился в семье небогатого писмоводителя. Отец его любил рисование и неплохо играл на скрипке. Мать — из обедневшего захудалого княжеского рода татар Куланчаковых. Отец рано умер, и детство его в Москве, куда переехала мать, было скудным и тяжелым. Раннее детство в крохотном городке Наровчат, Пензенской области, оставило в душе писателя влечение к провинции. Городок Наровчат часто сгорал, и жители его замечали: "От Наровчат — одни ко-

лышки торчат". О детстве Куприн писал ("Река жизни", 1906): "Первые детские впечатления неразрывно связаны со скитаниями по чужим домам, кланченьем, подобострастными улыбками... с подлыми мучительными словами: кусочек, капелька, чашечка чаю..." Светлое влияние шло от бабушки и ее рассказов о героях и героинях в истории (Жанна д'Арк).

Окончив кадетский корпус, где он отличался непослушанием, вспыльчивостью и склонностью к бунтарству, он поступает в 1888 г. в юнкерское училище. В это время он уже пишет стихи, полные общественного протеста и "гражданской скорби". В жизни он был крайне невосдержан на слово и дело. В 1894 году ему приходится подать в отставку. Норовистость отличала писателя и в штатской жизни. Женившись на культурной и милой женщине, он вел себя с ней часто невозможно. Без всякого серьезного повода, в присутствии гостей, зажег и бросил спичку на подол ее платья. К счастью, женщину спасли. И она позже разошлась с ним. Вторая жена была из крепких немок — сестра милосердия Елизавета Морицевна, с ней Куприн имел ребенка еще до развода с первой женой.

По выходе из армии, Куприн переменял десяток профессий: грузчик, корреспондент, цирковой борец, рабочий на заводах Донецкого бассейна, псаломщик и т. д. Это дало богатый опыт, свело с самыми разнообразными типами всех слоев русской жизни. Будучи пьяницей и любителем веселой компании, он часто погружался в самую гущу низов. А будучи демократом по духу и левонастроенным защитником обездоленных, ничего в политике не понимал. Так, в 1918 году явился к В. Ленину и предложил издавать газету для крестьян "Земля". В 1918—1919 гг. он то восхищался героиней революции, то опасался за "судьбы русской культуры". Осенью 1919 г. его дом в Гатчине попал в окружение войск генерала Юденича. Тут он одно время редактирует под властью белых газету "Принецкий край", а позднее уезжает в Париж. Этот период жизни хорошо описан в повести "Купол Св. Исаакия Далматского" (1927). Сперва Куприн громит большевиков потом медленно отходит от политики, но не от пьянства и диких выходок. Когда приятель и ценитель его творчества не согласился, что лучшая вещь Куприна — "Гранатовый браслет", он вызвал друга на дуэль. Опустившись, почти потеряв память и волю, он уехал в СССР с женою и дочерью, весной страшного 1937 г. Умер он в августе 1938 г. Но власть имущим в СССР кое-чем послужил. Он восхвалял новых свободных советских людей, когда кругом все тюрьмы и лагеря были забиты; его восхищали и взаимоотношения между людьми. На деле же он все боялся, что и к нему подослали сексота (сообщение А. Норд). Он боялся, что ему вспомнят его статьи в газетах "Общее дело", "Последние новости", "Сегодня", "Возрождение" и особенно в "Русском времени" Б. Суворина. Но все обошлось благополучно, и писатель умер своей смертью — от рака.

Правдивости и чистоты в жизни Куприна было мало. По приезде в Москву он говорил о своем всегдашнем восхищении творчеством Горького. Но в 1912 г. в Собрании сочинений опубликованы две его пародии, и очень

острые, — одна на Бунина, а другая, еще острее, на Горького (о Мальве). Однако, как писатель, он талантлив и очень разносторонен: быт и нравы, приключения, авантюры, детские рассказы, рассказы о животных, фантастические повести и социального тона романы. Читатели его любили и раньше, и сейчас — в СССР. (См. статью К. Паустовского, т. 1 Собр. соч., Москва, 1957).

Творчество писателя делится на два периода: важнейшие произведения написал он до 1917 года, но есть высокохудожественные вещи, созданные им и в эмиграции. Из социально окрашенных, критически разбирающих формы кастовой, сословной и общественной жизни выделяются "Поединок", рассказ "Тост", "Яма", "Молох" и частью "Юнкера". К. Паустовский справедливо заметил: "Почти все вещи Куприна автобиографичны. Все мечтатели и все влюбленные в жизнь в его рассказах — это он сам". Отсюда и особое пристрастие и любовь к изображению неуравновешенных людей или социальных низов. Есть здесь, при значительной доле натурализма, бытовизма, и романтизм, тяга к выпяченному изображению, к мелодраматической лирике, к мечте "видеть общество и людей духовно преображенными". (См. А. Дынник, "А. И. Куприн. Очерк жизни и творчества". Лансинг, 1969. Там же и основная литература о Куприне).

Общерусскую славу принесла Куприну повесть-роман "Поединок". В нем описана жизнь армейских офицеров, скука, пьянство и полная оторванность от настоящей духовной жизни. На дуэли гибнет мечтатель поручик Ромашев, из-за любви к Шурочке, эгоистке и хищнице. В "Молохе" описана жизнь огромного завода. Инженер Бобров, главный герой романа, говорит постоянно о тяжелой работе людей, которые гибнут, теряют здоровье для хозяев — акционеров. Роман был популярен в 1896—1897 гг., но в художественном отношении — не самая сильная вещь Куприна. "Яма" (1903—1915) — скорее ряд очерков, чем роман. Описывается жизнь публичного дома, обличается проституция, но нет ни глубины психологического анализа, ни верности тона в сентиментальных тирадах автора. Гораздо выше и цельнее рассказы о Балаклаве и ее рыбаках — "Листригоны" (1907—1911), рассказ о лошади — "Изумруд" (1907), рассказы "Белый пудель", "Черная молния". Теме большой любви посвящены "Гранатовый браслет", "Олеся" и особенно удавшаяся переделка "Песни песней" — рассказ "Суламифь" из библейских времен. Очень характерна одна сцена в воспоминаниях Н. Телешова: "Заехав ко мне, А. И. Куприн не застал меня дома и в ожидании целый час проговорил с моей женой. Когда я вернулся, он сказал: "Вот славно мы без вас побеседовали! Теперь ведь куда не придешь, везде один разговор — "Ах, Бунин! Ах, Андреев!" А мы хорошо и с удовольствием поговорили о лошадях". Пьяниц и животных Куприн умел описывать талантливо и ярко.

В своем эмигрантском творчестве Куприн уже хвалит прошлое, крепость бытовых условий: "Извозчик Петр", "Однорукий комендант",

“Елань” (1929), “Юнкера” (1933). Но самым лучшим произведением заграничного периода можно считать повесть “Жанета” (1933). Главный герой ее — стареющий профессор эмигрант Симонов. В нем жила особая любовь к детям, радость от созерцания их игр, их умилительной беспомощности. Профессор в эмиграции тоскует и медленно опускается. И вот, в его жизнь входит нежная, отцовская по тональности, любовь к шестилетней французской девочке. Описано некое беспомощно-расслабленное, трогательное сердце человека, уже перешагнувшего за цельность и силу жизни и ее утверждения. Все просто и так печально в бытии одинокого человека, мягкого мечтателя, без родины, без корней и фактически — без друзей.

По мастерству, по вкусу и чувству меры, попросту по художественности Куприну далеко до Бунина. Но для рядового русского читателя он понятнее, ближе и, если хотите, интересней великого мастера русской прозы. Популярность была и осталась, а за гуманность, животную и крепкую любовь к жизни, к тем, кто сир и слаб, его любят. Все его грехи, слабости и даже пороки не помнят, да и не знают, увлекаясь чтением рассказов о живой жизни.

И. БУНИН

Иван Бунин (1870—1952). Наиболее интересное и полное освещение особенностей поэта и писателя дано в книгах И. Ильина и А. Волкова³¹. Писатель происходил из обедневшего, но старого дворянского рода. Поэт, переводчик, член Академии наук с 1909 года, как и Леонид Андреев, сразу отвернулся от революции и Октября. В молодые годы был близок по духу к левым течениям и убеждениям своего брата Юлия. Свое отношение к грубости и жестокости большевистского переворота яснее всего выразил в произведении “Окаянные дни” (Собр. сочин., изд. Петрополис, 1935). Но действительной нравственной стойкости в Бунине не было. Он после 1945 года посетил Посольство СССР в Париже, позднее в письмах к Марку Алданову ясно выразил свои колебания — ехать или не ехать в СССР. Его соблазняла надежда печататься на родине. Но искренним и духовным возвращенцем Бунин никогда не был. Лучшие свои вещи он написал именно в эмиграции, где в 1939 году получил и Нобелевскую премию. Во Франции он создал “Митину любовь” (1925), сборник чудесных рассказов “Божье древо” (1931); “Жизнь Арсеньева” (1930) и ее продолжение “Лица” (1939), повести и рассказы: “Темные аллеи” (1946), “Воспоминания” (1950) и ранее к ним примыкающую во многом книгу — “Освобождение Л. Толстого” (1937). Последним трудом И. Бунина была его книга о А. Чехове (1955), к сожалению, не оконченная.

Зарубежная русская критика, признавая огромный талант Бунина,

писала по-разному об этом классике чеховских и тургеневских традиций. Так, писатель и философ, профессор Ф. Степун упрекал Бунина за упрощенность и отсутствие в его произведениях сложной проблематики жизни, за почти исключительное внимание и интерес к описаниям. Профессор искусствовед В. Вейдле восторгался особенно *“Жизнью Арсеньева”* и тем, что в ней дано *“созерцание жизни вневременным авторским “Я”*. Находил и сближение в этом отношении с *“Поисками потерянного времени”* М. Пруста. Критик И. Тхоржевский отмечал у Бунина некоторую холодность, сухость гения. Г. Адамович хвалил жизненную силу творчества писателя и ставил его выше А. Чехова по художественности. Проф. П. Бицилли подчеркивал две главные темы у Бунина, Жизнь и Смерть, и считал Бунина правдивее, реальнее самого Л. Толстого. В. Вейдле (а с ним согласен и Г. Струве) указывал, что у писателя *“лирическая”³³ стихия пронизывает от начала до конца повествование, растворяет в себе все вещественное содержание его”*. Как художник Бунин увлекался и темой эротики: *“Ида”*, *“Темные аллеи”*. Он часто изображал чувственность, губительную плотскую страсть. Настоящих, в строгом смысле, романов он не писал, а все сосредоточено вокруг впечатлений *“Я”* художника слова.

Бунин начал свой литературный путь стихами 1887 г. *“Над могилой Надсона”*.³⁴ В своих стихах классического, пушкинского тона Бунин — поэт исключительно сдержанный, нет у него внешних и звуковых украшений. Выступает четкость, сжатость мысли, сила ровного, без выкриков, голоса его музыки, мастерство описаний, и часто чувствуется если не светлая, то как бы прозрачная грусть и гармонический аполлонизм. За сборник стихов *“Листопад”* Бунин получил *“Пушкинскую премию”* (1901). В последнее время советская критика отметила связь поэзии нашего лауреата с А. Пушкиным, А. Фетом и А. К. Толстым. Она стала замечать блеск и точность эпитета, например, *“атласный блеск березняка”*. *“С колокольни сорвался первый, самый как будто тяжкий и великолепный удар”*. *“Рука тонкая, бледнолазурная и от перчатки немного как бы в муке”*. После смерти писателя свободнее заговорили в СССР о том, что он классик, что у него надо учиться лаконизму и пластичности изображения внешнего мира. Вспомнили слова М. Горького о *“лучшей по стилю прозе”* и т. п. С другой стороны подчеркивается в его дореволюционном творчестве и изображение вырождения усадебного дворянства — *“Суходол”* (1911), *“Деревня”*, где есть оттенки и натуралистического стиля в его *“парчевом языке”*. Среди рассказов писателя выделяется критика современной капиталистической цивилизации — *“Господин из Сан-Франциско”*.³⁵

Несомненна для всех читателей Бунина за границей ли, в России ли, исключительная художественность описаний, сжатость и сила словесного искусства творца *“Жизни Арсеньева”*. Не хуже, а еще лучше И. Тургенева и Л. Толстого сумел Бунин описать красоту и мощь русской песни — *“Косцы”*. Блистательно говорит писатель о своей нетерпимости к пошлости в жизни и любви. Социальные темы не интересуют, как правило, нашего

художника, а красота, любовь, страсть, страдание и смерть. Бунин сказал, что более всего жалеет о своем рождении и жизни во времена Сталина и Гитлера: "У Ноя был только один хам. А теперь?!". Об этом и о его описаниях русской революции, большевизма и жестокого хамства избегает говорить даже И. Стерлин в своей книге "Иван Алексеевич Бунин". (Липецк, 1960 г.). Нашего лауреата как писателя исключительно высоко ставили К. Паустовский, К. Федин, а Е. Дорощ³⁶ посвятил писателю трогательную статью. Как мы уже заметили, об умерших эмигрантах легче пишется в СССР, чем о живых.

Хочется закончить о Бунине словами его и моего друга и большого писателя — Б. Зайцева:³⁷ "Перед войной случалось иногда бывать на юге Франции — в Грассе жил Бунин... Мы гостили у Буниных, и довольно подолгу. Хорошие дни. Солнце, мир, красота. Внизу в кабинете своем, рядом со столовой — Иван. Выбежит в столовую, когда завтракать уже садимся, худой, тонкий, изящный, с яростью на меня посмотрит, крикнет: "Тридцать лет вижу у тебя каждый раз запятую перед "и"! Нет, невозможно!.." Он мне нравился эстетически, художнически... Да, взыскательным художником он был, конечно. В Грассе под провансальским солнцем написал он многое свое основное: "Жизнь Арсеньева", "Митину любовь", "Цикады"... Так улетело теперь и все то, прошлое, далекое. Горестно представить себе предсмертные годы Ивана Алексеевича (только что прочел о них), ужасно грустно".

Два завета писателям оставил И. Бунин и оба в стихах:

Будь щедрым, как пальма. А если не можешь, будь
Стволом кипариса, прямым и простым, — благородным.

и

Молчат гробницы, мумии и кости —
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена,
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Искусство писать у Бунина заключается прежде всего в выборе лучших слов в их лучшем порядке: ночь и полный высокий месяц. Лужи кругом, и вот, перед выездом героя рассказа, "лошадь копытом разбила луну" в черной глади воды. В другом рассказе опытный старый доезжащий повествует о прежней барской охоте, описывает собак, как гонят они зверя, а потом, убив его, охотники "став на крови", вопят в упоении успеха: "Выпьем, други, на крови!" Или, в кратком этюде уже не о старой Рос-

сии, а о Париже, присутствует при отпевании и кремации молодой женщины. И вот, тихое движение неслышно откатываемого гроба, молчание, музыка... А потом — от всего, что было человеком, осталась горсточка пепла.

Л. АНДРЕЕВ

Леонид Андреев (1871—1919). Художник ночи. "Тяжкая душа, израненная и больная", — скажет о нем друг его Борис Зайцев.³⁸ Никто лучше не изобразил нам облик и самую душу Л. Андреева, чем автор "Москвы". И кажутся топорно аляповатыми страницы историка литературы А. Волкова,³⁹ те, где он пишет об Андрееве: "Так было" — пасквиль на революцию. Автор утверждает здесь мысль, что существо всякой революции заключается в замене одной тирании другой". А. Волков не может допустить, что автор "Рассказа о семи повешенных" и "здесь ограничивает себя отвлеченной темой человека и смерти". Андреев был во многом сроден с Э. По (Poe). "Иногда он дописывался до галлюцинаций... Его развязанное (хаотическое) подсознание всегда стремилось в ночь, таков его характер; но устремление это было подлинным, и его не без оснований ставили рядом с Эдгаром По, которого он знал, любил. Он нравился ему за то, что говорил о Ночи... *"Жизнь человека"* была первая его символическая трагедия, в чертах схематически-условных обнимавшая жизненный путь и судьбу "человека вообще". Это вещь роковая для него... с душевной, и писательской, и человеческой судьбой Андреева связана она неразрывно... Кончилась молдость Андреева, возросла схема, патетизм и яснее означился надлом в душе его", — пишет Б. Зайцев.

Автор этого обзора русской литературы помнит в своем раннем отрочестве бархатную тужурку и особый галстук, и широкополую шляпу Андреева. Как-то раз спросил я профессора М. Чубинского в присутствии гостей: "Скажите, кто самый большой русский писатель?" — "Самый великий из живых — Лев Толстой, а самый славный и модный — Леонид Андреев". Кто бы теперь мог подумать о таком ответе! Но крупным талантом, со склонностью то к импрессионизму, то к экспрессионизму и даже к своеобразному декадансу, Андреев был и таким останется в русской литературе XX века. Одна повесть "Жили-были" обеспечивает ему это с полным правом. Андреев загнал, как скаковую лошадь, свой талант. Умер рано, истощив свое сердце, убив его алкоголем, куреньем и бессонными ночами. Поздно, слишком поздно понял писатель радость жить, радость жизни — простого бытия человека в Божьем мире.

В предсмертном дневнике он записал: "Хочется — даже не жить, а просто быть... Сейчас захотелось молиться. Но как? Но кому? Какими словами?.." Понял он поздно: "Как-то случилось, что я наповал ухлопал свою личную жизнь. Когда не работаю, так абсолютно нечего делать, скука и

пустота". (Читал в зрелости Андреев мало). А начало карьеры было счастливым, как и первая женитьба на А. Виельгорской. Андреев вошел в литературный кружок Москвы "Среда", там бывали Иван и Юлий Бунины,⁴⁰ В. Вересаев (Смидович), А. Чехов, М. Горький, В. Короленко, В. Брюсов, Б. Зайцев, К. Бальмонт — цвет тогдашней литературы. Но вскоре, через несколько лет, все изменилось. В 1907 году, после смерти жены Александры, он писал Б. Зайцеву: "День мой, каждый мой день и каждая ночь — до краев налиты тоской... И все о том же, о той же — Шуре и ее смерти". Женившись вторично, Андреев жил бурно: душа была "смятена славой, богатством, жаждой допить до конца кубок жизни... Он ненавидел публику и поклонялся ей". Жил на нервах, жил в воображаемом мире фантазмагорий. Сам о себе сказал: "Я не делаю из этого теории, но для меня воображаемое всегда было выше сущего... Ведь все эти, кого мы любим и считаем настоящими друзьями, Данте, Иисус, Достоевский, существуют только в воображении нашем, во второй действительности, во сне". Публика постепенно охладевала к писателю ужасов и безысходности: "Хаос, торопливость и несдержанная пылкость слишком видны в его писании" — Б. Зайцев. Срывы и взлеты — во всем написанном Л. Андреевым. Написал же он немало. Сперва это фельетоны, репортаж, потом, с 1898 года, рассказы, повести, драмы: "Большой шлем", "Город", "Призраки" (о жизни буржуазии и городской бедноты). Часто герой — жалкая жертва общества. Постоянно звучат и скептические ноты: "Стена" (1901), "Мысль" (1902), а порой и сочувствие революционности: "Марсельеза" (1903), "Иван Иванович". В "Рассказе о семи повешенных" террористах (1908) сильно влияние Л. Толстого и очень мало революции. В повести "Жили-были" — влияние импрессионизма и экспрессионизма, описание ужасов войны с Японией. Во многих других произведениях Л. Андреев пытается разрешить противоречие жизни, социальные и чисто духовные проблемы жизни общества и индивидуума, на почве пацифизма, прощения, скорби и осуждения насилия. Часто протест и бунт революционеров оканчиваются у него душевным их сломом, и звучат искренние ноты пессимизма: "Тьма" (1907), "Сашка Жегулев" (1912). В "Жизни человека" говорится и о бессилии разума, о власти над сердцем иррациональных сил. "Черные маски" и "Анафема" имеют во многих местах текста влияние Ф. Достоевского. Очень реальна, однако, драма из студенческой жизни "Дни нашей жизни" и о душевном кризисе человека — "Тот, кто получает пощечины" (1916). Герой находит истинную человечность только среди цирковой богемы. Еще в 1913 году вышло собрание сочинений Л. Андреева в восьми томах. Последние произведения Андреева "Записки сатаны", о войне, полны гибели, зла, безумия войны и жестокости революции.

После октября Л. Андреев, уже в Финляндии, издает свой знаменитый памфлет — призыв на помощь — "S. O. S.". Террор и кровь революции ему невыносимы. В этом кратком произведении вспыхивает вновь, при последнем трепетном свете таланта, патетика, резкость контрастов и ощу-

тимая сердечная боль доброго сердца писателя. Вскоре сердце его остановилось. В последнее время в Германии, Франции и в СССР возник интерес к технике и идеям драм Л. Андреева.

И. ШМЕЛЕВ

Иван Шмелев (1873–1950), из семьи московского плотника. До эмиграции, еще в России, вышло восемь томов его рассказов и повестей, а в 1918 году издана "Неупиваемая чаша". В России же появилось "Это было" в 1922 году. В дореволюционной России Шмелева называли "художником обездоленных", "Великой душевной силой",⁴¹ а его патриотизм и любовь ко всему русскому восхищали очень многих читателей. М. Горький писал Шмелеву: "Вы так хорошо — горячо, нежно и верно — говорите о России — редко приходится слышать такие песни в честь ее, и волнуют они меня до слез".

Действительно, во многих произведениях Шмелева есть пронзительная грусть, трогательность и своеобразная нежность. Нередка и волнующая прямая речь негодования, скорби и гнева. В повести, переведенной на многие языки, — "Солнце мертвых" (1923) рассказано о страданиях людей в Крыму, где коммунисты расстреляли сына писателя. Природа — это одно, другое — злоба, голод, расстрелы: "Это солнце смеется, только солнце! Оно и в мертвых глазах смеется". Обращаясь к большевикам, автор этой повести горестно восклицает: "Новые творцы жизни, откуда вы? С легкостью безоглядной расточили вы собранное народом русским! Осквернили гроба святых... Рвете самую память Руси, стираете имена — лики. Самое имя взяли, пустили по миру безымянной, родства не помнящей. Эх, Россия! Соблазнили тебя какими чарами? Споели каким вином?"⁴² Недавно, в 1968 году, профессор Вейдле выпустил книгу о России "Безымянная страна", словно ответ уже покойному Шмелеву. Заграничный период жизни Шмелева начался в 1922 г. до его смерти в 1950 г. За этот период он дал большое число новых книг и сборников рассказов. Среди всех писателей эмиграции, а может быть, всей России, Шмелев являлся самым признанным мастером "сказа". Сказ есть искусство повествования, рассказа от лица героя со всеми особенностями устного говора. Это так, как если бы не Сервантес писал о приключениях Дон Кихота, а говорил бы только Санчо Панса. В России мастерами сказа были В. Даль, Н. Лесков и М. Зощенко.⁴³ В искусстве сказа важны не только события, чувства, но и "лицо" рассказчика, его индивидуальность, отраженная в стиле, лексике и синтаксисе. Шмелев особенно любил Москву, где провел детство в семье подрядчика-плотника. Проф. К. Мочульский⁴⁴ хорошо это подметил: Москва прошлого века — "богомольная и хлебосольная, разудалая и благолепная. Крепкий строгий купеческий быт; несколько несложных, но незабы-

ваемых лиц... Справедливый хозяин, смиренный, святой плотник Горкин... Бывший человек — барин Энтальцев. На втором плане — рабочий люд: плотники, пыльщики, водоливы, кровельщики, маляры, ездоки, купцы и их шустрые ребята, монахи... В глубине праздничная толпа, заливающая московские улицы" по праздникам. Исключительно удачен сказ писателя в романе "Няня из Москвы", где няня не только говорит, но и действует, оценивает и описывает. Няня и помогает найти счастливую долю своей дорогой подопечной — Кате. Язык и стиль Шмелева рано обратили на себя внимание иностранцев: М. Aschenbrenner, *Ivan Schmeljow. Leben und Schaffen*. Königsberg und Berlin (1937). Проф. Ван Вейк включил Шмелева в свой курс русской литературы в Лейдене и в Амстердаме. Даже в СССР перепечатаны некоторые главы из "Лета Господня", под заглавием "Из прошлого", в журнале "Новый мир" № 1, М., 1964. В 1966 г. изданы в Москве "Повести и рассказы". Советский критик О. Михайлов в предисловии восторгается языком Шмелева: "Но язык, язык... Без преувеличения, не было подобного языка до Шмелева в русской литературе"... и т. д. Из критиков и писателей зарубежья интересна оценка проф. И. Ильина, подчеркивавшего русскость, народность духа писаний Шмелева о Замоскворечьи. А член Французской академии А. Труайя указывал на духовную, общечеловеческую сторону в книгах Шмелева "Лето Господне" и "Богомолье": "Движение солнца в небе сопровождается движениями внутреннего солнца души... Иван Шмелев, сам того не сознавая, ушел дальше своей цели. Он хотел быть только национальным писателем, а стал писателем мировым". ("Русская мысль" № 491, Париж, 1952). "Лето Господне" (1933) описывает в сорока одной главах годовой круговорот и его церковные праздники. Три круга намечены очень ясно: дом, церковь и Москва с ее купечеством, мастерами, духовенством, трактирщиками и даже юридивыми. В стиле и духе простонародного толкования дается смысл каждого церковного праздника устами плотника Горкина. Ценно в книге особенно ясно представленное религиозное чувство ребенка шестилетнего возраста. "Богомолье" (1935) рисует нам опять же верующего плотника Горкина и ряд других лиц, идущих помолиться в Лавру Преподобного Сергия. Это своеобразное паломничество пестрой группы взрослых и детей. Описаны правдиво и ясно комические, грубые и трогательные ситуации и приключения "на святой дороге", ибо люди всегда, и в богоугодном паломничестве, — только обычные люди.

И. Шмелев начал свою карьеру в дореволюционной России. Был близок к левым кругам. Его "Человек из ресторана" написан под влиянием Чехова и частью Достоевского. Революция, Октябрь, открыла писателю другие горизонты. "Солнце мертвых", "Про одну старуху", "Свет разума" (1928), "Родное", "История любовная" (1929). Это и упомянутые "Няня из Москвы", "Лето Господне" и "Богомолье" — лучшее, пожалуй, из творчества писателя. "Пути Небесные" частью аляповато-фантастичны, а "Иностранец" и "Солдаты" — не окончены.

А. РЕМИЗОВ

Алексей Ремизов (1877–1957). Выехал из СССР в 1921, умер в бедности в Париже. Более известен на Западе, чем многие другие эмигранты-писатели. Влияние же его в прошлом, до революции и до конца 1920-х годов, заметно более всего в России у прозаиков нового направления: Е. Замятин, Л. Леонов, Б. Пильняк, К. Федин и другие. М. Пришвин говорил, что было время, когда "У А. Ремизова была настоящая студия, как у художника, была настоящая школа; к нему ходили, читали свои рассказы, и многим он так исправлял их, что трудно было узнать потом, что от учителя, что от ученика". Большой поклонник учения антропософа Рудольфа Штейнера (1861–1925), духовно он никогда от него не мог освободиться, несмотря на постоянный писательский свой метод сравнительного сопоставления, искания народного стиля древнерусской речи и всяких опытов с неологизмами. Сам он сказал писательнице Н. Кодрянской: "Веду свое от Гоголя, Достоевского и Лескова. Чудесное от Гоголя, боль от Достоевского, чудное и праведное от Лескова". Влияние всех трех налицо в произведениях Ремизова, но особо стоит Р. Штейнер. По утверждениям этого оригинального философа, архитектора и общественного деятеля, высшее знание и познание сути вещей и мира некогда у человечества было сознанием сновидческим, "сонно-сознанием". Через открытие в себе высшего человеческого "я" возможно и теперь постижение и проникновение в особый духовный строй мира. Сны, входящие в явь, явь, смешанная со сновидениями, постоянны во многих произведениях Ремизова. Сон дает истинное, более яркое знание, чем бодрствующий ум.

Уехал писатель из СССР в 1921 г. с верным своим другом и чутким критиком — женой Серафимой Павловной. Живя в Париже еще не бедно, он много писал и создал книг больше, чем до того в России. Серафима Павловна читала лекции по палеографии в Школе восточных языков С болезнью жены стало трудно жить, а смерть ее в 1943 г. совсем удручила писателя. Приходилось вести нищенское существование. Умер он почти слепым, узнав о гибели дочери в СССР. В жизни, говорили мне хорошо знавшие Ремизова, он постоянно шутил, шалил, бедокурил, безобразничал, кривлялся и мистифицировал. Играл он в старости в придуманный им "Орден Обезьянней великой вольной палаты", что давала дипломы и разные "почетные" грамоты и звания, а грамоты и дипломы подписывал выдуманный царь обезьян Асыка собственным хвостом. Часто писатель слово сам убеждал себя в реальности им вымышленного, в том, например, что из вентилятора в комнате "все вываливаются и вываливаются колбаски". Проф. Е. Ляцкий говорил мне, что он сам просто стал в тупик, верит ли Ремизов в жизнь настольной лампы и в жизнь детской игрушки, или это мистификация, шутка и кривлянье. В книгах "Пляшущий демон", "Мышкина дудочка", "Подстриженными глазами" смешаны сон и действительность, правда и выдумка горячей фантазии. За свою жизнь Ремизов

напечатал свыше восьмидесяти книг. "Сновидения — дар вечной молодости. И какое несчастье родиться без снов", — сказал наш писатель. Он считал, что о человеке, о его жизни давно все сказано, а в литературе все дело в силе слова и словесного ряда, т. е. — "в воле, вере и в огне слова. Огонь слов, огонь вещей, огонь памяти — воображение, пламень, пламень чувств и ритм в словесном выражении", — книга "Петербургский буерак".

Особое внимание посвящается и просто юродствующему слову в языке. XV и XVI века русской письменности и фольклора чрезвычайно интересовали Ремизова. Однако надо сказать, что часто у него слова нарочитые да и смысл им дан автором по-своему: космическую силу, слияние миров называет Ремизов ОСУД. В русском языке это слово значило некогда осуждение, приговор. В современных диалектах "осуд" — хула, порча, осуждение. Но у Ремизова осуд внезапно делается однозначным сербскому слову "усуд" — фатум, судьба. "Злыдни" у писателя — сон, кручин. "Злыдни" по-русски — голод, година бед, а иногда насилие и пакости. И это слово писатель толкует так, как ему угодно в данной фразе. Ремизов — писатель экспериментатор, часто сумбурный, но яркий, сложного состава. Горят его краски в хитрой вязи слов. Многие книги Ремизова переведены на разные языки, в том числе даже на японский. Последняя книга мастера хитроумного слова, "Круг счастья", издана в 1957 году.

М. АРЦЫБАШЕВ

Михаил Арцыбашев (1878–1927). Особым блеском таланта не отличался, но стал очень известным в дореволюционной России прежде всего как автор эротического романа "Санин" (1907). По теперешним понятиям это вовсе не порнография, но в начале XX века многим показалось и рискованным, и смелым изображение безудержного полового инстинкта, распушенность героя и почти что проповедь аморализма в жизни человека без ясных политических идеалов — Санина. Нечто в судьбе Арцыбашева и в развертывании его литературной деятельности напоминает мне судьбу Сергея Малашкина (р. 1888), члена компартии еще с 1906 года. Арцыбашев начал свою карьеру с 1901 года, охваченный настроением крайне левых партий, — "Бунт", "Смех", "Кровавое пятно", "Человеческая волчица" и др. К 1908 году он увидел на основании попытки революции 1905 г. опасность переворота, он стал писать остро критические вещи о революции и революционерах: "Рабочий Шевырев", "У последней черты". Но и в них немало грубого натурализма и эротики. После октябрьского переворота 1917 года эмигрировал в Польшу, где совместно с Д. Философовым издавал в Варшаве газету "За Свободу".

Советский писатель Сергей Малашкин начал со стихов — сборник "Мятеж" (1920) и другие — все в стиле и духе "Пролеткульта". Они были

встречены похвалами В. Брюсова. Позднее Малашкин рисует эротические сцены и смакует их в духе Александры Коллонтай (1872—1952) — “Любовь пчел трудовых”, “Дорогу крылатому эросу!” (1923). Малашкин стал известен своими повестями “Луна с правой стороны, или необыкновенная любовь”, “Шлюха” (1929) и др. В этих произведениях им была поднята тема нравственности советской молодежи, свободной любви и полового наслаждения. В повести “Больной человек” писатель рискнул показать отрицательные стороны жизни в СССР. Вскоре он получил строгое внушение от партийной критики, и с тридцатых годов его перестали печатать вообще. Уже после войны, в 1956 году, вышел его роман “Девушки” — о молодежи во время войны, и еще один, тоже посредственный роман — “Крылом по земле” (1963). Я коснулся здесь Малашкина, так как он, видимо, был под влиянием дореволюционных произведений Арцыбашева.

Б. К. ЗАЙЦЕВ

Особое место среди писателей зарубежья занимает Борис Константинович Зайцев (1881—1972). Родился в г. Орле, в той губернии центральной России, где родилось сердце русской классической литературы. Дворянин, с юности либерал-демократ, “тишайший из всех эмигрантский писателей”, более всего любивший Россию и православие, поклонник Рафаэля, Флоренции, Италии и Данте. Избран в 1921 г. председателем Союза русских писателей в СССР. В 1922 эмигрировал за границу. Умер в Париже. Талант Б. Зайцева был еще в 1901 году замечен А. Чеховым и В. Короленко. Стиль и содержание, манера жить, говорить и творить у этого художника совершенно свои, чуть грустно-мягкие, не бурные, благожелательные и во всем правдивые. У творческой колыбели писателя — Чехов, а у него немало черт импрессионизма. Влияли и другие классики: Тургенев, Толстой и особо ценимый Достоевский. Есть в ряде вещей молодого Зайцева легкий след импрессионизма в художественной манере. Такие же черты находит в “своеобразных психологических этюдах-рассказах” и советский критик П. Палиевский.

Еще в 1907 г. А. Чеботаревская назвала стиль Зайцева “мягкой акварелью”.⁴⁶ Тишина и звезды входят, как некие спутницы, во многие произведения Зайцева. Есть в веянии тихости, величия звездных пространств и некая умиротворенная ласковость. Фразы кратки, иногда состоят из одного слова. Герой повести “Тишина” сидит и наблюдает: “Какая тишина. И какой мир. Какой отблеск неземной... ‘Господи, хорошо нам здесь быти... сделаем три кущи’. Глеб не думал, да и не посмел бы подумать так. Но откровение природы не мог не ощутить”. И в последней книге Зайцева “Река времени” (1968) два из трех разделов связаны со

звездами: "Голубая звезда" и "Звезда над Булонью", а в этом же разделе рассказы "Мир", "Появление звезды" и "Молчание". Из окна своего пятого этажа бедной квартиры, старый писатель приветствовал сходящую на землю ночь. "Это моя союзница. Мой друг. Ночь закрыла всю некрасоту. Темная влага, в ней золото огней. Направо, со стороны возвышенности Иссы, огни мерцают отдаленно, мелко. Вблизи ярче, веселее. *Но дай им Бог блистать всем, кто как может. Они являют тоже мир, свидетельствуют о жизни*".

С трогательными словами обратился художник и мыслитель к советской молодежи в 1960 году:⁴⁷ "Юноши, девушки России, несите в себе Человека, не угашайте его!.. Пусть думает он и говорит своими думами и чувствами, собственным языком, не заучивая прописей, добываясь освободиться от них. Это не гордыня сверхчеловека. Это только свобода, отсутствие рабства. Достоинство человека есть вольное следование пути Божию — пути любви, человечности, сострадания". В эмиграции Б. Зайцев написал немало духовных, озаренных верою вещей: "Алексей — Божий человек", "Преподобный Сергей Радонежский", "Сердце Авраамия", "Афон" и частично "Дом в Пасси". Я спросил как-то в письме об истоках веры, простой, как у Л. Пастера. Ранний Зайцев — чуть-чуть эстет, пантеист, а зарубежный — искренно и тепло верующий. Я писал: люди разные. Одни религиозными рождаются, верующими становятся, конфессии же просто обучаются. Писатель в дружески теплом письме ответил, что скорби, ужасы войны и особенно жестокости революции "сдернули завесу с ума" и болью сердца осветили душу.

Писатель потерял многое в жизни. Сперва Родину и родных, потом горячо любимую жену. Но не роптал. Как-то он назвал себя "счастливый-несчастный". Было в художнике много преображенной доброты и тихого смирения, но не смирения перед злом и злыми. Умел отойти от зла и "сотворити благое". Кроме большого таланта, силы преображающей мир настоящего искусства слова, Зайцев обладал и юмором, мягким и чуть грустным. В книге "Далекое" — воспоминания о России и ее писателях — вот как он рисует молодого взбалмошного К. Бальмонта. Был поэт "победоносно капризен и властен... Поэт желал бы читать свои произведения не в этой будничности /т. е. квартире Зайцевых/, но среди роц и пальм Таити или Полинезии. — Но откуда же нам взять роц и пальмы, Бальмонт? — Мечта поможет нам. За мной! — И он ловко нырнул под стол. Волошину⁴⁸ было трудно, он и тогда склонен был к тучности, дамы проскочили со смехом, по-детски. Но Борис /т. е. сам Зайцев/ не пошел... Я не помню, что он оттуда читал. Но что я не полез в эти 'роцци' он запомнил".

Представьте себе еще тихие времена в России, в Москве-матушке. В Спасо-Песковской квартире стол молодого писателя. И вот прямые ножки стола должны стать стволами пальм Полинезии, полутемнота под столом от спущенной скатерти — чем не тень зыбких пальм? За этой

сценой Зайцев дает краткое описание смерти Бальмонта во Франции в 1942 году. Вспоминает трогательно и Бориса Пастернака,⁴⁹ говорит "О родной земле жестокой родины". Видит духовно и похороны поэта. "В открытом гробу несут на плечах его, как носили в русской деревне покойников в моем детстве. Русские лица, русские лесочки, березы, мимо которых проходила процессия, русский деревянный мостик... все это пронзает. Медленно, но в любви и без серпа и молота, подвигается Пастернак к Вечности... Из Москвы прислали моей жене два снопики овса, совсем маленьких, с могилы Пастернака. Оба они лежали у нас под иконами. Славные знаки памяти и любви... Наша земля взрастила его, Пастернака, как и этот смиренный, иссохший овес".

Б. Зайцев написал много и о многом: пьесы, рассказы, романы. "Аграфена" (о жизни крестьянки), "Дальний край" (о революции 1905 г. и смилившейся стихии); блестящий перевод "Искушения Св. Антония" Г. Флобера (1907), "Ад" — прозаический перевод части "Божественной комедии" Данте (1961), "Золотой узор" (1926), "Москва" (1939), "Путешествие Глеба" (1937), "Тишина" (1948), "Юность" (1950), "Древо жизни" (1953) и другие. Прекрасно написаны художественные биографии: "Жизнь Тургенева" (1932), "Жуковский" (1951), "Чехов" (1954). Революция и ее ужасы отразились в "Улице Св. Николая" (1922) и особенно художественно в "Золотом узоре". Но везде писатель избегает грубого, шумного, ярко плакатного. Искусство Зайцева стремится от земного, низменного подняться ввысь. Оно прозрачно и вместе с тем обладает большой силой духовного преображения действительности. Святые души, святость как осиянность сердца любовью влекли к себе писателя. Чтение его произведений как бы очищает наше сердце. Переводить Зайцева, как и Шмелева, и Бунина, очень трудно. Все очарование в нюансах русского языка и его особой мелодике слов и фраз.

М. А. АЛДАНОВ

Краткая литературная энциклопедия (Москва, 1962, т. 1) говорит: "Алданов Марк (псевдоним, настоящее имя Марк Александрович Ландау) рожден в 1886 г., в Киеве, умер в Ницце в 1957 г. За рубежом опубликовал исторические романы, увлекательные по сюжету, но поверхностные и реакционные по содержанию, составляющие единый цикл, охватывающий события русской и западноевропейской истории от середины 18 века до середины 19-го... Романы о русской революции ("Ключ", "Бегство", "Пещера") проникнуты враждебным к ней отношением и рисуют исторические события предвзято и искаженно".

На самом же деле М. Алданов — один из самых талантливых и объективных исторических романистов,⁵⁰ превосходящий и как писатель, и

как эрудит В. Соловьева, Г. Данилевского и даже А. Толстого. По специальности химик, Алданов после тридцатилетнего возраста занялся историческим романом и имел большой и заслуженный успех. Некоторые из его романов переведены в общей сложности на двадцать четыре иностранных языка, он был кандидатом на Нобелевскую премию. Одна же его работа по химии принесла ему и денежную премию.

Известны три книги этого эрудита, выпущенные до эмиграции в 1919 году: "Законы распределения вещества между двумя растворителями"⁵¹ (1910), "Толстой и Роллан" (1915) и "Армагедон" (1918) — о революции. Писатель в молодости примыкал к умеренным русским социалистам и лишь опыт 1917 года, видимо, охладил интерес к личному участию в политике, внес долю горького скепсиса в его творчество и мироощущение. Алданов написал и ряд рассказов, политических и философских характеристик — "Современники" (1928), "Портреты" (1931) и др., философскую книгу о Декарте и проблеме случая в истории — "Ульмская ночь". Алданов, говорят, любил изречение Анатоля Франса: "Все возможно, даже торжество добра". Но все же он полагал, что в истории чаще всего действует случай. Основное, важнейшее художник — мыслитель и историософ — дал в своих исторических романах. Это в сущности целая цепь, где каждое звено сцеплено одно с другим силой течения времени.

В методе обработки материала Алданов следовал Стендалю ("Ремесло романиста — познавать причины человеческих поступков") и Л. Толстому, но без предвзятости последнего. Важны в ткани романа "действие, характеры, стиль... Искусство исторического романа сводится (в первом приближении) к 'освещению внутренностей' действующих лиц и к надлежащему пространственному размещению... при котором они объясняли бы эпоху и эпоха объясняла бы их". Алданов нам представил в шестнадцати романах эпоху с 1762 до 1953 года, где события в России и Западной Европе переплетены в сложный узор. Особое значение имеют романы "Истоки", "Самоубийство", "Ключ", "Бегство", "Пещера", "Начало конца", "Живи как хочешь" и "Бред". В этих романах прослежен путь русской истории с 1870 годов и подготовка в ней, в истории и психологии людей, революции и ее последствий. Поразителен размах и знание эпох у Алданова. Для западноевропейцев, пожалуй, ближе всего романы "Десятое термидора" и "Святая Елена, маленький остров" — о последних днях Наполеона и о тщете всего земного (1921). Как эпиграф-заставка ко всей книге: "В школьной тетради Наполеона от 1788 г. ...занесены рукой будущего императора следующие слова: *Sainte H el ene Petite  le*. На этом месте запись в тетради обрывается".

Несколько выдержек дадут понятие об этой книге Алданова. "Однажды в раннем детстве Сузи Джонсон услышала от своей матери, что впредь к обеду больше не будет подаваться пуддинг. Сузи заплакала от горя. — *My little darling*, — сказала ей нежно и наставительно мать, — надо терпеть

и экономить. Во всем виноват злой Бони, который устроил дорогой Старой стране континентальную систему". А потом дела этого Бони пошли плохо — "его бьют русские. Сузи тотчас осведомила о русских и узнала, с некоторым страхом, но и с удовлетворением, что это хороший народ, который живет в снегу с медведями, ест сальные свечки, но любит дорогую Старую страну и не любит проклятых французов..."

На острове Св. Елены гроза. "Нелегко расставалось с духом хрипящее тело Наполеона. Отзвуками канонады представлялись застывающему мозгу громовые удары, а уста неясно шептали последние слова: Армия... Авангард..." Императора покрывают шинелью времен Маренго... Читает Аббат Виньяли из Библии, из книги Экклезиаста: "Всему и всем — одно... Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим..." Аббат вздохнул опять и посмотрел искоса на мертвое тело императора. На погонах синей шинели играл бледный свет восковых свечей".

В конце книги рассказано о слуге Тоби — малайце. Ему страшны залпы. Повар рассказывает о величайшем полководце, но малаец усмехается невежеству повара, "ибо великий грозный раджа Сири-Три-Бувана скончался очень давно..." Жизнь и великого человека в описании Алданова — суета сует.

Мысли автора о прошлом, об истории сопутствуют развитию действия и в романах о современности. В романе о сороковых годах XX столетия "Живи как хочешь" разбираются и документы о казни ведьм в семнадцатом веке, а в галлюцинациях героя романа "Бред", посвященного пятидесятым годам нашего века, мелькают и сцены с графом Сен-Жерменом, жившим в XV-XVI веке, и т. п.

В ряде произведений герои поднимают вопросы о смысле и цели существования, о самой жизни, что перекликается с горькими фразами Экклезиаста в Библии. Искания Бога им почти не свойственны, большинство умных и образованных персонажей не спасаются, не выводятся автором из несколько солипсистического антропоцентризма до конца. Из женских образов Алданову, безусловно, лучше всего удалась образы преданных, добрых жен своих мужей. И, как думает один критик, к концу жизни в душе автора, при всей его способности смотреть в лицо жесткой правде, все более звучала нота мягкой снисходительности к проявлениям инстинкта доброты в человеке. И в самом деле, думает читатель, добро, душевность не ведут ли нас к счастью, а, может, — кто знает? — и к бессмертию?!

Романы Алданова полифоничны и многоплановы. Всякая нарочитость, искусственная красивость чужда мастерству художника.

В. ХОДАСЕВИЧ

Рано умер талантливейший поэт и ученый — Владислав Ходасевич (1886—1939). Кроме поэзии, он дал книги о самоповторениях у Пушкина (“Поэтическое хозяйство Пушкина”), монографию-биографию “Г. Р. Державин” и немало критических статей и рецензий. Евангельская тема о смерти в земле зерна,⁵³ которое умирает, чтобы выросла новая жизнь и дала богатый плод, близка Ходасевичу. В стихотворении “Путем зерна” читаем:

...Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.
И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

В ночи (стихотворение “Так бывает”) душа поэта летит, падает вниз на *землю*. В стихах “Хлебы”

Клянется ангел нам, что истинны, как небо, —
Земля, любовь и труд.

Сходное найдем и в его воспоминании о покойной любимой своей мамке-кормилице, простой крестьянке Елене Кузиной, что лежит в русской земле Подмосковья.

Годы бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:
Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

О Ходасевиче есть два, в сути своей противоположных, отзыва двух крупных критиков и писателей — Р. Гуля⁵⁴ и Г. Струве.⁵⁵ Вообще же о нем писали многие: неодобрительно — И. Тхоржевский, Д. Святополк-Мирский; хвалебно — В. Набоков-Сирин, В. Вейдле, Ю. Терапиано и другие. А. Белый⁵⁶ сравнивал “Тяжелую лиру” (1923) Ходасевича со стихами Тютчева и Баратынского. Но мнения Г. Струве и Р. Гуля особенно интересны. По мнению Г. Струве, Ходасевич — крупнейший поэт, “взыскательный художник”, “скупой и строгий к себе поэт”. Сборники “Молодость”

(1908), "Счастливый домик" (1914), "Путем зерна" (Москва, 1920), "Тяжелая лира" (Берлин, 1923), "Собрание стихов" (Париж, 1927) отражали мироощущение поэта — болезненно трагическое, содержащее в себе некое разочарование даже и в самой сути поэзии, в искусстве. Он видел нисходящую "Европейскую ночь". Так и назвал неизданную при жизни последнюю свою книгу стихов. Но и ранее ему грезилась беда:

Звезда на землю оборвется
И станет горькою вода.⁵⁷

И с грохотом распадется "темно-лазурная тюрьма".

Г. Струве находит, что "в сочетании пушкинской поэтики с не-пушкинским видением мира — одно из своеобразий и один из наиболее разительных эффектов поэзии Ходасевича". Он цитирует и стихи поэта, из которых привожу последнюю строфу — пройдя путь юности, а потом зрелого мастерства, поэт познает неизбежное для себя:

А под конец узнай, как чудно
Все вдруг по новому понять,
Как упоительно и трудно,
Привыкши к слову — замолчать.

Но было ли это благословением Ангела Благого Молчания? Не ведаю.

Р. Гуль хочет приблизиться к постижению основного в поэзии Ходасевича путем приближения к автору — "Через книгу — в автора" — и не книгу одну разбирать, а и самую личность поэта. Здесь мне слышится прямой отклик Сёнт-Бева.

В статье Р. Гуля важно, что это вполне сложившееся убеждение, ибо его статья пролежала лет пятьдесят, но доработана в 1972–73 годах. "Владислав Ходасевич — поэт небольшого диапазона и небольшого резонанса", — говорит критик — Р. Гуль. Однако цельность и заостренность творчества Ходасевича он признает, но видит в ней прежде всего "образец острого нарциссизма" — "поэзия его безобъектна во вне". В другом отрывке ему видится "образ поэта, пришедшего в мир стареньким мальчиком". Но Ходасевич в своей грусти, мне думается, глубже и строже. История, Горе, Смерть прошли насквозь острием его душу. А в своей жизни в Париже он был учителем многих юных поэтов, и не эгоцентрическим, а мудрым. Тематика же боли, связанной с неминуемостью смерти и мирской суетой, роднила его с глубиной державинского мироощущения.

М. ЦВЕТАЕВА

Марина Цветаева (по мужу — Эфрон) родилась в 1882 году.⁵⁸ Эта одаренная поэтесса не умерла своей смертью, не была убита, а, приехав на свою жестокую родину, повесилась в городишке Елабуга (СССР) в 1941 году. Ей не нашли лучшей работы, как мыть посуду в рабочей столовке. Дочь Цветаевой стала яркой коммунисткой, как и ее отец. Марина Цветаева последовала за дочерью и мужем, который в эмиграции стал “сменовеховцем-возвращенцем”, то есть во всем решил подчиняться коммунистической партии. Человек он был взбалмошный и нестойкий: сначала ББО — “бывший белый офицер”, потом разочарованный эмигрант и наконец — большевик. Добровольно Сергей Эфрон пошел на сотрудничество с НКВД, был замешан в убийстве Рейсса (Швейцария), убежал в СССР и вскоре “был ликвидирован”.

Надо отметить, что Цветаева о своем намерении вернуться в СССР разным людям по-разному говорила и писала: “В России мне все за поэта прощали. Здесь /в эмиграции/ мне этого поэта прощают... Здесь множества физически нет, есть группы... Не тот масштаб, не тот ответ. В России, как в степи, как на море, есть откуда и куда сказать. Если б давали говорить... А в общем просто: здесь ТА Россия, там — ВСЯ Россия...”⁵⁹ Иначе и совсем в другом тоне писала поэтесса о своем отъезде в СССР в письмах к Анне Тесковой в Чехию. Борис Зайцев вспоминает в книге “Далекое” о Марине Цветаевой: “Мы разошлись вовсе. Аля /дочь Марины и Эфрона/ обратилась в готовую коммунистку. И уехала тоже в Москву... Марина довольно долго влачила здесь /в Париже/ одинокую жизнь, от эмиграции отошла, к “тем” целиком не прикрепилась. Но в Москву все-таки уехала. Это понятно. Что было ей делать в Париже? А там муж, дочь, сын... Стихи ее приобрели предельно кричащие ритмы, пестрота и манерность в слове, истеричность и надлом стали невыносимыми... Кто из нас смеет учить кого-то, кто жизнью заплатил за ошибки? Но сказать — где правда и где неправда — мы можем. Может быть, даже должны крикнуть: — Отойдите! не дышите парами серы!” Так писал о Цветаевой Борис Зайцев в 1950 году.

В 1957 году Г. Струве и Ю. Иваск издали в Мюнхене сборник стихов поэтессы “Лебединый стан”, стихотворения 1917—21 гг. Ю. Иваск, характеризуя Цветаеву, пишет кроме всего прочего: “Легко расточать деньги (иногда, увы, чужие) — вот нравственно-эстетический кодекс *благородного человека* по рождению, и, что более всего существенно, по духу”. Читая такие сентенции, не знаю — смеяться или плакать. Очень давно, задолго до оригинального утверждения профессора Ю. Иваска, герой одной из комедий А. Островского⁶⁰ заявил своей матери — дворянке: “Я, маменька, наживать не могу, я могу только проживать⁶¹ прилично и с достоинством”.

Я встречал М. Цветаеву в кружке приятелей и поэтов, называвшемся

“Скит поэтов”, в Праге, где председательствовал специалист по Достоевскому — А. Бем. Странное впечатление производила эта взбалмошная женщина: узкая-преузкая талия стянута была кавказским тонким ремнем с набором из серебряной черни, волосы торчат и летят в стороны, чулки на тощих ногах винтом, совсем не подтянуты кверху. Руки грубы и нервные, губы часто дрожат. Туфли плохи... Помню, одна дама-патронесса говорила с доброй улыбкой о Марине Цветаевой: “Просит, умоляет, надо денег! — А у вас дети больны или нужна одежда? — Нет, я должна, должна ехать в Берлин и видеть Световой ливень! — Что?! — Разве вы не знаете, в Берлин приезжает Борис Пастернак!..”

Из молодых студентов и поэтов в Праге многие не понимали М. Цветаеву и ее мужа Сергея. Он был во “Втором студенческом союзе” (левые демократы). Почему, зная иностранные языки, имея всякие поблажки и стипендии, Эфроны не учились, не добивались дипломов? В Праге тогда и женатые и семейные учились и получали пособия. Благодаря же связям М. Цветаева до 1935 года и даже позднее получала особую стипендию от чешского правительства. Чему научились Эфроны, что умели делать?

Первые книги стихов поэтессы (дочери профессора, основателя Музея Александра Третьего в Москве) появились в 1911 и 1912 году. В эмиграции вышли четыре-пять сборников стихотворений и одна книга ее поэтической прозы. Некоторые вещи М. Цветаевой — “Царь-девица” и др. — печатались сразу в Берлине и в Москве. В Москве же издана и книга ее стихов “Версты” (1922). В эмиграцию М. Цветаева попала около 1922 года. Можно вполне согласиться с Г. Струве, что репутацию выдающейся поэтессы она получила лишь в эмиграции.⁶² Марк Слоним писал, что настанет пора “когда ее /Цветаевой/ творчество будет заново открыто и оценено и займет заслуженное место как один из самых интересных поэтических документов пореволюционной эпохи”.⁶³ Цветаевой восхищались В. Вейдле, Ф. Степун, Г. Струве, Ю. Иваск, Г. Федотов. Другие чувствовали в ее произведениях декадентско-женский эгоцентризм и некую сбивчивость тона (Г. Адамович, Б. Зайцев и др.).

Далеко не все — это признают и Г. Струве, и кн. Д. Святополк-Мирский — у поэтессы удачно. И конечно, есть и ломание, и поза, и крик, и странная противоречивая одержимость чем угодно. Порой Цветаева просто кликушествует. В поэзии ее есть то тяжелая поступь и грохот стихов Маяковского, то “танец” и опьянение собой в духе А. Белого. К Пастернаку конца двадцатых — начала тридцатых годов Цветаеву влекло литературное “штукатурство”, богатство и сложность образов, перегибы ритмики в стихах. Ей импонировал и его культурный уровень. Цветаева хорошо знала творчество Гете, Рильке посвятил ей стихи. Она была как дома во французской и русской поэзии. Хорошо подметил Г. Струве значение для поэтессы образов и персонажей из русского фольклора (“Молодец”, “Царь-девица” и др.). Я же думаю, что Цветаева дала самое свое лучшее не в длинных и скучных поэмах, как например “Крысолов”,⁶⁴ а в лиричес-

ких и лирико-эпических стихотворениях. О себе поэтесса удачно сказала:

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью —
В мире мер?..

Гордость поэзией, судьбой поэта очень ярко выражена в таких стихах:

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом во сне открыты
Закон звезды — и формула цветка.

Правда, такие излияния кажутся мне просто откликами запоздалого романтизма, с его "сном", слащаво-сентиментальным призывом ко всему миру понять ПЕВЦА, т. е. поэта, с иллюзорным представлением, что поэт откроет закон звезды (о каком законе тут речь?). Но стихи звучны и многим нравились. Конечно, ни Ахматова, ни Алексеева так в зрелые годы писать не могли.

В 1919—1920 гг. Цветаева увлекается Добровольческой армией, Белым движением. В стихах "Дон" читаем:

Белая гвардия — путь твой высок.
Черному дулу — грудь и висок.
Божье да Белое твое дело:
Белое тело твое — в песок...
Старого мира последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

А вот из стихотворения "Тем, в Галлиполи":

С Новым годом, лебединый стан!
Славные обломки!
С Новым годом — по чужим местам
Воины с котомкой...

В характерных строфах (в духе фрейдистской психологии) она пишет:

Тело, что все свои двери заперло —
Тщетно! уж ядра поют вдоль жил.
С точностью сбирра⁶⁵ и оператора
Все мои раны сон перерыл!

Вскрыта! Ни щелки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещей глаз
Собственных... Духовником подкупленным
Все мои тайны сон перетряс!

Иногда поэтесса умело играет звуком и смыслом слов, например, русских междометий:

Емче органа и звонче бубна
Молвь — одна для всех:
"Ох" когда трудно, и "Ах" когда чудно,
А не дается — "Эх"!
"Ах" с эмпиреев и "Ох" вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов — у музы нет...

Се жеребец, на аршин ощерясь,
Ржет, предвкушая бег.
Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег⁶⁶
Пушкину!⁶⁷ И — раскалясь в полете —
В прабогатырских тьмах —
Неодолимые возгласы плоти:
Ох! Эх! Ах!

Г. ИВАНОВ

Мне исковеркал жизнь талант двойного
зренья.

Россия счастье, Россия — свет...
Веревка, пуля, каторжный рассвет.

Георгий Иванов

Георгий Иванов (1894—1958). О его последних стихах в 1958 г. заметил Адамович: "Его стихи 'дошли' и действуют они сейчас на читателей глубже и шире, чем когда бы то ни было".⁶⁸ Г. Иванов — один из крупнейших поэтов эмиграции, был учеником Н. Гумилева, как и его жена, поэтесса Ирина Одоевцева. Хочется заговорить о его поэзии его же стихами:

Четверть века прошло за границей⁶⁹
И надеяться стало смешным.
Лучезарное небо над Ниццей
Навсегда стало небом родным.
Тишина благодатного юга,
Шорох волн. Золотое вино...
Но поет Петербургская вьюга
В занесенное снегом окно,
Что пророчество мертвого друга
Обязательно сбыться должно...

* * *

Я хотел бы улыбнуться,
Отдохнуть, домой вернуться...
Я хотел бы так немного,
То, что есть почти у всех,
То, что мне просить у Бога
И бессмыслица и грех.

Грусть, едкая печаль, порою и скорбь заключены в большей части его поэтического наследия. В них есть иногда ирония, горечь насмешки, отзвук отчаяния, а изредка странный, горный, ангельско-небесный свет. Сложны, особенны стихи Георгия Иванова.

Поэт окончил кадетский корпус в Петербурге и впервые начал печататься в 1911 году. Первые стихи он публиковал в эстетствующем журнале элиты "Аполлон". Сборники стихотворений очень художественных и ясных — "Отплытие на остров Цитеру" (1912), "Памятник славы" (о России и войне 1914 г.), "Горница" (1914), "Вереск" (1916), "Сады" (1921), "Лампада" (1922), "Розы" (1931). В прозе — "Распад атома" (1938) и книга воспоминаний "Петербургские зимы". Важны стихи сборника "Портрет без сходства" (1950) и "Дневник" (1954). Последний его сборник: "1943—1958. Стихи".⁷⁰

Поговори со мной о пустяках,
О вечности поговори со мной.
Пусть как ребенок на твоих руках
Лежат цветы, рожденные весной.
Так беззаботна ты и так грустна.
Как музыка, ты можешь все простить.
Ты так же беззаботна, как весна
И как весна, не можешь не грустить.

Из разных влияний на музу поэта можно отметить тяготение к акмеизму Н. Гумилева⁷¹ и частично М. Кузмина. Есть отклики и стихов

И. Анненского, позднее — А. Блока и О. Бердслея.⁷² В поздних стихах, как метко определил Р. Гуль, “сознательно убивается мелодия романса и орнаментальность”. Он же назвал Г. Иванова поэтом экзистенциалистом, в чьей поэзии есть объективный трагизм жизни:

...Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.

Н. Бердяев думал: “Красота человеческих чувств и красота души умирает” в наш век. Г. Иванов тоже чувствовал угасание современного искусства. Он пишет:

...Голубая ночь одиночества!
На осколки жизнь разбивается,
Исчезают имя и отчество
И фамилия расплывается...
Точно звезды встанут пророчества,
Обрываются! Не сбываются!

А отчество поэта — Россия?

Нет в России даже дорогих могил,
Может быть и были — только я забыл.
Нету Петербурга, Киева, Москвы,
Может быть и были, да забыл, увы.
Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю — там остался русский человек.
Русский он по сердцу, русский по уму,
Если я с ним встречу, я его пойму —
Сразу, с полуслова... и тогда начну
Различать, в тумане, и его страну.

Но в тоске поэту чудится иногда не Божественная праоснова всего бытия, не красота в мире и не боль существования особи — бедного человека опустошенной Современности, — а просто правда этого дня, этого часа — “это ускользящее мгновение”. В “Посмертном дневнике” Георгий Иванов записал:

Было все — и тюрьма, и сума.
В обладании полном ума,
В обладании полном таланта,
С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю...

В. НАБОКОВ

Владимир Набоков (псевдоним Сирин, 1899—1977). Поэт, переводчик, литературовед, прозаик и драматург. И это не все области, где проявился талант этого поистине феерического писателя-новатора. Он и хороший игрок в шахматы, и тонкий аналитик партий, известный энтомолог-лепедоптерист (некоторые виды бабочек носят его имя) и, что очень редко, равно блестящ и в английских, и в русских своих произведениях. Он дал ценнейшие переводы и комментарии. Интересна его книга о Гоголе; перевод на английский “Слова о полку Игореве” (лучший по художественности), перевод “Кола Брюньона” (*Colas Breignon*) — “Николка Персик”; четыре тома — переводы на английский и комментарии к “Евгению Онегину”; десяток романов, множество рассказов и повестей. Работоспособность удивительная и равная широте общей культуры.

Он окончил в Петербурге Тенишевское училище, а в Кембридже Trinity College, знает отлично французский и немецкий языки. Несомненно, самый блестящий писатель, самый оригинальный по форме, композиции своих вещей и стилю — во всей эмиграции. Из живших в России по оригинальности с ним можно было бы сравнить Е. Замятина и А. Белого, за границей частично — А. Ремизова, но такого сверкания, такого чуть холодного блеска, как у Набокова, блеска *aurora borealis*, нет ни у кого. Хотя ряд его романов и рассказов интересен и для широкого читателя, он прежде всего — мастер, и у него следует многому поучиться и писателям в России, и тем, кто стал писать в эмиграции. Интересно, что в пятом томе советской Краткой литературной энциклопедии помещена краткая статья о Набокове за подписью О. Михайлова и Л. Черткова, в которой авторы, перечисляя статьи и книги о Набокове, “забыли” самый подробный разбор его творчества в книге Г. Струве “Русская литература в изгнании” (Нью-Йорк, 1956). В статье О. Михайлова и Л. Черткова справедливо, но не оригинально, сказано о реминисценциях, о любви к литературным мистификациям и некотором снобизме. Верно подмечено и влияние М. Пруста и Ф. Кафки.

Многое в статьях советских литературоведов об этом мастере объясняется его непримиримо враждебным отношением к режиму в СССР и коммунизму. Отец В. Набокова — В. Д. Набоков — известный деятель кадетской партии в России, человек утонченной культуры. Такова была и вся семья Набоковых. В. Набоков-Сирин ясно выражает свое отношение в стихах:

Каким бы полотном батальным ни являлась
Советская сусальной Русь,
Какой бы жалостью душа ни наполнялась —
Не поклонюсь, не примирюсь
Со всею мерзостью, жестокостью и скукой

Немого рабства... Нет, о, нет,
Еще я духом жив, еще не сыт разлукой —
Увольте — я еще поэт!

Стихи словно из XIX века, а рядом, в "Парижской поэме", — черты модернизма и символизма:

...И покуда глядел на месяц,
Синеватый, как кровоподтек,
Раздался, где-то в дальнем предместье,
Паровозный щемящий свисток.
Лист бумаги, громадный и чистый,
Стал вытаскивать он из себя:
Лист был больше него и неистовствовал,
Завиваясь в трубу и скрипя.

Здесь звук и картина напряжены и точно и художественно слиты.

Писатель и поэт Набоков — настолько крупное явление, что следует коснуться критических отзывов о нем. Профессор Кембриджского университета Н. Андреев⁷³ пишет: "За полвека эмиграции только один писатель огромного и своеобразного таланта, *подлинно великое явление русской прозы*, 'сменил душу' — ушел из русской литературы, в расцвете своей славы, чтобы взлететь кометой на англо-саксонском литературном небосводе".

Но, вообще говоря, не вся эмигрантская критика и далеко не всегда хвалила В. Набокова-Сирина. О романе "Камера обскура" (1932) критик Георгий Адамович писал: "блестяще пустая вещь". О "Защите Лужина" (1930) — что это произведение "надуманно", что у автора нет познания жизни. Георгий Иванов заявлял,⁷⁴ что Сирин "тип способного, хлесткого пошляка-журналиста", он "сыплет дешевыми афоризмами и бесконечно доволен". М. Осоргин, писавший о "Камере обскура", рассматривал Набокова как "не только почти совершенно оторванного от живых российских вопросов, но и стоящего вне прямых влияний русской классической литературы".⁷⁵ По мнению Г. Адамовича, русские литературные традиции обрываются, исчезают в произведениях Сирина. Однако иначе оценивали Набокова Г. Струве и Н. Андреев. По мнению последнего, дух, настроения у Сирина русские, а форма, стиль — западноевропейские. М. Алданов рано отметил в творчестве Набокова-Сирина блеск и неожиданность художественных находок. Правда, даже самые объективные критики (Г. Струве, Н. Андреев) говорили о некоей бездушности героев у Набокова, о "червоточине в этом несравненном по блеску таланте". Мягкий и снисходительный собрат по перу, Б. Зайцев, отмечал у Сирина отсутствие "Бога, а может быть, и дьявола".

Конечно, все эти замечания объясняются западнической выучкой Сирина, его мироощущением, совпадающим с нашей бурной катастрофической эпохой. Русские писатели — традиция XIX века, идущая преимущественно от Гоголя (“Шинель”), — заняты милосердием, любовью, прощающей жалостью, т. е. близки гуманизму, который мы находим, скажем, и у А. Додэ. Захвачены были русские литераторы и проблемой Бога и его Творения, а отсюда — их религиозные переживания. Чего у Набокова, быть может, действительно нет. Но, прежде всего, писатели XIX века (кроме Пушкина и Чехова) — *проповедники*, глашатаи идей. Таковы в основе и представители русской философии: Н. Бердяев, С. Франк, В. Вышеславцев, С. Булгаков, И. Ильин, Л. Шестов и др. Все они скорее мыслители, чем философы в строгом смысле этого термина. Набоков часто то холоден и остер, как дамаский клинок, то сверкает холодным пламенем фейерверка в темной ночи. Он сложен, ускользающе гибок. Я бы не решился сказать, что где-то в глубине сердца он не скрывает и милосердие очень горького привкуса.

В романе “Машенька” (1926), первом его большом произведении,⁷⁶ есть печальная жалость к эмигранту и его трагедии — потере паспорта. Я помню рассказ о скромном энтомологе немце и его кончине. Читал его Набоков в тридцатых годах в Ските поэтов.⁷⁷ Сколько в этом рассказе было сверкания мастерства! У многих на глазах были слезы восторга. Мы восхищались художественностью слова, гармоничностью композиции, глубоким сочувствием к персонажам. А роман “Пнин” (1953) — о стареющем русском профессоре в Америке? Смешон, смешон этот профессор-неудачник! Смешна фигура Тимофея Пнина, смешны его потуги говорить по-английски, смешны его устарелые лекции, рассеянность, мягкий и слабый характер. Пустая и взбалмошная жена бросила Пнина, а он все еще ее предано любит, хочет понять и грустит. Множество необычайно метко подмеченных черточек делает образ Пнина незабываемым. И когда, потеряв службу, он уезжает на старенькой машине, надвинув шляпу на глаза, мы хотим уехать с ним в никуда.

Не случайно, выехав за границу, Е. Замятин задолго до “Пнина” оценил Набокова как самое новое и значительное явление в эмигрантской литературе.

В романе о гениальном и полубезумном шахматисте, духовном калеке Лужине (“Защита Лужина”, 1930) мы чувствуем истинную жалость автора к герою, хотя она и не обнаруживает себя явно. Сложное дело — творчество и личность Набокова. В семье их был старый, сопливый и слюнявый мопс с весьма плохим характером. Все — и автор — любили этого своеобразного члена семьи. А вот описан он в одном из произведений так, что делается противен. Действительность преобразена по идее художника.

Но вернемся к словесным “находкам” и кажущемуся бессердечию Набокова. В его определениях, сравнениях, метафорах есть всегда живая новизна. “Ночная бабочка металась по потолку, чокаясь со своей тенью”.

“Страусова ляжка арфы”. “Оркестр из полдюжины прядущих музыку дам, утомленный и стыдливый”. И всегда так уместны подобранные слова, так связаны с эпохой, с картиной. Он говорит, например, о речном купанье в России под теплым мелким дождиком. В народе такой дождь зовут “ситник”. “Какое наслаждение было купаться под этим теплым ситником, на границе смешения двух однородных, но по-разному сложенных стихий — толстой речной воды и тонкой воды небесной!”

Набоков не забывает о своей родине. В фантастическом рассказе “Посещение музея” у него сон и явь слились и сплелись в стиле Гофмана. Из одной музейной залы автор внезапно попадает на родину, в Россию, но “увы, это была не Россия моей памяти, а всамделишная, сегодняшняя, заказанная мне, безнадежно рабская и безнадежно родная”. Не забывает писатель и людского горя, несчастья, жалости к бессилию и немощи. Например, в рассказе “Набор” герой описан глубоко гуманно, но с горькой иронией: “Он был стар, болен, никому на свете не нужен, и в бедности дошел до той степени, когда человек уже не спрашивает себя, чем будет жить завтра, а только удивляется, чем жил вчера. Кроме болезни, у него не было на свете никаких личных привязанностей... Василий Иванович указал себе самому тростью на скамью и медленно, до последней секунды не сдаваясь силе притяжения, сел, сдался...”

Мне кажется, что частично на упреки в холодности, отсутствии умиления, веры в Высшее, с усмешкой ответил однажды сам Набоков-Сирин. Вымышленный герой упрекает автора (т. е. Сирина): “Вы обладаете, чисто физиологически, что ли, какой-то тайной писательства, секретом каких-то основных красок, т. е. чем-то исключительно редким и важным, которое вы, к сожалению, применяете по-пустому, в небольшую меру ваших общих способностей... разъезжаете, так сказать, по городу на сильной и совершенно вам ненужной гоночной машине и все думаете, куда бы еще катнуть”.

Набоков, как отмечала критика (особенно В. Ходасевич⁷⁸), любит обнажать свои писательские приемы, а не скрывать их. Он показывает, как и почему именно так сделан роман или повесть, как работает стиль, образ, манера художника. Сирин-Набоков умеет быть и остроумно-язвительным, и часто его сарказм беспощаден. Ну разве не прелесть образ той “знающей” русской язык и литературу американки, что имела родителей эмигрантов из Западного края России и которую уверяли специалисты, что стоит ей выучить русский алфавит, как она будет читать в оригинале “Анну Карамазову”!

Из романов Сирина следует особо отметить еще “Дар” — мастерское сатирическое изображение революционера Н. Г. Чернышевского; фантастическо-психологические романы “Приглашение на казнь”, “Отчаяние”, “Соглядатай”; сборник рассказов “Весна в Фиальте”; книги на английском языке — *The Real Life of Sebastian Knight*, *Conclusive Evidence*, *Bend Sinister*, *Lolita*. Последний роман (о плотской любви пожилого человека

к девочке лет двенадцати) принес и славу, и деньги Набокову, но он не является его лучшим произведением.

Мало кто сделал так много для русской культуры в изгнании, в разных областях творчества, как Набоков. Мне часто грезилось, что если бы Печорин Лермонтова стал писателем и ученым, поэтом и переводчиком, он был бы Набоков-Сириин.

О ТЕМАХ СТАРОЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Большое значение имела сама тематика литературных и мемуарных произведений эмиграции первой волны. Не следует забывать и о свободном проявлении юмора и сатиры в русской зарубежной литературе. Многие произведения западных писателей — противников диктатуры, книги искренно разочаровавшихся западных коммунистов переводились на русский и затем попадали в СССР. Среди них — “Скотский хутор” и “1984” Джорджа Орвелла, “Тьма в полдень” А. Кестлера, книги И. Силона, А. Жида и др. Эмигрантские писатели старшего и среднего поколения были связаны с религиозной стороной жизни человека и традиционными формами христианства в России. Именно эмигранты первые подняли и осветили тему концентрационных лагерей, ужасов чисток (И. Солоневич, В. Кравченко и др.), доказали связь Ленина с германским генеральным штабом и получение от него нескольких миллионов рублей золотом на революцию 1917 г. (проф. Катков), описали правдиво его личную жизнь, любовницу Арманд, болезнь — сифилис (Ю. Анненков и др.), сообщили правду о маршале Тухачевском и его расстреле (Р. Гуль), собрали документы о расстреле императора Николая Второго и его семьи (Соколов, Мельгунов) и т. д.

Среди юмористов выделялся Аркадий Аверченко (1881—1925). Бывший член редакции петербургского журнала “Сатирикон”, он был талантливейшим мастером юмористического рассказа и пьес водевильного характера. Интересна его повесть из студенческой дореволюционной жизни “Подходцев и двое других”. В 1921 году вышел сборник рассказов “Дюжина ножей в спину революции”. Талантливость сатиры должен был признать даже В. Ленин, но он считал дух сборника “озлобленным”. В 1925 г. в Праге очень упорно держался слух, что внезапная смерть от грибного блюда не была случайностью, что писателя отравили.

Членом редакции журнала “Сатирикон” был и Саша Черный (настоящая фамилия Гликберг, 1880—1932). Это был гений комической лирики. Немногим уступал ему в блеске своей сатиры в стихах и прозе Дон Аминадо (настоящая фамилия Шполянский, 1888—1957). Ну, разве не прелесть, например, его набросок портрета В. Молотова в стихах?

...Лобик из Ломброзо,
Галстучек — кашне,
Морда водовоза,
А на ней — пенсне.

С духом, а порою и с формой, обоих сатириков схожа поэзия и проза Тэффи (Лохвицкая, по мужу — Бучинская, 1872—1952). Известна она была очень давно до революции и как острый и порою несправедливый критик поэтов. В эмигрантских кругах очень любили и ценили юмор Тэффи. В ее рассказах эмигрантского периода нередки типы русских недотеп, не приспособившихся к новой жизни неудачников. Тэффи принадлежит ряд крылатых выражений — идиом. Из сборников рассказов следует упомянуть “Тихая заводь” (1921), “Вечерний день” (1924), “Книга — июнь” (1931), “Зигзаг” (1939), сборник стихов “Passiflora” (1923). Ирония свойственна почти всем вещам Тэффи, порой чувствуется и жалость. Очень часто писательница давала картины неприглядной жизни русской эмиграции в Париже. Немало в них горечи истинного сарказма. Убог ее “Русский Париж”, где кто помоложе и покрепче — стали шоферами такси, люди постарше — трактирщиками или служащими в ресторанах, ресторанчиках и “бистро”.⁷⁹ Иные открывали в себе музыкальные способности и звенели на балалайках. А так вообще: “Женщины шили друг другу платья и делали шляпки... Мужчины делали друг у друга долги...” (“Городок”). Интересны и воспоминания Тэффи о жизни в СССР и о ее эмиграции на Запад. Неплохо удался юмористке “Авантюрный роман” (1932). Подобно А. Куприну она любила и особенно хорошо описывала птиц и разных животных. Юмористы часто отдыхают, наблюдая жизнь животных, где нет смешного, ничтожного и фальшивого.

Пользовалась известностью поэтесса Ирина Одоевцева (настоящая фамилия Гейнеке, по мужу — Иванова; р. 1901), ученица Гумилева, участница “Цеха поэтов”. Книга стихов “Двор чудес” появилась в 1922 г. Много печаталась в “Новом журнале”. Ее перу принадлежат романы “Ангел смерти” (1928), “Оставь надежду навсегда”, сборник “Девять повестей” (1951), сборник стихов “Контрапункт” (1960) и др. Очень ярко воспоминания “На берегах Невы” (1967) и “На берегах Сены”. В них живо воспроизведены черты ушедшей эпохи, даны портреты крупнейших поэтов — Гумилев, Белый, Блок, Ахматова, Мандельштам и др.

Владимир Корвин-Пиотровский (1891—1966). Умер в Калифорнии, пережив две эмиграции. По форме стиха близок к акмеистам. Несомненно был настоящим мастером ямбического стиха в разных его вариантах. Выделяется своей художественностью поэма “Золотой песок”.

Из прозаиков важен Роман Гуль (р. 1896). Как доброволец он участвовал в Первой мировой и в Гражданской войне (Кубанский поход Л. Корнилова). Р. Гуль написал немало книг, выдержавших ряд изданий и переведенных на иностранные языки: "Ледяной поход с Корниловым" (1921), "В рассеяньи сущие" (повесть, 1923), "Белые по черному" (Госиздат, Москва, 1928), "Генерал Бо" (1929), "Тухачевский, красный маршал" (1932), "Красные маршалы. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский" (1933), "Дзержинский, Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода" (1936), "Азеф" (третье переработанное издание, 1959). "Азеф" является самой ценной и интересной книгой о революции и провокаторе. В 1973 г. вышло в Нью-Йорке собрание критических и литературоведческих статей Р. Гуля. В нем сразу виден чуткий и объективный критик, ценитель правды и полногласного слова о полнокровной живой жизни. Ясно выступает в ней и противник всяческих попыток удушить свободу художественного слова — см. статью о цензуре в СССР. Особое значение имеет редакторская работа Р. Гуля в "Новом журнале", самом важном печатном органе эмиграции. Журнал публикует множество материалов, поступающих из СССР, и является связующим звеном обеих ветвей литературы.

В поэзию и прозу старой эмиграции (т. е. эмиграции до 1944—45 гг.) входили и темы из жизни в СССР, но чаще предметом был быт самой эмиграции, ее скитаний и порою жестокой тоски по родине. Писали о Париже, Праге, Берлине, Риме, о Дальнем Востоке. Некоторые занимались переводами. Так, Валерий Перелешин (настоящая фамилия Салатко-Петрище) овладел китайским языком и делал отличные переводы из китайской поэзии разных эпох. Другие занимались литературой принявшей их страны, переводили русских классиков. Вообще, в основном, в поэзии и прозе господствовали не эксперименты, не погоня за новизной, а ясность, четкость, смысл стиха и прозы. Даже среди молодых писателей было многое от духа акмеизма. На них влияли В. Ходасевич и создатель, так называемой, "парижской ноты" в поэзии — Г. Адамович. В стороне от главных центров эмиграции, в Прибалтике, доживал свой век некогда очень известный эгофутурист — Игорь Северянин (настоящая фамилия Лотарев, 1887—1941). В эмиграции он отрекся от крикливой и пошловатой музыки "Зарниц мысли" и "Ананасов в шампанском", от своего ресторанного угара. Стал писать и проще, и лучше, и искренней — сборники стихов "Соловей" (1923), "Классические розы", "Рояль Леандра" (1935) и др. Человек он был политически нестойкий, вечно колебался, но в поэзии был искренен. Многие из его стихов переведены почти на все европейские языки. Некоторые его вещи положены были на музыку С. Рахманиновым, А. Вертинским и другими композиторами.

Юрий Терапиано (р. 1892) — поэт, критик, искатель в области теософии. Из его книг стихов выделяются: "Бессонница" "На ветру", "Стран-

стве земное". Диапазон творчества, разнообразие тем: о смерти, о религии, о России. В "Стихах о границе" говорится и о событиях на родине. "Командарм" — о расстреле Тухачевского. Поэт говорит в стихах о связи с древней Грецией, об искусстве вообще. В книге воспоминаний "Встречи" метко и удачно описаны поэты — современники Терапиано. Часто писал рецензии и статьи в "Русской мысли" (Париж).

Георгий Адамович (1894—1971) — критик острый, капризно-неровный, порою совсем пристрастный. Сборник его статей и размышлений — "Одиночество и свобода". Как поэт создал ряд стихотворений тонкого, тщательно отработанного стиля. Многие из них прекрасны и пропитаны иногда глубокой грустью и легкой интимной иронией:

Слушай себя и не слушай людей,
Музыка мира все глуше, бедней...

Или еще сильнее и проще о музыке любви:

Один сказал: "Нам этой жизни мало",
Другой сказал: "Недостижима цель".
А женщина привычно и устало,
Не слушая, качала колыбель.
Истертые веревки так скрипели,
Так умолкали — каждый раз нежней, —
Как будто ангелы ей с неба пели
И о любви беседовали с ней.

Учеником Н. Гумилева и преданным ему другом был Николай Оцуп (1894—1954). Он писал неплохие романы и звонкоголосые стихи — "В дыму" (1926), поэма "Встреча" (1928) и др.

Особого внимания заслуживает поэтесса, героическая Мать Мария (Елизавета Пиленко, по мужу Скобцова, 1891—1943). Эта святая женщина-монахиня помогала чем могла всем несчастным. Во время немецкой оккупации Франции прятала у себя беглецов и евреев. Немцы ее арестовали, и она погибла в газовой камере. По духу веры и добрых дел Мать Мария была близка к И. Фондаминскому и к его литературным интересам, к изданию альманаха "Круг". Сборник своих стихов Мать Мария напечатала в 1937 году под названием "Стихи". В них все время звучит искренность веры, нежная тональность глубоко религиозной души. У нее было развито особое, чуткое сострадание к обездоленным, к жалким и несчастным людям, ко всем гонимым и преследуемым. За доброту в жизни всегда приходится платить полную цену. Ее заплатила нацистам Мать Мария.⁸⁰ После войны друзья издали в 1947 году ее последние

стихи. В них есть и прежние чувства и предчувствие скорби и бед. В одном стихотворении поэтесса-монахиня говорит, что к ней приставлен некий бес:

Не враг и не противник и не спорщик,
Который бы на слово десять слов, —
Ты комнаты моей уборщик, —
Мети же сор из всех /ее/ углов.

Но главное, что переполняло душу монахини, была сочувственная жалость к беде других:

Вот голый куст, а вот голодный зверь,
Вот облако, вот человек бездомный.
Они стучатся. Ты открой теперь,
Открой им дверь в Твой дом, как мир, огромный.

И если есть незримые двери Божьего дома, они должны были распахнуться, принимая душу той, которая открывала двери своей комнаты гонимым и отдавала жизнь "за други своя".

Долгое время жил в эмиграции Антоний Ладинский (1896—1961). В Россию он смог вернуться по своей воле лишь в 1955 году. О жизни его там известно очень немногое. Большую часть своих стихов и значительную часть прозы Ладинский создал в эмиграции. Это был очень начитанный и сведущий историк в области поздне-римской и византийской истории, а равно и древнерусской. Ценны сборники стихов: "Черное и голубое" (1931), "Стихи о Европе" (1937), "Роза и чума" (1950) и др. Романы: "В дни Каракаллы" (1961) и "Анна Ярославна — Королева Франции" (1960—1961). Любопытны и его очерки — описание поездки по Палестине. В некоторых стихах Ладинского о Европе и о России есть предчувствие катастрофы:

Кто же средь римской скуки
Знал, что вот побегут
Легионы! Что виадуки,
Как легкий сон, упадут...

Из молодых эмигрантов интересен своей необычной судьбой Борис Поплавский (1903—1935). Если не ошибаемся, он первый русский поэт — жертва наркомании. Человек он был с несомненным писательским дарованием, хотя и не очень обработанным. Поплавский то пил, то занимался боксом и другими видами спорта, то хандрил, а порою хулиганил, чтоб затем заняться самоанализом (см. его "Дневники", 1938). Смерть поэта

вызвала в эмиграции живой отклик.⁸¹

Из произведений Поплавского, пожалуй, самым интересным был неоконченный роман "Домой с небес". Уже после смерти автора он был напечатан в альманахе "Круг". Но и в прозе Поплавского много неуравновешенности, вспышек отчаяния. Бывают и страницы с яркими и точными наблюдениями, живыми фразами, хорошим описанием Парижа. Всюду ощущается одиночество автора. Так, герои романа – Олег и Катя – имеют души людей неприкаянных, им некуда деваться, они не могут войти в окружающую их французскую жизнь. Стоит отметить, что и сам поэт, любовавшийся силой своих бицепсов, работать не любил и трудиться для поддержания собственного существования не хотел. Героиня романа мечтает уехать "домой с небес". "Вернуться домой из книг, из слов, из кабацкого испитого высокомерия", просто попасть в Россию, куда-нибудь на завод в лесной пустыне Урала. Там она и Олег хоть и будут бедствовать, *но будут дома*, среди бедных и полуграмотных, но равных им людей.

В стихах и прозе Поплавского были блески таланта, но не было ни плана, ни отделанности стиля и языка. Сам он однажды сказал, как писал профессор Г. Струве: "Неряшливость того, что я пишу, меня убивает". Н. Бердяев отметил в творчестве поэта изломанность, хаотичность и желание все время играть какую-то роль и, в то же время, искреннее отвращение к систематическому труду в любой его форме.

Муза барона Анатолия Штейгера (1907–1944) была с "необщим выражением" лица. Поэт умер так рано из-за горячего желания вступить в армию его новой родины – Швейцарии. Легкие у него были слабые, склонные к туберкулезу, и он сгорел как свеча. Барон Штейгер в политике не очень разбирался – сочувствовал младороссам,⁸² не понял, почему их вождь бежал в СССР, и т. д. Стихи же его полны пронзающего грустного лиризма:

Мы верим книгам, музыке, стихам,
Мы верим снам, которые нам снятся,
Мы верим слову... (Даже тем словам,
Что говорятся в утешенье нам,
Что из окна вагона говорятся.)

* * *

Заканчивая краткий обзор литературной деятельности старой, т. е. до 1945 г., эмиграции, следует упомянуть, что многие книги С. Минцлова, генерала П. Краснова, Г. Гребенщикова, Гайто Газданова нашли широкий круг читателей, хотя, по нашему мнению, не были значительным вкладом в художественную литературу.

Следует отметить замолчанную в СССР и запрещенную книгу воспоминаний великого артиста и певца Федора Шаляпина (1873–1938) “Маска и душа”. Шаляпин стал невозвращенцем и умер в Париже. Заметным явлением была поэзия Странника (архиепископа Иоанна).

Большое значение имели журналы, альманахи и газеты. Из газет самая старая русская газета (старше советской “Правды” и “Известий”) – “Новое русское слово” в Нью-Йорке. Она выходит уже более шестидесяти лет и дает массу материалов по литературе Зарубежья и СССР. Ранее, до войны, первую роль играли две парижские газеты – “Последние Новости” и “Возвращение”. Теперь их в Париже заменил еженедельник “Русская мысль”, под редакцией известной поэтессы З. Шаховской.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА НОВОЙ ЭМИГРАЦИИ

Под новой эмиграцией подразумеваем поэтов и прозаиков, ставших эмигрантами после 1945 года, или тех, которые повторно эмигрировали от коммунистов из стран, оккупированных СССР или установивших у себя коммунистический режим. Не все писатели, ушедшие на Запад после войны 1939—1945 гг., были молоды, но новая волна ищущих свободу пополнила поредевшие ряды прежней эмиграции. Новые эмигранты прежде всего горели желанием высказаться, сообщить, донести до слуха читателя все, что под гнетом тоталитарного режима должны были таить в своем сердце. В распахнутые настежь ворота души вылетели чувства и мысли новых эмигрантов, людей, проживших под террором и бомбами годы, которые трудно было забыть. Случалось, что новое, вынесенное за границу СССР, не было высоко-культурным, стиль не был отделан. Однако на читателя веяло эпохой, чем-то если не сегодняшним, то недавним. Многие же были и не менее талантливо, чем у старой эмиграции и в какой-то мере сохраняло традиции стихов и прозы Серебряного века русской литературы.

* * *

Николай Бернер (р. 1890) — поэт, примыкавший к “брюсовцам” (стихи “Осень мира”, 1925). В эмиграции издал интересный сборник “След на камне”. Пережил поэт очень много трудного и трагичного в СССР: голод, тюрьму и ссылку в Соловецкие лагеря на севере. Из новых невозвращенцев-эмигрантов он, вероятно, самый старый литератор.

Димитрий Кленовский (псевдоним) родился в 1892 г. Наряду с Иваном Елагиным он, пожалуй, самый крупный поэт новой эмиграции. Это высококультурный человек, возвышенного и тонкого вкуса, мастер кристально ясных стихов, проникнутых настоящим светом религиозного мироощущения. Первый сборник его стихов — “Палитра” — вышел в год революции (1917) в России. В эмиграции Д. Кленовский в Мюнхене издал девять сборников своих стихотворений от “След жизни” (1950) до “Почерком поэта” (1971). Многие стихи его появляются в “Новом журнале”, “Мостах”, “Опытах” и других эмигрантских изданиях.

Всюду ощущается в творчестве Д. Кленовского “Царскосельская-петербургская школа” позднего акмеизма. Рифмы точны, форма стихотворений прекрасна, и каждое имеет заключительный аккорд — концовку.

Какой-то грустной прохладой, умудренной зрелостью золотой осени веет на нас с листов его книг. Поэзия Кленовского вызывает у меня образ клена в золоте и багрянце осени. Солнце еще яркое, а уже нисходит к раннему закату. Небо сине и чуть-чуть холодновато в бездонности и глубине синевы. Созрела жатва. Дали прояснились. Как будто кто зовет нас, но куда?..

Так много есть прекрасного на свете —
Крыло орла, девическая грудь,
Кленовый лист, Риальто на рассвете,
Раздолье Волги, ландыш, Млечный путь...
И вот еще: прыжок бегущей лани,
Глаза ребенка, парус на волне...
Ты видишь сам: не сосчитать названий,
Не перечислить ни тебе, ни мне...
Ты говоришь: все это преходяще!
И ты не прав! Ведь будущей весной
Опять прыжок в зазеленелой чаще,
Опять подснежник свежий под ногой!

Жизнь прекрасна вся, а особо — жизнь семьи, близкой сердцу женщины, любимой души. В стихах поэта постоянно переплетаются два голоса, да и сам его монолог — диалог. Кленовскому легко доступно религиозное умиление. Например, в стихах "Ангелу-хранителю":

С детских лет ты был всегда со мною...
И всегда мудрей, всегда и снова,
От рассвета до заката дня,
Было то, что ты меня, дурного,
Уберег от самого меня.

Всюду в жизни есть боль, страдания, но их надо принять:

Все в жизни к нам приходит через боль,
Все лучшее — сперва томит и мучит.

Любовь к жизни, к живому значит и милосердие, теплоту и чуткость сердца:

Если кошка пищит у двери
И ты можешь ее впустить —
Помоги обогреться зверю,
У плиты молока попить...

Родион Березов¹ (р. 1896) и Глеб Глинка (р. 1903) не вернулись после 1945 г. в СССР, а сделались эмигрантами. Оба они некогда принадлежали к литературной группировке "Перевал". Группировка эта возникла в Москве к концу 1923 года и была тесно связана с журналом "Красная новь". В бытность свою в СССР Г. Глинка был довольно известным автором повестей, рассказов и стихов для детей (1926). Теперь его уже не упоминают в советской "Краткой литературной энциклопедии". В США Глеб Глинка издал сборник рассказов участников "Перевала", называвшийся "На перевале", и сборник хороших стихов — "В тени" (Нью-Йорк, 1968). Прозу и стихи Глинка часто печатает в эмигрантских журналах. В стихах поэта проскальзывает живая ирония, часто попадаются меткие сравнения. От идеологов и духовных вождей "Перевала", т. е. от Д. Горобова и А. Лажнева, Глинка унаследовал искренность писания и некий интуитивизм в мировоззрении.

Борис Филиппов (р. 1905) — литературовед, издатель (часто совместно с Глебом Струве) ценнейших книг, запрещенных или плохо изданных в СССР. Б. Филиппов написал и ряд исследований по русской литературе XX века. Он, в то же время, оригинальный поэт и прозаик. С 1944 года издал семь сборников стихотворений и четыре книги стихов и прозы. Особо выделяются: "За тридцать лет" и "Преданья старины глубокой". Будучи инженером-строителем, обращает особое внимание на эксперименты с формой, ритмом, рифмой и размером.

Иван Елагин (псевдоним, р. 1918) уже к 1973 году выпустил восемь книг стихотворений. Упомянем "По дороге оттуда" (1947), "Косой полет" (1967). Ряд своих произведений печатает в "Новом журнале", "Гранях" и др. Поэт большой силы, горячности, с тягой ко всему современному и жгучему. Иногда в его поэзии много декламации, взбудораженное воображение снова и снова возвращается к темам войны, террора, бед общих и бед личных, потери родины и т. д. Прекрасно, например, стихотворение "Отпуская в дорогу с Богом". Поэта искренно волнует судьба советского правдолюбивого писателя:

Вот он — удостоенный за книжку
Званием народного врага,
Валится под лагерною вышкой
Доходягой на снега.
Господи, пошли нам долю лучшую,
Только я прошу Тебя сперва,
Не забудь отнять у нас при случае
Авторские страшные права.

В превосходных стихах о войне, бывает, что все озарено как бы новым светом благодаря единственному сравнению:

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море,
А на путях дымятся груды шпал
И проволока вянет на заборе.
Они молчат, свидетели беды,
И забывают о борьбе и тлене,
И этот танк, торчащий из воды,
И этот *мост, упавший на колени...*
...Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.
Он постучится — и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

И. Елагин отлично чувствует и поступь времени, и вечную красу живой природы, и страх человека, замкнувшегося в одиночестве наедине с собой в каменных мешках городов. Поэт приобрел известность уже не только в эмиграции. Культурные люди из СССР, приезжая за границу, говорят о поэзии И. Елагина как о выдающемся явлении.

Следует обратить внимание еще на нескольких поэтесс и поэтов — Е. Таубер, О. Анстей, Э. Боброва, И. Буркин, Н. Моршен, И. Чиннов, О. Ильинский. Но для нас кажется несомненной особая обаятельность двух поэтесс: Веры Булич (умерла в 1954 году) и Лидии Алексеевой (псевдоним, урожденная Девель, по мужу Иванникова).

В. Булич была дочерью известного русского лингвиста, профессора Сергея Булича (1859—1921). Она, как и А. Штейгер, выпустила всего четыре книжки стихов: "Маятник", "Пленный ветер", "Бурелом" и предсмертную — "Ветви". Три сборника как-то перекликаются и в духе, и в стиле, и в самих названиях: буря ломает ветви, когда ветер свободен. Ю. Терапиано был вполне прав, указывая на сдержанность, большую вдумчивость и силу лирического волнения во всех стихах этой одаренной женщины. Ей принадлежат и сказки для детей (изданы в Белграде в 1931 году) и серьезные статьи и эссе на шведском и финском языках, которыми она овладела, живя в Финляндии. Во всем ею написанном видна высокая культура духа и речи русского Серебряного века дореволюционной поры.

Лидию Алексееву (р. 1909) многие в литературных обзорах относят к старой эмиграции, т. е. к 1920 году. Ее отец, полковник генерального штаба, эмигрировал с семьей из Севастополя в 1920 году. Но как поэт Лидия Алексеева стала известна только в результате второй своей

эмиграции в 1945 году. После разных мытарств ей удалось переехать в США и стать библиотекарем крупнейшей библиотеки Нью-Йорка.

Начала писать стихи Алексеева еще на школьной скамье в Белграде (Югославия). Но только около 1947 года ее поэзию "открыл" критик и литературовед Иван Тхоржевский. Он признал талант и ободрил поэтессу, жившую тогда в лагере для перемещенных лиц — "Ди-Пи". Жизнь не баловала Алексееву. Сперва тяжелая работа, потом смерть всех самых дорогих и близких людей. Все это, однако, не сделало ее поэзию мрачной или пессимистической. Несколько сборников ее стихов и подборки в эмигрантских журналах освещены тихим светом ровного сердечного огня. Трудно сказать, какая из ее книг лучше: "Лесное солнце" (1954), "В пути" (1959), "Прозрачный след" или "Время разлук" (1971).

Зарубежная критика высоко оценила классически стройное, не крикливое, гармоничное пение ее грустно-радостной музыки (Н. Ульянов, Б. Филиппов и др.). Мне кажется, что две стороны ее поэзии особенно бросаются в глаза: большая любовь к лесной природе, к холмам, реке, озеру, солнцу на них и неутешно-ненасытное воспоминание, сила волшебных, властных чар Прошлого, живого, неистребимого, того, что вошло в плоть и кровь стиха. Поэтесса любит зверей, птиц, бабочек, цветы и вольное дыхание ветра. Она всех и вся не только видит и описывает, но и проникновенно чувствует Божий мир. На Л. Алексееву повлияли Пушкин, Тютчев и Бунин. Эти гении русской литературы тоже были под чарами Прошлого и силы воспоминаний.²

Думается, что прелесть поэзии Алексеевой в том, что воскрыленно-певучая душа, душа более тонкая, восприимчивая и чуткая, чем наша, говорит с нами искренно в стихах; постигает красоту лучше нас, чувствует горечь жизни острее, любит возвышенной и глубже. Конечно, в стихах важны символы, образы, сравнения, рифмы, мелодика, напевность. Но все это лишь вместе со смыслом, с идеей стихотворения. Только в неразрывности всего этого есть прорыв в недоступно-неуловимое, что становится в стихах формой, звуко-словом, Красотою и Смыслом.

Свежий луг и теплый ветер
И шмели на стебельках.
Что мне делать в утра эти
С книгой пасмурной в руках?
Что бумажные страницы,
Если нынче я могу
Божьей грамоте учиться
На нескошенном лугу?
Тайной азбукой цветенья
Раскрывается трава...
Вот еще, еще мгновенье —
И пойму ее слова!

Иногда поэтесса пишет о драгоценном для религиозных русских сердец, пишет стихи о Богородице, говорит с нами о далекой милой Отчизне. Чует сердцем читатель созвучное в грусти стихов. Голос музы словно и не очень широкого диапазона, мощи в нем нет, а есть непобедимая разумом сладость, тиховейность русского грудного голоса. Скромна, порою молитвенно-нежна муза Алексеевой. Она любит Божий мир, иногда умиленно жалеет:

Я привыкла трястись в дороге,
И не будят тоски во мне.
Спящий кот на чужом пороге
И герань на чужом окне, —
Но молюсь, как о малом чуде,
Богу милости и тепла,³ —
Чтоб кота не вспугнули люди
И чтоб жарче герань цвела.

Ее судьба была типичной судьбой людей новой эмиграции, которую так хорошо охарактеризовал поэт Николай Моршен (р. 1920):

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы — будет лет пятьсот.

* * *

Говоря о прозе новой эмиграции следует сразу заметить не полную нашу осведомленность о разных местах земного шара, куда судьба разбросала русских. Разрешу себе по этому поводу пересказать в двух словах известный фельетон юмориста Ренникова. Один богатый американец искал платного спутника — полиглота. К нему явился пожилой русский эмигрант в потрепанном костюмчике. Он заявил на плохом английском, что знает восемьдесят других языков. Американец поверил. Поехали по разным странам, полетели самолетом, поплыли на пароходе по океанам, посетили и острова. Все, что хотел знать американец, русский, первым сходящий на берег, в город или в селение, для него разузнавал и потом показывал достопримечательности Каира и Буэнос-Айреса, островов Фиджи и Шанхая. Окончив путешествие и заплатив, американец спросил русского: "Как вы могли выучить столько языков?" — "О, — ответил эмигрант, — я немного знаю только английский. Но куда бы мы ни приехали,

хоть один русский да находился. Я всегда сперва кричал: Russe, Russie, Rossiya, Roussky?! Находил соотечественника и, все от него узнав, водил вас по интересным местам”.

Много ценных и интересных книг почти неизвестны даже специалистам. Некоторые авторы издавали на свои скудные гроши каких-то сто-двести экземпляров, а сами потом или уходили из жизни, или оставляли литературу и растворялись в серых трудовых буднях. Некоторое представление о богатстве прозы и поэзии сравнительно молодых эмигрантов дают обзоры содержания “Нового журнала” (Р. Гуль), “Воли России” (М. Слоним) и “Русской мысли” (Г. Струве) в сборнике “Русская литература в эмиграции” под редакцией профессора Полторацкого (1972). Там, однако, читатель не найдет ни молодого Василия Федорова,⁴ ни старика Александра Федорова — талантливых писателей. К сожалению, ни в этом сборнике, ни в сборнике “Русская литература в изгнании” (Г. Струве), не упомянута замечательная писательница с Дальнего востока — Нина Федорова. Ее роман “Семья” получил премию журнала *Atlantic Monthly*. Н. Федорова (псевдоним, по мужу Рязановская, р. 1895) — профессор русского языка и литературы. Писательница прожила около десяти лет в Харбине. Роман “Семья” издан в 1940 году по-английски, а по-русски в Нью-Йорке в 1952. В 1942 году вышел ее роман “Дети”. Но главный ее труд — книга “Семья”. Она была переведена на двенадцать языков и выдержала около двадцати изданий. В Японии, Аргентине, США, Индии критики восторгались книгой “Семья”. В ней дан изумительный тип старой благородной бабушки; даны и типы мятущейся вне родины молодежи. Есть в книге отклик мыслей о Вечности и страдании, сцены, окрашенные легкой иронией и добрым юмором. Судьба одной семьи, вырванной с корнями из родной почвы, проходит перед глазами читателя чередой незабываемых картин. Книга учит терпению, учит дружбе и какой-то снисходительности к человеческим слабостям.

Несомненно уже к новой эмиграции принадлежат покинувшие Россию после 1941 года Николай Нароков (1887—1969), Борис Ширяев (1889—1959), Юлий Марголин (1900—1971), Сергей Максимов (1917—1967).

Роман С. Максимова “Денис Бушуев” (1949) сразу завоевал широкую известность. В нем бесподобно хороши были описания реки Волги, запоминались яркие портреты героев — Гриши Банного и старика Аверьяна. Другие романы и рассказы этого автора несомненно слабее (“Тайга”, “Голубое молчание”).

Борис Ширяев писал много и разностильно. Он, подобно В. Иванову, в Италии принял католичество и увлекся этой страной. Из опубликованного считаю особенно интересными “Ди-Пи в Италии”, “Религиозные мотивы в русской поэзии” и “Неугасимая Лампада” (о жизни заключенных в лагерях Соловецких островов).

Николай Нароков известен романом “Мнимые величины” (Нью-Йорк,

1952). Роман был вскоре переведен на четыре европейских языка. В основе книги — описание разных типов чекистов-энкведистов. Язык романа прекрасен, жив и точен. Ряд рассказов Нароков опубликовал в журналах "Грани", "Возрождение", "Новый журнал" и др.⁵

Интересную книгу выпустил Ю. Марголин — "Путешествие в страну Зе-Ка" (о лагерях в СССР). Также была замечена читателем книга Григория Климова "Берлинский Кремль" (Франкфурт, 1953). О лагерях и жизни в СССР живо повествует Геннадий Андреев (настоящая фамилия Хомяков) в повести "Соловецкие острова" (1950); писал он и отличные рассказы ("Два Севастьяна") и воспоминания ("Трудные дороги", 1959).

Широко известна книга Анатолия Дарова "Блокада" (об осаде Ленинграда) и С. Юрасова "Параллакс" (1972). Блестящий пародист Ю. Большухин пишет в ряде эмигрантских журналов. На восьми языках вышла увлекательная книга Михаила Корякова "Освобождение души" (1952). Речь в ней идет об отходе от коммунизма.

Заметное явление в литературе новой эмиграции — проза профессора Леонида Ржевского (р. 1905): "Между двух звезд" (1953) — о русских, попавших в трагическое положение между двумя сближавшимися армиями — американской и Красной; романы "Показавшему нам свет", "Спутница" (в альманахе "Мосты"); повести "Двое на камне" и "Через пролив"; ряд рассказов и очерков. Отличный по точности язык, живые темы, прекрасно поставленная интрига и слаженность всех частей характеризуют творчество Ржевского.

Хороши и рассказы Владимира Самарина, особенно сборники "Тени на стене" (1967) и "Цвет времени" (1969). Все это издано в США.

К новой эмиграции принадлежит и историк, эссеист и писатель Николай Ульянов. Им выпущены слабый исторический роман "Атосса" (о Скифии), сборник "Под каменным небом", роман "Сириус" (о Николае Втором, печатается в "Новом журнале") отличная книга эссе "Диптих" и др. Живой ум этого автора склонен к фантазиям. Он, например, утверждал, что Солженицын не существует, а романы его составлены коллективом пишущих в СССР и т. п.

В. Тарсис в эмиграции выпустил мало интересного.

Политико-бытовой интерес имеют две книги дочери Сталина, ныне эмигрантки, Светланы Аллилуевой. и статьи и рассказы Анатолия Кузнецова. Из его переизданных без цензурных купюр произведений важна книга "Бабий Яр" (об уничтожении евреев под Киевом) и рассказ "Актер миманса" ("Новый журнал", № 100).

Эмигрантская литература не исчезла, новые писатели пополнили редкие ряды.

Помните ли, как в романе Чарльза Диккенса “Повесть о двух городах” звучит последняя нота в главе “Шаги умолкают навеки”? Умолкают шаги, уходят люди в тень смерти... Молкнут ныне голоса старой эмиграции, их глушит время. Но в ушах молодых писателей, ушедших за рубеж из СССР, все еще звучат те родные русские голоса, что унесли они с собою в далекий путь изгнания. В иных землях Юга и Севера встречали писатели другие, не русские, лица, слышали чужую речь. Но духовным слухом сердца художники слова все ловили родные голоса. Им они и отвечали своим творчеством — часто в одиночестве, но на свободе. И думалось многим: услышат ли, поймут ли голоса их на родине? Или “порвалась серебряная цепь, и разорвалась золотая перевязь”, и разбился драгоценный сосуд слов человеческих? И не было рук подхватить алебастровую вазу с живою водою русского языка и правды там, далеко за океаном?

Так в печали думалось многим.

Но громко прозвучали голоса живых духом людей из СССР, “внутренних эмигрантов”, как их зовут власти. Откликнулся западный мир на голос Б. Пастернака. Отозвался на гений и страдания А. Солженицына. Многие вдумались в горькие строки воспоминаний Н. Мандельштам, увидели правду повестей Л. Чуковской. Установилась все крепнущая связь с Самиздатом. Возник как бы диалог между Западом и Востоком. Но будет ли настоящая перемена в жизни писателей СССР, станет ли свобода свободой творчества, а не одной “осознанной необходимостью”?..

Кто знает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ЛИТЕРАТУРА
В СССР**

ВВЕДЕНИЕ

РЕВОЛЮЦИЯ И ЛИТЕРАТУРА

О причинах русской революции, разразившейся во время первой мировой войны в феврале 1917 года, и о ее новой форме, пришедшей в октябре того же года, шли и идут споры. На Западе, в условиях свободы слова, о революции писали или описывали ее в своих воспоминаниях опытные историки: А. Кизиветтер, Е. Шмурло, А. Мякотин, Г. Вернадский, П. Милюков, М. Катков, С. Мельгунов. Рассуждали философы, публицисты, писатели, экономисты и социологи — Бердяев, Лосский, Федотов, Алданов, Сорокин, Прокопович, Струве. Одни ссылались на неудачно ведущуюся войну, другие на косность и ошибки царского правительства, третьи — на пропаганду и деятельность всех левых партий, четвертые — на экономическую отсталость¹ и отсутствие настоящей буржуазии в России, пятые настаивали на игре случая в истории и на особом стечении разных обстоятельств, шестые — искали ключей к революции в характере народа.

Конечно, все эти факторы следует учитывать, но где основная причина революции? Я полагаю ее заключенной в деятельности русской легко-возбудимой и "легкоплавкой" интеллигенции, охваченной утопическими стремлениями и, конечно, зависящей от характера народов на территории Российской империи. Так, скажем, как судьба семьи в основном зависит прежде всего от характера отношений среди ее членов и от их работы, от усилий к творческому соединению всех в гармонии сотрудничества, так обстоит и в жизни государства. Этой-то гармонии, согласия в России и не было. Интеллигенция же была на 98% революционной, экзальтированной, жестокой противницей любого мероприятия властей. Власть, по мнению интеллигентов, силой поддерживала ненавистную для них монархию. Интеллигенция, начиная с революционеров ХУ111 века (например, А. Радищев), полагала Церковь² связанной с монархией, а так как революционеры обычно очень склонны к атеизму и богоборчеству,³ то они и боролись против Церкви и религии:⁴

Власть царска веру охраняет,
Власть царска веру утверждает,
Союзно общество гнетут.

(Радищев)

Кроме того, в целях ниспровержения режима большинство интеллигенции считало все средства хорошими и все действия оправданными. Патриотизм, любовь к прошлому России считались знаком умственной отсталости или подлым прислуживанием к режиму, к монархии. Если профессор чистой математики (напр., Некрасов) был правых убеждений или националист, — студенты, узнав об этом со стороны, старались его обидеть и сорвать лекции. Перед революцией 1905 г. и перед 1917 г. солдатскую и крестьянскую массу озлобила ей непонятная тяжелая война. Революционеры же в войне обвиняли монархию и разжигали всеми способами в массах чувство зависти и недовольства: "Мир хижинам, война дворцам!" и т. п. Злой и опасный максимализм русского народного характера мог проявиться здесь во всю силу.

После свержения режима, а особенно после большевистского переворота, считали правящие, что при социализме все возможно. Чего-чего не требовали искренние приверженцы и члены партии коммунистов! Билеты даром на поцелуи (Петроград — Ленинград), социализация женщин и свободная любовь (в Самаре и на Кавказе), деньги не признавать, а товарообмен — сахар на хлеб, гвозди на керосин и т. д. из государственных и фабричных складов. В государственном же масштабе недоумки утописты устроили бесплатный проезд по железным дорогам. Можете себе представить, что из этого получилось!

"Социализация женщин" в Самаре (1918—1919 гг.) вызвала поножовщину и хаос. Высшие учебные заведения военизировались (это частью есть и поныне), и в Академии художеств уже в 1926—1927 гг. введены военно-инженерные предметы. В Петрограде студенты архитектурного отделения разрабатывали проекты квартир для женатых, где негде поместить детей — дети в государственные ясли и детские сады!

После двух-трех лет наступил в СССР период — лет на 10-11 — фактического многоженства. Была и частушка:

Что я вижу, что я слышу!
Ленин с Троцким влез на крышу
И кричит всему народу:
Дам вам жен, а не свободу.

Начали "борьбу за экономию в размерах всех элементов зданий". Получились лестницы и площадки столь узкие, что если человек умирал — гроб нельзя было стащить по лестнице, а спускали на веревках из окна. Тогда безумцы провозгласили: "Добьемся свободной гробопроходимости лестниц жилых зданий!" Все это далеко не полно отражено в литературе СССР из-за цензуры. О безумствах при коллективизации и т. п. масса документов ждет опубликования в Самиздате. Когда постепенно кипение умов утопистов слегка улеглось (а некоторые за рьяность в социализации женщин, в Самаре например, поплатились жизнью), то начался период

“революционного порядка”. Ленин говорил, что если есть сильная партия, ею, как рычагом, можно перевернуть земной шар. Во всем мире наступило время масс (Хосе Ортега-и-Гасет) и партий, обожания вождей — диктаторов (Кемаль Ататюрк, Ленин, Муссолини, Гитлер и др.). Русская революция укрепила и расширила партию коммунистов — большевиков. Было бы неразумно отрицать ее мировое значение или считать, что в основе все партийцы злодеи или фанатики-глупцы. Не были ли членами партии честнейший генерал-герой Григоренко, Костерин, братья Медведевы, Сахаров, Некрасов и т. д. — большое тело своей массой притягивает к себе малое тело. Партия всеми способами вбирает в себя индивидуума, ведь она одна, других нет, а пропаганда день и ночь убеждает, угоняет, грозит со школьной скамьи до могилы каждого гражданина. А “повторение, повторение заставляет верить”. Все это результат еще пропаганды идей соц-коммунистов XIX — начала XX века. Тогда был девиз — “Чем хуже, тем лучше, режим падет... Увидим небо в алмазах”. Студенты университетов во время русско-японской войны (1904—1905) собирали деньги в пользу победы японцев и посылали их Микадо. Молодые писатели и художники намеренно одевались плохо и некрасиво, “дабы видом своим отрицать буржуазность”, — отметил Б. Зайцев в воспоминаниях о начале XX века. (См. его “Москва”.) Революцию сделать поскорее хотели, а утопии долго еще кружили и кружат сейчас головы в СССР.

М. Алданов сказал, что, увы, никогда большая революция не приносила счастья современникам. Русская революция 1917 года по подсчетам серьезных демографов обошлась нации в свыше чем сорок миллионов жизней! В литературу с фантазиями, пропагандой, угрозами и лживостью Революция ворвалась почти сразу после Октября 1917 года. Революция разделила литераторов и писателей на эмигрантов, прислужников режима, попутчиков и, как говорят ныне в СССР, “внутренних эмигрантов”. Ошибаются люди, считающие, что Октябрьская революция кончилась. Она действует от Парижа до Чили, от Пекина до Токио, от Кубы до Испании. Постараться проследить судьбы русских писателей после революции, увидеть их попытки говорить о том, что видят и чувствуют, и является основной целью этой книги.

Ко всякой литературе можно подходить с разных точек зрения, а “точка зрения создает и объект исследования”. Литература создается не экономическими условиями, не той или иной школой (реализм, социализм, и т. д.), а индивидуальными творцами. Можно коллективно по плану строить казарму, дом, делать орошение земель, но коллективно нельзя написать “Божественную комедию”, “Войну и мир” или “Гамлета”.

Вот почему я и стараюсь говорить не столько об эпохе, сколько о писателе, отражающем в своем творчестве эпоху и часто глухо говорящем о ее трагизме.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СССР

Литература живет и развивается во времени. Прежде чем начать краткий обзор ее в СССР и подчеркнуть ее особые проблемы, установим краткую хронологию событий. Хронология ничего не объясняет, ничему не учит, не критикует, она устанавливает, констатирует факт. "Сами боги, — говорили древние греки, — не могут сделать бывшее небывшим".

Вот схема истории СССР за пятьдесят лет:

1917—1921 гг. Революция, гражданская война, война с Польшей. Военный коммунизм и террор. Развал экономики. Голод.

1921—1927/28 гг. НЭП (Новая экономическая политика). Частичное восстановление частой собственности. Борьба на верхах партии за власть после смерти Ленина в 1924 г. Сталин постепенно берет власть в свои руки. Новые течения в литературе.

1928—1936 гг. Первая Пятилетка, усиленная индустриализация, введение силой колхозов. Партия уже вполне руководит литературой.

1936—1940 гг. Новый террор, миллионы сосланы в лагеря, расстреляны или погибли сотни тысяч одних только членов компартии. Военные действия против Японии и Финляндии.

1940—1945 гг. Война с Германией, поворот к национализму, к православной церкви, к советско-русскому патриотизму. Облегчение цензурного зажима литературы.

1945—1953 гг. Новый террор вплоть до смерти Сталина.

1953—1955 гг. Период "коллективного руководства" страной.

1955—1964 гг. Деятельность Н. Хрущева. Обнародование им на XX съезде компартии частичных сведений о злодеяниях Сталина. Попытки десталинизации. Подавление венгерского освободительного движения в 1956 г.

1964 г. — Падение Хрущева и начало власти Л. Брежнева. Агрессия против Чехословакии в 1968 г. и доктрина Л. Брежнева о праве СССР вводить свой образ правления у союзников-сателлитов. Полный зажим художественной литературы в тиски цензуры. Появление Самиздата.

ПРОБЛЕМЫ ПИСАТЕЛЕЙ И ЛИТЕРАТУРЫ В СССР

Литература в СССР сталкивается с рядом проблем и трудностей, о которых на Западе писатели не думают, а сущности этих проблем, увы, часто не понимают. Позволим себе перечислить только некоторые из них.

1) Вопрос свободы передвижения и убеждений. Никто во Франции, Швеции, Англии, США, Италии, Дании и т. п. и не помыслил бы запретить выезд из государства даже члену компартии. А. Жид, Л. Арагон, А. Барбюс ездили в СССР, бранили свое правительство и возвращались спокойно на родину. В СССР это дело немыслимое. А. Кузнецов, чтобы получить право на выезд, будучи уже известным писателем, должен был сделать хотя бы фиктивный донос на Е. Евтушенко, иначе его бы не выпустили. Этот писатель-невозвращенец подробно описал всю процедуру получения разрешения на выезд за границу. За продление своего пребывания вне СССР власти могут лишиться писателя гражданства СССР. За одно желание выехать из СССР власти грозят высылкой без семьи (случай А. Гинзбурга и др.).

2) Наблюдатель жизни в СССР находит там огромное социальное и имущественное неравенство. Например, солдат курит скверную махорку, а дальше сорта папирос улучшаются от младших офицеров к старшим, до генералов включительно. Колхозник десятилетиями не имел паспорта, а рабочий, чиновник имели. И все остальные привилегии распределяются в зависимости от социального положения гражданина. Писатели очень редко и глухо говорят об этом.

3) В жизнь общества, семьи вторгается грубый воинствующий атеизм, за религию даже не члена компартии могут уволить с работы. По сообщению писателя, члена компартии, В. Солоухина (см. его интересную книгу "Письма из русского музея") в одной Москве разрушено властями и безбожниками свыше четырехсот памятников старины (церкви, часовни, памятники и т. д.)

4) Подцензурность художественной литературы. Например, цензор говорит: нельзя печатать "он пил жиденький советский чай".⁵ Надо вычеркнуть или "жиденький" или "советский". Профессор математики арестовывается за слова "В Швеции высокий уровень жизни", хотя он не сравнивал его с уровнем жизни в СССР.

5) Психушки — психиатрические больницы,⁶ или "дурдома". За несогласие с мероприятиями власти или за простую переписку с западными учеными можно быть насильно посаженным в психушку и получать особое лечение, разрушающее нервную систему (случаи генерала Григоренко, Есенина-Вольпина, Медведева).⁷

6) Право властей обвинить гражданина в тунеядстве — безделии и сослать в лагерь исправительно-трудовых работ (случай И. Бродского. См. также показания А. Марченко и т. д.).

7) Особые колонии для малолетних преступников, тысячи беспризорных детей, которых запрещено было так называть, и с 1945 г. говорилось лишь о "бездзорных детях".

8) Применение особых средств дознания в государственном масштабе для ряда арестованных. Советский писатель, выдержавший ряд лет ужасы в лагерях СССР — В. Шаламов, — пишет: "Подготовка процессов — это химия, медицина, фармакология. Подавление воли химическими средствами". В СССР об этом писать запрещено, хотя в Самиздате опубликован ряд материалов и послесталинского периода о пытках.

9) Отсутствие права у писателя, или гражданина вообще, сказать правду, будь это о неудачах в войне 1941—45 гг., о колхозах, совхозах, крушениях поездов и т. д.

10) Запретность многих тем в литературе или невозможность сказать о них правдиво (религия, положение церкви, конфликт отцов и детей, и т. д.)

О БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ ХУДОЖНИКА И ПИСАТЕЛЯ

Внимательный читатель книг, изданных в СССР, сталкивается с необычными для Запада условиями изображения и отображения жизни. Советский художник Илья Глазунов в своей книге "Дорога к Тебе" решился рассказать кое о каких требованиях, предъявляемых живописцу. Если он видит в натуре жалкую клячку, плохую телегу, старого мужика в заплатанной одежде, он обязан вместо этого нарисовать крепкий трактор, бравого, хорошо одетого тракториста. Тогда начальство его похвалит и картину купит. Так и в литературе.

Возьмем советскую книгу "Краткий словарь по эстетике", под редакцией М. Овсянникова и В. Разумного, изданный в Москве в 1963 г. В составлении этого опуса участвовали известные ученые и правоверные русские коммунисты: Л. Тимофеев, Д. Благой, Г. Апресян. В словаре 542 страницы. Под заголовком "Бесконфликтность" читаем разбор этой советской эстетической теории: "Бесконфликтность в искусстве — применение в практике художественного творчества ложного представления о том, что в социалистическом обществе якобы отсутствуют противоречия, конфликты". Далее речь идет о том, что эта теория получила "особенно широкое распространение в период культа личности".⁸ Главной причиной возникновения и распространения теории бесконфликтности явилось плохое знание жизни у ряда художников и их отрыв от интересов широких народных масс, от эстетических потребностей и вкусов народа..." Приводятся в словаре в назидание читателю и образцово конфликтные произведения некоторых писателей: "Повести Ю. Бондарева "Тишина",

А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича", пьесы В. Розова, А. Арбузова" и т. п. Вскоре, однако, именно за конфликтность был запрещен "Раковый корпус" Солженицына и его набор рассыпан, а Солженицына выгнали из Союза писателей СССР. Дело же просто: сейчас по приказу головки партии в моде или бесконфликтность, или смягченная полуконфликтность. Если автор не хочет подчиняться или недостаточно оптимистичен, его исключают, как ранее, например, А. Ахматову, из Союза писателей и лишают работы. Бывает, что писатель вполне подчиняется, в искреннем или неискреннем желании напечатать угодное власти. Д. Холендро, например, написал книгу о Крыме — "Горы в цвету". Очень яркие картины крымских гор и долин в цветах, блестящего Черного моря. Но о жизни людей в Крыму почти ничего нет, а если есть, то неправда. Крым же пережил ужасающие трагедии: расстрелы тысяч и голод 1920 г., жестокости немецкой оккупации 1942 г., переселение в Азию силой сотен тысяч татар и упразднение союзной республики Крыма в 1945 г. Ни звука у Холендро и о горьком житье новоселов-рыбаков (не было рыбы). И думает сведущий читатель: неужели все раны зарубцевались так, что и следов их нет? И в памяти жителей все стерлось?

Конечно, многие писатели хотят изобразить жизнь правдиво, не закрывать глаза на ее трудности, ложь, неправду. Об этой их попытке хорошо рассказано во французской книге M. Slavinsky et D. Stolypine "La vie littéraire en USSR de 1934 à nos jours." Paris, 1971.

В. Ленин еще в 1905 году напечатал важнейшие свои постулаты о роли и положении литературы в однопартийном государстве коммунистов: 1) вся печать должна стать органом партийных организаций; 2) все издания книг, брошюр и т. д., все библиотеки и читальни должны быть "подчинены партийному контролю". Так и случилось после октября 1917 г. В книге "Теория и практика редакторства", Москва, 1961 г. прямо сказано, что цензор следует по всему пути написанной книги и "решает ее судьбу". Любопытно, что, так сказать, официально цензуры не существует, она с 1922 года перенесена во всесильное учреждение "ГЛАВЛИТ". Автор книги не только не может поговорить с цензором в "ГЛАВЛИТ"е, но обычно даже не знает, кто его цензор.

О бесправности положения писателей говорит письмо А. Солженицына Президиуму съезда писателей в мае 1967 г. Все факты, приведенные в письме, подтвердил коммунист — редактор "Нового мира" А. Твардовский.

В СССР часто наблюдается нехватка бумаги, но только за 1946—1950 гг. было напечатано сто тридцать миллионов книг и писаний "отца народов" Сталина. Потом пошли миллионные тиражи речей Н. Хрущева в нескольких томах. Теперь они пошли на макулатуру. Статистика упорно показывает, что число политико-партийных сочинений значительно превышает число научных, художественных и учебных произведений. Отсутствие свободы слова, контроль над изданиями, преследования инакомыслящих

вызвали ряд протестов в культурных слоях населения и среди либеральных ученых (Медведева, Сахарова, Чалидзе и др.). Журнал "Октябрь" № 6 за 1966 г. указал на неприятие юношеством идеалов их отцов. Тогда, в связи с либерально-свободомысленным направлением ряда литераторов, верные старым методам партийцы забеспокоились из-за новой тематики у писателей: 1) описание авторами душевной депрессии героя "без необходимых разъяснений" что есть "предательство революции и коммунизма". 2) ненужное и расслабляющее читателя сочувствие к проявлениям грусти и даже печали у героев и героинь. Литература же в СССР обязана быть бодрой и оптимистичной (таково было требование еще в 1946 г.); 3) опасное прославление личной жертвенности, личного идеала вне ясной партийной формулировки (Дудинцев, Яшин и другие); 4) вредное любование некой отвлеченностью, описание Добра общечеловеческого типа и "забвение авторами классово-морали".⁹ Но все трудности для честного писателя, о которых шла речь, все суды над Синявским, Даниэлем, Гинзбургом, Григоренко, Галансковым, Марченко и т. д., я думаю, вовсе не волнуют ни широкие массы в СССР, ни большую часть интеллигенции. Активных либералов, вероятно, во всем СССР не более трех-четырёх тысяч на двести сорок миллионов населения — *c'est quantité négligeable*. Даже вполне честные писатели, видя ясно положение свое, часто страдая от властей, редко еще ставят под сомнение сам идеал, сам по себе коммунизм. Конечно, прежде всего среди писателей происходит медленный процесс переоценки компартии, однопартийной системы управления страной.

Бытие советской литературы связано с партией. Автор нашумевшего в СССР романа "Мертвым не больно" (1966 г.), Василь Быков,¹⁰ сказал на съезде писателей Белоруссии 13 мая 1966 г.: "...Наша литература, которая всегда волновала человечество гениальностью своих произведений, *выродилась* настолько, что два года не находится книги, которую можно было бы удостоить государственной премии... Произошла очень простая вещь: *по отношению к литературе утрачена мера*, ею заруководили, ее занявчили, попросту задержали".

Чем больше любит писатель свою страну, ее язык и историю, тем труднее отречься от творческой свободы.

О ФОРМАЛИСТАХ В СССР

Вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули вместе с ней и ребенка. Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство.

В. Мейерхольд

В советской энциклопедии о формалистах и формализме сказано недвусмысленно и ясно: "Советскому искусству, основывающемуся на принципах социалистического реализма, формализм органически чужд и враждебен". Формализм-де основан на субъективном идеализме и агностицизме. Он используется как оружие "реакционно-империалистическими кругами" против пролетариата.¹¹ Так писалось в энциклопедии СССР в 1960 году, но несколько позже было приказано о формализме писать иначе. В "Краткой литературной энциклопедии" внезапно формализм в литературоведении уже во многом одобрен, хвалятся достижения "ОПОЯЗ"а (Общество изучения поэтического языка), свободно говорится о влиянии концепций Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, Ю. Тынянова, В. Жирмунского, Б. Томашевского, В. Виноградова и других ученых и критиков на западное литературоведение, на применение методов лингвистики и математики при изучении литературы. Кроме того, упоминается, что формалисты в СССР поставили проблемы изучения материалов в ткани романа и их структуры, что соотношение материалов и их структура важны при анализе любой поэмы, романа и т. п.

Следует отметить, что некоторые русские формалисты (Ю. Тынянов,¹² В. Шкловский и др.) были не только теоретиками и историками литературы, но и талантливыми писателями. В своих произведениях они использовали, иногда очень удачно, свои литературные достижения.

В середине двадцатых годов, во время расцвета в СССР группы "Серапионов" и вообще литераторов, экспериментально ищущих новых путей, новых форм и тем, особенно успешно развивается "формальная школа". Тщательно изучаются рифма, метр, особенности русской просодии, структуры "сказа", жанров и тематики литературы. С 1920 года до 1929-го в "Институте истории искусств"¹³ шли дискуссии и изучение литературы с позиций формалистов.¹⁴

Представители высшего научного центра в СССР, ГЛАВНАУКИ, в 1929 г. обвинили всех формалистов во враждебности к пролетариату. Обвинили еще и в том, что представители формального метода в литературе "не помогают построению социализма". Существо, основа всех обвинений заключалась в том, что работы формалистов не касались классовых проблем, не проповедовали материализм и обходили марксизм при анализе структуры любого произведения. Высокая духовная культура, обширные познания ряда ученых формалистов несомненно отталкивали их от сыро-

го, необработанного материала стихов, поэм и повестей ряда “вполне пролетарских писателей”, но и вполне бесталанных. Кроме того, формализм был связан еще с дореволюционными работами и теориями символистов, акмеистов и даже футуристов. Упомяну некоторые статьи В. Брюсова, А. Белого, В. Иванова, книгу В. Шкловского “Воскрешение слова” (1914) и другое. Нападение же марксистов на “Институт истории искусств” в 1929 году руководилось лозунгом: “Кто не с нами, тот против нас”. Не аргументы, но сила, не общественное давление, а партия заставили на долгий срок умолкнуть всех формалистов в СССР. Лживо писалось не раз в СССР, что “формализм исчерпал себя и распался”. Формалистов выгнали из Института при поддержке грубой силы. Это, однако, не значит, что в своих теориях, в оценке литературных произведений, всегда были правы формалисты. Была часто заметна в их интересных трудах односторонность даже в применении лингвистического аспекта при изучении поэзии. Но формалисты были живыми умами, добросовестными работниками и культурными людьми. Р. Якобсон справедливо писал: «On doit reconnaître la contribution substantielle des pioniers russes des années 10 et 20, dans le domaine de la poésie, au progrès de la pensée scientifique concernant la langue dans la diversité de ses fonctions.»¹⁵

Известная часть литературных трудов кружка “Серapiоновы братья” соприкасается с исканиями и работами формалистов.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРЕССЫ

О порче языка в литературе, прессе и жизненном обиходе после революции 1917 г. писалось и часто, и много. Писали крупные переводчики и поэты, такие, как К. Чуковский,¹⁵ такие лингвисты, как В. Виноградов, писатели ранга К. Федина и т. п. О причинах “канцелярита” в языке, о влиянии бесчисленных бюрократических учреждений с их “написательно-стирательным инвентарем” (т. е. проще — карандашом, перьями, резинками) писал в специальном журнале и автор этой книги. Полуграмотные студенты рабфаков, не понимая слов для отвлеченных понятий, полагали возможным употреблять слова по-своему: *довлеть*, что значит *быть достаточным*, они считали имеющим смысл — *господствовать* и т. д. Это давно и хорошо известно всем, наблюдающим жизнь русского языка в СССР. Но не на эту сторону в истории пореволюционного языка я позволю себе обратить внимание читателя. Не на такие “перлы”, как “не лимитирует ли вас плащ?” (т. е. не узок, не стесняет ли?) или: “закругляйтесь купаться” (т. е. заканчивайте купание). В стране, где жизнь сурова, миллионы по суду и без суда отправлены на тот свет, где, по словам Хрущева, при Ста-

лине были годы “когда люди пухли с голоду”, в языке, наряду с грубостью, ошибками в ударениях, царит необычайная *стыдливость*. Вот пригоршня примеров: “умерли от дистрофии” (т. е. с голоду); “бирку к ноге” (хоронить голый труп в общей могиле с меткой смерти). Нет второго или первого класса в вагонах, но есть “мягкий вагон” и “общий вагон”. Никто почти не говорит: “продают сахар, лимоны, помидоры...” Нет: “дают сахар... дают помидоры”, хотя за них надо хорошенько заплатить. Взятка нет, вместо этого надо “дать на лапу”. Если нет нужных товаров, то не говорится, что их нет, — “временные перебои в доставке”. Людей не казнят, а приговаривают “к высшей мере наказания”. Не убивают пулей в затылок, но несчастный “получает девять граммов” (вес пули). Каторги, описанной Достоевским и Чеховым, нет — есть ИТЛ, т. е. “Исправительно-трудовые лагеря” разного режима (описаны А. Солженицыным, А. Марченко и т. д.). Говоря о том, что кого-то бранили, что на кого-то клеветали, средний гражданин или даже селькор (корреспондент сельской газеты) скажет: “его поливали на собрании актива”. Не тирания Сталина, а “культ личности” и т. д. В переводе вся соль таких выражений исчезает. На Западе читатель редко понимает вполне то, что ясно для каждого гражданина в СССР. Вот “положительный” герой едет в больницу, в город, на дачу на своем автомобиле (марки: “Москвич”, “Волга”, “Чайка”). Советский читатель сразу понимает, что герой — большая шишка. У него автомобиль! Или: “В течение 1969 года отсеялось из школы...” столько-то учеников. Это значит — столько-то детей ушло из школы, прекратило учебу, перешло в другую школу. “Мы вас не пропишем...”, т. е. вы не получите разрешение жить в таком-то городе, районе, доме, квартире. И так можно приводить пример за примером. Правда, случается что голая истина встает перед читателем. В книге Роя и Жореса Медведевых бравый майор милиции орет на ученого, закручивая ему руки, и на протест кратко заявляет: “Мы — орган насилия!” Лучше не скажешь, — не порядка, не законности, а насилия.

Глава 1

Ф. СОЛОГУБ, М. ГОРЬКИЙ ОТСТУПЛЕНИЕ О СОЦРЕАЛИЗМЕ А. БЕЛЫЙ, А. ГРИН, А. БЛОК

В этой главе мы коснемся писателей и поэтов старшего поколения — и тех, кто не принял революцию большевиков и весь трагизм бытия новой эпохи, и тех, кто их принял. Среди последних были писатели, встретившие Октябрьский переворот с восторгом, а потом горько разочарованные в нем. Были и такие, как М. Горький, менявшие несколько раз свое отношение к большевикам.

ФЕДОР СОЛОГУБ

Настоящая фамилия писателя Тетерников, годы жизни 1863–1927. Не аристократ, не дворянин, сын ремесленника и горничной, он вошел в круг дворян и декадентов как равный и занял в литературе особое место. Из провинциального малоизвестного учителя стал признанным мрачным метром в прозе и стихах, одним из создателей русского "vers libre", белого стиха.

Его стихи часто печальны и даже угрозы:

Жить с людьми — какое бремя!
О, зачем же надо с ними жить?
Отчего нельзя все время
Чары деять, тихо ворожить?

Многое в этих излияниях было от моды и позы. Он изобретал свои страшные серые слова о фантомах: "Недотыкомка серая" — она скука и зло, "дымно-синеватая, бесстыжая, страшная, кровавая и вонючая". Герой его романа "Мелкий бес"¹ (1905), учитель Передонов, — подлец и сладострастник, доносчик и лицемер. Проф. Renato Poggioli² писал, что один "Мелкий бес" заставляет думать о Сологубе как о русском Barbey D'Aureville³. Кроме того, Галина Селегень справедливо указывала на большое сходство образа фантома Недотыкомки и ряда положений в романе Сологуба с образами и положениями романа J. Huysmans'a *En Route*.

Сологуб дает нам преимущественно душевные переживания и чувства героя и удаляет голос автора. Он занят психикой Зла.

Зло и террор революции большевиков больно ударили по сердцу писателя. Фантазии, игра с дьяволом сменились грустью и горькой печалью. С революцией ему было, видимо, не по пути.

“Жизнь — зловонный зверинец” — писал Сологуб. “Не хочет жизни Бог, и жизнь не хочет Бога”. Н. Гумилев сказал о нем: “Сологуб смотрит на мир сквозь закопченное стекло... Больше всего он любит говорить о смерти... великий поэт-мистификатор”. “Прехитрая вязь”, — заметит об одном романе Сологуба А. Блок. У Сологуба было то прославление смерти, то самого дьявола (“Литургия Мне”). Интересен по ритмам и содержанию сборник стихов “Пламенный круг”, романы “Навы чары” (1909), “Тяжелые сны”, “Заклинательница змей” (1921). Острые, эротизмом и пессимизмом проникнутые пьесы: “Победа смерти” (1907) и “Любовь над безднами” (1914), и др.

В творчестве Сологуба очень сложно переплетаются влияния русской и иностранной литературы. Тут Чехов и Гоголь, Достоевский и Салтыков-Щедрин, Э. По и Ш. Бодлер, П. Верлен, Э. Верхарн и М. Метерлинк.

После революции, после постигших писателя личных несчастий, в холоде и голоде новой эпохи⁴ все изменилось в его мировоззрении:

У Тебя, милосердного Бога,
Много славы и света и сил.
Дай мне жизни земной, хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил.

Но и ранее, и позднее, как это ни странно, в стихах Ф. Сологуба прорывались нежность и ласковость. В “Тихой колыбельной” поэт говорит:

Много бегал мальчик мой,
Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой,
Мои ножки задремали.
Я спую тебе, спую:
Баю-баюшки-баю.
Тихо стукнул в двери сон.
Я шепнула: “Сон, войди”.
Волоса его, как лен,
Ручки дремлют на груди.
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю...

Революция не была принята писателем.

М. ГОРЬКИЙ

Если о А. Серафимовиче и Д. Фурманове можно сказать, что прославление обоих в учебных пособиях СССР вызвано главным образом их верностью линии партии, то о Максиме Горьком (настоящие имя и фамилия Алексей Пешков, 1860–1936) этого сказать нельзя. Писатель имел мировое имя. Однако было бы совершенно ошибочным утверждать, как проф. Л. Тимофеев в своей книге о советской литературе, изд. 1950 года, что каждый период русско-советской литературы связан с М. Горьким. В литературно-критических кругах в СССР Горького иногда именовали “больным, гнилым зубом советской литературы”. Известно, что в 1917–1918 гг. писатель отзывался очень критически о большевизме в социал-демократической газете “Новая жизнь”, и за это летом 1918 г. большевики закрыли газету. Горький жестко критиковал террор, элементарное нарушение законности партией большевиков и действия ассоциации “Пролеткульт”. Его критика была сходной с тем, что писал Е. Замятин в своей статье “Я боюсь”: “Нужно унижаться, чтобы печататься, надо стать чиновником в литературе, иначе нет хлеба, нет жизни”.

До 1921 года Горький старался помочь ученым и писателям-демократам всеми возможными средствами, в том числе и созданием “Дома ученых”. В 1921 году в искреннем разочаровании М. Горький покидает СССР.

Писатель прошел особую школу жизни. Он родился в мещанской семье в провинции, был в магазине мальчишкой на побегушках, пекарем, грузчиком, бродягой, сторожем, судомойкой и т. п. В литературу писателя-самоучку ввел Владимир Короленко.⁵

Ранние рассказы: “Макар Чудра” (1892), “Девушка и Смерть”, “Челкаш”, “Песня о соколе” (1895), “Песня о буреви́стнике” (1901) и другие рассказы и повести. В центре его насыщенных романтикой рассказов — бродяга-бунтарь. Это некая гордая личность с оттенками поведения и характера то Степана Разина, то нищестанствующего интеллигента. В упомянутой песне о соколе-борце гордая птица, и умирая от ран, с радостью говорит о просторах неба, о высоте полета, о славе смерти в борьбе с врагом, которую она предпочитает униженному пресмыканию на сырой земле. Это слышит уж, пробует прыгнуть в небо, но ничего, кроме пустоты, в нем не увидев, падает обратно на землю. Уж не понимает, чем восхищался сокол: “Рожденный ползать летать не может”. Эту фразу, как ответ обычным гражданам, боявшимся террора и революции, часто повторяли иные революционеры начала XX века. Но трудно мне поверить, что эта фраза была созданием самого М. Горького, а не перифраз из басни поэта XV111 века И. Хемницера (1745–1784): “Кто ползать родился, тому уж не летать”.

Горький в своем литературном развитии дал и глубоко реальные и тро-

гательные произведения: "Мой спутник", "Дружки", "Мои университеты"; пьесы: "Мещане" (1901), "На дне" (1902). Романы: "Фома Гордеев" (1899), "Трое" (1900) и другие выдвинули Горького на первый план русской литературы. Правда, и в этих вещах есть некий налет личной романтики, порою в духе Кнута Гамсуна. В. Ходасевич заметил позднее: "Горькому нравилось только все то, что украшает действительность, от нее уводит или с ней не считается... прибавляет то, чего в ней нет".

По сердечной доброте писатель поддерживал юные дарования (например, В. Иванова, И. Бабеля). Ю. Анненков говорит в "Дневнике моих встреч" (1, 46): "Величайшей для него радостью бывало найти, поддержать и выдвинуть новое литературное дарование". Сильно привлекал к себе Горького и героизм революции, жертвенность молодых революционеров. (См. в рассказе "Старуха Изергиль" новеллу о символическом герое Данко). В романе "Фома Гордеев" и особенно в "Деле Артамоновых" бунтарь-писатель нападает на буржуа и на фабрикантов-промышленников, угнетающих рабочих. Купец Игнат Гордеев груб и жаден, не лучше во многом и его сын Фома. В типе же купца Якова Маякина много чисто русских черт: широта натуры, любовь к инициативе, к живому творческому труду.

Основой для романа "Мать" (1906) служат события в предместьях Нижнего Новгорода (с 1932 г. — город Горький). В центре этого (не очень удачного) романа — рабочий Павел Власов и его мать Пелагея Ниловна. Пелагея сперва кроткая жертва семьи, мужа и тяжелой жизни, но постепенно ее сын и его друзья, рабочие-революционеры, ее перерождают. Она находит в себе новые силы, отстаивает свои права в семье. Далее описывается неудавшаяся революционная вспышка — восстание рабочего люда, но автор предвидит в будущем скорую победу революции.

Из самых удачных с точки зрения художественной ценности произведений Горького надо отметить "Детство" (1913) с замечательным персонажем — бабушкой героя, и "Мои университеты" (1923). Последний, очень обширный роман "Жизнь Клима Самгина" (1936) растянут и вообще слабее двух предыдущих автобиографических вещей.

В 1928 году писатель вернулся в СССР, послушавшись призыва В. Маяковского в 1927 г. вернуться, получить "любовь и квартиру" и вести за собой русских писателей: "Учи! Веди!" Горький приехал как раз к началу первой "пятилетки" и к зажиму литературы по воле Сталина. О действиях и словах писателя после возвращения на родину существуют противоречивые мнения и противоположные свидетельства. О благожелательности писателя, о его помощи, о защите им многих невинных людей и спасении культурных ценностей писали К. Чуковский и О. Форш. Известно, что, несмотря на настояния, он не написал биографии Сталина. Есть серьезные основания верить, что Горький был отравлен подосланными в его окружение убийцами из Кремля. Сам писатель говаривал друзьям, что его окружили, как зверя охотники и "ни вперед, ни назад ходу нет". Он назы-

вал себя "околопартийным". Ю. Анненков ("Дневник моих встреч", 1, 52) приводит свидетельство сосланного в лагерь проф. Плетнева, что Горький рвался из СССР в Италию, но его не пускали.

Горький получил особо украшенную бонбоньерку из Кремля. Писатель съел конфету-другую и угостил двух санитаров. "Все трое умерли от яда".

В СССР и за границей одни ненавидели Горького за его службу режиму, за пропаганду и ложь о пятилетке, о "перековке характеров" заключенных, а кто так и яростно защищал, жалел и вспоминал то добро, которое Горький сделал не партии, а всем нуждающимся людям. Следует все же указать на неблагоприятную роль Горького на первом "Всесоюзном съезде советских писателей". Там автор романа "Мать" говорил, что "социалистический реализм есть правда жизни, насыщаемая поэзией идеала" и т. п., стремясь подчинить литературу партийной указке.

Всю правду о Горьком мы не скоро узнаем. Не писал ли храбро Всеволод Иванов,⁶ полный революционного романтизма, о Горьком и о Сталине: "Россия дала ему всю силу любви, как она дает ее сегодня Сталину". И это правда, но не сказал ли незадолго до смерти сам писатель, что "время прожитое в СССР МАКСИМОМ ГОРЬКИМ — МАКСИМАЛЬНО ГОРЬКОЕ".

Кое-что интересное о последних годах жизни писателя можно найти в книге невозвращенца И. Гузенко "Падение титана" (*The Fall of the Titan*.)

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

В связи с выступлением М. Горького на упомянутом Первом съезде писателей⁷ и утверждением Сталина, что "писатели — инженеры человеческих душ", следует кратко коснуться пресловутого "социалистического реализма" в советской литературе. На основании разных речей советских идеологов и писателей, а равно указаний энциклопедий и словарей по эстетике, учение и постулаты соцреализма следующие: 1) Центр всего — революционная борьба рабочего класса и усвоение писателем его революционной идеологии. 2) Свою связь с обществом художник воспринимает как необходимость борьбы за коммунизм. 3) Соцреализм *проникнут оптимизмом*, а его порывы в будущее должны быть выражены в конкретно-историческом подходе к справедливости, добру, злу и свободе, но *с позиций марксизма-ленинизма*. 4) Верность жизненной правде с точки зрения коммунистической партии и ее интерпретация народности. 5) Характеры героев писатель должен брать типичные в типичных обстоятельствах, выражающих тенденцию общего развития в сторону будущего коммунизма; *подчеркивать положительные стороны* в жизни социалистического общества. 6) Писатель должен выражать гражданский пафос и коммунистическую

партийность в создании типа нового положительного героя во всем революционном развитии жизни. "Большевистская тенденциозность" — необходимое оружие советского писателя, по словам Всеволода Иванова. В представители соцреализма, кроме М. Горького, ранее включались: Бруно Ясенский⁸ (1904—1936), Антон Макаренко⁹ (1888—1939), Николай Островский¹⁰ (1904—1936), Алексей Толстой¹¹ (1883—1945) и другие. Мне кажется, всякому понятно, что соцреализм есть полное подчинение художника партийной линии.¹²

Как яркий пример партийной критики-угрозы, можно привести статью из газеты "Правда" 1933 года против О. Мандельштама. В статье разбирается "Путешествие в Армению" ("Звезда" № 5). Высмеивается стиль, лексика, метафоры поэта, но центральное обвинение имеет два основных пункта: 1) О. Мандельштам есть *остаток старых классов* и 2) "Поэт-акмеист О. Мандельштам *прошел мимо* бурно цветущей и радостно *строящей социализм Армении*". За такими отзывами официальной прессы шли всегда и дела. Редактор "Звезды" был уволен, Мандельштам взят на мушкет и лишен права издавать свои произведения. И хотя теперь нет прежней быстроты расправ, но принципиальный подход к писателям остался прежним.

Н. Мандельштам ("Вторая книга", глава "Они") приводит слова Алексея Суркова о Солженицыне: "Я, конечно, понимаю, — сказал Сурков, — что Солженицын крупный писатель, но "если враг не сдается — его уничтожают". Как видим, Сурков опирается на известную цитату из М. Горького.

А. СЕРАФИМОВИЧ

Александр Серафимович (настоящая фамилия Попов, 1863—1949). До революции 1917 года был членом левой партии социал-демократов. Казак по рождению.

В 1906—1910 годах написал роман "Город в степи". Злодей трактирщик, капиталист Захар Куроедов закабаляет рабочих, строящих железную дорогу. Видно во всем влияние М. Горького и таких вещей Чехова, как "По делам службы" и особенно "Случай из практики".

После революции писатели-демократы удалили Серафимовича из своего кружка "Среда"¹³ и Союза писателей за его восхваление режима и террора. Сын Серафимовича сражался на стороне красных и погиб. Сам Серафимович всячески помогал Красной армии. В 1924 году вышел его роман, особенно хвалимый советской критикой, "Железный поток". В центре романа офицер из казаков — Кожух, человек, известный своей необыкновенной храбростью еще со времен первой мировой войны. Он выводит из окружения Таманскую армию и она героически пробивается к большевикам

не север. Руководимая Кожухом партизанская армия состоит в основном из безземельных рабочих и батраков северо-западного Кавказа. Описание ее исхода — это описание акции массы, ее инстинктов. Хорошо и живо описаны храбрость и безмерная жестокость. Краски яркие и сцены из романа запоминаются. Сам Ленин писал Серафимовичу: "...Мне очень хочется сказать вам, как *нужна* рабочим и всем нам ваша работа и как необходима для вас твердость теперь..."¹⁴ Это письмо и дружба с сестрой Ленина обеспечили славу и успехи Серафимовича. Его "Железный поток" стал классическим произведением для всех приверженцев политики в литературе и поклонников социалистического реализма и был включен в советские школьные учебники литературы. "Железный поток" несомненно отвечает правилам создания широких полотен неореалистами: ясность фона, яркость цветов, перспектива пространства и учет движения во времени. Сохранены принципы композиции — компоновки многих фигур вокруг "центра" картины. Ясно формулируется замысел, идея романа. Правда, в вещах Серафимовича совершенно отсутствует интерес к психологии личности, — только к психологии массы. Но как бы ни относиться к Серафимовичу, надо признать его значительность для развития литературы, подчиненной партии. Серафимович помог и Михаилу Шолохову пробиться в литературу, одобрив рукопись "Тихого Дона" и рекомендовав ее для журнала в ее первоначальном виде.

"Тихий Дон" Михаила Шолохова — одно из самых значительных произведений советской литературы периода, сопутствующего гражданской войне. Этот роман крупнее "Чапаева" (1922), романа о вожде партизан в Сибири, написанного Дмитрием Фурмановым (1891—1926) и даже повести Александра Фадеева "Разгром" (1927).¹⁵ — попытки индивидуализировать психологию героев в духе Л. Толстого. Во всех этих произведениях всячески подчеркивается особая роль "революционного духа" компартии. Например, один из героев "Разгрома", рабочий Морозка — "*пролетарское*, классовое начало. Вот что определяет главное, наиболее существенное в его нравственном облике".

Я не думаю, что мы можем здесь сомневаться в искренности авторов, но их художественное мастерство не очень-то высокого качества. Для новой эпохи советской литературы ценна попытка А. Фадеева описать психологическую сложность своих героев по образцам русских классиков.

В. БРЮСОВ

Несколько особняком, примыкая к символизму и акмеизму, стоит творчество Валерия Брюсова (1873—1924). Родом из купцов, он стал "русским советским писателем", как писала советский литературовед А. Громова. В 1920 г. Брюсов стал членом компартии. Лучшая книга о

нем принадлежит перу эмигранта проф. К. Мочульского (ИМКА—Пресс, Париж, 1962). Увы, этого литературовед А. Громова еще не знала, когда писала свою книгу. Брюсова высоко ценили как поэта столь различные представители русского Парнаса XX столетия: А. Белый, А. Блок, М. Волошин, М. Кузмин, В. Иванов, и даже Н. Гумилев считал себя учеником Брюсова. Эрудит, человек талантливый, но не гений, Брюсов всегда страдал непомерным тщеславием, даже манией величия, желанием комфорта во что бы то ни стало и равнодушием. Отсюда его переход после 1917 г. в партию коммунистов, в ту, которую он до победы Ленина называл "врагом искусства". В Брюсове жил не только символист, но и вечный скептик:

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно...

Или холодное:

Я больше дольних смут не вижу,
Ничьих восторгов не делю.
Я никого не ненавижу
И — странно мыслить — не люблю.

Иногда Брюсов поднимался выше обычного своего мастерского версификаторства. Сильно своей звучностью стихотворение "Поэту":

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь...

Хороша его "Осень", чье начало тоже стоит привести. Особенно интересны особые внутренние рифмы, так называемые "средние":

Ранняя осень любви умирающей.
Тайно люблю золотые цвета
Осени ранней, любви умирающей.
Ветви прозрачны, аллея пуста.
В сини бледнеющей, веющей, тающей,
Странная тишь, красота, чистота...

Прекрасно начало, да и все стихотворение о музе и поэте:

Отступи, как отлив, все дневное пустое волненье!
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!

Слышу — тихо грохочут с волной уходящей камня...
Вижу — алый закатный туман превращается в дым...

Из сборников стихов отметим: *Tertia vigilia* (1900), *Urbi et Orbi* (1903), *Stephanos* (1906) — гимн уничтожению старого; "Зеркало теней" (1912) и "Семь цветов радуги" (1916). Исторические романы Брюсова "Огненный ангел" и "Алтарь победы" — есть освещение современности прошлым: историей Германии XV века и Рима I века. Особой художественной ценности они не имеют. Но учителем многих поэтов, научившим их создавать крепкий стих из мрамора и бронзы, Валерий Брюсов был.

Критикуя ранее идеи Ленина, он кончил славословиями: "У Кремля" (1923), "Ленин" (1924). Художественной ценности эти стихи не имеют.

А. БЕЛЫЙ

Андрей Белый (1880—1834), настоящая фамилия Бугаев. Был сыном очень известного профессора математики Николая Бугаева. Мать, упрекая сына, грозила: "И ты будешь математиком!" Мужа она не понимала и не любила. Личность А. Белого прекрасно описали три автора: "Б. Зайцев ("Далекое"), Ирина Одоевцева ("На берегах Невы") и К. Мочульский в интересной монографии "Андрей Белый". Белый был из второй волны, из младших символистов. Человеком он был неуравновешенным и в словах, и в делах, и в своих произведениях. Он был капризен, иногда полубезумен. Одно время он очень увлекался Р. Штейнером, а потом неизвестно почему клял его и грозился "вывести на чистую воду". Был он "клубок чувств, нервов, фантазий, пристрастий, вечно подверженный магнитным бурям, всевозможнейшим токам, и разные радиоволны на разное его направляли. Сопrotивляемости в нем вообще не было. Отсюда одержимость, "пунктики", иногда его преследовавшие". Сам о себе Белый скажет:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел¹⁶
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Или:

Не смейтесь над мертвым поэтом,
Снесите ему венок.
На кресте и зимой, и летом
Мой фарфоровый бьется венок...
Пожалейте, придите,
Навстречу венком метнусь.

О, любите меня, любите,
Я, быть может, умер, быть может, проснусь,
Вернусь...

Прекрасную характеристику творчества Белого дал Р. Гуль еще в 1923 г. (См. его "Одвуконь", 1973). "Андрей Белый весь в творческой дисгармонии. Живописность речи, "Цвет слова" у него отсутствуют совершенно. Напротив, "музыка", "звук слова" доведены им до невероятной, вагнеровской силы. Книги Белого — звукопись. Белый не писатель — "певец". Но не песенник, хватающий за сердце. Белый — холодный колоратурист камерных утр". Звукопись, бесполость лиц и мертвость сюжетов отмечены Р. Гулем: "Нет эроса и невнятица". Но, прежде всего, Белый — символист. В 1909 году в статье "Эмблематика смысла" поэт замечает: "Символ для меня есть некоторое религиозное исповедание, имеющее свои догматы. Символ есть единство формы и содержания, данное в индивидуальном переживании... Вероятнее всего, теория символизма будет не теорией вовсе, а новым религиозно-философским учением". В другой статье, написанной под влиянием Риккерта,¹⁷ он говорил, что "искусство претворяет образы жизни в образы ценностей. Религия реализует их в жизни".

Однажды, грозя расправиться, оскорбить одного писателя действием (так взбрело на ум), он впадает в полубморочное состояние. "Одним словом, Пьеро, и сейчас, как в "Балаганчике", из него потечет клюквенный сок" (Б. Зайцев, "Далекое"). "Груз некоего чудачества и монструозности, — метко заметит Б. Зайцев, — утомлял". Всюду рыдание, всплески душевного волнения и некоторой истерии.

Белый, кажется, никого серьезно не любил. Привлек было к себе и замучил жену Блока.

В политике он был, в общем, левого устремления, к марксизму, кажется, был близок, если верить его воспоминаниям ("Начало века", 1933 и "Между двух революций", 1934). Октябрь Белый встретил восторженно: "Россия — Мессия грядущего дня, безумствуй, сжигая меня". Но отчего же сей гордый марксист, проклявший теософов и антропософов, умер с образком Богородицы на груди?

Сборники его стихов интересны, вычурны, порой непонятны, но стих нов и звучен в сборниках "Золото в лазури" (1904), "Урна" (1909), "Христос Воскресе" (1918) и др. Тип некоторых выражений А. Белого легко найти в стихотворениях "Поэме первое свиданье..."; "С луны ущербной скатилась капля..."

В прозе он создал автобиографические "Котик Летаев" (1922) и "Крещеный китаец", а ранее "Серебряный голубь" (1909), и главное — роман-фантазмагорию "Петербург" (1914 г. — первая версия и 1922 г. — вторая). Все они свидетельствуют о том, что Белый был мастером слова,

во многом учеником А. Ремизова. Символы — образы, сатира и скорбь, гротеск и фантастика то в духе Ремизова, то Гофмана, то своя. Резко вычерчена на мрачном фоне городского быта личность сенатора Аблеухова, духовно мертвого человека, — искаженное изображение русского политического деятеля К. Победоносцева.

В издании "Петербурга" 1923 года многое изменено по сравнению с изданием 1916 года. В 1916 году Белый думал о грядущей революции как о "Бесовщине и торжестве восточного Хаоса". В 1923 году революция уже есть благое явление, иногда несущее беду отдельным личностям. Ряд своеобразных и живых идей был вообще удален из второй редакции. Да и нельзя было иначе, А. Белый решил вернуться в СССР.

В области теории стиха, изучения стиля Белый написал ряд спорных, но живых статей и книг: "Гласолалия", "Символизм" (1910), "Ритм как диалектика", "Медный всадник" (1929) и "Мастерство Гоголя" (1934). Но настоящим ученым наш поэт не был. Рассуждая о звуках языка, о том, например, что "а" хорошо для изображения величия, пространства, он, видимо, следует за А. Рембо.¹⁸ Но, вероятно, не знаком с подобными рассуждениями М. Ломоносова,¹⁹ написанными за полтора века до него, за сто с лишним лет до Рембо.

Личность Андрея Белого, в сущности, очень типична для круга символистов и футуристов начала XX века. Он был весь в истерии поисков, фантазий, мгновенных всплесков и бурления своих чувств. Ему даже были видения на могиле Ф. Ницше.

А. ГРИН

Александр Грин (настоящая фамилия Гриневский. 1880—1932), несомненно фантаст, "белый маг", символист, гуманист. Однако с молодых лет Грин был революционером, в 1917 году служил в Красной армии.

Есть во всем творчестве Грина убежденность последовательного романтика. Он любит приключения добродетельных героев и сказочную атмосферу.

А. Грин был поляком по отцу, и, несомненно, в его творчестве была доля польского романтизма, кое в чем близкого романтизму Джозефа Конрада.²¹ Жила в писателе страсть к морю, к голубым дорогам океанов, к экзотике. На крыльях мечты уносился Грин за горизонт, туда, где была некая волшебная и счастливая страна Гринландия... Приключения с ранней юности влекли его к себе и в жизни, и в книгах — Р. Стивенсона, А. Конан-Дойля, Майн Рида, Ф. Купера и П. Меримэ. В своей бурной жизни писатель был матросом, золотоискателем на Урале, солдатом и революционером-эсером. Трижды царское правительство сосылало его в отдаленные губернии за пропаганду революции.

Первым опубликованным рассказом Грина был рассказ "Заслуга рядового Пантелеева" (1906), а под рассказом "Апельсины" (1908) впервые находим подпись "А. Грин". Самые известные его повести: "Алые паруса" (1923),²² "Сердце пустыни", "Бегущая по волнам" (1928), "Дорога в никуда" (1930). Посмертно издана в 1938 году (с ценными статьями К. Паустовского и М. Слонимского) "Золотая цепь. Автобиографическая повесть". В Ленинграде вышло в 1927/1928 гг. "Полное собрание сочинений А. Грина".

В советской критике писателя сперва кое-как терпели, а публика читала его запоем. Позднее критика стала обвинять Грина в космополитизме и в нечистом смысле его искусства, а заодно и в плохом подражании Э. По и Р. Стивенсону. Новый изгиб партийной линии в 1964 году принес и новую переоценку творчества нашего романтика: "Рассказы, романы и повести Грина проникнуты романтическим мироощущением. Превосходный пейзажист и тонкий психолог, он умел раздвинуть рамки обыденности и обнаружить в окружающей жизни ее поэтические стороны... Его творчество продолжает гуманистические традиции русской литературы".

Г. Струве считает²³ А. Грина "третьестепенным Р. Л. Стивенсоном", но, к счастью, это неверно. Грином восторгались такие крупные писатели, как К. Паустовский и Юрий Олеша, высокую оценку его творчеству дал и С. Фриш²⁴, а также профессор литературы, коммунист Александр Флаккер.²⁵ Он посвятил Грину одиннадцать страниц в своей книге о современных русских писателях. Тема главы в книге Флаккера "Волшебник из Гель-Гью" взята из русской книги Л. Борисова, написанной им о "Волшебнике из Гель-Гью" (1945), однако любовь югославского автора к А. Грину несомненно искренна.

А. Грин стоит особняком в русской литературе XX века. Его фантазии — это не ужас пророческой утопии Е. Замятина, не научно-фантастические и сатирические фантазии братьев Стругацких, но приключения и обязательная победа благородных, верующих сердец в фантастической Гринландии, т. е. стране Грина. Любопытно отметить, что почти четверть названий городов, гаваней, портов западные — американские, иногда звучащие как арабские: Лисс, Зурбаган, Жертон подобны названиям Lyss, Sugarahammar, Sarraga и пр., а сама Гринландия сходна с Гренландией. То же происходит и со значительной частью имен героев у писателя: Ассоль (Assol, что значит "простить"), Лонгрэн (Longren), Рабид (Rabid), Меннерс, Кист, Род, Фрези Грант и др. звучат не по-русски, а по англо-саксонски. Гринландия — "земля снов", как заметил в своем стихотворении поэт В. Рождественский²⁶ — ученик акмеистов. Восторженно писал о нашем фантасте сибиряк Виссарион Саянов²⁷: "Необычна у Грина сила мечты, вера в красоту вымысла, живость новоизобретенных приключений и чувство внезапно счастливого случая. А море всегда у него нечто таит и обещает, и мечта сбывается". Нет, далеко не третьесортный писатель А. Грин! Сам стиль и язык Грина особый, насыщенный метафорами, живым восприяти-

ем звуков, света, цвета и форм. Вот солнце заходит и "закат машет красным платком"; звук голоса, красота женщины сравниваются писателем с музыкальной струной, повитой цветами. Прав был А. Флакер, назвав романы Грина и его повести "светлыми, солнечными и интересными". Сердце писателя тосковало в кровавых буднях пролетарской революции. Бедно жил непрacticный, добрый Грин. В 1920 году, после тифа, он бродил по улицам холодного Петрограда и просился переночевать то к одному, то к другому знакомому. На третьем году победы пролетариата в Петрограде уже больше не существовало даже радушного "Странноприимного дома" священника Иоанна Кронштадтского. Да беда-то была еще и в том, что Грин не воспевал революцию, он просто о ней не писал. Не звал читателя к коммунизму и социализму. Хорошо сказал один из героев его романа: "Много ведь придется в будущем увидеть тебе не алых, а грязных и хищных парусов; издали нарядных и белых, вблизи рваных и наглых". В СССР, мне думается, все ждут не дождутся "алых парусов". Но что-то не видно их в гаванях и портах великой страны — издали они белы, их паруса, а вблизи "грязные и хищные".

А. Грин²⁸ — кто угодно, но не советский писатель.

А. БЛОК

"В сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже на фоне зрева..."

"Искусство есть Ад".

А. Блок

Александр Блок (1881—1921) происходит из высококультурной дворянской семьи. Был женат на дочери великого русского химика Менделеева.

Можно считать, что Блок начинает собой лирико-эпическое направление в русской советской поэзии. Блок — несомненный романтик, часто по духу символист. Очень большой лирический талант и театрал-лицедей. В чуткой душе поэта уже рано зазвучала ненависть революционера к прошлому, к властям, к самому укладу жизни. Мало того, проявлялись в нем и разрушительные инстинкты уличной, опьяненной вином и бунтом, толпы. Вспыхнули в его мозгу смутные, но горячие идеи, чаяния полного и всеобщего обновления мира,²⁹ после омовения его кровью. Евразия увлекла его даже мечтой о захвате и разрушении Европы — "Скифы". А в романтической душе, в декадентском слухе его музы слышалась, вместе с

шумом падения старого мира, обольстительная тогда для Блока музыка разнузданной грозной стихии Революции. Ей, этой музыке он, безвольный, мягкий интеллигент, и отдавался. Потом наступило отрезвление, ужас, прижали уже к грязи земной, а не к трактирной стойке,³⁰ — непрактичность, неумение приспособиться, урвать кусок хлеба, сохранить жилище.

И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: "Свергни! О, свергни!" —
Не будят жалости в сонной волне...
И в небе сером холодные свету
Одели Зимний дворец царя.
И латник в черном не даст ответа,
Пока не застанет его заря.
Тогда, алея над водной бездной,
Пусть он, угрюмый, опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бесполезной
За древнюю сказку мертвым лечь.

(1905)

Как это ни странно, о Блоке лучше всего написали не критики, а художник и писатель: Ю. Анненков ("Дневник моих встреч") и Б. Зайцев ("Далекое"). Воспоминания о своей молодости и о России писатель начинает с А. Блока, которого он впервые встретил в Петербурге на собрании издательства "Шиповник" в 1907 году. В те времена Блок постепенно уходил от стихов о "Прекрасной Даме" к "Незнакомке", тяготел к ночным посещениям кабачков. "Каким-то ветром все его шатало, он даже ходил как бы покачиваясь". Лицо Блока от вина потемнело и покраснело, глаза потускнели. Это время стихов "Снежной маски", некоей разочарованности, отчаяния, "подозрительных незнакомок", притонов, да чувство налетевшей метели, хаоса в сердце и в уме. Но была при этом искренность, даже пронзительность ощущений поэта: "Его судьба — в его стихах... Немезида надвигалась, а слепые ничего не знали твердо, чуяли беду, но руля не было". Выразителем утонченной, но болезненной культуры тонкого слоя тогдашней интеллигенции и был Александр Блок. Его стихи находили отклик. "К среде интеллигентов отлично шел тонкий тлен его поэзии, ее бесплотность и размывчатость, негероичность". Даже на войну 1914 года Блок почти и не отозвался, пропустил, о другом думал.

Поэма "Двенадцать" (1918) прославила поэта. В ней есть и пустота смерти, и радость революционного порыва, и некая тоска. Отдел восьмой кончается воплем "Скучно!". "Действительно, — пишет Б. Зайцев, — двусмысленная поэма". В конце является Христос, ведущий двенадцать апостолов-убийц. Он в "белом венчике из роз", за ним идут грешники в

рванных пальтишках с австрийскими ружьями. Они, эти двенадцать, погибли "за великое дело, за освобождение "малых сих", и Христос это благословляет". Но Он не только в венце из белых чистых роз, Он и с красным "кровавым флагом". В поэме, — говорит Зайцев, — "нет воздуха, ни света, и ни пафоса, ни искупления". Палят-стреляют и "в святую Русь, кондовую, избяную, толстозадую". В "Двенадцати" есть поэзия, "всегдашний блоковский хмель и тоска, и дикая Русь, и мрак". Страшно за поэта, видно, что "надо было что-нибудь да полюбить, на чем-нибудь да утвердиться... И вот явилось "человечество" и революция. Музыка революции воспроизведена, а разрешение?.. Мелькнул Христос, мелькнуло видение Революции, как ложная Незнакомка". Почему же Блок на вопрос о Христе в поэме ответил: "У меня Христос компилятивный". В записях 1918 года Блок дает набросок пьесы из жизни Христа. Но там Иисус "ни женщина, ни мужчина", а святой Апостол Петр — "дурак Симон с отвислой губой". Как же поставить такого Христа во главу Революции? Словом, это и был "компилятивный Христос"! Вскоре перестала звучать музыка Революции, отчаяние охватило слабовольного поэта. Он "окончательно во всем разуверился", отказывался читать "Двенадцать", но "Скиффов" еще читал, ими кому-то далекому грозил. А кругом было трудно и скучно. Блок болел, холодал... В "Доме печати" бурные футуристы и имажинисты при чтении поэтом стихов, видя испитое лицо Блока, кричали ему с мест: "Мертвец! Мертвец!" А после смерти поэта "устроили издевательские поминки под непристойным названием". "Блокизм" же "расплывчат и тепличен, нездоров, некрепок и ничем активным не обладает".

Таков приговор Б. Зайцева сломленному, побежденному жизнью, тоской и горечью Блоку.

Г. Федотов ("На поле Куликовом") отметил очень существенное во всем творчестве Блока: "Революция 1917 года была воспринята им не только как русское явление, но как крушение гуманизма вообще".

Ю. Анненков охватывает шире творчество А. Блока и общество любителей его поэзии. Чувствуется дух легкоплавкой, легко возбудимой интеллигенции начала XX века. Рождение иллюзий и последовавшая очень скоро гибель этих иллюзий. Современники поэта опьянялись его лирикой, будь то юные студенты или крупные поэты, такие, как А. Ахматова. Язык Блока часто неправилен³¹, во многих стихах нет ни отточенности формы, ни особой глубины; заметна некоторая глухота, нечуткость к юмору, к здоровью и смеху. Но надо всем у Блока господствует музыкальная стихия. Писать звучно грустные стихи, начиная со стихов о котике, он стал в шесть лет (К. Мочульский. "Александр Блок"). Поэт утверждал: "Музыка есть сущность мира. Мир растет в упругих ритмах... Культура есть музыкальный ритм". А вот, как сказал Б. Пастернак, "Блоком бредила вся молодежь обеих столиц" (т. е. Петербурга и Москвы). Музыка ее к себе влекла и опьяняла. Порывы романтической влюбленности, любовь-

страсть, гульба и вместе с ней искание потустороннего мира — привлекали юные сердца. Студенты увлекались театром, театральным волшебством преображения жизни (Метерлинк, Ибсен, Гауптман, Андреев), восторгались "Розой и крестом" и "Балаганчиком" Блока. В ресторанах и пивных молодежь под звон стаканов декламировала Блока:

И каждый вечер, в час назначенный,
(Иль это *только снится* мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В *туманном* движется окне.

Романтический сон-мечта, туманность, шелка́, предназначенность часа!

Анненков говорит, что "Незнакомкой" увлекались и проститутки, и начали носить на шляпах черные траурные страусовые перья.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие, бездонные,
Цветут на дальнем берегу.

Неясно, но звучно и романтично!

О себе, о душе своей Блок скажет:

А ты, душа... душа глухая
Пьяным пьяна... пьяным пьяна.

Или "Я пьян давно. Мне все равно". И в действительности поэт пьянствовал, "слушая музыку мира", а писал часто в духе цыганских романсов. Но было в лучших стихах поэта и искреннее томление духа и некое тайновидение; нездешней тишиною веет на чуткую душу простое стихотворение, без новости в рифмах, без усложненной ритмики:

В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.
Все, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём — туманная
Только улица страшна.
Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-белая,
Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна,
И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время, безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.
Стало тихо в дальней спальне —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.

Стихи эти о сне ребенка и заботливой матери? Или речь о Белой Невесте, о смерти, когда часы и сердце остановились, а смерть глядит на опочившего младенца? Есть тут некое колдование, волшебство звука в сочетании знакомых, но ставших таинственными слов. Пленительны и стихи о первой любви, посвященные, вероятно, К. М. Садовской:

Все, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвывается
Эта повесть в ночных небесах.
Жизнь давно сожжена и рассказана.
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь...

Однако несомненно совершенно особое значение для всего поэтического наследия Блока поэмы "Двенадцать". Но в ней, как и в жизни поэта, только противоречия и вечная тоска. В 1917—1919 гг. он верил в "ураган, неизменный спутник переворотов... Революция есть музыка... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием слушайте Революцию". Мировой пожар считал "целью, а не этапом" революции. Блок говорил Анненкову об оправданности уличных убийств, самосудов, о "Мировом оркестре народной души". Или: "Улица ворвалась в мастерскую художника, и золотое время одиноких странствий миновало".

Красноармейцы в "Двенадцати"

Идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос,
А рядом жметесь шерстью жесткой,
Поджавши хвост, паршивый пес.
Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос,
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

В 1918 году в прозе напишет поэт об Октябре: "Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым. Чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная³² наша жизнь стала *справедливой, чистой, веселой и прекрасной* жизнью". Но жизнь давила уже серьезно и грубо. Вскоре он завопит другу: "Я задыхаюсь, задыхаюсь!.. Опротивела марксистская вонь". Как же так? Октябрьскую революцию произвели же именно марксисты! И вот, вскоре нет и звуков революции в душе: "Все звуки прекратились... Никаких звуков (жизни) нет... В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее *слепо*, чем в январе 1907, или в марте 1914". А в 1920 году он чуть-чуть отрезвел: "Политика грязна, и она может убить смысл поэмы". В дневнике Блок говорит со страхом о терроре, о том, что нельзя падать духом. Уже не зовет его "музыка уличных слов", ритмы частушек. Просидев три дня под арестом, Блок пугается и сдает. Квартира его стеснена. За стеной — стопроцентные пролетарии новой эпохи, новый мир. Но они не по душе эстету: "Сволочь за стеной заметно обнаглела. Все нежизнеспособные³³ сходят с ума. Все паучье, плотское, грязное населяется вампиризмом". К довершению бед поэта выселяют из квартиры. Мать больна нервами. Нет отопления, нет электричества, телефон не работает. Домком³⁴ властно требует, чтобы поэт дежурил ночью у ворот дома. Поэт пишет: "Россия слопала меня, как чушка своего поросенка". В 1921 году Блок пишет последнее стихотворение, посвященное Пушкину. Он кланяется, прощаясь с Пушкиным, уходит с Сенатской площади и вызывает к родоначальнику русской поэзии:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в *немой борьбе!*..

Но разве *немая* поэзия может бороться?!

Блок умер не столько от холода, недоедания и гриппа, сколько от отчаяния мягкого заблудившегося сердца и нестойкого ума. В "Двенадцати" это ясно; стихия ветра господствует в них. Начало поэмы погружает читателя сразу во мрак, мороз, снежную бурю:

Черный вечер,
Белый снег,
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек, —
Ветер, ветер на всем божьем свете...

Стихия ночи, грозного ветра, предчувствие катастрофы и ранее связано у Блока с бурей и тьмой:

Как не бросить все на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом.

Или:

Даже в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти уюта в тихом доме
Возле мирного огня.
Голоса поют. Взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за твоим плечом, подруга,
Чьи-то очи стерегут.
За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл, —
Бьет в меня огнистыми очами
Ангел бури — Азраил.³⁵

Соприкасание со стихиями мрака и демонизма: откуда же взяться Христу, не компилятивному? А позже думалось Блоку, что его "Двенадцать" следуют не за Христом, а за дьяволом, за Соблазнителем.

Анализ влияний на Блока В. Соловьева, А. Фета, А. Апухтина, В. Брюсова ("Urbi et Orbi"), А. Григорьева и некоторых западных мастеров поэзии (Ш. Бодлер, М. Метерлинк) можно найти в книгах о поэте и статьях к собранию его сочинений³⁶. Надо, однако, заметить, что как бы много одинаковых книг ни прочли Блок и Гумилев, сколько бы ни имели общих друзей и знакомых, они не стали от этого похожи друг на друга. Влияния не создают поэтическую индивидуальность.

Глава 2

М. ВОЛОШИН, Д. БЕДНЫЙ, А. ТОЛСТОЙ, В. ХЛЕБНИКОВ,
Н. КЛЮЕВ, Н. ГУМИЛЕВ, А. АХМАТОВА, О. МАНДЕЛЬШТАМ,
В. МАЯКОВСКИЙ.

НЕЧТО О ЛЮБИТЕЛЯХ ПРИРОДЫ И ОХОТЫ:
В. АРСЕНЬЕВ и М. ПРИШВИН

М. ВОЛОШИН

Максимилиан Волошин (настоящая фамилия Кириенко-Волошин. 1878—1932). Поэт, историк и талантливый живописец. В молодости несомненно левых настроений, типичный русский интеллигент-дворянин. Первые его стихи, в духе символистов, выходят в 1900 году. Был активным сотрудником журнала "Аполлон". После посещения Парижа сильно увлекся А. Ренье, П. Верленом и мастерами импрессионистами. В 1914 г. издал книгу об искусстве и культуре — "Лики творчества".

Революцию 1917 г. Волошин встретил как бесовщину: "Расплясались, разгулялись бесы..." Живя в Крыму, призывал к гуманности и красных, и белых. В поэте с молодости жил особый интерес к истории Европы и к ее "зримым вещественным образам". "Зримые образы" отразились у Волошина и в его оценке революции в России. Она, по его убеждению, есть повторение прошлых кровавых эпох и великих бедствий. Стихия пламени, огненная, страшная в истории, в сердцах людей, отмечена Волошиным уже в книге стихов *Anno mundi ardentis*. Богоборчество и жестокости революции вызвали у поэта поток стихов огромной силы экспрессии, написанных богатым и необычным языком с вкраплениями архаизмов. Большая часть этих стихов и поэм издана лишь в эмиграции эмигрантами: "Северо-восток", "Град Китеж", "Димитрий Император", "Стихи о терроре", "Демоны глухонемые" и др. В них есть и новое, и вместе с тем древнерусское, скорбное и святое. Словно гудят то колокола набата, то звон похорон, то благовест к Божией службе. Поэт верен своей родине, что бы ни ниспослала ему судьба:

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекнусь...

Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь,¹ встать из гроба.

Волошин в стихотворении “Потомкам” замечает :

Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада —
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы последнего Суда.
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы Революций...

Говоря о еще сохранившихся тогда многих церквях, он начинает стихи:

Сердце острой радостью ужалено,
Запах трав и колокольный звон...
Вижу я — идут отроковицами
В светлых ризах, в девственной фате,
В кружевах, с завешенными лицами,
Ряд церквей — невесты во Христе.
Этим камням, сложенным с усильями,
Нет оков и нет земных границ!
Вдруг взмахнут испуганными крыльями
И взовьются стаей голубиц.

Никто в русской поэзии так проникновенно не писал о древних иконах, как М. Волошин, например, в стихах о Владимирской Богоматери.

Пройдут годы и интерес к поэзии М. Волошина, переиздание его стихов увлечет многих в России. Революция открыла особую страницу в творчестве этого своеобразного и глубоко религиозного поэта. Она его не сломила, не согнула, не унизила, как Блока, Клюева, Есенина или Маяковского, она озарила глубины великодушного сердца поэта и художника, озарила хотя и кровавым, но светом.

В 1972 г. в журнале “Литературная Грузия” № 10 писатель Ливан Хаиндрава² опубликовал неизданные стихи М. Волошина. По мнению Хаиндрavy, “самое характерное (в Волошине) — очищение себя в истории”, он помогает проникнуть “в таинственные глубины бытия”.

Д. БЕДНЫЙ

Демьян Бедный (настоящие имя и фамилия Ефим Придворов, 1883—1945) — трубач литературы начала коммунизма и гражданской войны, писатель богоборческих памфлетов, ненавистник буржуазии и Запада. Один из самых популярных баснописцев-имитаторов басен И. Крылова и стихов В. Курочкина. В учебниках советской литературы называется одним из “зачинателей советской поэзии”. Был необыкновенно популярен своей агитационной поэзией в деревнях СССР в двадцатых годах.

Демьян Бедный родился в бедной крестьянской семье на юге России, окончил сельскую школу и позднее школу военных фельдшеров, учился четыре года на историко-филологическом факультете в Петербурге. Начал печатать стихи в 1899 году в киевской газете, вошел в круг писателей, группировавшихся вокруг журнала “Русское богатство”. Первые его стихи полны гражданских мотивов и скорби (“С тревогой жуткою...”, “Не примирился — нет!..” и др.). В коммунистической газете “Звезда” в 1911 году (стихи-басня “О Демьяне Бедном, мужике вредном”) создан его псевдоним. В 1912 году Д. Бедный вступил в партию большевиков. Много сотрудничал в ленинской “Правде” с дней ее основания в 1912 году. После революции производит бесчисленные стихи, басни, эпиграммы, лозунги и т. д., обычно низкосортные, но на живые и волнующие темы. Пропаганда и агитация — его конек: “Приказано, да правды не сказано” (1917); повесть в стихах “Про землю, про волю, про рабочую долю”; “В огненном кольце” (1918), “Манифест барона фон Врангеля” (1920) и др. Из антирелигиозных стихов отметим “Земля обетованная” (1920) и “Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна” и др. Грубое глумление неуча над религией, над образом Иисуса Христа, вызвало резкий отпор даже со стороны С. Есенина: “Иуда был, разбойник был, тебя лишь только не хватало...”, “Ты только хрюкнул на Христа...”, “Ефим Лакеевич Придворов...”. Даже В. Ленин (по словам М. Горького) заметил о Д. Бедном: “Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди”. Бедный считал В. Маяковского ненародным, недоходчивым, стремился упростить язык, формы и задачи поэзии. Поэт воспевал коллектив и колхозы: “Диво-дивное, коллективное” (1930), “Героическая памятка” (1937). В 1941 году написал стихи о войне с Германией — “Я верю в свой народ” и другие.

Демьян Бедный хорошо знал народную поэзию, сам часто использовал частушки, поговорки, рашник.³ Но и он жестоко сорвался на сатирическом либретто к опере “Богатыри” (1936). Власти, конечно, радовались таким стихам о священнике и о притче:

Поп, выбрав ночьку потемнее,
Перетащил с деньгами ларь —
В алтарь.

И надпись на ларе искусно вывел мелом:
"Сей ларь — с Христовым телом",
Но хитрый пономарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи: "Несть Божьих здесь телес,
Христос воскрес!.."

Но в это время начался крутой поворот к советскому патриотизму.⁴ Критика прессы, запрет оперы нанесли удар репутации поэта. Его критика стихов Маяковского была ранее в линии партии, а теперь поставилась ему в вину. Следует помнить, что сам Сталин еще в 1935 году назвал В. Маяковского "лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи". Прежней популярности у Бедного не было. Звезда его закатилась.

Упрощенность, недостаток культуры, злободневность поэзии Бедного были отмечены однажды и Николаем Бухариным⁵ (1888–1938). По его мнению, в начале тридцатых годов можно так разделить этапы развития советской русской литературы: 1) период космической мировой декламаторской поэзии, героической и абстрактной; 2) период конструктивной литературы, обратившейся ко всем деталям реальной жизни, эпоха анализа; 3) период только начинается и отражает жизнь во всей ее растущей сложности... Чтобы идти вперед, необходимо одно: "Культура, культура и еще раз культура!" Н. Бухарин здесь и напал на примитивность Демьяна Бедного и даже на В. Маяковского.

К. Радек звал учиться у западных критиков современной культуры и жизни европейского общества после первой мировой войны (А. Marlaux, Jean-Richard Block, Jochannes Becher, T. Dreiser и др.) Возник спор между кн. Л. Святополк-Мирским и В. Вишневским о значении Джеймса Джойса (1882–1941). В. Вишневский, в противоположность Святополк-Мирскому, восхищался Джойсом и его анализом духа Западной Европы.⁶ Но основного элемента для всякого творчества — свободы писать — в СССР не было. Спор повис в воздухе, а сами спорщики — и Бухарин, и Радек, и Святополк-Мирский — были сметены со сцены волею Сталина и погибли.

А. ТОЛСТОЙ

Алексей Толстой (1883–1945) не граф! Советские литераторы, историки и критики увлекаются мифотворчеством. Даже о незаконном сыне обычного провинциального помещика утверждают, что он — граф.⁷ Это тем более удивительно, что широко известный в ученых кругах СССР проф. Александр Соловьев давно доказал⁸ "неграфское" происхождение писателя. Четыре года Толстой провел в эмиграции, но вернулся в СССР

полным "сменовеховцем". Это был барин, жуир, "человек со всячинкой", жадный ко всем буржуазно-культурным благам жизни. Он стал и в СССР первым писателем-миллионером и членом Академии наук СССР. Алексей Толстой даже был приближен к себе Сталиным и пивал с ним чай!

После возвращения в СССР⁹ ему пришлось сперва защищаться от нападок левого крыла пролетарских писателей: "Не избивайте нас (возвратившихся), не уродуйте, не говорите: если зайца бить, он сможет спички зажигать...¹⁰ Бить не надо. Художники сами понемногу войдут в новую жизнь". Или: "Как Колумбы на утлых каравеллах, мы устремляемся по неизвестному морю к новой земле. За нами пойдут океанские корабли. Из пролетариата выйдут великие художники. Но путь будет проложен нами" ("Искусство массам!").

Талант же А. Толстого рано, до революции, был замечен и Блоком, и рядом символистов. Блок писал: "Много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта..." Уже в ранних своих произведениях А. Толстой мастерски изображает характеры людей и умеет создать напряженность действия.

Начал он свою писательскую деятельность сборником стихов "Лирика" (1907). Все они не высшего качества и написаны в духе символистов, как и в сборнике "За синими стеклами". Затем Толстой переходит к реалистической прозе, описывает разоряющееся дворянство: "Заволжье", "Чудаки" и "Хромой барин". Многие из его героев (Налымов, Туренев, Репьев) — тунядцы или люди, дошедшие до одичания. Максим Горький отмечал в рассказах А. Толстого "психическое и экономическое разложение современного дворянства". В годы первой мировой войны писатель становится боевым патриотом, призывает к победе над тевтонами, славит дружбу и верность на войне ("Гора"). Вернувшись в СССР и быстро приспособившись, Толстой уже утверждает: "Октябрьская революция как художнику мне дала все", забыв, что он бежал от нее в 1919 г. и почти четыре года жил вне СССР.

В СССР Толстой начал с фантастического романа "Аэлита", в котором рассказывается, как из Петербурга летит на особой машине экспедиция на Марс и пытается произвести там революцию. В роман вплетена любовь марсианки Аэлиты к русскому изобретателю инженеру Лосю, а равно и к демобилизованному красноармейцу Гусеву, ставшему во главе пролетариата Марса. О временах НЭПа была написана его другая фантастическая вещь, "Голубые города", где фантаст-коммунист планирует новые города, но побеждают иррационально-биологические силы, ибо фантаст не считается с реальностью. Еще ранее, в эмиграции, написано "Детство Никиты", одна из действительно замечательных вещей Толстого, полная жизненных соков, ярких воспоминаний и юмора. Никита слышит, например, что "бедная тетя прикована болезнью к постели", и думает: "За что? Какими цепями и кто приковал тетю?"

Из серьезных и высокохудожественных вещей следует назвать длинный

роман-хронику "Хождение по мукам", оконченный к началу второй мировой войны в СССР. К концу произведения¹¹ он, как пишет советская критика, усвоил коммунистическую идеологию и смог "осознать организующую роль коммунистической партии". Один из героев романа, Роцин, бывший воин Белой армии, уже делается преданным партии коммунистом. Он говорит: "Мир будет нами перестраиваться для добра... И это на моей Родине, и это — Россия". Сходно поступает и Иван Телегин, готовясь "отдать все силы социалистическому строительству". Только так можно завоевать и личное счастье. Слабый роман "Хлеб" о Ленине и, главное, о Сталине, полный лести и выдумок о революции 1917—1918 гг., не прибавил славы Толстому. Иное дело его эпический роман о Петре Великом, написанный с оглядкой на власти в СССР. Самым известным романом писателя (не вполне, правда, законченным) многие считают именно роман "Петр Первый". Начал его писать А. Толстой еще в 1917 году — "День Петра". Многие исторические неточности в нем и даже грубые ошибки были тогда отмечены известным историком С. Платоновым. Позднее писатель тщательнее стал изучать архивы и литературу о Петре Великом. Результатом были две части романа-эпопеи (1930—1934). М. Горький назвал это произведение "первым историческим романом". Ромэн Роллан писал А. Толстому: "Я восхищен той мощью, тем неисчерпаемым изобилием творчества, которые у вас кажутся простыми слагаемыми..." Р. Роллан подчеркивает далее искусство Толстого, правдивость, яркость персонажей и обстановки в гигантской исторической эпопее. Отношение А. Толстого к личности Петра Первого есть восторг перед силой личности преобразователя жизни в России. Хорошо сказал И. Тхоржевский, что прекрасно удалось А. Толстому изобразить Россию "в муках, но и в блеске исторической славы".

А. Толстой переделал роман о Петре Первом для театра и кино. В этой обработке для кино, как и ранее в пьесах "Касатка", "Любовь — книга золотая" и др., а равно в трагедии "Иван Грозный" (1942—43), нельзя отказать писателю в удаче в ряде сцен. В трагедии показана сильная личность Ивана 1У и подчекнута его цель — подчинение всех и вся интересам государства. Видны явные параллели и намеки на личность и деятельность Сталина. "Иван Грозный" — бесспорно историческая аналогия со Сталиным и попытка оправдания всех жестокостей и Ивана Грозного, и Сталина. Но вещь талантливая и интересная.

В рассказах времен эмиграции интересен тип жулика и мечтателя Невзорова ("Ибикус"), слегка напоминающий Остапа Бендера из "Двенадцати стульев" Ильфа и Петрова. За сказку "Золотой ключик" (вольный пересказ "Пиноккио" Коллоди) Толстого, говорят, даже судили товарищеским судом писатели. Особой щепетильностью ни в обращении с историей, ни в жизни этот человек большого и блестящего таланта, увы, не отличался.

Всю войну 1941—1945 годов А. Толстой горячо писал о русскости, о силе русского характера, о непобедимости России и ее великого народа.

За время войны русскость стала модной, Сталин даже по радио обратился к народу со словами: "Братья и сестры... русский народ..." Начался культ и прославление героев прошлого: Петра Великого, Суворова, Кутузова и даже Святого Александра Невского. В это время журнальная и пропагандная деятельность А. Толстого нашла широкий отклик в массах и поддержку режима и самого Сталина.

В. ХЛЕБНИКОВ

Велимир (настоящее имя Виктор) Хлебников (1885–1922). Сборник его произведений, кажется, самый полный, вышел в СССР в 1940 г. Следует заметить, что Хлебников — это Белый и Бурлюк, возведенные в квадратную степень. Вчитайтесь в предупреждение читателям: "Желание умно, а не заумно, понять слово привело к гибели художественного отношения к слову". Посмотрим же, как подобный Хлебникову любитель "заумного слова" — В. Каменский¹² описывает обычного жонглера:

Згара — амба,
Згара — амба,
Згара — амба,
Амб.
Шар, шор, шур, шир
Чин, драх...

и подобная чушь.

Но о зауми (кстати, ее знали во времена упадка и древние) писали и серьезные ученые. В 1921 г. лингвист Р. Якобсон выпустил книжку о Хлебникове, а до него В. Шкловский и позднее Б. Арвалов рассуждали серьезно и по-ученому. Правда, проф. Г. Винокур рассудительно считал "заумь", заумный язык не языком, так как он "не имеет коммуникативной функции, присущей языку вообще". Но куда там! В. Марков в 1962 г. издал книгу по-английски в Калифорнии о творчестве В. Хлебникова.¹³

Странно само словотворчество Хлебникова, даже когда оно имеет относительный смысл, заключающееся в переделке им форм знакомых слов. Впрочем, это встречается и у другого футуриста — В. Маяковского¹⁴. Дело было прежде всего в модности экспериментов. Впрочем, трезвому уму ясна ненормальность психики Хлебникова. Вот несколько примеров:

1) *Трепетва*. Есть русское слово трепет, трепетание, трепетность, но что значит "трепетва"?

2) *Пенязь*. В древнерусском языке "пенязь" обозначало серебряную монету, и монету вообще, у Хлебникова она из "трансцендентальных слов",¹⁴ но что оно обозначает в точности для Хлебникова?

3) *Желва*? В древнерусском "желва, жолва" — черепаха. Слово это жи-

во и теперь в некоторых диалектах русского языка, есть и в чешском языке, а что оно для Хлебникова, я не могу понять.

4) Почему, например, слово *варошь* трансцендентально? "Вáрош" бытует в современном сербском языке и значит город, а взято это слово из венгерского языка.

Я думаю, уже довольно примеров из хлебниковского полубезумного словаря. Мне невдомек, чем, собственно, обогащает русскую поэзию такое, например, четверостишие Хлебникова:

Ла-ла сов! ли-ла соб!
Жун-жан-соб леле.
Соб леле! ла, ла соб
Жун-жан! жун-жан!

Это писал поэт еще до 1914 года. В 1914 г. он обрушился в стихотворении "Против Маринетти" на итальянца за его идеологию. Ю. Анненков указал, что не хуже хлебниковской зауми мы найдем у И. Сахарова в "Сказаниях русского народа" (1836):

Ио, иа-о-ио, иа, цок, ио, иа,
Паццо!¹⁵ ио, иа, пипаццо...

Ну как ни сравнить с хлебниковским:

Ио, иа, цолк,
Пиц, пац, паца...

Мне непонятно и восхищение формалистов "Заключением смехом" (1908). Там находим: "Усмей, осмей, смешики... О, засмейтесь, смехачи!"¹⁶ И разве не чистейшее безумие в обращении поэта к математике? В нем читаем: "В учении о слове я имею частые беседы (sic!) с $\sqrt{\quad}$ Лейбница."¹⁷ В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу". Позже Хлебникова нечто подобное писал во Франции Жан Кокто. И он в 1916 году упражнялся в заумных стихах. Изидор Изу увлекался "числами" в поэзии. Все это не искусство, а или следование пустой моде, или желанье эпатировать буржуа. Однако советский неофутурист А. Вознесенский в числе своих учителей-поэтов (Блок, Пастернак) считает и "будетлянина" В. Хлебникова.

Конечно, в прозе и поэзии возможны прикосновения к безумию и к бесчисленным ассоциациям по звуку, по смыслу разных слов, но нужен разум, вкус и мера. Из более понятных "поэм" Хлебникова следует упомянуть грустное стихотворение "Ночной обыск" (1920).

Безумия касались в своих произведениях и Э. По, и Г. Ловкрафт, и Э. Гофман, и Ф. Достоевский, но не теряли художественности и оставались вполне понятными нормально развитой психике читателя. От "пустого шукарства" отрекся и зрелый Б. Пастернак, которого А. Вознесенский называет своим учителем. Но чем люди не увлекались, не увлекаются в соответствии с модой! Давно известно, что все имеет свои границы, кроме глупости человеческой. Эразм Роттердамский это понял еще в XVI веке — "Похвала глупости" (1511).

Н. КЛЮЕВ

Николай Клюев (1885—1937) несомненно был до известной степени учителем С. Есенина. Из крестьян, близких раскольникам и хлыстовцам, человек, испугавший Есенина своими гомосексуальными домогательствами, он был оригинальным поэтом северной деревни, народной мистики, фантазий и диких вывертов. Сборник "Сосен перезвон" пришелся по вкусу некоторым русским символистам.

Революцию Клюев сперва приветствовал, писал: "пулемет — окончание мед", утверждал, что Ленин — новый Мессия. Или: "Господи! Да будет воля Твоя, лесная, фабричная, пулеметная..." Он — то горячий проповедник, то слащаво-слезливый приверженец древности, избяного крестьянского быта; тогда ему кажется мудреней и труднее свить воз сена, чем написать "Войну и мир". Пишет аляповато (в данном случае в стиле императорского гимна) :

Боже, Свободу храни —
Красного Государя коммуны,
Дай ему долгие дни
И в венец лучезарные луны!

Трудно бывает сказать, когда и в чем он искренен. Лучшее собрание его сочинений, со вступительными статьями Б. Филиппова и Г. Маквея, вышло в 1969 г. в Германии (A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag). Из поэм Клюева особенно преследовались в СССР изданная за границей итальянским славистом Логатто поэма "Погорельщина". В ней страшно и отвратительно описание голода и людоедства в деревне (1928).

Н. Клюев был начитанным не только в русской литературе (в частности, раскольнической), но и свободно, говорят, читал по-немецки.

Это была натура изломанно-истеричная, в поэзии и прозе давшая наряду с сусальным золотом и истерией блестящие страницы живого народного языка, превосходных описаний природы и духовных легенд русского народа.

Поэт то богохульствовал, то каялся и просил: "О, распните меня, распните, как Петра, головою вниз". Сосланный в лагерь, писал Сталину: "Прости иль умереть вели". Неизвестно, простил ли его Сталин, но по всем сведениям Клюев умер в ссылке.

Н. ГУМИЛЕВ

Поэт, путешественник, воин-герой Николай Гумилев (1886—1921) заслуживает более подробного разбора его жизни и творчества как создатель особой школы в поэзии — Акмеизма.¹⁸

Сама жизнь поэта необычна. Волю и самообладание обнаруживает он в любом деле, за которое берется, будь это бой с неприятелем, охота или упорная работа над стихом. Он интересен и как прозаик, и как образованный и умный критик ("Письма о русской поэзии"). Не будучи по природе здоровым и сильным, он заставляет себя делать долгие переезды верхом (более ста километров за день); слепой на правый глаз, становится отличным стрелком и охотится на леопардов и львов; идет рядовым солдатом-добровольцем на войну 1914 года, получает два Георгия за доблесть и офицерский чин. Борется против коммунизма идейно и гордо, с усмешкой идет на расстрел.

И вот до сих пор в СССР нет даже переиздания его избранных произведений, хотя и признается большое влияние его стихов на творчество ряда советских поэтов. Грустно думать, что если для оценки поэта и издания произведений гильотинированного А. Шенье нужно было двадцать пять лет (1794—1819), то и через пятьдесят лет после смерти Гумилева в СССР при упоминании поэта ссылаются на эмигрантское издание (4 тома, под редакцией Г. Струве и Б. Филиппова, изданные в Вашингтоне в 1968 г.).

Есть древнегреческое выражение "épi ksuron ákmés ístasthai" — становиться на острие ножа. Такова природа Гумилева:

Победа, слава, подвиг, — бледные
Слова, затерянные ныне, —
В моей душе, как громы медные!
Как голос Господа в пустыне!

Мощь звучания и смысла слова "огонь" необычайно влекут к себе поэта. Он любит древнее слово "огнезарный"¹⁹: "огнезарный бой", "огнезарная птица победы", "огнезарный свет", "огнезарный Дом Христа". "И четки сны его, как тени на райском огненном песке"... О земном шаре поэт скажет и по-своему, и необычайно сильно:

Земля! К чему шутить со мною?
Одежды нищенские сбрось!
И стань, как ты и есть, звездой,
Огнем пронизанной насквозь!

Гумилев родился в интеллигентной семье — отец его был морским врачом. Учился поэт в Царскосельской гимназии, где на него оказала влияние поэзия директора гимназии, классика И. Анненского²⁰, прививавшего ученикам любовь к стихам высокой культуры и искренности, к классике, к античной трагедии. На формирование стиха Гумилева повлиял и В. Брюсов, которому посвятил поэт свой сборник "Жемчуга" (1910). В ранней молодости Гумилев увлекался экзотикой, и первое стихотворение, принесшее ему славу, называется "Капитаны". За "Жемчугами" следуют "Чужое небо", "Колчан", "Костер" (1918), "Мик. Африканская поэма", "Огненный столп", "Шатер" (1921) и посмертно изданная за границей трагедия "Отравленная туника" (1917?).

В жизни поэта были особенно важны следующие этапы: ученье; брак с А. Ахматовой (развод в 1918 г.); путешествия в Африке; мировая война; женитьба на А. Н. Энгельгардт; революция и борьба с ней словом, кончившаяся арестом и расстрелом.

Все литературное наследие Н. Гумилева делится на шесть разделов:

1) Лирика и короткие поэмы; 2) Критические и теоретические статьи о поэзии XX века; 3) Переводы (Готье, Браунинг²¹, ассирийский эпос о Гильгамеше — совместно с ориенталистом Шилейко); 4) Репортажи — рассказы о войне 1914 г.; 5) Пьесы; 6) Рассказы и неоконченные повести.

Проблемы смерти и трагедии в жизни героя могут быть названы основами творчества поэта:

...Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть...
Свод небесный будет раздвинут
Пред душою — и душу ту
Белоснежные кони ринут
В ослепительную высоту.

Гумилев, видимо, верил, что "за недолгий и горький мой век", за страдания он попадет в рай:

...И войду не во всем открытый
Протестанский прибранный рай,
А туда, где блудница и мытарь,
И разбойник, крикнут: "Вставай!.."

Интересно, что героя в рай встречают три покаявшиеся грешника (Мария

Магдалина, Левий — мытарь и разбойник с креста). Главным герой почти всех пьес Гумилева — поэт. Таков Гондла, Гафиз²², Имр²³ и частично Граф и Дон Жуан. Интереснее всего из пьес “Гондла”, “Отравленная туника” и “Дитя Аллаха”. В первой пьесе в прекрасных стихах представлено столкновение двух отличных друг от друга цивилизаций и культур: исландской и ирландской, варяжской и кельтской. Судьба Гондлы, поэта, трагична, в последней сцене неутешная Лера, ныне кроткая Лаик, уплывает в Вечность на корабле с трупом Гондлы. В пьесе много пафоса, колдовства, крови и фантазии. Символистически в крови Гондлы крестится большинство покаявшихся исландцев. В другом ключе написана феерическая, очаровательная сказка “Дитя Аллаха” (в ямбическом стихе). Вся она озарена светом жаркого Востока. Пряный запах мускуса, дыхание пустыни, шумные морские порты, страстные любовные излияния окружают читателя. Хронология относительна; так рядом с Гафизом, поэтом XIУ века, упоминается Синдбад — мореплаватель из “Тысячи и одной ночи”, живший по преданию, в X веке. В основе это IX—X век в Багдаде. В начале поэмы к молящемуся дервишу слетает божественная Пери.²⁴ Она нашла в небе утерянную золотую подкову кобылицы Магомета и просит за это от Аллаха позволить ей стать возлюбленной лучшего из людей. Чтобы она не ошиблась в выборе, Аллах ее посылает к мудрецу-дервишу. Дервиш ей дает единорога и соломоново кольцо. Если избранник Пери окажется не лучшим из людей, то его растопчет единорог или он умрет, коснувшись кольца. Следует ряд приключений Пери. По ходу сказки гибнут воин, эстет и Калиф. Пери достается поэту Гафизу в его саду песен, птиц и стихов. Но и погибшие не ропщут: Калиф попадает к престолу самого Аллаха, воин и в преисподней радостно и победоносно сражается, эстет счастлив в объятиях девы Эль-Анка. Все получили по заслугам и живут лучше и интенсивней, чем на земле. В этой сказке-поэме мы встречаем и комические персонажи, и живую веселую речь, например, Синдбада:

О, камни белого Багдада!
О, сладкий запах чеснока!
Смеются губы, сердце радо,
Для всех щедра моя рука...

Смысл всей сказки — вознесение земной любви и роли поэта.

“Отравленная туника” базируется на византийско-арабской легенде об отравлении поэта — араба Имра — за соблазнение принцессы. По одной из легенд отравленную ядом тунику посылает император Юстиниан, по другой Юстин I. Завязка пятиактной трагедии — во внезапно вспыхнувшей страсти дочери Юстиниана (от первого брака) Зои к арабскому поэту Имру. Он прибыл к Юстиниану попросить войск, чтобы отомстить убийцам своего отца князя Кинда. Зоя — невеста царя Трапезондского, но ему, чтобы завладеть его царством, Юстиниан тайно готовит отравленную

тунику к брачной ночи. Однако Трапезондский царь узнает об измене Зои и совершает самоубийство. Зою заточают в монастырь, а тунику посылают Имру. Всюду торжествуют интриги и злоба царицы Феодоры — мачехи Зои, бывшей любовницы Имра. В трагедии есть явные свидетельства того, что Гумилев изучал историю Византии. Например, в речах героев встречаются прямые кальки с языка койнэ²⁵ — “золотая рука”, “златокудрий” и т. п. Эпоха поэтом не искажена, но характеры лиц созданы по капризу автора или изменены. Зоя, чье имя значит “жизнь”, лицо вымышленное. Она то подобна по душе и уму подростку, то речь ее вдруг делается умудренно взрослой (в пятом действии, например)²⁶. Ближе к исторической правде выдержан, мне кажется, характер Имра.²⁷ С исторической точки зрения менее всего удачны Юстиниан и Феодора.

Лирика и лирические поэмы гораздо, на мой взгляд, ценнее драм, трагедий и рассказов Гумилева. Большое значение имели его критические работы и замечательные корреспонденции с фронта. Гумилев — очень редкое явление в русской поэзии, если иметь в виду его отношение к войне. Он был искренним монархистом, рыцарем пера и сабли:

И как сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Наступая по дымному следу
Уходящего врага...

Или:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед..

Героизм, по мнению поэта, в бою ли, в жизни ли, есть спасение духа, самой чести и достоинства жизни. Но за героем всегда следует тень героики — трагедия, смерть. И герой, будь он Орфей, Леандр или Геркулес, кончает трагически. Сердце Гумилева предчувствовало раннюю смерть, и он трижды пророчествовал о ней. Особенно сильно в гениальном стихотворении “Заблудившийся трамвай”, а до него в стихах “Рабочий”.

В описании поэтом войны находим такие незабвенные строки:

“Обмерзшие хлопья снега резали лицо как стеклом и не позволяли открыть глаз... Мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,

Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему...

Герой сказал просто и удивительно: "Самые трогательные и счастливые часы — это часы перед битвой".

Хорошо и верно сказал о Гумилеве его ученик, поэт Оцуп:

Был он рыцарем света и слова,
И... вера его горяча.

В поэте была и особая нежность, она выражена им в сборнике стихов "К синей звезде".

Художник слова поклонялся Слову. Он верил и учил: "В начале было Слово²⁸; из Слова возникли мысли, слова, уже не похожие на Слово, но имеющие источником Его; и все кончится Словом — все исчезнет, останется одно Оно". В стихотворении поэта "Слово" сказано:

Но забыли мы, что осиянно
Только Слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово — это Бог.
Мы Ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

А. АХМАТОВА

Анна Ахматова (урожденная Горенко, по первому мужу Гумилева, 1889–1966). Величайшая поэтесса России, "Златоустая Анна" — лирик, пушкинист, патриот. Жизнь ее была трагична. Просто и трогательно она об этом сказала:

· Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме.
Помолитесь обо мне.

Удивительно сухо, пусто все, что говорит об Ахматовой "Краткая литературная энциклопедия". Ни звука о гибели ее двух мужей от рук большевиков, ни слова об аресте ее сына Льва Гумилева и несправедливой ссылке, нет ничего о решении исключить ее из Союза писателей в 1946 году; ни-

чего не сказано о присуждении ей в Италии "премии Таормина"; ни звука о главных поэмах: "Реквием" и "Поэма без героя" и т. д. Не лучше обращается с великой поэтессой и Вера Александрова,²⁹ для которой нет запрета Главлита или коммунистической партии.

О. Мандельштам называл А. Ахматову Кассандрой.³⁰ Она часто предвещала беды, "с ужасом глядела не только назад, но и вперед, предчувствуя испытания". Еще в молодости прозвучали ее стихи, наполненные предчувствиями: "Хороны, хороны меня, ветер..." Вспоминается тут и А. Блок:

Как ни бросить все на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий, черный ветер,
Сотрясающий мой дом...

Многие, Блок например, чуяли начало кровавого катаклизма, о котором А. Ахматова сказала: "...И всегда в духоте морозной, предвоенной, блудной и грозной, жил какой-то будущий гул". Только начало жизни Ахматовой и последние годы были сравнительно мирными, но и эти последние годы были опечалены холодностью сына Льва, который ставил ей в вину стихи в честь Сталина. Стихи же эти были написаны поэтессой, чтобы спасти сына!

Первый период творчества поэтессы, ее поэтическая юность отмечены богемным восприятием жизни, насыщены общением с друзьями, встречи с которыми происходили обычно в петербургской таверне "Бродячая собака". Сама себя позднее она строго судила за раздражительность, капризы, нетерпение: "Не знала удержу, спешила жить и ни с чем не считалась..."³¹ Страдания очистили и возвысили ее дух. "В том, как она произносила "нет", был настоящий подвиг неприятия коммунизма и его режима". Она отеклась от жизненных благ и жила в гордой замкнутости. "В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиратической важности и религиозной простоте и торжественности... Голос отречения крепнет все более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России".³²

В этом мире я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю, брата я не ненавидела
И сестры не предавала.
Так за что ж Господь меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

В 1946 году А. Жданов, тогда всемогущий сатрап Сталина, обрушился на М. Зощенко и А. Ахматову. "Зощенко рассказывал, будто Постановление³³ появилось в результате доклада Жданова самому хозяину (Сталину). Упор делался на вечер в Политехническом институте, где весь зал встал, когда на эстраду вышла Ахматова. Хозяин будто спросил: "Кто организовал вставание?" Разве хозяин мог себе представить, что кто-то завоевал популярность без помощи аппарата, специализировавшегося на "движении в массы" очередных идиологов?" Не удивительно ли, что до сих пор лучшее издание стихов и поэм Анны Ахматовой сделано эмигрантами — Г. Струве и Б. Филипповым в 1965 году?

В свое время я подсчитал во всех стихах Ахматовой цвета и их оттенки. На первый план вышли цвета скорби и траура: черный и белый. В предисловии к поэме "Реквием"³⁴ поэтесса вспоминает, как "в страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде". Ее спросили, может ли она описать этот ужас и скорбь матерей, "и я сказала: Могут!"³⁵

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска...

* * *

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад,
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И *невинная* корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных Марусь...³⁶

* * *

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым *кричит стомиллионный народ*,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня...

А если когда-нибудь захотят поставить памятник Анне Ахматовой, то она просит в своих стихах поставить его именно там, "где стояла я триста часов и где для меня не открыли засов" — т. е. перед тюрьмой, где она ждала в надежде узнать что-нибудь о сыне. Поэтесса говорит, что и в самой "смерти блаженной боюсь забыть громоухание черных марушь". Но эти химеры злобы и неправды не изменили чувств и патриотизма Ахматовой. Война 1941 года вызвала прекрасные по простоте и силе стихотворения "Клятва", "Щели в саду вырыты...", "Мужество" и другие. В последнем стихотворении призыв к воинам и заклятие на будущее — спасти русскую речь, свободное слово:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
НАВЕКИ!

(1942)

Вместе со многими (об этом же писали позднее и А. Солженицын, и В. Некрасов, и др.) Ахматова, вероятно, надеялась на лучшую, более свободную жизнь после войны. Но пришло горькое разочарование: "Подумать, что лучшее время нашей жизни — война, когда столько убивали, мы голодали, а сын был на каторге".

"Поэма без героя" отражает прошлое. В ней есть отклик на еще до революции произошедшее самоубийство поэта-гусара Князева. Есть в поэме и воспоминания о молодости и первой любви, об ужасе разрухи революции. Вся эта лирико-эпическая поэма — словно горький плач по невозвратному, по ушедшему времени, где уже было предчувствие грозного будущего. В поэме, равно как и в уже цитированном "Реквиеме", Ахматова далеко ушла от своих ранних сборников любовной лирики, от своей слегка насмешливой разговорной интонации ("Вечер", 1912; "Четки", 1914; "У самого моря", 1914—1921). В "Реквием" входят стихи 1935, 1939 и 1940 годов о терроре. Но справедливо заметил Р. Гуль³⁷ в своей рецензии на "Реквием", что нет в нем активного сопротивления злу в идее, а скорбь и покорность.

Ахматова не любила эмиграцию: "Их грубой лести я не внемлю — им песен я своих не дам".

Или:

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной,
Темна твоя дорога, странник,
Польнию пахнет хлеб чужой.

Что лучше? — всегда хотелось спросить мне. — Есть горький хлеб изгнания или подчиняться приказам славить то, что сам ненавидишь? Быть с народом хорошо, но когда можешь свободно творить для народа и для себя. Религиозной Ахматовой можно было бы напомнить слова Священного Писания: “Отойди от зла и сотвориши благо!”³⁸

Хорошо сказал Е. Евтушенко в стихотворении, посвященном памяти умершей поэтессы:

Она ушла, как будто бы напев
Уходит вглубь темнеющего сада,
Она ушла, как будто бы навек
Вернулась в *Петербург* из Ленинграда.

О. МАНДЕЛЬШТАМ

Осип Манделъштам (1891—1938) — один из наиболее интересных поэтов России двадцатого века. Рожден в Варшаве в состоятельной семье коммерсанта. Если о Б. Пастернаке можно сказать, что он медленно прошел долгий путь от футуристического конструктивизма к ясной простоте, от равнодушия к вере к православию, от еврейства к русскости, от восторженного отношения к Сталину к осуждению террора и духовной свободе, то О. Манделъштам сразу стал тем, кем он был. И, может быть прежде всего, он был русский *еврей*. Надежда Манделъштам³⁹ говорит об остро пробудившемся сознании “своей принадлежности к еврейству, о чувстве связи с родом...” Евреев он ощущал как одну семью — отсюда тема кровосмешательства: “Иди, никто тебя не тронет, на грудь отца в глухую ночь пускай главу свою уронит кровосмесительница дочь”. Эти стихи написаны о жене, которая не была даже его дальней родственницей по крови. О. Манделъштам часто не знал в момент создания стихотворения, о чем или о ком оно “вырвалось из подсознания в звук слова. Сам смысл стихов обычно доходил до поэта позднее”. Слово, звук, мелодия, ритм и мысль становятся нераздельными и слово выявляет мысль... “Гармония — это кристаллизовавшаяся Вечность”.

Исполнять заказы партии, не быть вольным, свободным Орфеем даже в Аду Манделъштам не мог, хотя страх и “голод — отличный организатор единомыслия”. Н. Манделъштам с горечью говорит о тридцатых и сороковых годах: “Чем беднее люди, тем легче ими управлять”. Героически

осуждая режим, убивший ее мужа, Н. Мандельштам пишет: "Даю согласие на смерть в тюрьме или лагере за право отвернуться от этой жизни и сказать, что я о ней думаю". Так чувствовал и Осип Мандельштам. В лирической поэзии его присутствует не только личность, автор, но и объекты, события, внешний мир. Таковы сборники "Камень" (1913), "Tristia" (1922), "Стихотворения" (1928), "Шум времени" (1925 и 1928) — автобиография в прозе и в прозе же "О поэзии" (1928). После 1933 г. "отщепенца" не печатали в СССР.

При жизни поэта издано в журнале "Звезда" (1933) описание — "Путешествие в Армению". В некоторых частях "Египетской марки" — в сути своей переделанной и дополненной книги "Шум времени" — читатель с трудом доискивается до смысла сюрреалистической прозы.

Мандельштам в молодости учился в петербургском университете и занимался французской литературой. И иногда заметно в его стихах влияние французских писателей от Ф. Виллона до парнасцев и унаимистов (Жюль Ромен). Поэт же считал себя и своего друга поэтессу А. Ахматову верными традиции *акмеизма*.

Уже в 1924—1925 годах поэт чувствует, что "приносит революции дары, в которых она пока что не нуждается". Советский критик в 1967 году глухо сказал: "В 1934 в условиях культа личности Мандельштам был репрессирован. Погиб после вторичного ареста".⁴⁰

Есть сведения, что поэт в мучениях и голоде пересыльного лагеря в Сибири сошел с ума.⁴¹

Интересно прочесть в статье О. Мандельштама "О Пушкине и Скрябине" мысли о смерти: творческая жизнь имеет причиной покров смерти, она располагается "вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощает его свет".

Оригинальное эссе поэта о Данте⁴² было издано в 1967 году в Москве и мгновенно распродано.

Стихи разных лет, думается мне, шли путем все большего усложнения, богатства ассоциативного материала, сложных ритмических сдвигов. Искренним увлечением поэта была Грузия, ее мифотворчество и поэзия. Классицизм, его темы и образы часты в стихах Мандельштама. Ряд стихотворений поэта насыщен своеобразным смыслом, где в языке сталкивается и переплетается современность и архаизмы. Часто поэзия Мандельштама возрождает в звукоряде торжественную одическую традицию ХУ111 века. О своем времени Мандельштам написал: "Бывают эпохи, которые говорят, что им нет дела до человека, что его нужно использовать как кирпич, как цемент, что из него нужно строить, а не для него. Социальная архитектура измеряется масштабом человека. Иногда она становится враждебной человеку и питает свое величие его унижением и ничтожеством". Дух эпохи в СССР поэт передал в стихах не о Петербурге, а о Ленинграде (1930):

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда — так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских ночных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток...
Петербург! Я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса...
Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Но Мандельштам верил, что "ткани нашего мира обновляются смертью", и считал "деятельность духа в искусстве — как свободное самоутверждение в основной стихии искупления".

Не ужасными ли словами жена Мандельштама кончает главу "Читатель"⁴³: "Проклятый барак на краю света. Удушье и вонь, грязь и вши с сыпным тифом, голод и позор, страх и часовые, вышки и колючая проволока... Бирка к ноге в яме были спасением и отдыхом. Можно ли жить, когда все это всегда со мной?"

Н. Мандельштам в начале революции радовалась, что несчастных офицеров топила солдатня в р. Мойке. Оба супруга Мандельштам были очень левого направления, но во многом идеалисты. Оба заплатили полную и страшную цену за ранние увлечения левизной, за приятельство с Бухариным.

В заключение хочется привести строки из стихотворения поэта, написанного еще в прежние, счастливые, дореволюционные годы:

...Господи! сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.
Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится
И пустая клетка позади. (1912)

В. МАЯКОВСКИЙ

Слабый по природе, он тренировал свою хилую душу, чтобы не отстать от века, и за это поплатился.

Н. Мандельштам

“В этой жизни помереть нетрудно, сделать жизнь значительно трудней” — писал Владимир Маяковский (1893–1930) о смерти Сергея Есенина. В 1930 году, весной, он сам застрелился. Этот крайний эгоцентрик, поэт-футурист, поэт-агитатор, гремевший с эстрад, ушел из жизни, вероятно, по нескольким причинам. Во-первых, режим от него стал отворачиваться, критика последних лет просто не давала ему проходу. Во-вторых, неудачная любовь к недостижимой для него женщине. Возможно, также, его мучили чувства раба, сделавшего дело, но больше не нужного владыке — партии и только даром, ради утопии и агитации, растратившего свой талант и свою жизнь (“Пишу поэму “Плохо”...”⁴⁴). И, наконец, глубокое разочарование если не в коммунизме вообще, то в его русской форме.

Узнав от Ю. Анненкова в 1923 г., что художник не вернется в СССР, так как хочет остаться художником, Маяковский заметил: “А я возвращаюсь... так как я уже перестал быть поэтом... Теперь я чиновник...” При этих словах Маяковский разрыдался в ресторане. Поэт пролетариата, родом из дворян, не получивший оконченного систематического образования, рано, со школьной скамьи занявшийся революционной деятельностью, член партии большевиков с 1908 года, был эгоцентриком из литературной богемы. Он был способен проиграться в Монте-Карло, не платить долгов и вообще относиться вовсе не скрупулезно, а скорее легкомысленно к денежным обязательствам. В нем не было и гражданского мужества, которое несомненно имел В. Мейерхольд. Маяковский — вождь ЛЕФа,⁴⁵ идет еще левее (“Левее ЛЕФа”, 1928) и в феврале 1930 г. вступает в группировку РАПП⁴⁶ — “проводящую линию партии в литературе”, но враждебную Маяковскому. Рапповцы, чувствуя в те времена поддержку властей, вели, как правило, полемику, которая “сопровождалась наклеиванием политических ярлыков, зашательством... К 1930 основным методом руководства оставалось администрирование”, — осторожно пишет Л. Швецова в “Краткой литературной энциклопедии”. С. Лесневский, там же, говорит даже “о драме борьбы Маяковского за новаторский путь”.

Назвать Маяковского только футуристом невозможно, хотя он и подписал манифест футуристов вместе с Д. Бурлюком и кубофутуристами — “Поощения общественному мнению” (1912). Вообще в своих заявлениях поэт часто безответственен: то надо расстрелять Пушкина, стрелять по музеям, то обращается к Пушкину, как к великому, равному Владимиру Маяковскому, то утверждает, что гвоздик в сапоге драгоценней, чем Гете. Названия некоторых произведений нарочито необычны: “Облако в штанах” (1915), “Флейта-позвоночник” и т. д.

Весь Маяковский, как поэт, часто неудобочитаем, часто фальшив, натянут, примитивен:

В особенности хороши
Резинки и карандаши!
Прежде чем идти к невесте,
Побывай в Резинотресте.

Не лучше "Notre Dame", "Кафе" и другие в том же роде.⁴⁷ Необычайно претенциозна поэма "150 000 000". Главный герой — русский коммунист Иван (символ народа) начал борьбу с американским президентом Вудро Вильсоном. Перед Вильсоном же Запад раболепствует, а "сам знаменитый Мечников⁴⁸ снимал нагар с подсвечников⁴⁹". Коммунист Иван прорывает под океаном туннель⁵⁰ и побеждает американскую буржуазию и ее Вильсонов, вылезши прямо из-под земли в городе Чикаго. Сервильна и лжива поэма "Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру", в ней ничего о настоящей жизни в Москве 1928 г. Но не все было неудачным и слабым в творчестве Маяковского. Бывал он и живо остроумен: "Одному бублик, а другому дырка от бублика — вот вам демократическая республика". У Маяковского бывали и вполне серьезные пристрастия в литературе: А. Блок стал эпохой в жизни поэта; большое влияние на него оказали стихи Уолта Уитмена (в переводах К. Чуковского). Борис Пастернак высоко ценил его ранние произведения и отдавал должное экстраординарности его личности. Марина Цветаева писала о нем — "Архангел тяжелоступ". Наконец, влияние его на многих поэтов в СССР и за границей — безусловно говорит о таланте поэта-новатора.

Многих отталкивали и отталкивают от поэта его хулиганские выходки, площадная грубость, отсутствие меры, фанфаронство, постоянная риторика и напыщенная декламация. Но многих же привлекало его остроумие, обаяние, а в поэзии — новаторство, увлечение гиперболами, искренний пафос революции, футуристическая ненависть к прошлому, к формам буржуазной и вообще классической культуры. Поэты видели в нем экспериментатора большой смелости, ломающего синтаксис.

Он базировался в стихе главным образом на числе ударений в линии стиха. Новым было и приближение к грубо реальному языку улицы, к крикам ораторов. Расположение слов в строке и стихе было футуристическим, прихотливым. Необычным было и смешение разных стилей, разных лексических слоев языка.

Многое было злободневно-острым в поэзии и сатире Маяковского: "Прозаседавшиеся" (1922) — стихи о бюрократах, советских служащих, вечно пребывающих на заседаниях:

Мечтою встречаю рассвет ранний:
О, хотя бы

Еще
Одно заседание
Относительно искоренения всех заседаний.

И на одних заседаниях, говорит Маяковский, сидят одни зады, а на других одни головы тех же чиновников.

В поэме "Владимир Ильич Ленин" он славит вождя компартии:

Мы говорим — Ленин,
 подразумеваем —
 партия,
Мы говорим — партия,
 подразумеваем —
 Ленин.

К концу жизни разочарование в советской будничной действительности вызвало две сатирические пьесы — полные упреков: "Клоп" (1928) и "Баня" (1929). В первой Маяковский высмеивал новое мещанство, перевертня Присыпкина. Рабочий Присыпкин меняет имя на Пьер Скрипкин и стремится обогатиться. Во второй части пьесы, т. е. через "десять пятилеток", люди оживили⁵¹ давно умершего Присыпкина и поместили в клетку зоопарка с надписью "Обывателиус вулгарис". "Баня" наносит удар по бюрократам СССР. Главначпул Победоносиков и его секретарь Оптимистенко, глупые бюрократы, мешают рабочим — изобретателям и новаторам. Однако из "Коммунистического будущего" является посланница и уносит в будущее истинных коммунистов, отбрасывая бюрократов. После этих пьес Маяковскому любили напоминать, что сам он, пролетарский поэт, привез в СССР из Парижа автомобиль "рено".

В Маяковском постоянно жил страх, "страх остаться в одиночестве. И человек не находит себя самого. Это моральное головокружение есть самая худшая трусость".⁵² Трусые, люди, потерявшиеся в жизни, ищут иногда выход в самоубийстве. Еще в 1915 году поэт говорил, что ему хочется поставить "точку пули в самом конце". К нему и позднее словно подступал некий демон:

А сердце рвется к выстрелу,
А горло бредит бритвою;
В несвязный бред о демоне
Растет моя тоска.

Маяковский не одним фактом самоубийства, а всей жизнью — фигура трагическая. Он искренно, наивно поверил в 1918 году: "Сегодня переосмысливается мировая основа. Сегодня, до последней пуговицы в одежде, жизнь переделаем снова". Реальность оказалась иной. Однако Маяковский

интересен и как одна из сторон духовного лица Октября. Блок — это городская интеллигенция, принявшая переворот, увлекшаяся своей мечтой и разрушенная революционной эпохой; Маяковский — искатель новых путей в искусстве, футурист и агитатор, поэт толпы, города и партии, которого разочаровала не идея, а сама партия и ее реальная жизнь. Он любил называть себя тринадцатым Апостолом, забывая о судьбе Иуды. В 1955—1961 гг. вышло в тринадцати томах полное собрание сочинений поэта. В. Катанян дал в 1961 году хороший обзор творчества Маяковского.

НЕЧТО О ЛЮБИТЕЛЯХ ПРИРОДЫ И ОХОТЫ:

В. АРСЕНЬЕВ И М. ПРИШВИН

*Чувство родной природы, любовь к ней,
бесспорно занимают одно из главных
мест в сложном чувстве Родины.*

Владимир Солоухин

Мастерские описания природы в русской поэзии впервые даны еще в ХУІІІ веке поэтом Гавриилом Державиным. Но в прозе до девятнадцатого века мы их не имеем, если не считать "Слова о полку Игореве" и "Слова о погибели Русская земля", т. е. ХІІ и ХІІІ веков. Любовь к родной русской и русско-азиатской природе проходит красной нитью через всю литературу ХІХ и ХХ века. Многие писатели и поэты стараются отыскать в природе, в русской реке, русском лесу, русской степи и тундре, в белых безмолвных ночах Севера, в мгновенном торжестве русской весны⁵³ — особые русские черты.

Хорошо о значении природы и ее красоты написал философ Николай Арсеньев в книге "Дары и встречи жизненного пути": "Дух наш должен расти и подниматься Горе, но и тело крепнет и растет от горного, чистого воздуха, от *уединения* хотя на несколько часов. (Об этом говорил здесь, в Америке еще в 60-х годах прошлого века Торо в своей прославившейся книге *Walden*, но его не слушали, да и сейчас мало слушают, хотя изучают в школах его книгу как классическое произведение американской литературы.

И в России какие силы духовного и физического противоядия таятся в природе — лесах, горах и водах — против повсюду почти проникающего смертоносно ядовитого советского духа. На это намекал еще в конце 20-х годов вскоре потом погибший в советском концлагере талантливый писатель С. Клычков,⁵⁴ автор "Чертухинского балакиря" (как бы изображающего протест дикой лесной природы против советской власти и советского духа).

В поэзии ХХ века Б. Пастернак уже остро и четко проводит грань меж-

ду городом, его природой, и деревней. Из прозаиков, путешественников и охотников, может быть, самым интересным был Владимир Арсеньев (1872–1930) и Михаил Пришвин (1873–1954). Первый – из дворянской, очень культурной семьи, второй – из купеческой среды. Оба они этнографы, путешественники, охотники и писатели. Труды Арсеньева по географии Уссурийского края хорошо известны географам – специалистам по Восточной Азии.

Оба писателя по духу своих писаний и по отношению к жизни принадлежат к старой России. Я думаю, что они сравнительно мало известны на Западе. Описывать свои путешествия и открытия для широкого читателя Арсеньев начал в 1910 году. Из его книг самые интересные: “По Уссурийскому краю” (1921), “Дерсу Узала” (об охотнике, владеющем, в частности, тайной корня жень-шень⁵⁵) и “В горах Сихотэ-Алиня”. Максим Горький восхитился сжатой меткостью описаний, яркостью языка, интересностью приключений в книгах Арсеньева, а также необычайной живостью описаний природы. По мнению Горького, Арсеньеву удалось в своем творчестве “объединить Брема и Фенимора Купера”. Звери и люди, леса и горы, ручьи и реки, цветущие луга и таинственные долины описаны незабываемо. Тип сибиряка – охотника Дерсу жив и трогателен. Трагичность конца этого сказочно меткого стрелка – потеря зрения – описана со всей силой художественного мастерства. Удивительно передана жизнь ночного леса и весь дух дальневосточной окраины СССР. А. Фадеев многое использовал из книг В. Арсеньева для своего романа “Последний из Удэге”.

Михаил Пришвин был в юности человеком очень левых убеждений – исключен за это и за свои проделки из елецкой гимназии. Позднее окончил агрономическое отделение Лейпцигского университета в 1902 году. В 1906 году опубликовал уже первый свой рассказ. Потом надолго подпадает под влияние двух знаменитых тогда писателей, А. Ремизова и Д. Мережковского. Это влияние замечается, например, в повести Пришвина 1929 года “У стен града невидимого”. Вскоре Пришвин оставляет службу агронома и начинает заниматься фольклором Севера в районе Белого моря: “В краю непуганых птиц” (1907), “За волшебным колобком”⁵⁶ (1908): “В некотором царстве, в некотором государстве жить людям стало плохо, и они стали разбегаться в разные стороны. Меня тоже потянуло куда-то. “Бабушка, – сказал я, – испеки ты мне волшебный колобок, пусть он уведет меня в леса дремучие, за синие моря, за океаны... Сделала (бабушка) веселый колобок. Он полежал, полежал, да вдруг и покатился... У росстани⁵⁷ остановился колобок. А я сел на камень и осмотрелся. Впереди меня на берегу плачет последняя березка, позади город – узкая полоска домов между синей тундрой и Белым морем. Направо морской путь в Ледовитый океан, налево береговая тропинка лесами к святым Соловецким островам. Куда поведет колобок, направо – в море, или налево – в лес? И в лес тянет меня волшебный колобок”.

Лес привлекал Пришвина всегда. В зрелые годы, женившись на крестьянке, уходил он в лес с женой, с ружьем и собакой на всю весну и лето до осенних холодов. Охотился, ловил рыбу. Изучал лес и его обитателей. В одной из лучших своих повестей, "Жень-шень" (первое название — "Корень жизни", 1933), он пишет: "Меня с малолетства манила неведанная природа. И вот я будто попал в какой-то по моему вкусу построенный рай. Нигде у себя на родине я не видал такого простора... лесистые горы, долины с такой травой (в Маньчжурии), что всадник в ней совершенно скрывается, красные большие цветы — как костры, бабочки, как птицы, реки в цветах. Возможно ли найти еще такой случай, пожить в девственной природе по своей вольной волюшке!.. Перевалил какой-то хребет и увидел перед собой голубой океан. Да, вот за одно только за это, чтобы увидеть с высоты перед собой голубой океан, можно бы отдать много трудных ночей, когда приходилось спать на слуху, по-звериному, и есть что только придется достать себе пулей". Иногда он не мог стрелять и ловить зверя: "Красота или что там еще, может меня, охотника, связать самого, как оленя, по рукам и ногам... Прекрасное мгновенье можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками".

Повесть "Жень-шень" в основе своей философская — это растение не только целебный корень, оно символизирует и силу страсти и творческий импульс жизни. В повести замечательно изображена природа и жизнь оленей. Правда мешается с веянием сказки леса в жизни охотника в Маньчжурии. Реализм "ведет писателя в светлую сторону бытия", — говорит М. Пришвин. Написал он много, к 1930 году вышло уже собрание сочинений в семи томах. Всюду писатель стремится "искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой".

К. Паустовский заметил в статье о Пришвине: "Слова у Пришвина цветут, сверкают. Они полны свежести и света. Они то шелестят, как листья, то бормочут, как родники, то пересвистываются, как птицы, то позванивают, как хрупкий первый ледок, то, наконец, ложатся в нашей памяти медлительным строем". На войну 1941—1945 гг. Пришвин отозвался "Рассказами о ленинградских детях" (1943).

Но самое обширное произведение писателя, где он пытается узнать лицо самой Жизни в своем "родственном внимании к природе" и людям — роман-автобиография "Кашеева цепь". В центре романа — несколько романтическая личность главного героя, Михаила Алпатова. И. Бунин ("Жизнь Арсеньева"), К. Паустовский ("Повесть о жизни") начали эту традицию романа-автобиографии. Пришвин описывает жизнь своего героя в России, Германии. В основе это процесс развития и роста творческой личности, "я" героя, второго Адама. Вся сложная жизнь писателя, агронома, педагога, охотника, этнографа и мыслителя развертывается живой цепью событий. Был он и военным корреспондентом на войне 1914—1918 годов, и исследователем Казахстана и Дальневосточных окраин. Роман назван "Кашеева цепь". Эту злую цепь и стремится разорвать герой.

Кашей бессмертный — известный персонаж, воплощение зла в русском фольклоре. Он, как Протей, меняет свой облик, он всегда прячется от солнца и добра. Чтобы его уничтожить, надо найти место, где спрятана его смерть (птица, яйцо и т. п.). Каждая глава — следующее звено кашеевой цепи. В шестом звене рассказывается о вере молодого Алпатова в силу революционного переворота, который сделает “страшное неравенство делом прошлого”. Однако Пришвин рисует и портреты таких революционеров, как Несговоров (символическая фамилия — человек, с которым нельзя сговориться), считавших любовь к искусству вредной и мечтавших уничтожить Сикстинскую Мадонну. Позднее Пришвин молча наблюдал уничтожение в СССР драгоценных старинных памятников родного ему искусства. Но что он мог сделать или сказать?

Глава 3

Е. ЗАМЯТИН, И. ЭРЕНБУРГ, М. БУЛГАКОВ, Б. ПАСТЕРНАК
К. ПАУСТОВСКИЙ, К. ФЕДИН, Б. ПИЛЬНЯК, И. БАБЕЛЬ,
М. ЗОЩЕНКО

Е. ЗАМЯТИН

В книге об А. Блоке и революции¹ Анатолий Якобсон замечает: "...Бедно, что стала заигрывать мысль российского интеллигента с самим Сатаной". Особую сторону мрачного демонизма одним из первых описал Евгений Замятин (1884–1937), говоря о диктаторах и диктатурах, где Зло называют добром, а рабство – свободой. Замятина назвал "внутренним эмигрантом" в СССР Лев Троцкий, который сам погиб в 1940 году в Мексике от руки сталинского агента. Замятин же был выпущен Сталиным из СССР вместе с другими "еретиками" в литературе и философии и умер в Париже.

Свою карьеру писателя, а также кораблестроителя и революционера, Замятин начал еще в царской России. Его литературный стиль, сюжеты, подход к жизни общества менялись, но не в самой сущности их природы. В одном интервью писатель говорил о своем неореализме в таком духе: реалисты XIX века смотрели на вещный мир без очков, живыми глазами; символисты – в телескоп, а неореалисты – в микроскоп, и этот последний взгляд дает более живое и интересное – новое о мире.²

Среди своих учителей писатель называл Н. Гоголя и его "рисунок словами", Н. Лескова с его живым сказом и крепостью произведений и

Уэллса, потрясшего Замятина своей могучей фантазией. Последнему он посвятил блестящее эссе.³ Нельзя забыть и об Анатоле Франсе. Некролог ему в 1924 году начал Замятин так: "Если с какой-нибудь соседней планеты наблюдают развитие нашей культуры, то оттуда видны только самые высокие пики. И если там составлен атлас нашей культуры за последние четверть века, то, конечно, на карте России обозначена вершина 'Лев Толстой', а на карте Франции – 'Анатоль Франс' ". И если на фантастической карте послереволюционной России смотреть на Петербург, то около него возникла бы горная цепь – Серапионы⁴ с вершиной – Евгением Замятиным. Его первые рассказы вышли в 1908 году. (Собрание сочинений в 4-х томах. Москва, 1929 г. Там нет романа "Мы", 1924 г.) О деятельности же Серапионов Ольга Форш⁵ в книге "Сумасшедший корабль" сказала очень справедливо: "В те годы, сбившись в крепкий плот, они, как на па-

роме, перевезли на себе через бурную реку событий тех лет все важное для жизни искусства на берег новый..." Из дореволюционных произведений Замятина отмечу "Уездное" (1912) и "На куличках" (1914), за которое его судили, обвинив в оскорблении офицеров и армии. В книге — скука, глупый клуб Ланцелупов, тоска отдаленной восточной окраины, попойки и лень. Кое-что похоже на жизнь полковых офицеров в "Поединке" А. Куприна. Угрюма и душна и атмосфера "Уездного" с ее глупой грубой средой и развратной Марфой, охотящейся за дьячком. Веет затхлой Русью, стоячей водой жизни, плесенью ее темных углов.

А. Блок называл Замятина "московским англичанином". И верно, было в писателе нечто очень русское, но с английским налетом. Я лично видел Е. Замятина всего дважды в моей жизни. В 1932 году "Первое немецкое общество славяноведения" в Праге принимало Замятина. Хозяином — председателем общества был знаменитый славист Герхард Геземанн. Через него-то я и получил приглашение на вечер. После восьми часов вечера в библиотеку Общества вошли сразу Геземанн, Замятин, Бем и Савицкий. Лицо Замятина было тонкое, бледное и в веснушках, волосы светлые с рыжиной. Руки хорошей формы, крепкие, покрытые волосами, с тонкими пальцами. Кисти рук были тонкими, и их бледная кожа, даже и с внутренней стороны, была покрыта веснушками. Руки писателя притягивали мое внимание, было в них что-то нервное, напряженное. Не случайно вспомнились и слова Замятина об одном из его героев: "Есть у человека такое, в чем он — весь, сразу, в чем его из тысячи отличишь". Таковы были руки Замятина.

Сколь разнообразны были типы людей в его произведениях! Инок Сильвестр, что, веруя, поднял икону "Владычица Ширшая Небес" и погасил пожар (рассказ "Знамение"); а вот красноармеец, напоминающий Архипа, кузнеца из пушкинского "Дубровского", — людей не жалеет, а животных жалеет. Ведет в рассказе Замятина красноармеец невинно арестованного: "Веду его, морда интеллигентная, просто глядеть противно. И еще разговаривает, стервь, а! Разговаривает... — Ну и что ж, довел? — Довел без пересадки — в царство небесное. Штычком". И этот же зверь-красноармеец жалеет воробья: "Пожалел, сбил назад картуз — и в тумане два глаза, две щелочки из бредового мира в человечесий".

Размышления мои тогда о творчестве Замятина прервало чтение его трагедии "Атилла — бич Божий". Читал ее автор превосходно. Это был плод трехлетней работы; впервые читал писатель "Атилла" еще в Ленинграде. Об этой пьесе Замятин упоминает в своем письме к Сталину в 1931 году: "Я уверен, что эта моя пьеса — трагедия "Атилла" — заставит, наконец, замолчать тех, кому угодно было делать из меня какого-то мракобеса". Действительно, в трагедии был как бы осужден умирающий старый мир, была некая героика борьбы нового против старого, противопоставление двух идеологий. Намек на современность, спрятанный в событиях древней истории. Было что-то от блоковских "Скифов". "Да, скифы мы,

да, азиаты мы, с раскосыми и жадными глазами”.

После чтения началось обсуждение трагедии. На вопрос автора, обращенный ко мне, об общем впечатлении, я позволил себе отметить, что в трагедии воссоздан дух современной революции на материале древней истории. На это Замятин с улыбкой сказал: “Вы почувствовали кое-что верно, но не так я замыслил трагедию. Я ищу и нахожу в прошедшей великой эпохе те же жгучие вопросы, что и в современной нам. Перелом истории. Я не большевик теперь, нет! Правды там сказать нельзя. Но и здесь я буду говорить правду о великой, а не только подлой, русской революции, о ее мировом значении... Почти все писатели моего поколения были, а может быть, и остались революционно настроенными...”

Вскоре начались разговоры о постановке “Левши” Лескова по кино-сценарию Замятина.

Замятин еще в бытность в России с исключительной силой сумел изобразить всю трагичность жизни после революции. Один рассказ “Пещера” стоит целого тома рассуждений. В нем описаны интеллигенты: муж и больная жена в холоде и лишениях. Чтобы согреть жену в отчаянии ледяной ночи, муж рубит рояль и им топит печь. Четыре темы особенно волновали писателя всю его жизнь: 1) Борьба против духовного мещанства, обыденности: “Уездное” и “Островитяне” (сатира на англичан); 2) Любовь-милосердие и любовь-страсть (“Чудо о том, как был исцелен иннок Эразм”, строитель Интеграла в романе “Мы” и др.). Строитель Интеграла из любви к женщине уклонился от рабской послушности, и ему по воле Благодетеля-Тирана выжигают в мозгу орган свободы воли. Дело строителя очень плохо, ибо “по-видимому, у него образовалась душа”. 3) Сказка, фантазия, утопия. 4) Сатира. Все люди в утопическом романе “Мы” обездушены, они не индивидуумы, а номера, послушные роботы “Благодетеля”. В романе-утопии потрясает читателя описание людей при полном лишении свободы мыслить, чувствовать и действовать. Кто чуть уклоняется, того стегают электрическими бичами или казнят, а массы радуются и рукоплещут казням.

Мне кажется новым в романе “Мы” искусное описание влюбленности героя-математика, говорящего о любви в формах математического языка. Дан как бы дневник человека двух миров: одного прежнего, “дикого”, свободного, и другого — беспепелляционно несвободного, гармонически механизированного коммунизма.

Изображение раболепия перед диктатором просто пророческое для 1924 года.

Замятин сильно и несомненно повлиял на Джорджа Орвелла и О. Хаксли. Читая “Скотский хутор” или “1984 год”, видишь, что ряд пассажиров в них прямо создан под влиянием идей и даже стиля Е. Замятина.

Он обладает неистощимой силой фантазии, и это третья сторона неореализма писателя, а с богатством фантазии сочетается и тонкая, острая ирония, а иногда ядовитый сарказм: краснокожие кричат белым в “Сказках для взрослых”: “Креста на вас нет, кого вы убить хотите! Это же

краснокожий!.." — "А кого вы вчера съели, вон его кости?!" — "Так он же не краснокожий!" Замятин с горечью показывает готтентотские принципы морали в современной жизни. Помните, спросили готтентота в Африке, что хорошо и что плохо, и он ответил: "Хорошо, если я украду корову, плохо — если у меня украдут корову". Над этим издевается Замятин. Высмеивает он и "свободу" граждан под диктатурой. В одной из сказок "тиран-благодетель" Фита — столь добр, что разрешает подданным петь ему гимны "даже по воскресным дням", но к толпе близко из осторожности не подходит.

Фантазия писателя и есть, может быть, самая изумительная вещь, ибо "самое фантастическое оказывается самым реальным". Фантазия есть пророческий дар зрелой культуры, ей Замятин учился и у Жюль Верна и у Герберта Уэллса. О нем заметил писатель: "Город нынешний, огромный, лихорадочно бегущий, полный рева, гула, жужжания пропеллеров, проводов, колес, реклам — этот город у Уэллса всюду... Религия же сегодняшнего города — это точная наука. Уэллсовская фантастика — это фантастика, может быть, только для сегодня, она завтра уже станет бытом". По мнению Замятина, художник "творит для себя свой особенный мир, творит по своему образу и подобию,⁶ а не по чужому. И оттого художника трудно уложить в уже созданный, отвердевший мир: он выскочит из параграфов, он будет еретиком..." Великим еретиком революции и коммунистического строя был и наш писатель, "писавший чернилами девяностоградусной крепости", экспериментатор, психолог души революций и диктатур. Герберт Уэллс писал ("Джоанна и Питер"): "Да, Азия идет на Европу с новой идеей... И тогда раса большевистских мужиков будет заниматься разведением свиней среди руин". Разрушение старых форм жизни показывает и все творчество Замятина. Одно он ценит: свободу и правду.

И. ЭРЕНБУРГ

Илья Эренбург (1891—1967) вышел из обеспеченной еврейской семьи, в юности, как и Пришвин, революционно настроен. В 1908 году эмигрировал во Францию, чья литература и культурная жизнь наложила глубокий отпечаток на его мышление и творчество. Начал он с декадентского направления — сборник "Стихи" (Париж, 1910). Был корреспондентом русских газет на западном фронте во Франции. После революции вернулся в Россию, но вскоре отошел от ужасов и крови революции 1917 г. — "Молитва о России". Живя за границей, остроумно высмеивал тоталитаризм и утопию под пятой тирании — "Необычайные похождения Хулио Хуренито" (1922). В конце романа герой, умирая, говорит: "Всем братьям, без Бога, без программы, без идей, голым и презираемым, любящим только ветер и скандалы, я шлю мой последний поцелуй". Однако тот же Хулио Хуре-

нито говорит, что Россия тысячами рук кладет фундамент для постройки нового мира.

Сам о себе писал однажды Эренбург: "Илья Эренбург — отступник, мелкий ханжа, пакостник с идейными задумчивыми глазами". Эренбург написал очень много романов, очерков, статей, атакующих фашизм. Он чрезвычайно впечатлителен, чуток к основному направлению политического ветра ("Москва слезам не верит", "Рвач", "Жизнь и гибель Николая Курбова", "Любовь Жанны Грей", "День второй" — 1932, "Не переводя дыхания"⁷ — 1935, "Падение Парижа" — 1942, "Буря" — 1947, "Девятый вал" — 1952 и др.). Широкий отклик в читательских кругах получила повесть "Оттепель" (1954). И даже еще раньше, сразу после смерти Сталина, писатель начинает горячо защищать свободу творчества — см. октябрьский номер журнала "Знамя". В повести "Оттепель" и в ее продолжении "Весна" (1956) мы видим нового Эренбурга. Здесь не только лирическая тема любви и ее прав, но и мысль, что самое важное для художника и для человека вообще — истина. Правдивости, Истины ищет ум и совесть человека (См. "Уроки Стендала" в ж-ле "Иностранная литература", июнь 1957). Гибкость ловкого журналиста, мгновенная реакция на любое изменение политического курса: НЭП, пятилетка, война, разложение и гибель западной буржуазии — все находит свое место в творчестве этого высокоталантливого человека.

Стихи Эренбурга часто хороши и эффектны:

Я — не трубач — Труба! Дуй, Время!
Дано им верить, мне — звенеть.
Услышат все, но кто оценит,
Что плакать может даже медь...

Менялись не убеждения, но настроения и слова: "Октября"⁸, которого так долго ждал, я не узнал". Или, еще сильнее:

Я не забуду очередь,
Старуший всхлип и бред,
И на стене — всклокоченный,
Невысохший декрет.
А люди шли с котомками,
С кулями шли и шли;
И дни свои — огромные —
Тащили, как кули...

Быстро меняя темы, мысли, увлечения, приспособляясь к партийной линии, он блестяще удовлетворял и свои пристрастия, и требования политики партии. Увлекательно и живо, хотя односторонне и не вполне правдиво описал Эренбург-корреспондент гражданскую войну в Испании

(1936–1939) — “Очерки красной Испании”. В книге “Война” Эренбург делается почти шовинистом, борцом за традиции, за русскость, против напавших на СССР немцев. Он уже ценит превыше всего исторические традиции, ратует за национальную почву для искусства: *“Корни искусства уходят глубоко в национальную почву... Искусство связано с землей, с ее солью, с ее запахами... Вне национальной культуры — нет искусства!”* Так, подобно Сталину во время войны, Эренбург забыл об интернационале, обратимся к идеям об искусстве на национальной почве в духе Достоевского. Не случайно, говорит И. Тхоржевский,⁹ Эренбург утверждал, “будто на часах Истории его интересует только одна секундная стрелка” — актуальность! И позднее Эренбург, уже заняв почетное место в советской литературе, умел приспособиться и увлечься моментом. Его автобиография “Люди, годы, жизнь” (Москва, 1961) — интересна, умна, полна недоумков и осторожного умения “обходить острые углы”.

Эренбург увлекался многим из того, что не одобряли власти: в его квартире висели картины современных иностранных художников и русских абстракционистов; книги, которые он собирал, включали недозволенные или полудозволенные работы философов, “несозвучных эпохе”.

Эренбурга критика в СССР и бранила, и хвалила, а власти никогда не трогали. Умел, умел он и жить, и приспособливаться, и выделяться, и хорошо писать. Многие созданные Эренбургом живо, оригинально и ярко отражают бурную эпоху войн, революций, переворотов, крови и неумирающих надежд беспокойного духа.

М. БУЛГАКОВ

Михаил Булгаков (1891–1940) — выдающийся сатирик, талантливый комедиограф, блестящий романист. Вне всякого сомнения, один из крупнейших русских писателей XX века. В краткой литературной энциклопедии статья о нем заняла неполных 26 строк. Он тоже был “несозвучен эпохе” и стал одним из мучеников режима. Бесталанный Фаддей Булгарин, сосед Булгакова по энциклопедии, заслужил 36 строк.

В последние годы жизни лишенный возможности печататься писатель просил права на любую работу, хотя бы подметальщиком, но ему и в этом отказывали; просил отпустить его за границу, но и выезд не разрешили. Писатель умер, не дожив даже до пятидесяти лет.

Киевлянин, сын университетского профессора, врач по образованию, Булгаков к 1925 году уже написал замечательные по изобретательности и остроте сатиры сборник рассказов “Дьяволиада” и повесть “Роковые яйца”, издал за границей выдающийся роман “Белая гвардия”. По этому роману писатель создал драму “Дни Турбиных”, с огромным успехом шедшую в 1926 году на сцене Московского художественного театра

(МХАТ), а позднее надолго снятую с репертуара по приказу властей. (Пьеса издана по-английски в 1934 году и еще раз в 1935 г.) Первые шаги писателя были сделаны во время НЭПа и относительной свободы для "путчиков" и искателей новых путей в литературе. "Белая гвардия"¹⁰ начинается эпитафией из пушкинской "Капитанской дочки" — о внезапно налетевшем буряне, снежном шторме в степи. Тема романа — судьба семьи Турбиных в Киеве 1918 года, поочередно попадающим то в руки немцев, то украинских сепаратистов, то белых. О большевиках говорится только в конце романа, и то кратко.

В семье Турбиных несчастье — умирает любимая "королева — мама". Старший брат, кормилец, заболевает тифом. И сестра молится и просит Богородицу об исцелении брата. По силе описания любви, скорби и дерзновенной веры нет ничего, равного этой сцене, может быть, во всей русской литературе. Роман "Белая гвардия" особенно дорог русскому читателю потому, что в нем с редким талантом описан как бы последний маленький островок любви, тепла, уюта, интеллигентности, культуры, твердых жизненных устоев в то время, когда вокруг все эти ценности рушатся и исчезают. Символ революции дан в аллегорическом образе крестьянской Ненависти, несущейся сквозь бурю и снег и воющей, как зверь.

Левая критика нападала на этот роман: и на идеологию, и на скрытые насмешки над сепаратизмом украинцев, и на утонченный экспрессионизм стиля.

Трагизм жизни самого писателя проникновенно описан в исторической драме Булгакова "Мольер" (1936) и в повести "Мольер" (опубликована в 1962). Есть параллели с его злой судьбой и в пьесе "Последние дни Пушкина" (1940). "Зойкина квартира" — о нравах во времена НЭПа — и "Роковые яйца" вызвали поток обвинений в отходе автора от коммунистической идеологии. Самым печальным, самым личным из всех произведений Булгакова можно считать его фантастическо-сатирический роман "Мастер и Маргарита".

Уже в первом рассказе из сборника "Дьяволиада" появляются элементы фантастики, переплетенной со злой сатирой на советскую действительность, на бессмысленность ее бюрократии. В рассказе (есть и пьеса) "Приключения Чичикова" гоголевский Чичиков внезапно воскресает и попадает в тот же город, что описан Гоголем в "Мертвых душах" (1842). Жизнь по сути не изменилась. Жулики и бюрократы торжествуют, в гостинице просто больше тараканов и грязи.

В "Мастере и Маргарите" фантастика сочетается с яркими описаниями быта москвичей конца двадцатых — начала тридцатых годов. Роман был опубликован в СССР только после XX съезда, и с купюрами.¹¹ Над этим романом писатель работал с 1928 года до самой смерти, в последние месяцы уже диктуя жене. Еще в 1939 году он потерял зрение, вероятно, в связи с болезнью почек. "Мастер и Маргарита" — несомненно самое зна-

чительное произведение М. Булгакова. Роман переведен на многие европейские языки.

Архитектоника, структура романа двупланова. Из Москвы читатель внезапно попадает в Иудею, в Иерусалим, где присутствует при незабываемом разговоре Понтия Пилата с Иешуа Га-Ноцри, а потом — опять в Москву, которую дурачит Воланд, дьявол, прибывший в Москву в образе “профессора черной магии” со своими подручными — нелепыми Котом Бегемотом, Коровиным и Азazelло. В аллее сквера на Патриарших прудах Воланд встречается с председателем правления одной из литературных московских ассоциаций Михаилом Берлиозом и поэтом Иваном Поньревым, пишущим под псевдонимом Бездомный. Им очень жарко, в киоске нарзана нет, пива нет, а есть теплая абрикосовая вода. О ней писатель лукаво замечает: “Абрикосовая дала обильную пену, и в воздухе запахло парикмахерской. Напившись, литераторы начали икать...” Герои романа, кроме Мастера, все коммунисты и не верят ни в Бога, ни в дьявола. Дьявол же на протяжении всего романа потешается над ними и творит злые и добрые чудеса на фоне обычной московской жизни. Узнав об абсолютном атеизме Берлиоза, Воланд просит его на прощанье: “Поверьте хоть в то, что дьявол существует! О большем я уж вас не прошу...”

М. Булгаков мастерски описывает не только печальную судьбу Мастера и его гениальной рукописи, не только трогательную историю его верной любви, но и весь неприглядный, пропитанный фальшью, наполненный лозунгами, придавленный страхом и оглуленный бюрократизмом быт Москвы.

Вот при вопросе о паспорте запуганный гражданин “выхватил паспорт, как кинжал...” Вот жулик — буфетчик в театре — продает посетителям рыбу “второй свежести”... На коварный вопрос: “Разве и в Москве есть мошенники?” москвич только опускает голову. Когда Кот предлагает героине выпить, чтобы подкрепить силы, и наливает в стакан прозрачную жидкость, она спрашивает: “Это водка?... Кот подпрыгнул на стуле от обиды. “Помилуйте, королева, — прохрипел он, — разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт”.

Может быть, самыми яркими и смешными главами в романе являются главы о писательском доме и ресторане в Москве — так называемом “Грибоедове”. У входа сидит “бледная скучающая гражданка в белых носочках и в белом же беретике с хвостиком...” Она проверяет удостоверения. Эта дева не совсем уверена, умер или еще жив Достоевский, и не реагирует на замечание Кота и Коровьева, что, хотя Достоевский и бессмертен, у него никогда не было удостоверения о том, что он писатель!

Мастерски описана попытка арестовать Кота в “подозрительном доме 302 бис”. Облава проводилась с пистолетами, с ампулами с хлороформом, с сетями и арканами. Дом и крыши соседних зданий заняла милиция. Отмычками бесшумно открыли двери квартиры № 50... “На каминной полке, рядом с хрустальным кувшином, сидел громадный черный кот. Он

держал в своих лапах примус. “М-да... действительно здорово...” — шепнул один из пришедших. “Не шалю, никого не трогаю, починяю примус, — недружелюбно насупившись, проговорил Кот, — и еще считаю долгом предупредить, что Кот — древнее и неприкосновенное животное”. Развернулась и взвилась сеть, но бросивший ее промахнулся и захватил только кувшин, который со звоном тут же разбился. “Ремиз! — заорал Кот. — “Ура!” И тут он, отставив в сторону примус, выхватил из-за спины браунинг... “Вызываю на дуэль!” — проорал Кот, пролетая над головами на качающейся люстре, и тут опять в лапах у него оказался браунинг, а примус он пристроил между ветвями люстры”. Смертельно раненный, Кот Бегемот “жюльнически” выздоравливает, выпив бензину.

В других случаях автор серьезен и описания его художественны и тонки: “Вдруг показалось, что осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату и я захлебнусь в ней...” Вид сверху: “Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собой и тусклые лезвия рек”.

Есть в романе страницы щемящей и пронзительной грусти: “Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами! Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туман земли... Он отдается с легким сердцем в руки смерти... Только она одна успокоит его”.

В разных местах описания мрачного и бедного быта находим грубые фразеологические советские обороты: “замели председателя” (арестовали), “попятели одежду” (украли) и т. д. Но в этом же романе можно услышать отклик и на голоса великих писателей: Гофмана, Гете, Пушкина, Гоголя, Гей Мейеринга, Шарля де Костера и др.¹³ Следует отметить и колдовскую роль луны в судьбе героев, и отклики на апокрифические Евангелия, и Logia. Для читателей в СССР интересно безусловное признание автором историчности Христа и четко проведенная идея о грехе трусости, воплощенная в действиях и образе прокуратора Иудеи Понтия Пилата. За трусость он платит вечными муками совести. Христос в романе — символ бессмертия. Воланд только исполняет его волю. “ Он (Мастер) не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий. — Передай, что будет сделано, — ответил Воланд”.

Всюду в романе — месть шутки, иронии, сарказма за согбенность спин, за подхалимство и трусость, за принудительно вводимое безбожие. Волшебник слова Булгаков бьется в романе со всем злом и тьмой жизни в СССР. Но надо всем — бессмертие Христа, простившего всех, даже и самого Пилата.

Б. ПАСТЕРНАК

Борис Пастернак (1890—1960) родился и вырос в высококультурной и революционно настроенной еврейской семье. Его отец, академик живописи, был приятелем Л. Толстого. Жившая в доме русская няня тайно крестила поэта, когда он был ребенком. Узнав об этом, Борис Пастернак сначала не придавал факту крещения особенного значения, но позднее, после прочтения Евангелия, он “как от обморока ожил”. В зрелые годы Пастернак стал русским и православным религиозным поэтом.

В молодости Пастернак увлекался футуризмом, хотел “смешать все плоскости изображения”. У Маяковского было “Облако в штанах”, у Пастернака — “Близнец в тучах” (1914). Он входил в футуристическую группу “Центрифуга” и дружил с Н. Асеевым, С. Бобровым и В. Маяковским. Тем не менее, в стихах молодого Пастернака есть ясные отклики на А. Блока, Р. М. Рильке и даже на Ф. Тютчева.

Известность принес поэту сборник “Сестра моя жизнь” (1917—1922): “Мирозданье — лишь страсти разряды, человеческим сердцем накопленной”.

Прожив трудную жизнь, уйдя от увлечения Сталиным и пятилетками, Пастернак сам осудил свои ранние вывихи и увлечения. Helene Peletier он сказал в 1958 г.: “Я очень изменился. Когда я перечитываю теперь стихи, написанные мною в молодости, я испытываю чувство стеснения, как будто они — нечто совершенно мне чуждое и даже *карикатурное*... Теперь я пишу совсем иначе. Так пошло с начала сороковых годов”. В “Автобиографическом очерке” читаем: “Я не люблю своего стиля до 1940 года... В те годы наших первых дерзаний только два человека, Асеев и Цветаева, владели зрелым, совершенно сложившимся слогом... Слух у меня тогда был испорчен *выкрутасами* и ломкою всего привычного, царившими кругом. Все *нормально сказанное* отскакивало от меня. Я забывал, что слова сами по себе могут что-то заключать и значить, *помимо побрякушек*, которыми они увешаны... Я во всем искал не сущности, а посторонней остроты”. Огромный путь прошел поэт от “выкрутасов” к той сложно-величавой простоте, которую находим в его поздних стихах и прозе.

В своей книге “Три мира Бориса Пастернака”¹⁴ автор Роберт Пэйн всем в его поэзии и прозе (“Детство Люверс” и др.) восторгается. Я не могу судить, насколько точно, например, стихотворение “Шекспир” (1919) передает дух Шекспира и обстановку английской таверны ХУ1—ХУ11 вв. Но бестолочь и выверты в некоторых стихах поэта мне ясны. Пройдет мода на бессмысленно пряное, на надуманное, и уйдут в небытие такие стихи. Например: “Ночь по саду белеющим бляньем тычется”, “Звездам к лицу хохотать”, “И, посвятив соцветьям рояля гулкой ритуал...”, “Как топи укрывает рдест”¹⁵, так никнут над мечтою веки” и т. д.

Порою слышны в его стихах отзвуки блоковских или пушкинских строк или ритма и картин Н. Некрасова:

Вечерело. Повсюду ретиво
Рос орешник. Мы вышли на скат.
Нам открылась картина на диво.
Отдышась, мы взглянули назад... и т. д.

А вот Пастернак о Сталине, совсем как Пушкин о Николае:

Но лишь сейчас сказать пора,
Величьем дня сравнение разня:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни... и т. д.

Иногда картина в стихах Пастернака действительно ясна и оригинальна:

Кавказ был весь, как на ладони,
И весь, как смятая постель,
И лед голов синел бездонней
Тепла нагретых пропастей...

Самые сильные и оригинальные свои вещи Пастернак написал в зрелые годы и к концу жизни. "Сложность и расплывчатость — цена, которую мы платим за наслаждение высшим искусством. Пастернак темен и неясен не в композиции, но от необходимости сказать вещи, которые до него не были сказаны". Так утверждает Р. Пэйн. Но трудность постижения глубины это одно, а неясность, запутанность, ненужная ломка логики и синтаксиса — другое. И хотя М. Горький одобрял "1905 год" — попытку эпика у Пастернака, мне не кажется это произведение значительным. Сам поэт писал в 1927 году ("На литературном посту" № 4): "Я считаю, что эпос внушен временем, и поэтому в книге 1905 год" я перехожу от лирического мышления к эпике, хотя это очень трудно". Поэма все время двупланова — воспоминания ранней юности и революционные бои на баррикадах, да бросание бомб террористами:

Что ни день, то метель.
Те, что в партии,
Смотрят орлами,
Это в старших,
А мы:
Безнаказанно греку¹⁶ дерзим,
Ставим парты к стене,
На уроках играем в парламент
И витаем в мечтах
В нелегальном районе Грузин...

Утром —
Громовой раскат из Кремля:
Попечитель училища...
Насмерть...
Сергей Александрович...¹⁷
Я грозу полюбил
В эти первые дни февраля.

Радовало Пастернака, что во время бунта на броненосце “Потемкин” — одни офицеры под стражей, а “прочим по пуле и вплавь”. В “Москве в декабре” (1925) есть очень вычурные строки:

Солнце смотрит в бинокль
И прислушивается к орудьям.

Вымученно это, по-моему, и плохо. Автору уже тридцать пять лет!

Профессор Б. Вейдле¹⁸ во вступительной статье к сборнику “Стихи и поэмы” Пастернака очень осторожно прослеживает все зигзаги пути Пастернака в поэзии и полагает, что позднее творчество поэта не отделить от раннего. Это справедливо, но ценить раннее я не могу, как и сам проснувшийся от юных увлечений Б. Пастернак. В *романе* в стихах (трудно дать более подходящее название), поэме “Спекторский”, баловень поэт, словно впервые прикасается к жизни, вскипевшей вокруг него мутной и кровавой волной:

Привыкши выковыривать изюм
Певучестей из жизни сладкой сайки,
Я раз оставить должен был стезю
Объевшегося рифмами всезнайки.

Я бедствовал. У нас родился сын,
Ребячества пришлось на время бросить.
Свой возраст взглядом смеривши косым,
Я первую на нем заметил проседь...

В дни голода, когда вам слали на дом
Повестки, и никто вас не щадил,
По старым сыромятниковским складам
С утра бродило несколько чудил.

То были литераторы. Союзу
Писателей доверили разбор
Обобщественной мебели и грузов
В сараях бывших транспортных контор...

Поэма длинная и, по-моему, скучно-тягучая, хотя кое-где есть живые слова и звучные строфы. Но не в этом, я полагаю, главное значение Пастернака для русской и даже советской литературы. Весь поэт раскрывается как гуманист, человек глубоко верующий свободолюбивый и чрезвычайно одаренный. прежде всего и полнее всего в романе "Доктор Живаго" (1957), а также в последних стихотворениях. Трагикомично, что Б. Пастернака в СССР буквально затравили за роман, который публика так и не смогла прочесть, разве что в контрабандных посылках книг, да в машинописи "Самиздата". Книгу, которая принесла автору всемирную славу и Нобелевскую премию, редакции журналов отвергли как недостаточно художественную. Однако свободное слово Пастернака дошло все же до слуха многих интеллигентных людей в СССР. Профессор Ю. Глазов¹⁹ писал так:

"Подлинным громом с ясного неба явился роман крупнейшего поэта России "Доктор Живаго"... На изумительнейшем языке поэтической прозы Борис Пастернак раскрыл перед миром ту психологическую драму, которая происходила в душе подлинного русского интеллигента в первое десятилетие после сумрачных, трагических дней петроградского октября. Внимательный читатель мог увидеть, что трагедия происходила не столько в социальном мире, сколько в душевном... Многим было невдомек, что, обращаясь к своим друзьям, Борис Пастернак обращался к тем, кто так или иначе приспособился к новому режиму, порожденному поистине богоборческими, демоническими и античеловеческими силами. Принося добровольную жертву на алтарь обновления России, затравленный поэт вскоре после несостоявшегося присуждения ему Нобелевской премии был похоронен на том самом кладбище, которое виделось ему в одном из лучших его предсмертных стихотворений".

Прекрасные портреты современников поэт дает уже в "Охранной грамоте" и в "Автобиографии" (Л. Толстой, А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский, А. Белый, А. Фадеев). Прототипы многих героев романа — также современники поэта.

Особенностью построения "Доктора Живаго" по сравнению с другими романами XX века а русской литературе является, в частности, использование стихотворений, написанных якобы героем романа Юрием Живаго, в самой ткани повествования. Внимательного читателя заинтересует переключка голосов из стихов заключительной части романа и его основной прозаической части. Здесь не только сходство символов с символами А. Блока ("Двенадцать" и другие) — снежной бури, одиноко горящей свечи и др., но и ряда фраз и фразеологических оборотов.

"Ломаной извилистой линией накидывает море пемзу, пробку, ракушки, водоросли, самое легкое... Так прибило тебя бурей жизни ко мне, гордость моя". Приблизительно через девяносто страниц читаем в стихах Живаго:

Она волной судьбы со дна
Была к нему прибита.

“Он вошел в комнату, которую Лара убрала утром... и в которой все наново было разворочено спешным отъездом. Когда увидел разрытую и неоправленную постель и в беспорядке валявшиеся вещи... заплакал по-детски легко и горько”.

А в стихах:

И человек глядит кругом:
Она в момент ухода
Все выворотила вверх дном
Из ящичков комода...

Внезапно видит всю ее
И плачет втихомолку...

В романе рядом с доктором Живаго, т. е. спасителем всего живого, действует и Веденяпин, его родственник, который во многом превосходит мысли поздних лет доктора Живаго. Идеи эти, с точки зрения критиков в СССР, реакционны, и их старались замолчать на родине автора — Веденяпин говорит о партийной и всякой вообще стадности: “Всякая стадность — прибежище неодаренности, все равно, верность ли это Соловьеву или Канту, или Марксу. Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно... Надо сохранять верность бессмертию, надо быть верным Христу”. Это на 9-ой странице романа. В конце романа, в стихах “Гефсиманский сад”, поразительных по силе образов и звучания, говорится о значении распятия и воскресения Христа. Образ его ясен, пластичен, овеян словами из Евангелия, не то что некий призрак в метели А. Блока (“Двенадцать”). Христос говорит:

Но книга жизни²⁰ подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.
Ты видишь — ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.

Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.
Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Роман Пастернака, дух его “находится не в царстве необходимости, а в царстве художественной свободы”, по прекрасному определению М. Слонима.²¹

Симочка говорит Ларе: “Я сказала бы, что человек состоит из двух частей: из Бога и работы. Развитие человеческого духа распадается на огромной продолжительности отдельные работы... Такой работой был Египет, такой работой была Греция, такой работой было библейское Богопознание пророков. Такая, последняя по времени, ничем другим пока не сменная, всем современным вдохновением совершаемая работа — христианство”. Затем следует оригинальный разбор богослужебных текстов и их символов. “Что-то сдвинулось в мире: кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить всей поголовностью (массой, коллективом), всем населением. *Вожди* и народы отошли в прошлое. *Личность, проповедь Свободы*, пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью...” (стр. 421—423). В романе есть и восторженная любовь к России героя и явно самого автора. Она как бы переливается через край вдохновенных страниц. Не случайно, что Борис Пастернак не хотел последовать за отцом, не мог остаться вне России. Вот одна картина: Юрий Живаго слушает голоса детей вечером теплого весеннего дня. “Голоса разбросаны в местах разной дальности, как бы в знак того, что пространство все насквозь живое. И эта даль — Россия, его несравненная, за морями нашумевшая, знаменитая родительница, мученица, упрямец, сумасбродка, шалая, боготворимая, с вечно величественными и гибельными выходками, которых никогда нельзя предвидеть! О, как сладко существовать” (стр. 401—402). И радость жить в такой стране сливается в сердце Юрия Живаго с образом боготворимой им Лары. Времена ужасны: “Все производное, налаженное, все относящееся к обиходу, *человеческому гнезду и порядку*, все это пошло прахом вместе с переворотом всего общества и его переустройством. Все бытовое опрокинуто и разрушено” (стр. 413). Кратко, то тут, то там поэт говорит о бессмысленной революционной жестокости и глупости новых властителей России: “Уличенные в хранении и сокрытии продовольственных запасов расстреливаются на месте” (387). Кстати сказать, сам автор этой книги видел расстрел человека, в квартире которого нашли полтора фунта жира и мяса! И Юрий Живаго, говоря о таких явлениях, горько замечает: “Какое завидное ослепление. О каком хлебе речь, когда его давно нет в природе? Какие имущие классы, какие спекулянты, когда они давно уничтожены!” (стр. 392).

Доктор Живаго стал такой же жертвой хаоса, как и все прочие. Вот как он выглядел в то время. “...смуглый, исхудалый, с темной от немытости кожей и одичалого вида, с котомкой за плечами и палкой... Шубу, наверное, давно сняли с него дорогою, или он сбыл ее в обмен на пищу. Он был в вымененных короткорукавных обносках с чужого плеча, не гревших его”. Положение врачей в России и через двадцать пять лет было очень тяжелым. Н. Хрущев говорил об этом и об их жаловании — около 85—90

рублей в провинции. Писатель во всеуслышание заговорил в романе о положении интеллигентов-спецов. Вот разговор добрейшего и неприспособленного к жизни доктора Живаго с Ларой: “Знаешь, кажется, мне придется уйти со службы. Старая, вечно повторяющаяся история. Начинается как нельзя лучше: “Мы всегда рады честной работе”. А мыслям, в особенности новым, и тем более... Но на поверку оказывается, что под мыслями разумеется одна их видимость, словесный гарнир к возвеличению революции и властей предержавших”... (стр. 417). Это-то и возмутило “власти предержавшие”, и был дан приказ печати травить автора. Нам же важна объективность человека, который ранее преклонялся не только перед Лениным, но и перед Сталиным, гордился тем, что Сталин однажды позвонил ему по телефону из Кремля. Наивно преданный революции, левым идеям, поэт был чистым и честным человеком. Рискуя жизнью, он отказывался давать свою подпись под лживыми обвинениями людей по требованию партии. В 1937 году он ждал расстрела и скорбел о жертвах террора.

Роман “Доктор Живаго” охватывает эпоху с конца XIX века до смерти доктора Живаго в конце двадцатых годов и передает в заключительной части книги надежды друзей Живаго на новую светлую жизнь после войны 1941–45 годов, когда они читают стихи давно умершего доктора-поэта.

Юрий Живаго во многом alter ego Пастернака, и роман следует анализировать отчасти и как автобиографию писателя. Время жизни Живаго — 1889–1929 гг. Несколько сторон творчества Пастернака, мне думается, особенно ценны: 1) Смелое утверждение важности духовно-христианской концепции истории. 2) Существенная критика разных форм жизни в СССР. Некое постепенное отрезвление автора от революционного угара и от того, что он назвал “колдовской силой мертвой буквы” марксизма. 3) Исключительное мастерство, выразившееся в оживлении, очеловечивании природы; мастерское внесение символики в структуру романа и последних стихотворений. 4) Реальность и подлинность многих типов романа.

Есть в романе некая хаотичность, растрепанность композиции, несбалансированность его частей. Полная необъяснимость для читателя в ряде случаев — появление сводного брата Ю. Живаго, Евграфа, который выскакивает и исчезает, как *deus ex machina*. Утомительна в романе постоянная патетичность, напряженная лиричность, порою почти ходульность в описании некоторых переживаний героя и героинь. Мне кажется неоправданными многие т. наз. лирические отступления, уводящие иногда неоправданно далеко от действия романа.

Из персонажей романа, кроме мягкого, сердечного и философски мыслящего интеллигента Живаго, особенно интересна Лара. Скорее всего, это сложная комбинация черт последней любви Пастернака Ольги Ивинской, позднее, как и Лара, сосланной в лагерь, и революционерки, красавицы Ларисы Рейснер. Рейснер (1895–1926), дочь профессора Томского университета, жила около двух лет (1903–1905) с семьей за границей. Семья была очень левых убеждений. Лариса начала в 1913 году печатать рассказы

под сильнейшим влиянием Л. Андреева. Писала до революции и публицистические статьи в журналах "Рудин" и "Летопись". С началом гражданской войны уезжает к Сибири, к коммунистам. Горячая революционерка, корреспондент и журналист. То она в Сибири на фронте, то в Гамбурге скорбит о неудаче коммунистов, то в Афганистане с советским посольством, то на шахтах Донбаса и Урала критикует с истощным пафосом "бездарность хозяйственников" и требует для рабочих права на критику. Незадолго до смерти она написала повесть "Декабристы", уже более трезвым языком, без модернистских вывертов.²² В Москве того времени была необычайно популярна. До чисток конца тридцатых Лариса Рейснер не дожила, она умерла в 1926-ом от тифа.

Следует особо отметить переводческую деятельность Пастернака — его переводы с немецкого ("Фауст", стихи, драмы) и с английского (переводы из Шекспира). Переводил он также и грузинских поэтов, хотя языка толком не знал. Ему помогали известные грузинские поэты Тициан Табидзе, Паоло Яшвили²³ и другие.

Значение Бориса Пастернака для русской литературы, как поэта и автора романа "Доктор Живаго", огромно.

К. ПАУСТОВСКИЙ

Константин Паустовский (1892—1968) учился на естественно-историческом факультете университета, потом на юридическом, но так и не закончил образования. Печататься начал в 1913 году. Как большая часть русской интеллигенции, был склонен в юности к революционному энтузиазму. Менее всего думал, что революция своим современникам счастья не принесет, что польется кровь, наступит голод, пойдут казни за казнями и строить в первую очередь начнут тюрьмы... Что жестокости и пытки породят новые жестокости и пытки, что цензура скует на десятки лет всякое проявление свободного творчества. Нет, этого не хотел, о возможной тирании вождей не помышлял в молодости наш писатель. Лицо правды не всегда быстро открывается, и железный, грозный и беспощадный лик госпожи Истории поздно замечается людьми, увлеченными утопиями всечеловеческого счастья.

Паустовский вспоминал время революционного угара 1918—1920 годов, от которого кружились головы: "Туманная романтика бушевала в наших сердцах, *вера во всенародное счастье* горела непотухающей зарей над всклокоченной жизнью. Вся тогдашняя путаница и лихорадка мысли была оправдана молодостью и жадной поскорее увидеть новое... Одно было ясно — жизнь расквиталась с прошлым и прорывается к новым устоям. А они должны были быть, конечно, свободными и справедливыми".

Одним из особых свойств таланта Паустовского было его внимательное и волнующе-романтическое отношение к природе, которое рождает и в человеческих душах благородный отклик. В повести "Черное море" писатель думает: "Романтическая настроенность не позволяет человеку быть лживым, невежественным, трусливым и жестоким. В романтике заключена облагораживающая сила. Нет никаких разумных оснований отказываться от нее в нашей борьбе за будущее..."²⁴ Эта романтичность природы, рождающая романтичность человеческой души есть и в повестях "Кара-Бугаз" (1932), и в "Колхиде", в рассказе "Летние дни" и особенно в повести "Повесть о лесах" (1949). Романтизм и грусть большой любви пронизывают повесть "Золотая роза".

Самое крупное произведение Паустовского — его автобиография "Повесть о жизни". Опубликованы пока шесть частей этой эпопеи: "Далекие годы", "Беспокойная юность", "Начало неведомого века", "Время больших ожиданий", "Бросок на юг" и "Книга скитаний".

Передо мной на фотографии стареющий писатель. Большой с залысинами лоб, внимательные, испуганно-грустные глаза за стеклами очков. Последние годы, живя в Таруссе, на реке Оке, Паустовский переживал, как мне кажется, сдержанную радость бытия, ловил последнюю красоту и обаяние уходящей жизни. Паустовский не стал борцом за правду, но он остался честным писателем. Будучи и признан, и знаменит, он так и не стал членом коммунистической партии и не запятнал себя ни одним предательством.²⁵

К. ФЕДИН

Константин Федин (р. 1892), первый секретарь правления Союза советских писателей (с 1971 года), в старости духовно совсем не походит на молодого члена Серапионов. Во время хрущевской "оттепели", когда надеялись издать том стихов О. Мандельштама, вдова поэта однажды встретила К. Федина: "Мы столкнулись с ним на той же лестнице на следующий день после заседания в Союзе писателей, где утвердили издание сборника... Я спускалась вниз по лестнице и увидела старика, похожего на гриб. Старик обернулся, и вдруг я услышала: "Здравствуйте, Надежда Яковлевна". По белесым рыбьим глазам я узнала Федина. До этого он четверть века не здоровался со мной, хотя мы часто попадали вместе в лифт".²⁶

Федин — давно сдавшийся и духовно умерший интеллигент, чиновник на высоком посту, богатый человек. Очень характерным было его поведение, когда рассыпали набор "Ракового корпуса" А. Солженицына...

А. Твардовский упрекал Федина и за исключение из печати одного интересного произведения А. Бека, известного автора патриотического романа-очерка "Волоколамское шоссе" (1944) — о героизме русских солдат. В советской энциклопедии 1960 г. очень глухо сказано о социальном происхождении К. Федина. Все сдвинуто, смазано и завуалировано: "Отец из крестьян, мать из семьи учителя". Но какой же крестьянин не только обучает сына в коммерческом училище, но дает ему и музыкальное образование, а потом отправляет учиться в Германию? В Германии, куда Федин отправился в 1914 году, Федин и застрял, как военнообязанный, до 1918 года.

Свойства литературного дарования Федина напоминают свойства таланта Паустовского, а учился манере писать и отношению к природе он явно у Бунина. К концу жизни Федин, как и Паустовский, как и Бунин, написал творческую автобиографию. Но ни Паустовский, ни тем более Бунин не продали свой талант. К. Федин же в "Необыкновенном лете" (1948) возвеличил гений Сталина, а о роли, например, командующего Красной армией Л. Троцкого успешно забыл. История фальсифицирована им в угоду режиму, но вещь написана с явным литературным талантом.

Печататься Федин начал с 1913 года, а первый сборник его рассказов "Пустырь" вышел в 1923 году. Славу принес писателю роман "Города и годы" (1924). Роман построен в обратном течении времени — события идут вспять. Это социально-психологический роман о революционном времени и о войне 1914—1918 гг. Столкновение нового, жестко-революционного, со старым миром, покоящемся на прежней морали. Федин уже в молодые годы понял революцию как отречение от всего, что казалось утвержденным и незыблемым.

Есть у Федина рассказ "Сад" в первом сборнике повестей, написанный около 1920 года. Г. Струве²⁷ находит в рассказе отзвуки чеховской манеры, в развертывании темы и динамике характеров. На меня здесь, скорее, дышит западная манера писать вещи, хотя нечто бунинское видится и мне в сжатой силе описаний. Старый садовник образованных господ Силантий не понимает революции. Его хозяйева бежали, дом коммунисты превратили в детдом. Сад гибнет, ибо его разрушают буйные питомцы нового класса. В ранее тихом, степенном доме гремят новые песни. Силантий, в гневном отчаянии, когда все уходит, поджигает и дом, и свой, ранее милый, сад.

Ноты грозного отчаяния звучат и в "Наровчатской хронике", где Федин дает очень удачные страницы сказа, и в некоторых других его рассказах.

В романе "Города и годы" две фигуры особенно интересны: революционер Андрей Старцов и художник немец Курт Ван.²⁸ Старцову еще в Германии очень помог барон, у которого Старцов отбил невесту. Барон попадает позднее в русский плен, и Старцов, помня добро, помогает барону бежать из плена. Узнав об этом, Курт Ван убивает Старцова. Курт Ван — художник-коммунист, преданный партии, и только партии. Он не может по-

нять, как личная благодарность, личные чувства могут быть выше требований партии. В романе очень живо описана довоенная Германия и Германия времен первой мировой войны. В нем есть и любовная интрига и приключения. В романе "Братья" показаны три различных пути братьев Каревых: красного партийца, ученого и музыканта. Встречаются тонкие психологические детали. Роман "Похищение Европы" (1935) — роман à la clé. Советские-де люди сумеют победить буржуазный Запад своей напористостью и ловкостью. Они овладеют техникой Европы и, удалив из Европы ее "буржуазную гниль", похитят самую Европу. В романе есть удачные страницы — описание Голландии, торгового мира. Но среди персонажей есть и куклы. Таков Эльдеринг из компании Шелл (т. е. Детердинг). В повествовании много любовных сцен, всяческих коллизий и побед советской хватки в торговле лесом. Есть в романе некая нарочитость, искусственность и театральность.²⁹ Запад в упадке, а СССР бодро шагает по пятилетке. В этом духе написан ряд страниц второго тома "Похищения Европы".

В интересных воспоминаниях о прошлом ("Горький среди нас" и "Уходящий Петербург" — 1943—1944 гг.) К. Федин прекрасно изобразил некоторые стороны ушедшей в небытие эпохи и дал живые портреты современников и старших писателей. Но за объективность в изображении во втором томе воспоминаний писателей А. Волынского, Ф. Сологуба и других Федина сразу одернули. С точки зрения социалистического реализма, писатель не должен становиться "на зыбкую почву объективности", не должен украшать прошлое. Писатель не имеет права на некую переоценку ценностей и на забвение в своей беспристрастности политической стороны жизни.³⁰ Обо всем можно и должно писать только с определенной партийной точки зрения и всегда оптимистически. Судьба произведений ряда писателей это блестяще показывает. Громили, унижали не одного Солженицына, досталось и А. Ахматовой, и М. Зощенко, и Б. Пастернаку, и Ю. Германи и даже самому М. Шолохову. К. Федин же обычно искусно проплывал между Сциллой партийности и Харибдой реализма. Его крупная трилогия "Первые радости", "Необыкновенное лето" и "Костер" (1962) охватывает период с 1910 года до пятидесятых годов. Много здесь и художественной правды, и позы, и полуправды... Нет свободного дыхания, да и кто мог свободно дышать в годы чисток, ссылок и переполненных тюрем? Но художник в Федине жил долго и создал немало. Интересно более свободное дыхание писателя в "Братьях", в повести "Санаторий Арктур" (1936). Мне в нем слышен отклик на "Волшебную гору" Томаса Манна. Место действия — тоже санаторий для туберкулезных больных в Швейцарии.

К. Федин занял свое место в истории русской литературы, хотя, конечно, не был ни героем, ни страдальцем.

Б. ПИЛЬНЯК

Борис Пильняк (настоящая фамилия Вогау, 1894–1937) – выдающийся писатель советской эпохи, хотя начал писать и даже печататься Пильняк задолго до революции. Его небольшой рассказ “Весной” был написан в 1909 году, а с 1915 он уже регулярно печатается. Будучи по своей дореволюционной профессии коммерсантом, Пильняк, один из немногих, побывал за границей в 1922–23 годах, в Германии и Англии.

Особенность его литературной манеры видна уже в сборнике рассказов 1918 года “С последним пароходом...” (темы провинциальной жизни). Еще резче черты своеобразия прозы Пильняка проявляются в сборнике повестей “Былье”³¹ (1920) и “Голый год” (1921), о разрушении всех вековых устоев жизни во время революции. Тут и “буйная радость и *попынная*³² скорбь”. Сходна с “Голым годом” и “Метель” (1922). В тексте этих произведений постоянные отзвуки прозы И. Бунина, Д. Мережковского, Л. Андреева, А. Белого и А. Ремизова. Стиль самого Пильняка повлиял на таких прозаиков, как А. Веселый и А. Малышкин.

Повесть “Третья столица” посвящена А. Ремизову – “Мастеру, у которого я был подмастерьем”. Следуя заветам Ремизова (“Взвихренная Русь”) и А. Белого, частью и Е. Замятина, писатель старается всеми красками, всеми переборами и взлетами ритма своей прозы изобразить и дать почувствовать быт революционной эпохи. Пильняк касается всех ужасов и героики эпохи, рисует сцены и в стиле красочного натурализма, входя в детали интимной жизни человека (“Иван-Москва” и др.). Писатель бесстрашно изображает обнищание города, людей, “едущих в никуда”, голод времен гражданской войны, убийства и расстрелы. В языке некоторых произведений, например, “Красное дерево” и “Волга впадает в Каспийское море”, встречается смешение индустриальной советской лексики со словами и диалектизмами старого русского языка.³³

В ряде произведений писатель обращается к философствованиям о судьбе и роли России в истории. Его очень интересует археология, результаты раскопок. Постепенно кругозор и интересы Пильняка делаются все шире и разнообразнее. Писателя влечет к себе история других стран: “Корни японского солнца”, “О’кей”, “Камни и корни” (1927–1934). Но композиция его произведений остается довольно слабой, а в его философских рассуждениях мало глубины.

В советской энциклопедии о судьбе Пильняка сказано глухо эвфемистически: “В 1937 году был незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован”.

Б. Пильняк не был борцом против коммунизма, но он был человеком исключительной смелости: в те времена он напечатал за границей повесть “Красное дерево”³⁴. Но еще более опасной и принесшей писателю горькую судьбу была “Повесть непогашенной луны” (1926). Правда, писатель тогда “признал свои ошибки”, и помощь М. Горького на время отвратила

удар, но это был первый шаг к гибели. В 1937 году писатель был обвинен в связях "с врагами народа". Припомнили ему, что во многих вещах интеллигентствовала его не успешность большевизации, а отношение к ней разных слоев населения. "Пришили" ему и мелкобуржуазное происхождение (дело опасное!), и непонимание "пролетарского духа Октября", посвящение "Мать-Мачехи" ("Третья столица") А. Ремизову и множество других подобных "грехов".

"Повесть непогашенной луны" ясна и проста в композиции и без особых изысков в стиле. Кое-что несомненно взято из истории смерти Михаила Фрунзе.³⁵ В повести командующий армией Гаврилов приезжает с Кавказа в Москву в отпуск по болезни. Там он узнает, что Центральный комитет настаивает, чтобы он был подвергнут операции. Доктора же считают, что можно избежать операции, которой очень опасается и сам Гаврилов. Главная личность в ЦК, "несгибаемый человек", приказывает командарму лечь на операцию. Гаврилов умирает на операционном столе, вероятно, отравленный двойной дозой хлороформа. Приведен разговор московских врачей, из которого ясно, что и они считали операцию ненужной. В Москве после смерти М. Фрунзе в 1925 году ходили упорные слухи, что его оперировали по прямому приказу Сталина и убили за его симпатии к ненавистному и опасному для Сталина Григорию Зиновьеву.³⁶ Все это знал Б. Пильняк и решился опубликовать "Повесть непогашенной луны" в мае 1926 г. в журнале "Новый мир". В ходе повести Гаврилов посещает дом № 1, где сидит "Несгибаемый человек — номер первый". Он говорит с ним о колесе революции, которое вращается главным образом "смертью и кровью". Гаврилов просит "Номер первый" говорить без обиняков, и "Несгибаемый человек" отвечает: "Ты должен перенести операцию. Революция в тебе нуждается... Я приказал..."

В июньском номере "Нового мира" за тот же 1926 год напечатано открытое письмо А. Воронского, редактора журнала "Красная новь". ("Повесть непогашенной луны" была посвящена Воронскому.) В нем А. Воронский писал, что все факты в повести Пильняка совпадают и в деталях с обстоятельствами смерти М. Фрунзе, но представлены в жестоко извращенной форме, оскорбляющей память товарища Фрунзе и клеветущей на партию коммунистов в России. Посвящение этой повести мне есть "величайшее оскорбление... С негодованием я его отвергаю..."

Трудно было бы яснее намекнуть на мрачную историю гибели Фрунзе.

И. БАБЕЛЬ

Исаак Бабель (1894—1941). Силу впечатления от грубой, кровавой жизни, от войны и бедности, писатель передавал в сжатых до предела рассказах. Есть в нем экспрессивный натурализм и горячее дыхание вздыб-

ленной и полубезумной страны в вихре революции. Писать Бабель начал до революции и впервые его ободрил, но и раскритиковал М. Горький. Первые рассказы Бабеля описывали еврейский быт на юге России (в Одессе в основном). Горького особенно тронуло у молодого Бабеля описание еврейского погрома ("История моей голубятни"). В другом рассказе, "Беня Крик", об одесском гангстере, автор умело использует смешной одесский еврейский жаргон. В рассказе есть блеск талантливой пародии. Кстати, говоря о необычайно остром слухе Бабеля к языку и жаргонам, необходимо упомянуть, что писатель прекрасно знал французский язык и в юности писал рассказы по-французски в духе Мопассана.

Смесь романтики и грубой жестокости революционного времени привлекала внимание Бабеля и отразилась в изображении войны с Польшей — "Конармия" (1926). Кровь, убийства, сцены бешенства и отчаяния нередки в "Конармии". Разрушение — и восторг от него. В сходном эмоциональном тоне написаны и "Одесские рассказы". Краткость, яркость, неожиданный конец — вот смелая и новая манера писателя. В произведениях Бабеля встречаем мастерские образцы сказа, тщательнейшую разработку внешних деталей и особую орнаментальную прозу с резкими контрастами света и тени... Почти обязательна в рассказах Бабеля своеобразная романтика, пишет ли он о жизни одесских воров или о Красной армии маршала Буденного.

Довольно типичен короткий рассказ "Соль". Солдат революции Балмашев пишет в газету о случае на железной дороге во время гражданской войны. Взвод солдат спешит к Бердичеву, но на пути массы "мешочников"⁵⁷ лезут в поезд, и их выгоняют красноармейцы. Однажды женщина с укутанным младенцем на руках просит Никиту Балмашева пустить ее в вагон: она едет к мужу и просит для себя местечко в поезде. Балмашев, посоветовавшись с товарищами, впускает женщину. Вскоре Балмашев обнаруживает, что у женщины не грудной ребенок завернут в тряпки, а мешок соли, драгоценной тогда в советской России. (См. о "Соли-стекле" балладу И. Одоевцевой). Этот "ребенок" даже спас женщину от изнасилования, тогда как две другие стали жертвами взвода Балмашева. Возмущенный Балмашев сбрасывает лгунью на ходу поезда и стреляет в нее, чтобы "смыть это грязное пятно" с лица республики рабочих.

В другом рассказе еврей Гедали говорит: поляки убивали нас, потому что они контрреволюционеры, вы расстреливаете потому, что вы — революционеры. Добрые дела делают хорошие люди... Хорошие люди не убивают. И наивный Гедали просит посетителя его лавочки старья привезти в Житомир хороших людей. И потом идет в синагогу молиться о хорошем Интернационале.

К середине тридцатых годов Бабель замолчал. Не те были времена, чтобы можно было позволить себе иронию. Последний рассказ, опубликованный при жизни писателя, — "Ди Грассо". Советская энциклопедия замечает кратко и стандартно: "В 1937 году Бабель был незаконно репрессиро-

ван. Реабилитирован посмертно". Так погиб талант, сочетавший в себе живую иронию, острую наблюдательность и яркий темперамент. Мастерство и стиль Бабеля оказали влияние на многих советских писателей, не исключая, я думаю, и И. Эренбурга. Избранные произведения И. Бабеля были изданы в СССР в 1957 году.

М. ЗОЩЕНКО

Михаил Зощенко (1895—1958) родом из Полтавы, сын художника и актрисы. Только что поступив в московский университет, отправился добровольцем на фронт. На войне был ранен, отравлен газами и "заслужил штабс-капитанский чин и порок сердца". В гражданской войне был на стороне большевиков. В 1919 г. демобилизован и начал трудовую жизнь: работал сапожником, актером, телефонистом, агентом уголовного розыска, счетоводом и даже пробовал разводить кроликов. В 1921 году вступил в группу "Серапионовы братья". Первая книга — "Рассказы Назара Ильича, господина Синябрюхова" (1922) — вышла в Берлине (издательство "Эпоха") и в СССР. Она сразу создала автору имя, в ней уже видны основные черты стиля замечательного сатирика. Зощенко — явление совершенно исключительное в литературе двадцатых и тридцатых годов. И малограмотные граждане СССР, и ученые, и писатели его знают и любят. За границей, в эмиграции, он был не менее популярен, и его фельетоны, скетчи, "шутки с желчью пополам" живут в языке разных поколений. Елена Скрябина писала в предисловии к своей книге *Les faux dieux* ("Фальшивые боги"), Mercure de France, Paris, 1968:

Неискушенный западный читатель может спросить, почему мы собираемся представить Зощенко и сравнить его с Марселем Эме. Имя Эме не нуждается в комментариях. Его персонажи — Кот, который живет наверху; Зеленая Кобыла; Лунные птицы — напоминают французам о радостях читательского и даже кинолюбительского досуга. Что касается Михаила Зощенко, то кроме нескольких пестрых суперобложек немецких издательств, известных специалистам, в сознании французской публики его имя не вызывает никаких ассоциаций. Мы думаем, что знакомство с этим юмористом необходимо, ибо мы искренне убеждены, что Зощенко был одним из величайших юмористов нашей эпохи и что он даст французам представление о советском гражданине тоньше, язвительнее и выразительнее, чем это делает "Крокодил", единственный сатирический советский журнал, смутно знакомый европейцам.

Русским же кое-что у Зощенко напоминает то Горбунова, то Лейкина, иногда — Чехова. Но Зощенко, конечно, создал свой особый вид сказа, где равно важен и персонаж и рассказчик. В творчестве Зощенко, как у всякого большого юмористического писателя, есть лирическая струя.

На это сочетание обратил внимание М. Горький, который писал Зощенко: "Данные сатирика у вас — налицо. Чувство иронии очень острое и лирика сопровождает его крайне оригинально. Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого".³⁹ В некоторых вещах Зощенко прорывается еще и горечь жизни самого автора: "С тех пор (когда стал писателем — Р. П.) померкло пестрое разнообразие моей жизни... я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица... Требуется ныне от писателя идеология, этакая, право, мне неприятность... Ваша, скажут, персона не созвучна эпохе и вообще случайно дожила до теперешних дней. Видали? Случайно! Что же, прикажете под трамвай ложиться? Да это, как угодно, скажут. Под трамвай или с моста, а только существование ваше никак не обосновано..." Сама же эта действительность дана "в мелкой неуважаемой форме..." М. Слоним⁴⁰ хорошо заметил о сатире Зощенко: "Сатира разоблачала не случайные гримасы и уродства, а явления, пустившие глубокие корни в стране... В коммунистической печати не полагалось поднимать вопрос о том, почему революция не выпрямила души обыкновенного среднего человека, почему себялюбие, мещанство и преступность продолжают пышно расцветать в новом обществе". Понятно, что в тридцатых и сороковых годах, а особенно после атаки А. Жданова в 1946 г., литература Зощенко стала "порочной писательской деятельностью"⁴¹, безыдейщиной и пасквилем.

Юмор, комизм, смешное пытались определить многие философы — от Аристотеля до Канта и Бергсона. Алогичность неожиданности, механизация живого существа и его действий, и т. д. — вызывают смех. Роберт Эскапри в своей книге "Юмор", изданной в Париже в 1960 г., приводит шутовское определение и генеалогию юмора по Джозефу Аддисону: "Истина основала семью и родила Добрый Смысл. Добрый Смысл родил Остроумие. Остроумие женился на женщине из побочной линии, по имени Веселость. И у них родился сын Юмор..."

Но в чем особенность именно зощенковского юмора? Прежде всего, это неожиданные словосочетания, неграмотное уличное употребление "ученых" слов: заглавие улицы, сосун млекопитающийся (о грудном ребенке), ложи взад (положи назад), ударил его по кумполу (по голове) и т. д. Кроме того, неожиданно меткое определение и метафора: сердитая седая старушка, распахивающая всех локтями — "божий одуванчик". Один из персонажей на балу ударил Егора Ивановича "не сильно, а так", а "он, гадюка, упал на пол и кровью блюет". Солдату "выдали сапоги — штиблетами. Блекота!" Но главное — Зощенко делает смешной всю убогую, нищую, трагическую современную ему советскую жизнь: некуда девать сгнившую в магазине кислую капусту. Выставили бочку на улицу. За ночь население ее освободило и даже выскребло дочиста изнутри, и т. п.

Неудивительно, что Н. Тихонов констатировал, что популярность Зощенко в Советском Союзе можно сравнить только с популярностью Горького.

Есть у Зощенко страницы такой глубокой печали, которые можно сравнить только с булгаковскими. Вот переводчик, интеллигент, гуманист возвращается после революции на родину из-за границы. С ним его жена — балерина. Герой не приспособлен к новой жизни. В его квартиру вселяют комиссара. Жена сходится с новым жильцом, и они выгоняют героя на улицу. На улице холод, ему не к кому пойти, и он забирается в какую-то собачью конуру, где в борьбе за “жил-площадь” его рвут псы...

Много написал Зощенко и неравноценного: повести для детей о Ленине, комедия “Опасные связи” и повесть “А. Ф. Керенский”.

Одними из лучших его произведений можно назвать великолепные по мастерству “Возвращенную молодость” и “Перед восходом солнца”.

Зощенко написал небольшую вещицу (ее ставили и в театре) “Приключение обезьяны” (1946). Обезьяна убегает на волю из разбомбленного зоопарка. Пожив на советской воле, она уже хочет добровольно вернуться в свою клетку, где и сытнее, и свободнее, чем среди “свободных” советских граждан. Добрый мальчик Алеша Попов спасает бедное животное и дает ему приют. Елена Скрыбина хорошо заметила:⁴²

Марксисты-революционеры, претендующие на то, что они обладают “чувством истории”, поистине являются “тираническими богами” и основывают Олимп современной мифологии... Вне партии не может быть истины, жизни, спасения.

Жизнь, как ее видел Зощенко, развивалась в жестоких противоречиях с официальной пропагандой:

Не было, так сказать, нужды искажать действительность, поскольку эта действительность уже несла в себе существенные элементы комизма.

Отсюда и та мешанская вульгарность, которой наполнена речь рассказчика у Зощенко. Совсем же иной язык использовал писатель в своем удачном подражании Пушкину — “Шестая повесть Белкина”.

Да, беда была в том, что Зощенко, герой войны и боец-красноармеец, — разочаровался в результатах революции и жаждал сказать о жизни свою правду: “Мы не искажаем действительности. Нам за это не платят, уважаемые товарищи... Вы говорите, что дела обстоят именно так. К сожалению, я этого не замечаю! По мне так они обстоят иначе”, — говорил Зощенко.

Склонность к иронии и любовь к правде стоят в СССР дорого, и, несмотря на популярность, власти смели Зощенко с литературной сцены за “несозвучность эпохе и клевету на советский строй”.

Глава 4

С. ЕСЕНИН, В. ИВАНОВ, О. САВИЧ, Ю. ОЛЕША, Л. ЛЕОНОВ
М. ШОЛОХОВ

С. ЕСЕНИН

В первые, “романтически-карнавальные годы революции” особенно был популярен Сергей Есенин (1895—1925). Родом из простой крестьянской семьи, закончивший учительскую школу, посещавший лекции в университете, он был и остался человеком малообразованным как в жизни, так и в поэзии, но необыкновенно талантливым. Хотя Есенин вел жизнь разгульную, пьянствовал и скандалил, но, по свидетельствам современников, был трусоват и “больше всего боялся милиции и суда”. Раз, испугавшись суда за оскорбление должностного лица и врача, Есенин даже лег в психиатрическую больницу, чтобы спрятаться. Он писал П. И. Чагину: “Пишу тебе из больницы... Все это нужно мне, может быть, только для того, чтоб избавиться кой от каких скандалов”. Ходатайствовали за Есенина И. Вардин и сам Народный комиссар просвещения А. Луначарский. Дело было прекращено, и постепенно Есенин вернулся к своему обычному образу жизни. И. Вардин писал, что “антисоветские круги, прежде всего эмиграция, в полной мере используют суд над Есениным в своих политических целях”. Во время своего визита в Нью-Йорк поэт в гостях напился, затеял драку, срывал платье со своей жены Айседоры Дункан и был связан. Часто поэт не без гордости вспоминал свои дебоши, но после скандального вечера в Нью-Йорке он спросил своего друга: “Остаться в Нью-Йорке дольше нельзя?” — “Нельзя”, — сказал друг, и Есенин уехал. Совсем как Тартарен из Тараскона, поступивший так же по совету капитана Бравиды.

12 сентября 1921 года Есенин и Мариенгоф подписали “Манифест имажинистов”. В конце этого полуграмотного манифеста читаем: “... Первыми нашими врагами в отечестве являются доморощенные Верланы (Брюсов, Белый, Блок и др.), Маринетти (Хлебников, Крученых, Маяковский), Верхарнята (пролетарские поэты — имя им легион)”.

Первый сборник стихов поэта “Радуница” вышел в 1916 году, но печататься Есенин начал в 1914 году. Не отклики на социальные отношения и мировые события, не глубокие мысли важны и прекрасны у этого поэта, но нежная напевность стиха, опозитивированная любовь к России, ее природе, вере, традициям, крестьянской жизни.

Революция 1917 года была восторженно принята поэтом как начало нового возрождения деревни. Есенин много путешествовал по России от Мурманска и Архангельска до киргизских степей и Крыма; позднее ездил с танцовщицей Айседорой Дункан по Германии, Франции, Италии (1922–1923 гг.) и даже по США. Есенин глубоко пережил свое разочарование в благах, приносимых революцией крестьянству еще до принудительного внедрения колхозов. Он затосковал: “Голубень”, “Сельский часослов”. Воспев революцию в таких произведениях 1917 года, как “Товарищ”, “Небесный барабанщик”, “Иорданская голубица” (1918) и фантастическая “Инония” с мотивами даже богоборческими, он печалится чем дальше, тем сильнее. По мнению поэта, мужик “захлебнулся самогонкой”. И сам он все больше пил. В цикле стихов (1921–1924) “Москва кабацкая” это одна из основных тем, как и в сборнике “Стихи”: “Может быть, и я кого-нибудь зарезу под осенний свист”. Среди легкоплавкой русской молодежи появляется термин “есенинщина”. Этот термин означает отчаяние, отрицание жизни, самобичевание, болезненный индивидуализм, божественность. Несколько позже, в 1925 году, Есенин словно печально примиряется с неизбежным, с советским в жизни и идеологии: “Русь советская”, “Возвращение на родину”, “Русь уходящая” и т. п. В поэме “Анна Снегина” (1925) он описывает революцию в деревне. Но двойственное отношение к современности остается у Есенина. Таков образ поэта в поэме “Черный человек” (1925).

Прозаические произведения поэта слабы. “Ключи Марии” (1918) и “Железный Миргород” (об Америке).

В напевной, романтической звучности лучших стихов Есенина слышны народно-песенные мотивы, облеченные в оригинальные и смелые зрительные образы. В слабых вещах много риторики и пафоса (стихи о Ленине, “Инония” и др.)²

Надежда Мандельштам пишет в своих воспоминаниях (“Вторая книга”), что к 1970 году четыре поэта заняли первые места в литературе: Ахматова, Мандельштам, Пастернак и Цветаева. Но к середине 20-х годов о Цветаевой знало не так уж много читателей, а на первое место по популярности, особенно среди молодежи, вышел Сергей Есенин. Доступность, искренность, сердечная пронзительная грусть, любовь к природе, неустойчивость чувств привлекали к себе молодежь. В самой личности поэта, в его бурной жизни, в тоске по идеалу и милосердию, было много трагического. Есенин любил деревья и сам был подобен молодому деревцу в бурю — клонился, клонился и упал.

В неоконченной поэме “Пугачев” (1921) мало исторической правды, но по-своему и в соответствии с духом XX века интерпретированы герои этого восстания крестьян ХУ111 века. Горький чуть не разрыдался, слушая монолог в стихах товарища Пугачева, Хлопуши. Кое-где и в этой поэме находим отзвуки разочарования Есенина в действиях коммунистического режима. То же и в пьесе “Страна негодяев”, где Номах³ говорит: “Ваше ра-

венство есть обман и ложь". Есенин писал в 1924 г., что он не хочет быть "ручной канарейкой или вашим Демьяном".⁴

По стихам Есенина можно проследить изменение его отношения к новому режиму:

Небо, как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя Родина,
Я — большевик...

Вскоре тон становится другим. Дед спрашивает поэта.

Ты не коммунист? — Нет!
— А сестры стали комсомолки.
Такая гадость, просто удавись.
Вчера иконы выкинули с полки.
На церкви комиссар снял крест...

Поэт рассказывает о встрече с сестрой, вступившей в партию: "раскрыв, как Библию, пузатый "Капитал"... разводит о Марксе, Энгельсе. Ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал!" И вскоре: "Вросла тужиль⁵ в переборы тальянки⁶ звонкой, и соломой пропахший мужик захлебнулся лихой самогонкой". От богоборчества мало что осталось. Поэт хочет умереть под иконами.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка,
И на известку колоколен
Неволью крестится рука.

Стихи Есенина — ответ на богохульства и издевательства Демьяна Бедного — не хотели печатать. Есенин написал однажды: "Поэзия здесь больше не нужна, да и, пожалуй, сам я тоже здесь ненужен". Тридцати лет отроду, в Ленинграде, он совершает самоубийство, написав предсмертные стихи своей кровью:

До свиданья, друг мой, до свиданья!
Милый друг, ты у меня в груди,
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья без руки и слова.
Не грусти и не печаль бровей!
В нашей жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

О Есенине уже написано немало. Отмечу: статью критика К. Зелинского в "Собрании сочинений С. Есенина" (тома 1—У). Москва-Ленинград, 1961—62; И. Эвентов, "Сергей Есенин". Ленинград, 1957; Е. Наумов, "Сергей Есенин. Жизнь и творчество". Ленинград, 1960; И. Эренбург, "Люди, годы, жизнь" в журнале "Новый мир" № 2, 1961 г. и др.

В. ИВАНОВ

Почти ровесником Исаака Бабеля был еще один из Серапионов — Всеволод Иванов (1895—1963). И он писал на революционные темы, занимался драматургией, и его стиль отличался своеобразной орнаментацией... Но в жизни своей был В. Иванов более гибким и легче приспосабливался к партийной линии.

Всеволод Иванов тоже вышел из среднего класса — отец его был учителем. В юности писатель покинул семью и прошел суровую школу жизни: был рабочим, матросом, грузчиком, наборщиком, цирковым артистом. Начал печататься с 1915 года. В Петроград поехал из Сибири в 1921 году с оригинальным удостоверением от провинциальной газеты: "В. Иванов командирован в распоряжение Максима Горького". Горький помог В. Иванову и напечатал в журнале "Красная новь" (1921, 1922) повести "Партизаны" и "Бронепоезд 14—69". Позднее выходят в свет "Цветные ветра", "Тайное тайных", "Особняк", "Хабу", "Путешествие в страну, которой нет", пьесы "Бронепоезд 14—69" и "Блокада".

В разное время отразилось в творчестве изменчивое настроение писателя, неустойчивость его манеры. В романе "Пархоменко" (1939) можно найти прославление Ленина, Сталина и сталинщины времен гражданской войны. В описаниях много выдержек из военных приказов и декретов коммунистической власти. Роман "При взятии Берлина" (1946) еще слабее и перенасыщен ложной патетикой. В 1960 году автор опубликовал роман о дореволюционной России — "Мы идем в Индию".

Из всех вещей "гибкого" писателя лучшие — "Бронепоезд 14—69" и частично "Цветные ветра". В них — истинная драма революционного энтузиазма и героизма партизан и яркие сцены жизни Сибири, вновь вернувшейся в русскую литературу после Д. Мамина-Сибиряка (1852—1912) и Д. Менделеева ("К познанию России").⁷ В "Бронепоезде 14—69" партизаны хотят остановить бронепоезд белых и завладеть им и оружием. Партизан-китаец, "с зелеными глазами цвета изумруда" решает пожертвовать собой. Он ложится на рельсы и своим телом останавливает бронепоезд. Характеры партизан описаны бегло, но впечатляюще.

Рассказы В. Иванова об Азии необычайно ярки и красочны. Во время бури над Азией "небо густое и теплое, как волчий мех. Пейзаж дикий, не-радостный: камень — зверь, вода — зверь, даже бабочка — и та норовит

укусить". А люди? "Звери мы все, бей!.. Нас миллион!"; "Будут же после нас люди хорошо жить?.. — Я думаю, — обязаны, стервы!". В повести "Полная Арапия" все голодающее село ищет страну изобилия и доходит на пути к этой возжеленной стране до антропофагии.. В рассказе "Дитё" партизаны убивают отца и мать ребенка, но самого младенца решают выкормить. Ради этой благородной цели они не только крадут у киргизов корову, но и уводят киргизку, спрятавшую на себе ребенка. Несчастливая должна кормить двоих и дает больше сосать грудь своему. Заметив это, партизаны убивают киргизского младенца, а потом радостно наблюдают, как *их дитё*, т. е. ребенок убитого ими офицера, жадно сосет грудь киргизки.

Яркость образов и языка, драматичность ситуаций в рассказах В. Иванова незабываемы, но меры, власти над словом и необходимой сдержанности в его таланте не было.

* * *

"Самой высшей точки вера в счастливое будущее (в СССР — Р. П.) достигла в середине двадцатых годов", — пишет в 1970 году Надежда Мандельштам во "Второй книге". Это были времена НЭПа.

Менее известными членами 'общества "Серапионовых братьев" были Александр Неверов (настоящая фамилия Скобелев, 1886—1923); Овадий Савич (1896—1967) — см. о нем ниже; Димитрий Фурманов (1891—1926). К этому же времени — времени расцвета "Серапионов" — следует отнести и начало деятельности самого долговечного из них и самого плодовитого — Константина Федина (1892—1977). В духе Серапионов писали Юрий Олеша, Леонид Леонов и Вениамин Каверин.

Повесть Неверова "Ташкент — город хлебный" (1923) рассказывает о крестьянах во время голода. Сам писатель был из крестьян, и первый его рассказ 1906 года "Горе залили" — из жизни сельчан. В повести "Ташкент город хлебный" живо и честно описана поездка двух подростков за хлебом в Азию. Главный герой — Миша Додонов. Он привозит, наконец, домой хлеб, но мать его уже умерла от голода. Картины голода в Поволжье изображены с большой силой. Эта повесть кое-чем напоминает "Голодный год" Б. Пильняка.

О. САВИЧ

Овадий Савич (1896—1967) вызвал интерес некоторыми рассказами и стихами еще с 1915 года. Вместе с В. Пиотровским он написал "Атлантида под водой" (1927). В 1928 он написал повесть "Воображаемый собеседник", в 1938 — "Люди интернациональных бригад", о гражданской войне в Испании, в 1947 — "Счастье Картахены". Савич был хорошим переводчи-

ком с испанского языка и занимался испанской и вообще европейской культурой. Совместно с Ильей Эренбургом он издал книгу мнений русских о Франции и о некоторых других странах — “Мы и они” (1932). Самым значительным произведением с точки зрения композиции романа является “Воображаемый собеседник”. В нем нет политики, только личность и ее проблемы. Главный герой — Обыденный, чиновник в советской России. Описаны служащие треста, их жизнь. Но Обыденный постепенно уходит от рутины, обыденности, из реальной жизни и умирает. Его же воображаемый собеседник, его двойник, его сознание, постепенно материализуется, занимает квартиру Обыденного, становится живым человеком, молодым танцором. Тихая поступь повествования оставляет сильное впечатление.⁸

Ю. ОЛЕША

Юрий Олеша (1899—1960) происходил из обрусевших польских дворян. Детство и юность его прошли в Одессе. Э. Багрицкий, В. Катаев, И. Ильф, Аделаида Адалис, Ю. Олеша и др. принадлежали к кружку “Коллектив поэтов”.

Из произведений Ю. Олеси самое известное — роман “Зависть” (1927). За этот роман критика обвиняла Олешу в индивидуализме, в следовании “Человеку из подполья” Достоевского и в увлечении самоанализом в духе Марселя Пруста.

В романе рассказывается, как пьяницу и неудачника Николая Кавалерова подобрал на улице добродушный и удачливый советский делец Андрей Бабичев, который носится с мыслью изобрести и изготавливать дешевую колбасу. Но злобный и несчастный завистник Кавалеров уходит из дома и пишет своему благодетелю грубое письмо. Кавалеров клянет свою судьбу в новом обществе, где ему не доверят даже заботу о пчельнике. Вместе с таким же выкинутым из жизни человеком, братом Андрея, Иваном Бабичевым, с которым герой постоянно говорит о “заговоре старых чувств”, старых понятий, Кавалеров сметен, отброшен в сторону новой жизнью. В ночном кошмаре Кавалерова появляется не созданная машина Ивана Бабичева “Офелия” и наступает на Ивана. Потрясающая сцена в духе Гофмана кончается воплем Кавалерова: “Спасите его! Разве вы позволите, чтобы машина убила человека?”

Самое сильное в образе Кавалерова и в романе вообще — описание чувства зависти и мучительной неудовлетворенности. В неудачнике-мечтателе Кавалерове есть, бесспорно, черты самого автора.

В композиции и архитектонике романа все просто, но все сложно в стиле, в неожиданности и свежести метафор и сравнений. Поэтика Олеси иррациональна. Порою в описании появляется гротеск, необычайной остро-

ты наблюдения в перевернутом зеркале фантазии, воображение и явь.

Есть в "Зависти" много пророческих слов. Иван Бабичев, например, говорит следователю ГПУ, что человеческие чувства теперь стоят перед уничтожением: "Сочувствие, нежность, гордость, любовь". Эра социализма собирается заменить прежние чувства новыми. Ни ревности, ни милосердия коммунизм не признает, — утверждает Иван Бабичев, а самоубийство для коммунистов — декадентство. Человек старого мира иногда думал, что, лишая себя жизни, спасает свою честь! Новый человек презирает те чувства, что веками прославляли поэты. Таков "заговор чувств" несозвучного эпохе Ивана Бабичева. Отвечает на эти мысли в романе молодой комсомолец Володя Макаров: "Я — человек-машина. Не узнаешь меня... Я хочу быть машиной". Он жаждет только работы. Его охватывает зависть к машине. Разве он хуже нее?! Он во что бы то ни стало хочет унижить буржуазную мысль старого мира, быть новым существом, новой человеческой машиной.

В книге новелл "Вишневая косточка" (1930) особенно ярко проявилась упомянутая уже иррациональная поэтика Олеси, неисчерпаемая фантазия и изобретательность в языке. В сказке "Три толстяка" (1928) автор восстает против того, чтобы воспитывать человека на одних принципах, заменить его живое сердце механическим, хотя бы и золотым. Эти же мысли мы найдем и в пьесе "Строгий юноша" (1934). Во времена лихорадки пятилеток истроек, во времена укрепления власти уже не партии, а Сталина, Олеша дерзнул писать об одиночках, о замкнувшейся в себе личности неудачника, о "гадком утенке" Андерсена. В интересной драме "Список благодеяний" (1931) артистка Елена Гончарова едет на Запад и везет с собой список злодеяний и добрых дел, совершенных ее страной. Не в бедности, даже не в голоде главная беда, по ее мнению, а в злодеяниях против личности человека. Она, человек старого мира, ведет как бы диалог сама с собой, пытается разобраться — больше добра в новом или зла? Героиня критикует и современные советские пьесы за их схематичность и лживость, и тяжелое положение артиста в театре. Но попав в Париж, в среду, свободную от давления партийных требований, она внезапно "из прекрасного далека" видит СССР в новом свете и стремится на родину. В конце драмы она гибнет, защитив своим телом французского коммуниста среди забастовщиков в Париже от пули русского эмигранта-provokatora, служащего за деньги французской полиции. Конец кажется мелодраматическим и как-то не согласовывается с прежним спокойным развитием пьесы.

Тему одиночества художника-индивидуалиста, его трагедию в новом мире продолжает Олеша в повести "Кое-что из секретных записей попутчика Занда" (1932). Писатель-попутчик напоминает нам прежде всего самого автора — Олешу. В этом произведении писатель Модест Занд говорит о своей "благородной зависти" к таким авторам, как Джек Лондон и Пушкин, объясняет редактору, что он не может писать по приказу... Но

редактор на все вопросы и недоумения Занда говорит только одно: "Вы должны слиться с массами, стать одним из них, стать "созвучным эпохе", отречься от многих тем, "вредных и реакционных", от пессимистического настроения. Литература не должна размагничивать читателя, лишать его воодушевления преобразователя. Тема должна быть "новой, жизненной, оптимистической, солнечной". Но если, — думает Занд, — писатель даже и внесет такую тему в свой блокнот, то изгонит ли он из своего мозга дрягую, ядовитую, дурно пахнущую?"

В книге "Ни дня без строчки" (1961), вышедшей посмертно, Юрий Олеша собрал воедино все свои мысли о творчестве, о стиле, о писательской фантазии, выраженные короткими набросками или дневниковыми записями.

Югославский журналист Александр Флакер⁹ нарисовал прекрасный, хотя и подозрительно оптимистический портрет Олеси в старости (в середине пятидесятих годов). Фотография писателя этих лет не производит на наблюдателя столь радостного впечатления. Книга, написанная об Олеше Аркадием Белинковым,¹⁰ называется "Сдача и гибель советского интеллигента" и, в сущности, написана не только об Олеше, но и о многих других советских писателях. Однако Белинков не прав, Олеша остался, насколько мог, духовно свободным, хотя и несчастным, писателем. Он надолго замолчал, но не предал своего таланта.

Юрий Олеша был прав, когда сказал, что "умеет назвать вещи по-новому". И его влияние на писателей последнего, послесталинского поколения русских прозаиков очень сильно.

Л. ЛЕОНОВ

Леонид Леонов (р. 1899) сделал много для развития советской прозы. М. Горький отметил талант молодого писателя и "вкусный крепкий язык" его произведений. Сын поэта-самоучки из крестьян, председателя московского "Литературно-музыкального кружка", основанного Иваном Суриковым.¹¹ Отец Леонова посещал и литературный кружок "Среда", в который входили братья Бунины, Б. Зайцев, Л. Андреев и др. Дед Леонова был московским торговцем и именно он явился прототипом Быхалова в повести "Барсуки". М. Горький говорил, что Л. Леонов так хорошо знает русскую действительность, "как будто сам ее делал".

Писатель успел только окончить гимназию, а затем пошел добровольцем в Красную армию и попал в пекло революции. Взгляд крестьянина на революцию отражен очень правдиво в повестях и рассказах Леонова.

Первое печатное прозаическое произведение писателя — рассказ "Бурыга" (1922). В восточном духе, ритмической прозой написан рассказ "Тутат-Амур" (о нашествии татар в XIII веке). Все еще стилистически но-

вы “Деревянная королева” и “Бубновый валет”, где реальный и фантастический мир тесно сплетены в одно целое. Остроту темы и живость языка обнаруживает писатель и в “Петушихинском проломе”, где революция врывается в деревенскую жизнь. Тип деревенского нежного мечтателя Алеши здесь очень удачен и дает повод Леонову говорить от себя о будущем счастье в России.

В романе “Барсуки” (1925) есть и трагическое в ломке всей жизни, как и в рассказе о гибели интеллигента, “Конец мелкого человека” (“Что там эти книги! Важнее полено дров и селедка”). В романе “Барсуки” речь идет о деревне и о тяге крестьян к “зеленым”. Описано восстание крестьян против большевиков. “Барсуки” написаны очень смело и в основном правдиво. Крестьяне уходят в лес, прячутся в землянках, бунтуют, не хотят платить “продналог”, считают, и с большим правом, что их грабят, отнимая так называемые “излишки” продовольствия. Они думают: “Собрать миллион, да с косами, с кольем. Мы, мол, есть. Может, думаете, что нас нет? А мы есть. Мы даем хлеб, кровь, опору. Забыли?” И хотя идти против своего обидчика — города, разметать его, как центр насилия, а пустырь после уничтожения города распахать под овес — “Пусть девки глупые свои песни поют!” Но воинский отряд большевиков, вооруженный кое-чем посильнее кос и дубья, покоряет деревню и ее “Барсуков”. В романе есть и более острые моменты, например, сказка о царе Калафате в духе сатиры М. Салтыкова-Щедрина и Н. Лескова: Калафат повелел перенумеровать все звезды, всю траву на учет взять и даже зверям лесным *пачпорта* дать. И затихло все в печали. Замерли рощи, наступило омертвение в природе. Сам медведь стал чахнуть. не знает, кто же он теперь, с паспортом-то! Человек или зверь? “Калафат уж задумал башню строить до небес”. Строилась эта башня двадцать лет — “ему двадцать годов — нам двадцать веков”. Построили-таки башню, и полез на нее царь Калафат и поднимался пять лет. “Под конец пятого года выяснилось небо наверху. Наддал Калафат жару в ноги и выскочил на самый верх. Огляделся и завыл. Покуда поднимался царь на башню, *не выносила башня Калафатовой тяжести*, все уходила в землю: он шаг вверх, а башня — шаг вниз. А вокруг сызнава леса шумят, и в лесах лисицы. Благоуханно поля цветут, а в полях птицы. *Поскидала природа Калафатовы пачпорта*”. Так оно и стало. Истребили один класс, народился другой класс в СССР. Убрали частный капитализм, родился — круче крутого — государственный. Природа человека осталась прежней. Нет полиции, есть МГБ и милиция, да царит Калафат.

Круг тем Леонова был очень широк: он писал и про нэпманов, и про воров (Роман “Вор”, написанный под большим влиянием Ф. Достоевского), писал и на патриотическо-военные темы (пьеса “Нашествие”, 1942, принесшая ему в 1943 году Сталинскую премию). За роман “Русский лес” (1953) Леонов получил Ленинскую премию в 1957 году.

В романе “Соть” (1930) писатель сочувственно изображает железного,

несгибаемого большевика Увадьева. Роман "Соть" (1930) – о постройке на севере бумажного комбината. Там показано и суеверие, и отпор религиозных людей новшествам, даже саботажники на стройке. Гибкий, очень гибкий был писатель, гнулся туда, куда требовал момент. Описывал со страстью пафос строек, радость труда в СССР, патетику героизма ("Взятие Великошумска"). Восторгался созидательным трудом коммунистов. За границей, во время своих поездок в социалистические страны, Леонов довольно свободно говорил и о себе, и о жизни в СССР. В Югославии он жаловался писателям и ученым на бесчисленные переделки своего романа "по прямому требованию партии". Жил Леонов в прекрасном белградском отеле "Мажестик", где и дал интервью корреспонденту старейшей сербской газеты "Политика" 17 января 1965 года. Тогда же появилась и статья. Леонов заявил: 1. Я всецело за писателей – смелых новаторов... новое рождается всегда из протеста и бунта. 2. Необходим в СССР такой роман, "который писатель пишет тогда, когда он сам хочет свободно высказаться". 3. Безответственно нельзя поступать даже и с машинами. 4. "Звезды, глядящие на нас с подозрением во взглядах, видят все человеческие поступки, и мы не смеем грешить перед ними, иначе они нас накажут". Уж не о Провидении ли тут речь? Или миллиарды звезд на ночном небе заменили в душе русского писателя Бога? Леонов же говорил и о значении Достоевского, и о том, что "от современности можно убежать только в могилу". "Достоевский боялся разрушения определенных категорий в обществе и вообще в жизни. А я стою уже на *развалинах, на обломках. А это очень тяжело...* Страх заставляет людей объединять свои силы, так и Достоевский, который испытывал постоянный страх перед разрушением, чувствовал необходимость сохранить целостность жизненных ценностей, общественных и моральных... Разрушение же вызывает разъединение и ослабление созидательных сил. У нас *разрушение произошло, а новое еще не создано.* Точнее, старое не заменено радикально новыми категориями. Трагедия в том, что это случилось в одной из величайших эпох в жизни человечества... В Советском Союзе, во время первой социалистической революции, разрушены стены, которые строились веками. Стоим на пустыре, и находит страшная волна, а новые стены еще не возведены. Да, я боюсь, что мы не создали этих новых стен". В Югославии Леонов сообщил и еще более интересное. Речь шла о его выступлении в Ленинграде на съезде русских и западных писателей в 1968 г. Леонов с горечью рассказал, что его философское выступление о литературе вообще, об опасности чисто машинно-технической цивилизации, о необходимости душевной чистоты совершенно извратили советские переводчики.

"Я сказал несколько слов в защиту морали, об ужасе ее поспраивания: "когда подобные вещи случались в библейские времена, Господь слал огненный дождь на Содом и Гоморру". А переводчики перевели на французский и английский, что я обвинил Запад в создании содомской литературы".

Вера Александрова в своей "Истории советской литературы"¹³ пишет:

“Леонову чужда моральная, религиозная и философская озабоченность”. Так говорить — значит не знать и не понимать этого писателя. Многие его вещи явно написаны под влиянием Достоевского (“Вор, и особенно женские типы), образ Ксении в “Дороге к океану” и другие.

Из его патриотических вещей наиболее заметным является “Нашествие”. В центре пьесы семья доктора Таланова. Немцы наступают, но старый доктор не хочет покинуть свой провинциальный городок, где во время оккупации люди будут особенно нуждаться во враче. В это время возвращается в дом из тюрьмы сын Таланова, Федор, убивший некогда любимую женщину. Домашние и сам доктор опасаются, что Федор изменился, очерствел в тюрьме и лагере. Кто знает, не перейдет ли он к немцам! У доктора дочь Ольга помолвлена и считается невестой Колесникова, председателя исполнительного комитета города. Колесников решает остаться в городе после его захвата немцами, чтобы стать подпольщиком. Это услышал Федор Таланов и предложил свою помощь Колесникову, но последний не доверяет бывшему заключенному и отказывается от всякой его помощи. В город приходят немцы, и Федор исчезает, вызвав еще больше сомнений у своих родных. В городе кто-то начинает подпольную борьбу, у немцев убивают одного за другим офицеров. В семье Таланова думают, что это подвиги Колесникова. Наконец ловят партизана-подпольщика, грозу немцев и он оказывается Федором Талановым. Он героически погибает, сыграв роль, которую не решился взять на себя Колесников. Через несколько часов после расстрела Федора в город входят советские войска. Скрытый смысл пьесы заключается в том, что и осужденный по советским законам человек может быть честнее, храбрее и благороднее функционера, партийца, который не выдерживает настоящего испытания.

На личность Леонова проливает некоторый свет письмо Б. Пастернака к жене, написанное 20 июля 1941 года: “Л. Леонов почти рехнулся от тоски по своим, он плачет, молится Богу, мы с Костей каждый день его успокаиваем” (См. Вестник РСХД № 106. Париж, 1973).

М. ШОЛОХОВ

Михаил Шолохов (р. 1905 г.) происходит из мещанской семьи, хотя и именуется пролетарским писателем. Написано о нем чрезвычайно много. В качестве справочных материалов ценна книга Ф. Абрамова и В. Гура “Семинарий”, Ленинград, 1958 г. Там собрана библиография работ самого Шолохова и о нем, а также выдержки из многих критических работ. На Западе проф. Гавайского университета М. Клименко написал монографию о Шолохове. Почести, воздаваемые ему в Советском Союзе, исключительны, он давно занимает положение вельможи, а с 1939 года стал

членом Академии наук СССР. Наконец, в 1965 г. он получил и мировое признание, выразившееся в присуждении ему Нобелевской премии.

Но вот, читая его выпады против новых писателей и особенно против А. Солженицына, я вижу того человека, к которому обращается с гневным открытым письмом Лидия Чуковская и грозит ему за ложь и подхалимство иссушением писательского таланта.

Я помню несколько встреч с Шолоховым¹⁴ в Праге в начале тридцатых годов. Все почти студенты иностранцы принадлежали к трем союзам. Первый — крайне правый, второй — демократический и третий — просоветский и даже советский, т. к. в него входили и молодые люди, присланные из СССР для изучения славяноведения. Председателем третьего союза был тогда Перельман. К этому союзу принадлежал и молодой Шолохов. Я сиживал с ним за одним столом в Русском архиве¹⁵ (архивариус С. Постников). Я тогда интересовался научно-исследовательской деятельностью Лавра Корнилова на Востоке. Шолохов жадно читал газеты, мемуары белых офицеров, ростовские и кубанские газеты времен гражданской войны, когда Ростов и Кубань были под белыми. Мы разговорились. Никакой забитости, никакой особенной "советскости" в нем тогда не чувствовалось, он жадно слушал все о боях, которые вели белые (сам он на фронте не бывал), о колеблющихся казачьих частях, о переходе Второго Екатеринодарского полка на сторону красных к весне 1920 года и т. п. Ни ненависти к эмигрантам, ни испорченной, "осовеченной" речи я у него не заметил. Одет он был лучше меня, ходил в новых с иголки костюмах и галстуках. Помню одно его замечание о возвращенце, моем знакомом офицере: "Да, вот судьба! Он к нам, а другие — сюда... попали..." А Шолохов шестидесятых-семидесятых, послушный компартиец, переделывает свои главные романы по указке властей.

Я считаю, что в работах Шолохова очень заметно влияние Л. Толстого (особенно "Войны и мира", "Казачков" и, может быть, "Хаджи Мурата") и М. Горького. Но сочность красок, искусно вводимые диалектизмы, своеобразие в описании характеров, несомненно, свои и созвучные времени. Эпика революции близка Шолохову. Уже в первых "Донских рассказах" (1925) революция и война имеют своеобразное отражение. Ясность и яркость ряда эпизодов обещали большой талант. В них есть прекрасные описания природы и слегка намечены характеры, которые позднее встречаем в романе "Тихий Дон" (Анна — Аксинья, Александр — Степан и т. п.). "Тихий Дон" вышел после "Голубой степи" в журнале "Октябрь" в 1927 году. Серафимович сразу оценил талант молодого автора и особенно живость и правдивость в изображении ряда героев. Жизнь двух семейств казаков делается нам и понятной, и близкой. Старый казак Пантелей Мелехов, его жена Ильинишна, их сын, главный герой романа — Григорий Мелехов и его сестра Дуняша. Первая мировая война, революция, колебания казаков, на чью сторону встать — белых или красных, попытки многих остаться нейтральными. Жестокости обеих сторон в первом издании описаны

ужасающе ярко и незабываемо. Вся драма жизни Григория Мелехова — его любовь к замужней Аксинье, ревность, месть, его сомнения в правоте дела, на сторону которого он встал, изображена с большой силой таланта. Очень неплохо описан первый солдат-пропагандист Гаранжа, заметно повлиявший на Григория Мелехова еще во время войны, но в дальнейшем фигуры коммунистов становятся деревянно-кукольными: Штокман, Лагутин, Бунчук и Валет. Страницы, посвященные их речам и их психологическим портретам, — слабы и часто примитивны.

Прервав работу над третьим томом своей казачьей Вандеи, Шолохов пишет новый злободневный роман о коллективизации на Дону "Поднятая целина".¹⁶ В романе описывается жизнь встревоженной деревни Гремячий лог. И до принудительной коллективизации 1929—1933 годов в разных местах юга России и даже в центральных и северных ее областях уже организовывались кооперативы — артели, возникали колхозы-совхозы и даже были попытки полного коммунизма и "обобществления всякого имущества". В 1929 году началась всеобщая коллективизация и аресты "кулаков" и "подкулачников" в колоссальных масштабах. По официальным данным "раскулачено" было свыше пяти миллионов человек. Ужасы депортации, убийства, истребление скота пришедшими в отчаяние людьми, массовые аресты, голод настолько разрушили народное хозяйство, что пришлось даже Сталину написать статью "Головокружение от успехов" (1930 г.). За беспощадность же применявшихся мер поплатились не те, кто отдавал приказы, а мелкие исполнители. Интенсивность раскулачивания уменьшилась, но, тем не менее, колхозы и совхозы были силой введены.¹⁷ Колхозникам паспорта не выдавали, прикрепляя их таким образом к одному месту без права выезда. К 1932 году около 96% всей обрабатываемой земли было под колхозами (см. Большую советскую энциклопедию). Шолохов официально вполне одобрил идею коллективизации, но в "Поднятой целине", в ее первом варианте, иногда побеждал художник. Конечно, в угоду партии автор пишет и об интригах злобных "кулаков" и белогвардейцев, притаившихся и спрятавшихся по деревням, но общая картина отпора со стороны многих и вовсе не богатых казаков дана в романе довольно широко. Ярко изображены типы революционеров-фанатиков, особенно Макара Нагульнова. Сам председатель колхоза Андрей Разметнов однажды в ужасе восклицает, что хоть он и обязан слушаться присланного из Центра Давыдова и раскулачить большую семью, но что его не учила партия "воевать против детей". Живо изображен противник коллективизации и ее методов Титок Бородин, бедняк, долгое время боровшийся за счастливую жизнь в рядах большевиков. На митинге даже самые бедные односельчане не поднимают голос против Бородина, однако его связывают и вместе с другими кулаками отправляют в ЧЕКА.

Вторая часть "Поднятой целины" была в 1936 году возвращена М. Шолохову редакцией журнала "Новый мир" для исправлений и переделок. В течение двадцати лет Шолохов занимался этими переделками. В это же

время он вернулся к третьей части "Тихого Дона". В ней рассказано о постепенном разочаровании Григория Мелехова и в белых, и в красных. Он не видел уже, где настоящая правда и справедливость. Коммунистические генералы несут казакам ярмо, а дать ничего не могут. Многие считали, что Кубань должна отделиться в самостоятельную область — ни белую, ни красную. Противники же этой идеи, насмехаясь над сепаратизмом, сложили песенку:

И шумит Кубань водам Терека:
"Я — республика, как Америка..."

Третий и четвертый тома "Тихого Дона" посвящены преимущественно гражданской войне. В ней Мелехов теряет Аксинью. Последняя часть четвертого тома вышла перед войной, в 1940 году. Духовно сломленный Григорий после новых попыток вырваться из заколдованного круга сомнений, ошибок, жестокостей, возвращается домой. Его единственный сын Мишатка при встрече с отцом рассказывает о полном исчезновении некогда многочисленного семейства Мелеховых.

Грустный конец романа разочаровал и рассердил советскую критику. И. Лежнев, в ж-ле "Молодая гвардия" № 10 за 1940 г., отдав должное большому русскому писателю, указывает, что Шолохов сделал Григория слишком симпатичным для читателя, а он враг новой жизни, "наш враг". Другие критики подчеркивали глубокий трагизм событий и жизни героя, трудности жизни в стране, охваченной революцией, но еще не просветленной светом новых идей. Шолохов не преувеличивал, скорее смягчал трагедию всего казачьего населения Дона и Кубани. Из вольных, сытых и часто богатых хлебопашцев-воинов, они превратились в подневольных колхозников или были вывезены в Сибирь и наполнили лагеря Севера. Но так кончать роман было неудобно. Разве революция трагична? Разве она не принесла людям счастье? Так спрашивала все громче официальная критика. И вот в 1955 году появилось "исправленное" издание "Тихого Дона": побледнела красочность языка, исчезло все об "искренних помощниках Л. Корнилова в Могилеве" (том второй) и они сделались фабрикантами и банкирами или англо-французскими империалистами, и т. д. Политические вставки во многом изменили характер течения могучего ранее "Тихого Дона". Подобное же превращение произошло и с романом "Поднятая целина". В первоначальной редакции герой повести Давыдов попадает в капкан ежовщины и гибнет в конце тридцатых годов в "великой чистке". Но это не сходилась с оптимизмом соцреалистической установки. Создалась новая версия (1960). Давыдов и Нагульнов героически гибнут, ворвавшись к предателю колхозников Островному, укрывавшему конспираторов и диверсантов. Далее рассказано об успешном аресте всех злобных заговорщиков на Дону и суде над ними. Гаррисон Солсбери утверждал, что такой конец романа был написан по настоянию Н. Хрущева.

Патриотический роман "Они сражались за родину" о войне 1941—45 гг.

во многом ниже двух первых по художественному уровню. Его первая часть издана в 1955 году после ряда "исправлений". Но многие персонажи — участники трагических дней отступления: Лопахин, Звягинцев и другие — нарисованы очень удачно. В искреннем патриотизме Шолохова, как и большинства писателей в дни второй мировой войны, нельзя сомневаться. Несомненно и то, что его "сердце его принадлежит компартии" и именно поэтому он стал писать согласно ее требованиям и испортил многое и в эпопее "Тихий Дон", лучшем своем произведении, и в других художественных вещах. "Искусство всегда современно и действительно, никогда не существовало иначе и, главное, не может иначе существовать", — сказал Ф. Достоевский. Но искусство, как и любовь, не выносит принуждения. Искренность — его сила. Большой талант был дан Шолохову, но даже и в лучших его вещах есть некая ограниченность линией горизонта Донской степи. Нет большой культуры ума и духа. Но зато в нем есть нечто земное, могучее, живое, цветистое, жадная любовь к жизни, к земле, ко всему земному. М. Шолохов — огромный, не очень культурный талант, но личность не крупная, незначительная и склонная к оппортунизму.

Прав, прав был герой у Солженицына: "Гении не подгоняют трактовку /сюжета/ под вкус тиранов".¹⁸

А. ПЛАТОНОВ, И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ, В. КАВЕРИН
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ, В. ПАНОВА.
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

А. ПЛАТОНОВ

Андрей Платонов (1899–1951), настоящая фамилия Климентов. Хотя в 1966 году в Москве вышло "Избранное" Платонова, многие его вещи не переиздавались, а другие остались до сих пор в рукописях. Самобытному таланту Платонова не хватает культуры, часто он пускается в необязательное философствование малосведующего человека, иногда в его вещах заметно косноязычие.

Сын слесаря, Платонов с головой ушел в революцию, в гражданской войне воевал на стороне красных. Он был поэтом,¹⁹ публицистом и прозаиком бурных лет революции. В 1924 году будущий писатель окончил Политехнический институт в Воронеже, но инженером как будто не стал. Часто размахивался на большие вещи ("Чевенгур", например), из которых напечатаны только отрывки ("Происхождение мастера", 1929). Была в Платонове немалая писательская честность. Одним из первых он заметил бюрократизацию всей жизни в стране, фактический отход от идеалов революции: "Город Градов", "Государственный житель", "Усомнившийся Макар",²⁰ "Впрок" (1931) содержат и сомнения, и сатирические пассажи. Партийная критика атаковала Платонова и заставила его замолчать. Его перестали печатать. Во время второй мировой войны писатель был военным корреспондентом, но и тут его правдивый рассказ "Семья Иванова" (1946), вышедший в журнале "Новый мир", объявлен партийным критиком В. Ермиловым клеветой на людей в СССР. Правда, позже кое-кто одернул зарвавшегося В. Ермилова, и он вовремя изменил свое мнение о клеветническом характере рассказа и признал свои ошибки в 1964 г.²¹

В истории литературы двадцатых годов интересна была группировка писателей, назвавших свое общество – "Перевал". Это объединение попутчиков революции и противников беспощадной "революционной бдительности" (читай – жестокости), в частности бдительности писателей и редакторов журнала "Октябрь". К "Перевалу" примкнули М. Пришвин и А. Платонов. Члены "Перевала" печатались в основном в "Красной нови", журнале, где редактором был критик и писатель Александр Воронский. В 1927–28 годах его обвинили в троцкизме и, хотя Воронский покался,

он в 1937 году "был репрессирован", а через двадцать лет, после XX съезда КПСС "посмертно реабилитирован", как осторожно пишет "Краткая литературная энциклопедия". Партийная критика сосредоточила свой огонь на А. Платонове, И. Катаеве и других перевальцах, на их иррационализме, импрессионизме, интуитивизме, идеализме и общечеловеческом гуманизме, который есть серьезное преступление в то время, когда идет классовая борьба. Платонову досталось за те страницы его повести "Впрок", где честно рассказано об ужасах жестокостей и беззаконий при коллективизации и "раскулачивании" зажиточных крестьян.

Только к редкой удачливости Платонова можно отнести тот факт, что он так и не был "репрессирован" и "посмертно реабилитирован". В те времена даже принадлежность писателя к группе журнала "Октябрь" не спасала от неприятностей. Например, Юрий Либединский (1898–1959) едва не пострадал за свой вполне коммунистический роман "Рождение героя" (1930). За попытку детально разобрать борьбу чувств и мыслей своего героя писателя обвинили во фрейдизме и непонимании революционной диалектики. Так что даже этот певец октябрьского переворота должен был сдать ряд позиций и вернуться к "социалистическому реализму".²²

И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ

Илья Файзильберг (1897–1937) и Евгений Катаев (1903–1942) — настоящие имена этих двух писателей, писавших обычно вместе.²³ Они вышли из очень разной среды: Ильф был сыном банковского служащего высокого ранга, Петров — сыном бедного учителя. Оба родились и выросли в Одессе и в 20-х годах вошли в плеяду знаменитых одесских литераторов. Умерли оба писателя очень рано: Ильф умер в сорок лет от чахотки, а Петров погиб под Севастополем, даже не дотянув до сорока. Оба они, после М. Зощенко, являются, может быть и до сих пор, самыми популярными юмористами Советского Союза. Оба они, по мере сил, старались не затрагивать властителей, хотя Петров вступил в компартию только в 1939 году. Ильф в очерках хвалил СССР и советскую жизнь: "Лучшая в мире страна" (1924), "Москва — Азия", и высмеивал Запад. Существо работ обоих писателей можно определить как сатиру на мещанство, обывателя, высмеивание "остатков прошлого" и возвеличивание стройки нового. Критика настоящего касалась мелочей и "отдельных недостатков", ежовщина и доносы никак не отразились в творчестве наших юмористов. Побывав в США, они написали остроумную книгу "Одноэтажная Америка" (1936).

Но даже и эти сатирики получили однажды разнос от рапповцев, а в

Литературной энциклопедии (изд. 1934 г.) о лучшей их вещи "Двенадцать стульев" (1928) сказано, что она отражает "богемно-нигилистическое отношение к действительности". Впрочем, похвалы таких коммунистов, как А. Барбюс,²⁴ и таких прокоммунистически настроенных писателей, как Л. Фейхтвангер²⁵ и М. Горький, утешили авторов.

У Артура Конан-Дойля²⁶ есть рассказ "Двенадцать наполеонов", где идет охота за статуэтками, в одной из которых спрятаны бриллианты. Похоже, что для своего романа "Двенадцать стульев" Ильф и Петров заимствовали этот сюжет, с той только разницей, что сокровища спрятаны в одном из двенадцати стульев столового гарнитура. Но достоинства романа, конечно, не в сюжете, который играет только вспомогательную роль, а во всем антураже современной авторам жизни советской России и в личности главного героя — обаятельного ловкача и жулика Остапа Бендера. Он полон кипучей энергии, ему свойственны своеобразное добродушие и циничный юмор. Перед читателем проходит длинный ряд талантливых зарисовок современных авторам типов — от "туальденоровых старух" в богадельне "голубого воришки" Альхена до алчного попа-расстриги отца Федора. А живой, полнокровный Остап Бендер останется в русской литературе одним из самых популярных плутов — Чичиковым нового времени.

"Золотой теленок" (1931) является продолжением "Двенадцати стульев" и лишь немногим уступает первому роману. В этой части Остап Бендер и его спутники преследуют подпольного миллионера Корейко, чтобы отнять у него его миллион. Партийное толкование сатиры Ильфа и Петрова в статье Л. Гуровича в "Вопросах литературы" № 4 за 1957 год было таким: в романе сатирически описан "малый, ничтожный мир" (подпольных богачей и людей, любыми средствами стремящихся этим богатством овладеть), который хоть и существует еще где-то в СССР "параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи", но он уже обречен и заклеямен. Мне было странно читать такие сентенции. У писателя А. Толстого был автомобиль, своя дача, горничная, повар, садовник и шофер... был и счет в банке. А рабочий или врач не могли заработать и 150 рублей в месяц. Так что проблема богатых и бедных была вполне актуальной и в СССР. Жаль только, что смелые сатирики, которые видели так точно мрачные стороны жизни в США, у себя дома смотрели сквозь розовые очки.

В. КАВЕРИН

Вениамин Каверин (р. 1902 г.) — настоящая фамилия Зильбер.²⁷ — родился в обеспеченной семье еврейского музыканта. Кстати, "Краткая литературная энциклопедия" умалчивает о некоторых деталях в жизни пи-

сателя, в частности, не упоминается его настоящая фамилия, а также его повесть "Художник неизвестен" (1931). Это очень яркая, сложная вещь. В ней дан психологический портрет живописца, кончающего собой.

Каверин — сложный человек и очень начитанный писатель. В двадцатых годах он окончил два факультета в ленинградском университете — восточных языков и историко-филологический (1923—1924 гг.). Из молодых Серапионов он и талантливый, рано умерший Лев Лунц²⁸ (1901—1924) были самыми культурными и широко образованными людьми. Оба они тяготели к западным литературным традициям, их влекли к себе точность архитектоники произведения, сложность интриги, интерес завязки и неожиданной развязки действия. Все это было недоступно новым, малообразованным пролетарским писателям.

Писал Каверин в разных жанрах, был чуток к вопросам формы романа, заботился об увлекательности содержания, о нарастании напряженности действия, придумывал своим героям редкие и таинственные обороты судьбы. И. Тхоржевский писал о нем: "Один из столпов кружка "Серапионовых братьев"... Романы Каверина — "Исполнение желаний", "Художник неизвестен", "9/10 судьбы", "Два капитана" — отмечены тонким художественным вкусом и во многих главах доведены до блеска". Тематика его весьма разнообразна: фантастика в "Мастерах и подмастерьях"; о ворах и жуликах в "Конце Хазы"; "Два капитана" — один из самых популярных в свое время романов для юношества о дружбе и юности двух героев, ставших потом капитанами; жизнь ученых и научная деятельность описаны в романе "Исполнение желаний"; "Открытая книга" написана тоже об ученом, но не историке литературы, как в "Исполнении желаний", а о микробиологе; "Семь пар нечистых" — о заключенных и ссыльных на севере, которые героически защищают страну от оккупантов (1962 г.). И, наконец, повесть "Косой дождь" откликается на разоблачения, сделанные на XX съезде партии Хрущевым. В этой повести автор пытается показать, как в новой атмосфере расцветает искренность и дружба, забывая о том, что, хотя Сталин мертв, живы только временно притихшие сталинисты.

Все же одной из самых искренних повестей В. Каверина можно считать "Художник неизвестен". Г. Струве думает о возможности сильного влияния на это произведение "Зависти" Ю. Олеши. Но повесть, безусловно, оригинальна и по конструкции и по особенно напряженному лиризму. На выставке появляется картина неизвестного художника, обращающая на себя внимание наблюдателя: "Нужно было разбиться на смерть", чтобы написать такую картину, разбиться о жизнь. В повести подняты жгучие проблемы жизни беспризорных детей и патетически сказано, что за будущее "надо бороться с ребенком на руках". В центре повести художник Архимедов и его школьный товарищ, коммунист и делец Шпекторов. Шпекторов спорит с Архимедовым, который считает злом увлечение техникой. Он видит, как при социализме исчезает чувство личного достоинств-

ва, честь, совесть, доброта. У Шпекторова никогда нет ни времени, ни желания подумать, что такое мораль, этика. Но Архимедов все же не одинок в своих требованиях к жизни и к искусству. Есть люди, которые требуют “честного глаза” от художника. Жизнь вокруг Архимедова постепенно превращается в хаос: все применились к обстоятельствам, хватают где и что могут. Жена Архимедова Эсфирь давно сожительствует со Шпекоторовым, и сын Архимедова оказывается не его сыном, а сыном Шпекторова. В конце концов в момент отчаяния Эсфирь выбрасывается из окна.

В основном творчество высококультурного Каверина не по вкусу широкому читателю, да и советские критики не оставляют его в покое за увлечение индивидуализмом, хотя по мастерству и широте охвата жизни он значительно превосходит популярного Валентина Катаева²⁹ (р. 1897 г.).

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

Николай Заболоцкий³⁰ (1903–1958) — несомненно большой и оригинальный поэт, рано умерший от последствий восьми лет жизни в лагерях и непосильного труда (1938–1946). Со стороны трудно понять, за что мог быть арестован писатель такого происхождения — он был сыном агронома из крестьян. Сам Заболоцкий так писал об этом в письме к Н. Тихонову³¹: “...Полтора года тому назад я и ряд писателей (перечислен ряд имен) были арестованы по обвинению в принадлежности к террористическому кружку. На допросах, под давлением убедительнейших аргументов³², мы вынуждены были признать, что действительно состояли членами такого кружка и были завербованы в него возглавляющими кружок писателями: Николаем Тихоновым в Ленинграде и Константином Фединым в Москве. Теперь вам понятна и моя радость за вас — вы живы и на свободе, и мое глубочайшее изумление: каким образом вы, главы террористической организации, завербовавшие в число ее членов и меня, получили высокую государственную награду, в то время как я, рядовой член этой организации, получил за это же не орден, а десять лет строгой изоляции?” Вероятно, после этого письма, по ходатайству Н. Тихонова, а может быть, и К. Федина, приговор смягчили до восьми лет. Н. Заболоцкий был сослан на Дальний восток, потом в Алтайский край, а затем в Караганду. Освобожден через восемь лет. В лагерях он, видимо, надорвал сердце и умер в возрасте 55 лет в Тарусе от сердечного припадка.

Свой творческий путь поэт начал в Ленинграде, где окончил Педагогический институт. Одновременно со стихами он писал книжки для детей. Как поэт он начинал свои творческие искания под влиянием футуризма и кубофутуризма (Маяковский, Пастернак, Хлебников), а частью и Зощен-

ко. Подобно своему учителю Пастернаку, Заболоцкий, начав с футуризма и *экспрессионизма*, кончил классически ясными стихами, наполненными раздумьями, любовью и своеобразной верой. Значение его для русской, а может быть и для западной, поэзии частью заключается в большой оригинальности поэтического дарования, временами почти равного дарованию О. Мандельштама. Он был одним из первых поэтов нового времени, обновившим пародию и гротеск в лирических стихах. В описаниях людей и природы он ввел целые страницы живого юмора, порой и горького. Из зарубежных поэтов в позднем творчестве Г. Иванова мы наблюдаем эту же тенденцию. Нечто сходное можно найти у футуристов, в "Бане" Маяковского, например.

Некоторые критики первого сборника стихов Заболоцкого, "Столбцы" (1929), отмечали в его манере овеществление людей и одушевление вещей и природы. Все оживает: камни, деревья, вода. Такова, например, поэма "Метаморфоза". Новизна была во всем, что он изображал, особенно в описаниях природы. Таков, например, "портрет" озера:

В венце из кувшинок, в уборе осок,
В сухом ожерелье растительных дудок
Лежал целомудренной влаги кусок,
Убежище рыб и пристанище уток.

Сборник "Столбцы" был вскоре запрещен, и из тиража 1100 экземпляров сохранились очень немногие книги. Критики в СССР назвали "Столбцы" клеветой на социализм и отрицанием партийности как таковой. Хотя политики в описании жизни времен НЭПа не было, а была фантастика, поэтическое преувеличение, происходившее от зоркости глаза и чуткости уха в изображении "зверинного мещанства".

Свою родину поэт любил и восхищался ею. Красочно умел описать все своеобразие и севера, и юга России:

Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи...
В воротах Азии, в объятиях метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели,
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.

Подобно Паустовскому и Пришвину, Заболоцкий ценит очарование неяркого русского пейзажа:

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она

Открыта не для каждого, и даже
Не каждому художнику видна.

А вот и "овеществление" человека:

Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.³³
Иные холодные, мертвые лица
Закрываются решетками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.

За сравнительно короткую жизнь, еще сокращенную восьмилетним перерывом, поэт успел все же создать немало. Следует вспомнить его переводы большой поэмы Шота Руставели, замечательного грузинского поэта XI века, а также перевод с древне-русского "Слова о полку Игореве" и лирических стихотворений с разных языков. Его же главное наследие, сборники стихов и поэм: "Торжество земледелия" (1933), "Венчание плодами" (1932), "Север" (1936), "Город в степи" (1947), "Неудачник" (1953), "Старая актриса" (1956), "Смерть врача" (1957), поэма о Рубруке, миссионере на Востоке XIII века ("Рубрук в Монголии") и др.

Ссылка и тяжкий труд изменили его жизнь, карьеру и наложили отпечаток вдумчивой грусти на все его позднее творчество. Наиболее характерно в этом смысле стихотворение 1956 года о чертополохе:

Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот
Предо мной пожар и суматоха
И огней багровый хоровод.
Эти звезды с острыми концами,
Эти брызги северной зари...
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мироздания,
Организм, сплетенный из лучей...

Это башня ярости и славы,
Где к копыю приставлено копые,
Где пучки цветов кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.
Снилась мне высокая темница
И решетка, черная, как ночь,
За решеткой — сказочная птица,³⁴
Та, которой некому помочь.

Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей,
И встает стена чертополоха³⁵
Между мной и радостью моей.
И простерся шип клинообразный
В грудь мою, и уж последний раз
Светит мне печальный и прекрасный
Свет ее неугасимых глаз.

В. ПАНОВА

Вера Панова (1905–1973) имеет биографию несколько затемненную, если изучать ее по советским источникам.³⁶ Известно только, что она "рано осиротела" и "должна была заняться самообразованием". Следует ли это понимать так, что школы страны победившего социализма не открыли своих дверей для В. Пановой? Кто был ее отец? И при каких обстоятельствах он так рано погиб? Все это погружено в туман по обычному советскому методу. В биографиях также ничего не сказано о партийной принадлежности писательницы. Все эти недоговоренности связаны с тем, что литературный талант В. Пановой был признан в Советском Союзе, книги ее издавались большими тиражами и необходимо было подать читателю образ писательницы, как говорится, "в советской упаковке".

Начала В. Панова со стихов, но позднее перешла на прозу и к стихам никогда не возвращалась. Она создала и ряд драматургических произведений, как правило, сделав драматизации своих прозаических вещей ("Военнопленные", "Девочки", "Как поживаешь, парень?", "Сколько лет, сколько зим!" и др.). Разнообразие интересов талантливой писательницы заметно и по ее историческим повестям: "Сказания об Ольге", "Сказания о Феодосии",³⁷ "Кто умирает?" (О кончине Василия Третьего, отца Ивана Грозного). Язык ее исторических повестей очень хорош и выдержан по образцам древней русской летописи и по сказаниям древнерусской письменности. В этом ее произведения не уступают историческому роману Валерия Язвицкого "Иван Третий" (1955). С обстановкой военных лет В. Панова близко познакомилась, когда несколько раз ездила на фронт в военно-санитарном поезде. Эти поездки и персонал поезда и дали основной материал для ее отличного романа "Спутники".

Особый отдел в творчестве Пановой представляют ее повести и рассказы о детях. Уже в пьесе "Девочки" видно знание писательницей психологии ребенка. Эта линия продолжается в повестях и рассказах (1955), "Валя", "Мальчик и девочка", "Сестры" и др.

В романе "Времена года" (1953) серьезно разбираются проблемы семьи, семейного воспитания, конфликтов характеров в семьях.

Случалось писательнице идти и по линии наименьшего сопротивления — послужить немного “учению о бесконфликтности”, но и тут, как указывает советская критика, проскальзывали грустные нотки о жилплощади, о трудностях и муках жизни после войны.

Особый интерес вызвал к себе роман о заводе на Урале — “Кружилиха” (1947), с точным описанием бытовых подробностей, характеров действительно живых людей, а не манекенов и марионеток. Это район города Пермь, тогда Молотов.³⁸ Роман начинается с прекрасного описания раннего утра и фабричного гудка. День слишком занят работой, и только Ночь читает мысли, мечты, заботы, подслушивает разговоры по душам. И писательница слушает их вместе с Ночью.

В Кружилихе властвует генерал Листопад,³⁹ а борется против него секретарь фабричного комитета Уздечкин, обвиняющий Листопада в директорском самодержавии. Листопад теряет жену и вместе с ней нерожденного ребенка. Из найденного дневника своей покойной жены Клавдии он узнает о ее несчастной жизни с ним. Листопад посвящал себя и свое время только своей административной работе и карьере. Далее описана горькая судьба Уздечкина, чья жена погибла во время войны, оставив его с двумя маленькими дочками. Уздечкин таит в сердце острую зависть к Листопаду и его успехам, и однажды ночью они ведут откровенно острую беседу об успехе, человечности и правде.

Критика занялась двумя проблемами в романе “Кружилиха”: 1. Почему Панова не отделила ясно козлиц от овец, истинных героев от отрицательных персонажей? 2. Почему писательница хочет подчеркнуть у негероя, слабого характера его добродетели, а у главных героев — их недостатки и слабости? Эта не однолинейность, не плоскость и непартийность романа вызвали упреки консерваторов-сталинистов.⁴⁰ Невольно вспоминаются строки из “Ракового корпуса” А. Солженицына:⁴¹ юный Демка думает о литературе, но “путались в Демкиной голове и названия... и понятия тоже путались — и тем больше, чем больше о них Демка читал. Только он усвоил, что разбирать объективно — значит видеть вещи, как они есть в жизни, и тут же читал, как ругали писательницу Панову, что она “стала на зыбкую засасывающую почву объективизма”. ” Цитата точна. Бедный юноша не понимал, что литература должна в СССР во всем и всегда следовать за изгибами партийной линии. Увы, осторожная В. Панова иной раз говорила от сердца к сердцу и решалась объективно описывать жизнь в разных ее формах и на разных глубинах.

О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Основные этапы развития и внезапные перебои в нормальном существовании советской детской литературы⁴² можно найти в книгах А. Бабушкиной "История русской детской литературы", Москва, 1948; И. Старцева "Вопросы детской литературы и детского чтения. 1918—1961", Москва, 1962 и у В. Смирновой в кн. "О детях и для детей", Москва, 1963. Кроме того, есть еще ряд сборников и библиографий, содержащих ценные факты. Что бы ни утверждали авторы типа А. Ивич и как бы ни восхваляли советскую детскую литературу, ей еще далеко до англосаксонской по разнообразию и массе великих талантов, писавших для детей. Вспомним хотя бы "Питера Пена" Барри, "Пиноккио" Коллоди, сказки Р. Кипплинга, "Алису в стране чудес" Льюиса и т. д. Что же касается русской дореволюционной литературы, то сказки А. Пушкина, П. Ершова, С. Аксакова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Вагнера, повести и сказки Л. Толстого, Одоевского, Погорельского превосходят все, созданное в СССР.

Однако много живого, свежего и интересного дали детям и советские писатели. Для организации специального издательства детской литературы много потрудились К. Чуковский, М. Горький, С. Маршак и А. Гайдар. Все они писали для детей повести, сказки, рассказы и стихи. Самым известным поэтом для детей стал Корней Чуковский.⁴³ Уже по тому, что поэт завещал часть своего состояния опальному тогда Солженицыну, мы видим, что это за человек. Воспитанный в традициях русской литературы начала XX века, он был знатоком западной литературы, человеком большой культуры и глубоких знаний во многих областях. В 1916 году он напечатал прославившую его поэму "Крокодил". В ней герой Вася Васильчиков побеждает храбростью и силой злого крокодила. Незабываемые строки поэмы написаны с юмором и большим вкусом. В 1921 году вышла поэма о грязнуле и неряхе мальчишке, которого исправляет умывальник "Мойдодыр" (мой до дыр). Этому грязнулю преследуют разные неудачи, пока он не делается чистоплотным и работающим:

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

В поэме "Доктор Айболит" (ай, болит!) рассказывается о добряке докторе, который лечит всех животных, птиц, пчел, бабочек и т. п. (Написанная позже сказка является вольным пересказом книги английского писателя Хью Лофтинга "Доктор Дулитл".) Из других поэм очень извест-

ны “Муха Цокотуха” (1927) и “Тараканище”. В последней рассказывает о внезапно появившемся среди зверей страшном тиране и разбойнике — усатом таракане:

Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
— Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую. —
Звери задрожали,
В обморок упали.
Волки от испуга
Скушали друг друга.

и т. д.

Никто из зверей не решился выйти на поединок с Тараканищем.

Вот и стал таракан победителем,
И лесов и полей повелителем
Покорилися звери усатому.
(Чтоб ему подавиться, проклятому!)

И тут среди отчаявшихся и сдавшихся зверей появляется “из далеких из полей” воробышек. “Взял и клюнул Таракана — вот и нету великана”. И все звери радуются и ликуют. Есть все основания полагать, что смелый сказочник намекает здесь на тирана-усача Сталина.

Другим очень талантливым детским поэтом был Самуил Маршак.⁴⁴ С большим знанием детской психологии этот выученик английских поэтов (чьи стихи Маршак отлично переводил⁴⁵) создал несколько поэм на темы русского фольклора, и одна из лучших среди них — “Терем-теремок”. Малые обитатели дружно живут в теремке:

Мышь-норушка
Там зерно толчет,
А лягушка пироги печет,
А петух на подоконнике
Им играет на гармонике.
Серый ежик свернулся в клубок,
Он не спит, сторожит теремок.

Но хитрая лиса лестью заманивает простодушного петушка и уносит его. Однако смелый сторож еж спасает петуха, бросившись лисице под ноги:

Ах ты, ежик, серый ежик,
Не коли моих ты ножек,
Пожалей мои меха,
Получай-ка петуха.

Одним из самых популярных в свое время стихотворений Маршака было стихотворение "Мистер Твистер", в котором остроумно и справедливо высмеян турист-американец, презиравший всех цветных и не захотевший поначалу оставаться в отеле Ленинграда из-за того, что в нем жил негр:

Вдруг иностранцы
Разинули рот.
Мистера Твистера
Кинуло в пот.
Сверху из номера
Сто девяносто
Шел чернокожий
Громадного роста.
Черной рукою
Касаясь перил,
Шел он спокойно
И трубку курил...

Мистер не мог
Удержаться от гнева,
Смотрит направо
И смотрит налево.
— Если в гостинице
Негры живут,
Мы ни за что
Не останемся тут!..

Но, увы, сколько ни ездил Мистер Твистер с женой и дочерью по Ленинграду — ответ был всюду один: "Нет, извините, в гостинице мест". А дело в том, что швейцар первой гостиницы звонил во все другие и предупреждал:

"Астория"?
Можно ли вызвать
Швейцара Григория?
Слушай, Григорий,
Наверно, сейчас
К вам на моторе
Приедут от нас
Трое туристов

По имени Твистер —
Это отчаянные скандалисты.
Ты говори им, что нет номеров.
Понял, Григорий?
Так будь же здоров!

Так было во всех гостиницах, и после плохо проведенной ночи мистер Твистер смирился, хотя:

Номер направо
Снимает китаец,
Номер налево
Снимает малаец,
Номер над вами
Снимает индус,
Номер под вами
Снимает зулус...

Твистер закричал

По-английски: О'кей!
Дайте от комнат
Ключи поскорей!

Очень неплохие повести и рассказы писал другой детский писатель, современник и друг Маршака, Борис Житков⁴⁶, автор популярных в свое время "Морских рассказов" (напр., "Механик Солерно", "На воде" и др.); "Рассказов о животных" ("Мангуста"); историй для детей под названием "Что бывало" ("Пудя", "Пекарня", "Удав" и др.). Житков писал с легким и добрым юмором, так что его рассказы одинаково нравились и детям и взрослым. Вспоминается, например, его описание поездки в Москву "папы, мамы и меня", когда не мальчик потерялся, увязавшись за "чужой собачкой с дамой на веревочке", а потерялись папа и мама.

Некоторые поэты сохранили традиционный романтически-дидактический стиль в стихах для детей. Вот поэтесса Е. Полонская⁴⁷ говорит со своим маленьким сыном:

Выпал снег. Застыла речка.
Зябнут лапки у котят.
Рыжий котик топит печку,
Славно искорки трещат...
Посидим, малыньш тихо.
Видишь хвостик и глазок?
Это серенькая мышка
Подошла на огонек.

И моргая усом черным,
Словно гость из дальних стран,
К месту теплому проворно
Подкатился таракан...
Никого из них не тронь!
Ведь и мы сегодня рады,
Что на свете есть огонь.
Даже муза-недотрога
Встала около меня,
Потеснись, дитя, немного,
Дай ей место у огня.

Иногда в стихах для детей даже партийно ориентированного поэта Сергея Михалкова⁴⁸ нет ни политики, ни публицистики (как в его популярной поэме “Дядя Степа”, например), а просто непринужденное веселье и лукавство, как в стихотворении “Щенок”:

На дверях висел замок,
Взаперти сидел щенок.
Мы оставили Трезора
Без присмотра, без надзора,
И поэтому щенок
Перепортил все, что мог:
Разорвал на кукле платье,
Зайцу выдрал шерсти клоч,
В коридор из-под кровати
Наши туфли уволок.
Под кровать загнал кота,
Кот остался без хвоста.
Отыскал на кухне угол —
С головой забрался в уголь,
Вылез черный, не узнать!
Влез в кувшин, перевернулся,
Сам чуть-чуть не захлебнулся.
И... улегся на кровать
Спать.

Но обычно, конечно, партия, пропаганда, Сталин включались в детскую литературу постоянно, как в приводимом ниже стихотворении поэтессы, которая сделала на подобных стихах карьеру:

Дядя Сталин курит трубку,
А кисета, верно, нет?
Я сошью ему кисет, и т. д.

Многие писатели уходили в детский мир от ужасов взрослого. Кроме того, писать о детях и для детей было сравнительно безопасно.

**О ФАНТАСТИКЕ В ЛИТЕРАТУРЕ. О СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ.
О СОБЛАЗНАХ И О "ТВЕРДОЙ ДУШИ" КОММУНИСТАХ.
ЖИЗНЬ И КОЛХОЗЫ. О ПРОБУЖДЕНИИ ДУШИ —
А. ТВАРДОВСКИЙ и В. СОЛОУХИН**

О ФАНТАСТИКЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

По западным образцам написана еще в ХУ111 веке князем Щербатовым первая русская утопия "Путешествие в Офирскую землю". С тех пор фантастические произведения нередки в русской литературе.

С шестидесятых годов XIX века большое влияние на молодежь имел роман Н. Чернышевского "Что делать?", в который, в частности, включена социальная утопия ("Сны Веры Павловны"). Популярен был рассказ А. Апухтина⁴⁹ "Через сто лет", "Между жизнью и смертью" и другие. Следует отметить и повесть В. Брюсова "Республика Южного Креста". В этой повести описывается город на одной из звезд Южного Креста. Там все люди сыты, довольны, безработицы у них не существует. Но там процветает всеобщая демагогия, все нормировано, господствует страшный полицейский сыск, тайный и грозный. Суд имеет все права, а обвиняемый — только одно право: сознаться. Кончается благоденствие этой республики всеобщей резней. Особой художественной ценности эта повесть не имеет. Тот же Брюсов, вероятно, по причине своего отталкивания от христианского утопизма Н. Федорова,⁵⁰ написал любопытный рассказ о воскрешении давно умершего человека под заглавием "Не воскрешайте меня".

А. Куприн тоже отдал дань научно-фантастической литературе в рассказе "Жидкое солнце" — о конденсации солнечной энергии и ее взрыве.

Большое значение имели научные и научно-фантастические труды специалиста в области ракет К. Циолковского.⁵¹ В повести "Вне земли" описаны идеи героев: Ньютона, Иванова и пр. В произведении "На луне" научные данные, научные гипотезы и откровенная фантазия дают интересный сплав.

Особое место занимает фантастика в советской литературе.

Мечты, вымысел влекут к себе как отход от серой действительности; живая фантазия, тяга к прогнозам в истории, социологии, точных науках неистребимы в человеческом духе. И вот окрыленная воображением мысль художника устремляется по путям, проложенным Жюль Верном,

Камилом Фламарионом, Гербертом Уэллсом или Анатолем Франсом и Джорджем Орвеллом. Советских писателей тоже томит жажда справедливости и красоты, мучают “кричащие социально-классовые противоречия”, жестокая бедность беспаспортного класса — колхозников, “закрытые распределители” для партийцев, и т. д. и т. п. Справедливо сказано, что “научная фантастика всегда была в самом тесном содружестве с социальной утопией”.⁵² Добавлю от себя, что фантастика связана нередко и с сатирой. А. Платонов (“Размышления читателя”) требовал жесткой сатиры: “Сатира должна обладать зубами и когтями, ее плуг должен глубоко пахать почву, чтобы на ней вырос впоследствии хлеб нашей жизни, а не гладить бурьян по поверхности”. Попытки такой сатиры были сделаны М. Булгаковым и Е. Замятиным. Но вскоре первый был лишен возможности зарабатывать на жизнь, второму удалось уехать из СССР. Другим просто вышибали зубы, избивали и отправляли в лагерь. Точно подметил один из непокоренных до конца сатириков в СССР:

Нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Известный в двадцатые и тридцатые годы критик И. Нусинов⁵³ утверждал, что сатира не нужна пролетариату, ибо роль сатиры и юмора “с каждой новой победой пролетариата все будет уменьшаться”. Хвалу советскому человеку легко найти и в “серьезных” изданиях самой Академии наук СССР. Вот две-три выдержки: “Новый человек (советский!) представляет собой диалектическое единство многогранности и цельности...”; “В тридцатые годы (годы Большого террора — Р. П.) он чувствует общий мажор, праздничность времени”. “Руководитель, вождь — человеческий и отзывчивый *новый человек*, постоянно развивающийся и духовно неисчерпаемый”; “Товарищи, нас ждут десятки, сотни, тысячи радостей!..”; “Лучший отдых — творческий труд!”. Ну, просто пролетарский рай! Но в той же книге — “Русский советский рассказ” (стр. 684) внезапно другой автор замечает: “Однако сатира старалась не видеть драматизма эпохи, не желала замечать серьезных социальных и нравственных конфликтов...”

Фантастическую литературу можно разделить на две части. Одна, с такими крупнейшими писателями, как М. Булгаков и Е. Замятин, — мрачно пессимистична, в существе нападает на террор, *злую утопичность* коммунизма и диктатуры пролетариата; другая славит будущий коммунизм, атакует Запад, капитализм и его шпионов, превозносит ученых-коммунистов и их изобретения на пользу человечества. К ее представителям относится, например, А. Беляев. В критической, сатирической фантастике и в прокоммунистической фантастической литературе можно различить опять же два направления: 1. Фантастика в духе коммунистической уто-

пии — например, у А. Толстого в "Аэлите"; 2. Произведения, находящиеся ближе к науке, к Жюль Верну, — например, у А. Беляева.⁵⁴ Иногда Беляев заимствовал темы даже у таких западных писателей, как автор "Тарзана" Берроуз,⁵⁵ но бывал и оригинален и интересен — "Золотая гора", например, о переходе одних химических элементов в другие. Не забывал Беляев и о пропаганде: в повести "Капитан звездолета" появляется злодей и шпион американец. Он хочет разведать все о работах, производящихся в лаборатории русского гениального физика Микулина и взорвать лабораторию. Но в русском физике и его помощниках он находит совершенно новый тип человека "с психологией будущего" и, будучи потрясен и растроган этим обстоятельством, не производит взрыва и прекращает саботаж.

В 1938 году А. Беляев бросил лозунг: "Создадим советскую научную фантастику!" (хотя уже в начале тридцатых В. Владко написал роман "Аргонавты вселенной"). Дело было в том, что ни Брюсова, ни Замятина, ни Булгакова, ни даже Олешу считать советскими фантастами было нельзя. Не годились ни скопированный с "Пура" К. Чапека "Бунт машин" А. Толстого, ни перевод Г. Гребнева "Человека невидимки" Г. Уэллса.

Одной из первых появилась бодрая фантастика И. Ефремова (р. 1907). И. Ефремов — ученый, геолог и биолог, руководитель экспедиций в азиатскую пустыню Гоби. В центре его внимания обычно ученые-романтики, ведущие свои исследования "на грани возможного". В популярном в СССР романе "Туманность Андромеды" (1957) изображен коммунистический рай, где живут некие гармонические личности на высотах просвещенного гуманизма, преодолев время и пространство. Геологическая повесть Ефремова "Алмазная труба" прямо предсказала открытие богатых месторождений алмазов на востоке Сибири. Некоторые произведения Ефремова были переведены на иностранные языки.

В романе А. Днепровы⁵⁶ "СУЭМА" главная героиня — машина. Этот автомат обладает сознанием, требует к себе уважения и даже особого внимания как к существу женского пола! В конце концов, она решает произвести вивисекцию над собственным изобретателем, чтобы сравнить его организм со своим устройством.

Злые духи и вообще всякая чертовщина, конечно, запрещены в советской фантастике, но не вполне. И. Варшавский в некоторых своих вещах атакует идеи о будущем "усовершенствованном капитализме" и даже пользуется несколько преображенным по своему вкусу Мефистофелем. Мефистофель радостно признает советскую власть и, когда его похищают немецкие милитаристы, гордо отказывается работать с ними — "Изобретения профессора Вагнера" (1936).

Самая смелая, пожалуй, сатирическая фантастика — в произведениях братьев А. и Б. Стругацких. Там и остроумно зашифрованная сатира на коммунистический строй и коммунистов, и смешные пародии на псевдонаучную фантастику.

Партийная критика в Советском Союзе необыкновенно бдительно следит за правильным направлением полета научной фантазии. Лет десять-двенадцать тому назад в советской печати постоянно выступали Г. Ершов, С. Иванов, В. Немцов, В. Тельпугов и Н. Томан. Они гневно разоблачали в фантастике “буржуазную лженауку”, “молекулярную генетику”, “черную мистику” учения о кривизне пространства, “глупость кибернетики”, и т. д. И все подобное легко опять может повториться, да уже и повторяется кое-что при одном упоминании о телепатии.

* * *

В каждой литературе проблема Зла и Добра, несомненно, самая важная, если рассматривать литературу с этических или социологических позиций. Зло, преступления — результат ли влияния общества, бедности и угнетения или оно, это зло, коренится в природе человека? А. Макаренко⁵⁷ писал о ворах и шпане с советской точки зрения, которая считает их “социально близким элементом”. Если один человек украдет вещь у другого, ничего ужасного в этом нет, писал Макаренко, один имел и потерял, другой не имел и получил. Настоящее зло — только кража у коллектива, кража государственного имущества. Воровство, по их понятиям, не есть *грех*, а или проступок, или преступление перед социалистическим обществом. По мнению официальной советской морали, преступления есть только результат плохого воспитания или упорный пережиток капиталистической эпохи. Воспитывайте сознательных граждан социалистического отечества, и исчезнут воровство, убийство, грабеж.

О трагизме жизни человека и о глубине зла в его натуре, об ответственности личности не только перед законами государства, но перед своей совестью и Богом, о том, что преступление есть в основе грех, писал постоянно Ф. Достоевский. Он же, как и Папа Павел Шестой, верил в персонафицированное Зло, то есть в дьявола и его слуг, материальных и сверхматериальных — бесов зла. Иными словами, писатель вполне придерживался православной доктрины о главном источнике зла в мире. “Мир во зле лежит” — сказал апостол Павел, но человек имеет возможность проявления и свободы воли. Он или поддается соблазну, или борется, падает и восстает, поднимая глаза к Небу и раскаиваясь. Об этом писали и такие крупные русские философы и мыслители, как Н. Лосский и С. Франк. Близки к такому православно-религиозному пониманию Зла высокообразованный А. Солженицын, и писатель попроще — В. Максимов, и ряд других писателей и публицистов Самиздата.

Интересно проникновение в художественную литературу коммунистических и некоммунистических писателей слов и понятий типа *дьявол*, *черт*, *демон*. Некоторые писатели поминают дьявола, бесовщину только в силу литературного приема, другие подразумевают символ для изображения концентрации Зла, а третьи серьезно верят в существование злого ду-

ха — дьявола. Важно постоянное обращение к этим понятиям. Приведу только несколько примеров. А. Блок к концу жизни стал колебаться, ведет ли его "Двенадцать" Христос с красным флагом или дьявол. В. Маяковский бредит каким-то демоном, сжимающим его сердце тоской. Научный сотрудник Академии наук СССР Ю. Глазов писал, уже на свободе, о коммунистическом режиме как режиме, "порожденном поистине *богоборческими, демоническими* и античеловеческими силами".

М. Булгаков устами дьявола просит атеистов-коммунистов поверить хотя бы в одно — в то, что дьявол существует. В. Максимов писал, что интеллигенция слишком долго заигрывала с демоном и за это расплачиваются миллионы потомков, и т. д. То всерьез, то в шутку (см. романы В. Войновича) имя злого духа часто поминается в литературе после революции. Это уже не Ф. Сологуб с его декаденством, а нечто совершенно особенное (см. А. Солженицын о церкви). Пробуждение ли это религиозности? Или просто отталкивание от зла, желание найти символ для злобы и соблазна (см. В. Дудинцев), сказать сейчас нельзя. Но факт присутствия демона в серьезной критике, сатире и фантастике очень знаменателен.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ

Замечателен расцвет русского театра,⁵⁸ оперы с Ф. Шаляпиным и М. Собиновым, балета начала XX века с его Павловой, Нижинским, Фокиным, Дягилевым, Карсавиной и другими звездами, никогда не превзойденными в СССР. Принципиально нового в развитии балета в СССР создали очень мало.

Театр Немировича-Данченко, Станиславского (МХАТ), феерии Н. Евреинова, изобретательная выдумка В. Мейерхольда и Е. Вахтангова постепенно были обесцвечены или попросту удушены в СССР. Понятно, что и в драматургии начался застой, и действительно великих или даже больших по значению пьес в СССР почти нет. Правда, есть отличные переделки прозаических вещей или остро злободневные пьесы Булгакова, Леонова, о которых шла речь выше, да шаржи, но все это обычно не выше среднего качества. Интересно, что Московский художественный театр и состав его артистов ныне гораздо слабее. "Модуляция исключительно бедная, — писал Н. Ульянов в "Диптихе" (Нью-Йорк, 1967, стр. 64—65). — Устранена природная мелодика русской фразы".

Вполне понятно, что если нет свободы творчества, то даже такого ранга композитора, как Шостакович, должны слушаться указаний ЦК в своем творчестве и "признавать ошибки". Правда и то, что живой русский ум умеет высмеять посредственность, нападающую на гения. Известно, например, что после нападок композитора Т. Хренникова на композитора С. Прокофьева, в обиходе появилась злая эпиграмма на оперу Хренни-

кова по роману М. Горького "Мать". Обратите внимание на игру слов, построенную на фамилии Хренникова и названии романа — "Мать":

Хоть опера и новая,
Да публики все нет,
Ведь опера хреновая
И матерный сюжет.

Два драматурга кажутся нам интересными и характерными фигурами для театра в СССР: В. Вишневский и А. Афиногенов.

Всеволод Вишневский (1900—1951), коммунист, во многом сталинист, но человек храбрый — лет пятнадцати ушел добровольцем на фронт. Участвовал и в Октябрьском восстании, воевал в Первой конной армии Буденного, был пулеметчиком. В возрасте двадцати лет начал печататься. Бывал в Испании и на финско-советском фронте в 1939—40 гг. В 1944 году — редактор московского журнала "Знамя". Из рассказов Вишневского некоторый интерес представляет "Сборник морских рассказов" (о гражданской войне). Слабая пьеса с огромными массовками — "Последний решительный бой" (1931) о будущей войне с "гнилым Западом". Полна ходульного пафоса и "На Западе бой" (1933). Огромным успехом в СССР, особенно у официальной критики, пользовалась его "Оптимистическая трагедия" (1933), о женщине-комиссаре и ее помощниках. Она усмиряет отряд бушующих анархистов и обращает их в преданных коммунизму красноармейцев. Правда, все они гибнут, но героически и во имя будущего — в этом и есть оптимизм большевиков. В пьесе "У стен Ленинграда" (1944) рассказано о борьбе против немцев. Все в духе искреннего, а иногда чуть наигранного воодушевления, как и в пьесе "Незабываемый 19-й" (1949) с прославлением Сталина. Политика, тенденциозность выступают во всем у Вишневского и мешают ему видеть жизнь как она есть, а бомбаст и выкрики часто просто глушат зрителя. Это типичные произведения твердокаменного коммуниста. Он предпочитал видеть "оптимистическую трагедию", а настоящих трагедий в СССР не замечать. Его не тронула скандальная кампания против героических финнов, он не удивлялся и не скорбел, что тысячи и десятки тысяч верных ленинцев истреблены и сосланы Сталиным, что свыше трех миллионов офицеров и солдат сдались немцам в 1941 г., что миллионы жителей "самой счастливой страны" гибнут в концлагерях, что и его собратья партийцы не могут спать спокойно, ожидая каждую ночь появления НКВД, что миллионы голодают. Вишневскому, конечно, место в главе о "твердой души" коммунистах: ненависть к Западу, раболепная преданность тирану — Сталину, узколобость — вот чем ясно определяется его облик. Искренен ли был Вишневский? Я полагаю, что искренен. Мне удалось беседовать с одним умным коммунистом, приятелем драматурга. Я со всей осторожностью поинтересовался отношением Вишневского к ежовщине и вообще к событиям 1937 года. Оказалось,

что он считал “нужными на данном историческом этапе суровые, но справедливые действия Сталина”. Охотно ему верю. Вглядитесь в фотографию Вишневого. Надменное, грубое лицо, крепкий и упрямый лоб с залысинами. Но, говорят, и он боялся, молчал и боялся.

Великий страх заливал не раз и не два все государство. О страхе первым заговорил Александр Афиногенов (1904—1941). Драматург, бывший с 18-ти лет членом компартии, осторожно коснулся этого явления. В первых пьесах Афиногенова много пропаганды, под влиянием установок наивно-тупого Пролеткульта.⁵⁹ Но уже в пьесе “Чудак” (1929) драматург нащупывает корни советского бюрократизма, пытается раскрыть психологию бюрократа, его стремление сделать во что бы то ни стало карьеру. Самой лучшей из пьес Афиногенова я бы назвал пьесу “Страх”, хотя самой популярной в Советском Союзе была его пьеса “Машенька”. Психологическая драма “Страх” (1930), как мы видим, написана еще задолго до ежовщины и 1937 года. В центре ее профессор Бородин, тип дореволюционного интеллигента, который явно задыхается в условиях советской жизни, давящей всех некоммунистов. Бородин публикует свою социологическую работу о главной пружине действий, о главном стимуле, о единственной причине поведения большинства населения СССР, и оказывается, что это СТРАХ. “Мы живем во время большого страха. Страх заставляет талантливых интеллектуалов отречься от своих матерей, лгать о своем социальном происхождении... Страх идет по пятам за человеком... Все мы кролики. Как же тогда кто-нибудь может творчески работать?”, и т. п. Как же могла быть поставлена в Ленинграде такая пьеса? Во-первых, это еще не самый разгар террора, а кроме того, умный автор всем речам Бородина противопоставил слова и действия твердой коммунистки Клары. Она обрушивается на Бородина и противопоставляет страху, описанному Бородиным, страх, который при старом режиме сжимал сердца рабочих, но они его стряхнули и победили угнетателя — т. е. царский режим. Но верно ли, что настала для народа счастливая жизнь без страха? “Уничтожьте страх... и вы увидите, какой богатой и творческой станет жизнь”.

Пьеса Афиногенова “Накануне” (1941), о войне, слабее, но демонстрирует искренний патриотизм автора.

Драматург погиб в возрасте 37-ми лет в Москве во время бомбежки 29 октября 1941 года.

О СОБЛАЗНАХ И О “ТВЕРДОЙ ДУШИ” КОММУНИСТАХ

Истинные последователи Ленина знают его тезисы о науке как оружии классово-борьбы. Наука буржуазных стран, по его мнению, пристрастна, и такой же пристрастной обязана быть и наука коммунистов. Само мате-

риалистическое учение чисто партийное: "Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы".⁶⁰ Согласно с К. Марксом, Ленин считал, что задача науки — "дать истинный лозунг борьбы". В борьбе же за коммунизм все средства хороши, а важна победа. Сталин во всем следовал за Лениным, и только плохое знание работ Ленина и его действий (учреждение лагерей на Севере, психбольниц для инакомыслящих, борьба с религией и Церковью, аресты священников и т. п.) снимает с него вину за террор.

Среди литераторов ленинцев-сталинцев, "твердой души" коммунистов, прославлявших революцию, интернационализм и беспощадность, в СССР известны, среди прочих, Николай Островский⁶¹ и Аркадий Гайдар.⁶² Островский, человек больной после контузии и ранений, полученных во время гражданской войны, настоящего литературного таланта, по моему мнению, не имел. Рукописи его правили другие, так что к настоящей литературе он имеет мало отношения. Во всех вещах видна узколобость и малая культура. Но в политическом смысле, в области советской пропаганды и ее воздействия на молодежь, Островский довольно важен. Уже в 1960-х годах, рассуждая о значении героя, о пропагандистской литературе, Ю. Друнина⁶³ писала: "Мое поколение росло, овеянное романтикой революции и гражданской войны. Любимой нашей песней была "Каховка", любимым фильмом — "Чапаев", любимой книгой — "Как закалялась сталь". Неистовый герой Островского Павел (Павка) Корчагин играл одно время в кругах комсомольской молодежи роль нового Рахметова."⁶⁴

Аркадий Гайдар — несомненно талантливый детский писатель. Выступал и как военный журналист, и его очерки "Мост" и "У переправы" (1941) очень неплохи. Родился писатель в прославленном Тургеневым Льгове (Курской области), в интеллигентной семье учителя. Еще в отрочестве вступил в Красную армию и в шестнадцать лет уже командовал полком. Из-за контузии должен был уйти в отставку в 1924 году, в чине полковника. В литературу откомандировал его командарм М. Фрунзе.

Наше внимание останавливается прежде всего на псевдониме писателя. Гайдар — слово монгольское, сродное с татарским "айда" и турецким "хайда", обозначающее передового разведчика конного отряда. Выбор этот, конечно, не случаен. Одна из наиболее популярных книг Гайдара — "Тимур и его команда", где, как ни странно, вожак пионерской группы подростков, помогающих старикам, больным и вдовам, получил у него имя основателя второй монгольской династии Тимур Ленка (1336—1405), одного из самых жестоких завоевателей, истребителя населения многих городов и разрушителя ценных памятников. Даже советские ученые признают, что походы Тимура сопровождалась "неимоверными жестокостями". Говоря о своих книгах для детей, Гайдар заметил: "Пусть потом когда-нибудь люди подумают, что вот жили такие люди, которые из

хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они *готовили краснозвездную крепкую армию*". Писатель всячески поддерживал в своих произведениях дух романтики, героики революции ("Школа" — 1930), стараясь его передать "новым мальчишкам и девчонкам". Он подогревал и "бдительность молодого поколения" в стране, окруженной капиталистическими государствами ("Военная тайна", 1935): враги не могут понять, "что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную тайну и так крепко держат свое твердое слово..."

Каково же было Гайдару в 1941 году слышать не просто о неудачах Красной армии, но о пленных армиях, о сдавшихся без боя корпусах со всем вооружением! Что мог сделать военный корреспондент "Комсомольских известий" на фронте? Отспустить вместе со всеми? Гайдар ушел в партизаны, остался в тылу у немцев и погиб в октябре 1941 года, отстреливаясь из пулемета от немецкой облавы. Смерть, поистине достойная боевого офицера. Но вот как Гайдар мог жить, есть, пить, писать во время великой чистки, когда пострадали даже сотни тысяч лояльных партийцев (невинные жертвы из беспартийных в счет вообще не шли, даже в речах Хрущева). Но эти жестокости, страшнее Тимурленковых, не мешали Гайдару шутить с детьми, пускать в воздух связки цветных воздушных шаров на улицах Москвы и мистифицировать милиционеров. Однако эти проблемы касаются больше социологов и психологов, чем историков литературы. Таких, как Гайдар, было немало, просто имена их не известны. Сказано в Евангелии (Лука, 17) "Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят". И в тон этим строкам писал русский философ Семен Франк: "Дух зла искони таится в душе человека, есть некая сверхчеловеческая сила, неодолимая никакими чисто человеческими усилиями и внешними мерами..."⁶⁵

Соблазн (*skándalon*) значило по древнегречески и придорожную западную, и камень преткновения, а во времена общезллинского языка это же слово значило грех и повод ко греху, и именно это значение находим в Новом Завете (Лука, 17 и Римлянам, 9, 33). Соблазниться и значит поддаться обольщению со страстью и пойти по пути Зла. Зло же, надев маску Добра, сушит корень жизни души человеческой. Доктрина, через соблазн и совращение, делается сперва убеждением, а потом и верой. И соблазнившийся, теряя свободу духа, ищет там, где нет ничего, идет в тупик и не видит этого. Огромную роль в озверении современных людей сыграли утопические доктрины — карикатуры⁶⁶ истинной христианской религии.

Федор Gladков (1883—1958). Принадлежит к группе малых талантов, но к "твердой души" коммунистам. Родился он в старообрядческой крестьянской семье, но безоговорочно примкнул к большевикам в 1920 г. Жизнь его в ранней юности полна скитаний, перемен работы (продавец в магазине, наборщик, учитель в сельской школе, красноармеец). Участвовал в революционных движениях с 1905 года. В печати стал выступать с

1900 года (рассказы о рабочих, о бедных крестьянах, о босяках). Кое-что написано явно в духе М. Горького. Пьесы двадцатых годов: “Бурелом”, “Ватага” — художественной ценности не имеют. Вообще стиль его близок к требованиям и заветам “социалистического реализма”. Вывел его на первые места в советской литературе его роман “Цемент” (1925). Роман всячески был рекомендован властями. М. Горький написал о “Цементе”: “Это очень значительная, очень хорошая книга. В ней впервые за время революции крепко взята и ярко освещена *наиболее значительная тема современности — труд*”. Далее Горький хвалил два главных характера в романе, Глеба и Дашу, хотя признавал “романтизированность” героя, но ему, романтику в душе, и это было по сердцу. “Цемент” предшествует таким романам времен пятилетки, как “Соть” Леонова, “Ведущая ось” Ильенкова, “Гидроцентраль” Мариэтты Шагинян и т. п.

Роман рассказывает о перестройке цементного завода, вероятно, в Новороссийске. Говорится о восстановлении дисциплины, но “новой, социалистической”, о героическом труде рабочих, побеждающих все трудности при восстановлении завода. Язык (во всяком случае, в первом издании) просто ужасен. Нагромождение неологизмов низкого качества, ненужные диалектизмы, ходульный стиль: “кулаки величиною в целую вагонетку”, бомбаст речей, фальшь. Сперва дается картина брошенной, запущенной фабрики цемента. Нет электричества, гудки забиты пылью, кругом запустение, а рабочие заняты кто мелкой торговлишкой, кто изготовлением зажигалок — спички были редкостью.⁶⁷ Вернувшийся с фронта и ставший секретарем заводской партийной ячейки Глеб Чумалов решает вернуть фабрике жизнь. Жена его, Даша, тоже переменялась — она не хочет быть больше домашней хозяйкой, общественная жизнь, заседания уведут ее от семьи. Ничего не заметно особенно интересного ни в конструкции романа, ни в идеях, ни в стиле. Но его подняли, как знамя пролетарского труда, как образец. Начались многочисленные переводы романа на разные языки. (В переводах роман сильно выигрывал.) А похвал это произведение левого крыла литературы имело сверх всякой меры и сверх его реальной ценности. Оно и понятно: не рассорился ли Ленин со своим приятелем, тоже революционером, Валентиновым только за то, что последний критиковал художественные достоинства романа Чернышевского “Что делать?”. В СССР было несколько произведений и авторов, которых критиковать было нельзя, в том числе “Как закалялась сталь” и “Цемент”.

“Цемент” — самая известная вещь Gladkova, но гораздо лучше и ценнее его “Повесть о детстве” (1949) и “Лихая година” (1954), хотя и они часто подражают манере и стилю М. Горького.

В 1958–1959 гг. в Москве вышло восьмитомное собрание сочинений Gladkova. В 1961 г. в Москве же были изданы его “Воспоминания”, в которых он прославляет других “твердой души” коммунистов: А. Серафимовича, М. Калинина, П. Бажова и им подобных.

ЖИЗНЬ И КОЛХОЗЫ

*Да, старую деревню нужно взять за
глотку. Сжать ее, сдавить, иначе она
сожрет молодую. Нужен бой!*

П. Замойский

Ленин и его ближайшее окружение считали крестьян собственниками по природе и людьми, проникнутыми стяжательскими инстинктами. Соответственно этому пониманию с ними и обращались. Хорошо сказала Н. Мандельштам: “С первого дня (власти коммунистов — Р. П.) у нас людей кормили выборочно — по категориям, согласно пользе, приносимой государству. Трогательные рассказы о правителях, живущих, как рабочие — сентиментальный блеф”.⁶⁸ Так и в советской литературе о колхозах: есть произведения о “колхозах-миллионерах”, о счастливой жизни в деревне, но все это или редчайшие исключения, или верноподданический блеф, и факт непрерывной эксплуатации сельского населения и его жалкого положения скрыть вполне нельзя. Полную правду о положении крестьян, в частности о голоде на Украине 1934—35 годов, написал только Василий Гроссман в романе “Все течет”. В СССР этот роман был арестован, а сохранившаяся копия была чудом переправлена на Запад и там опубликована. Кое-что о принудительной коллективизации можно узнать из первого издания “Поднятой целины” М. Шолохова, из повестей Леонова, Дороша, Яшина, Овечкина⁶⁹, а также из рассказа А. Солженицына “Матренин двор”.

Причина запущенности сельского хозяйства в СССР тройкая: 1. Нежелание допустить частную собственность и инициативу крестьянина из боязни, что, став экономически независимым, человек перестанет быть покорным. 2. Всемерное усилие развить только тяжелую и военную промышленность. 3. Фанатическая преданность теории ленинского коммунизма и боязнь признать полный крах сельскохозяйственного эксперимента. И вот прежняя житница половины Европы закупает зерно у капиталистического Запада, иначе грозит повальный голод. В тридцатые годы около пяти с половиной миллионов (!) крестьян были причислены к “кулакам” и сосланы в Сибирь, где многие погибли. Об этом, конечно, литераторы в СССР писать не могли, да к тому же такое, как ни странно, легко не замечается современниками: “когда гибнут миллионы — это уже не трагедия, а статистика”.

Обратимся к талантливому очеркисту Валентину Овечкину (1904—1968). В повести “С фронтовым приветом” он описывает двух друзей, воюющих вместе, капитана Спивака и его командира Петренко, бывших до войны партийными работниками в колхозах. Они озабочены послевоенной колхозной жизнью, когда особенно будут ощутимы потери войны. Вернувшийся из отпуска Спивак рассказывает, что там остались одни

старики и старухи, на которых и держится хозяйство. Трудно теперь агитировать в колхозах, не то что раньше, когда все было в *обещанном будущем*. И друзья пишут открытое письмо коммунистам, которые управляют колхозами теперь. Они хотят, чтобы на освобожденной от неприятеля земле было больше радости и красоты. И если материальные разрушения нельзя сразу исправить, то пусть хотя бы в отношениях людей появится больше доброты и человечности: "Мы пролили много крови на этой земле и мы ожидаем многого от будущего". Кажется, ничего запретного в поведении нет, но в ней есть настоящая тревога за будущее, надежда на большую человечность, и в ней нет "ура патриотизма" и казенного оптимизма.

Александр Яшин, тоже молодой писатель, навлек на себя гнев официальной критики своим рассказом о женитьбе в Вологде, "Приглашение на свадьбу",⁷⁰ а ранее рассказом о колхозе "Рычаги"⁷¹ (1956). В обоих очерках дано правдивое описание забитости и нищеты колхозников и крупных поступков колхозной администрации. А. Яшин сам родом из Вологды, и жизнь Севера, грустные тени прошлого и тупик настоящего в жизни колхозников он знает, понимает, сочувствует и пишет правду. Но, конечно, как бы объективно ни описывали действительность, вы будете обвинены в "одностороннем освещении некоторых фактов". Критик обычно воздерживается от конкретного указания, в чем односторонность. После этого следует обычно, как и в случае с Дудинцевым, обвинение в "искаженном изображении действительности". А пороку и в *клевете* на советскую жизнь. Последнее пахнет уже судом и ссылкой.

О том, как складывалась жизнь в колхозах до войны, может быть, лучшей книгой является "Колхозная Россия" С. Маслова. (Изд. "Крестьянская Россия", 1937).

Ефим Дорош (р. 1908) стал лишь в 1945 г. членом коммунистической партии. Начало литературной деятельности Дороша связано с театром. Рассказы "Маршальские звезды", "Военное поле" посвящены гражданской войне. Постепенно тема колхозов и жизни колхозников, жизнь бедной деревни все больше интересует писателя: "Иван Федосеевич" (1954), "Два дня в райгороде", "Сухое лето", "Райгород в феврале" (1962) и др. В языке повестей и очерков Дороша много живости, прибауток, пословиц и публицистики в изображении всей трудности жизни колхозников в средней России. Часто сочетание старинного русского говора с новшествами советского жаргона производит неожиданный комический эффект. Особо следует отметить очерк "Дождь пополам с солнцем".⁷²

А бывало часто и так: "За последние годы, — пишет критик Л. Левин, — у нас стали называть рассказами самые обыкновенные очерки, лишенные каких бы то ни было признаков новеллистического жанра. Мало того, бес-

форменность и аморфность этих очерков выдавалась за качественно новую особенность”.⁷³

Иногда в колхозной новелле, например, у В. Шукшина, можно прочесть переключку с идеями Ф. Достоевского. Герой одного из рассказов говорит старику: “А я не знаю, для чего я работаю. Ты понял? Вроде, *нанялся*, работаю. Но спроси: —Для чего? — Не знаю. Неужели только нажраться? Ну, нажрался. А дальше что?” Конечно, автор спохватывается, разумеется, его собеседник возражает, что тот заелся, слишком-де много всего получает. Но читатель знает, что так и обстоит дело в большинстве колхозов.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Александр Твардовский (1910—1971) — поэт большого и своеобразного дарования, не менее значителен и как редактор лучшего и наиболее либерального, т. е. честного, правдивого журнала “Новый мир”. Это был широко известный, очень популярный в разных кругах советского общества поэт. Критика в СССР подчеркивала “общественную значимость” и “высокую гражданственность” поэзии Твардовского. Порою, в условиях советской жизни, он проявлял настоящую храбрость. Вывзванный в Центральный комитет партии и обвиненный в том, что он писал лично западному писателю, поэт заявил: “Я думал, что я в ЦК, а попал в полицейский участок!” Была в нем любовь к родине, острое чувство правды, хоть и по-советски часто понимаемой, желание выдвинуть молодого, начинающего писателя, уметь видеть окружающее, действительность под особым углом зрения. Была искренняя и нежная любовь к новому поколению России. Когда хоронили Твардовского и гроб его окружили его духовные враги из ЦК, в количестве тринадцати человек, Солженицын с горечью сказал: “Обступила его гроб ‘нечетная дюжина’”. Конец жизни Твардовского был печален и тяжел. Он умер от рака, фактически отстраненный от своего поста редактора журнала, где он проводил свою линию с 1950 года по 1954 и потом с 1958 по 1970. Известно, что в ужасе и тоске от все большего возврата к сталинизму поэт отчаянно пил. Будучи же пьян, ругал последними словами действия властей в СССР, не избегая и имен.

Твардовский был родом из простой крестьянской семьи. И славу ему принесла его поэма о ломке жизни в деревне. Дружил поэт с литераторами, близкими к земле, почве, народному характеру, обожал русскую народную песню, особенно своей родины — Смоленщины. Родители Твардовского были людьми редкими в своей среде: отец любил чтение и читал детям вслух Пушкина, Некрасова, Никитина, Лермонтова, Гоголя, читал сказку Ершова “Конец-Горбунок”. Мать любила сельскую свирель и могла до слез расчувствоваться, глядя на одинокое дерево. Первые стихи

Твардовского, еще совсем подростка, появились в газете "Смоленская деревня". В юности другом-советником в литературных опытах стал поэт Михаил Исаковский. О нем с благодарностью писал Твардовский в своей автобиографии и вспоминал благородные советы Исаковского. Ученье свое поэт не раз прерывал и вошел в литературу в начале тридцатых годов поэмой "Земля Муравия"⁷⁴ (1936). В ней описан период коллективизации. В 1939 году был мобилизован и во время Финской войны был военным корреспондентом. Ни героическое сопротивление маленькой Финляндии, которую СССР пытался оккупировать, ни захват и разделение Польши в нарушение договора о ненападении не изменили искренней преданности Твардовского компартии и советской власти. Во время войны с Финляндией "Бригада писателей" поставляла бодрые очерки и стихи, в частности, о Василии Теркине.⁷⁵ Во время войны с Германией появились две новые поэмы Твардовского: "Василий Теркин" и "Дом у дороги", позже, в 1960 г., появилась его третья поэма "За далью даль". Интересны и его прозаические этюды в книге "Сельская хроника" и "Своя сторона, чужая сторона" (1947).

Честное отношение к чужой правде, к чужому взгляду на мир и к иному творческому подходу Твардовский обнаружил будучи редактором "Нового мира" с 1949 по 1954 год. Уже тогда он решился напечатать острую статью В. Померанцева "Об искренности в литературе" и статью Ф. Абрамова об ужасах и бедности, несправии и угнетении людей в колхозах. Это тем более удивительная смелость, что в поэме "Земля Муравия" ее герой Никита Моргунок может найти счастье, лишь вернувшись назад в колхоз, но он же, правда, перед этим просит Сталина оставить ему пока его крохотное имение. Эта поэма во многом напоминает некрасовскую поэму "Кому на Руси жить хорошо", а кое-что, может быть, заимствовано и из похождения Дон Кихота.

"Василий Теркин" — несомненно самая популярная поэма военного и послевоенного времени. Теркин — крестьянский сын, персонаж, взятый из народной толщи, и Твардовский любит и гордится своим героем-солдатиком. Грустное, страшное, кровавое — все терпеливо, не унывая, проходит бодрый Теркин, тертый калач, доброе сердце.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.
Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

В конце своей поэмы автор просит читателя не только радоваться победе, но помнить о тех, кто все и всех потерял в этой войне, помнить об их "святых слезах". Эту мысль автор проводит и в "Доме у дороги", где рассказано о судьбе Андрея и Анны Сивцовых.

Советская критика почувствовала некую горечь в творчестве бодрого Твардовского и напала уже довольно жестоко на прозаические, правдивые и яркие очерки первого года войны. В этой книге Твардовский рассказал о месяцах страха, бегства, паники, смятения среди властей и населения страны. Коммунист Твардовский, поэт-патриот, не хотел ни лгать, ни закрывать глаза на факты. Терпеть, надеяться, даже верить в будущее он мог, однако за правду именно для счастливого будущего Твардовский боролся всегда.

После разоблачений Сталина Твардовский рискнул напечатать в журнале "Новый мир" (1966) исследование В. Кардина "Легенды и факты"⁷⁶, статьи с высокой оценкой творчества Солженицына (1963–64), работу Андрея Синявского о Пастернаке и издании его сочинений, и т. д. Но самое, может быть, важное во всей редакторской деятельности Твардовского была публикация "Одного дня Ивана Денисовича" и "Матрениного двора" А. Солженицына.

Рукопись неизвестного писателя, присланная в журнал безо всякой рекомендации, попала к редактору однажды вечером, когда он просматривал перед сном, уже лежа в постели, материалы, поступившие в редакцию. С первых же страниц Твардовский почувствовал гений безвестного автора и редкостные смелость и правдивость повести "Щ–854" (первоначальное название повести. Название "Один день Ивана Денисовича" дано Твардовским). Редактор самого знаменитого в стране литературного журнала встал с постели, надел черный костюм и дочитал повесть, сидя за письменным столом в парадной одежде.

На пути к изданию повести встал, разумеется, Главлит – цензура. После жестокой борьбы на рукописи повести все же появился личный росчерк Н. Хрущева – "Печатать", и она была напечатана в "Новом мире" и вскоре стала всемирно известной. Однако противники правды в литературе, сталинисты и их последователи продолжали борьбу. Демичев в Доме литераторов "грозно предупреждал" московских писателей, что "дворики и домики нам не нужны" (намек на "Матренин двор" Солженицына и на роман В. Семина "Семеро в одном доме") и что писатели обязаны изображать жизнь в ее "революционном развитии" и в стиле социалистического реализма. Вскоре (уже во времена Л. Брежнева) ряд писателей, включая Солженицына, был исключен из Союза писателей.

В 1963 году сам Твардовский выступил с остроумной сатирической поэмой "Теркин на том свете", направленной против сталинизма. Как пушки задом въезжают на линию огня, так вновь появился из прошлого Василий Теркин. В поэме помянуты два мира – советский и буржуазный,

полный суеверий и глупости. То же самое происходит и на том свете, где есть "тот свет буржуазный" и "тот свет советский". Советский имеет науку, а буржуазный — обман и туман, в буржуазном мире дисциплина слаба, а основы шатки и неверны, в советском секторе — крепкий режим и прочны и неизменны все устои, "у нас колонны", у буржуев — толпа. Есть на том свете и газеты, которые называются "Журналы мертвецов". Теркин поражен тем, какое количество бюрократов-чиновников занимает всевозможные должности. Умный Теркин решил спросить, нельзя ли сократить число чиновников. Но оказалось, что никак нельзя: чтобы провести мероприятия по сокращению количества служащих, нужно нанять новых служащих. Получается, что чтобы сократить число служащих, надо его сначала увеличить. Словом, совсем по Гоголю — "учредить комиссию над комиссиями". Все эти рассуждения, полные юмора, мы слышим из уст другого солдатика — товарища Теркина. Твардовский в этой поэме зло высмеял разбухание административного аппарата в СССР и сам регламентированный строй жизни коммунистов.

К хрущевской эре и решениям XX съезда партии, на котором была начата десталинизация, относится ряд трогательных страниц в поэме "Задалью — даль". Повествуется в стихах о поездке в Сибирь, где на одной из станций поэт встречает старого друга — лагерника. Невинно осужденный, истомленный долгими годами каторги, он — живой упрек, живой вопрос: как допустили партийцы гибель сотен своих товарищей от руки Сталина? Большой теме невинно пострадавших в бессмысленных чистках коммунистов посвящены и страницы в "Оттепели" И. Эренбурга (ч. 2) и ряд строф М. Алигер⁷⁷ в ее поэме "Сказка о правде" (ж-л "Октябрь", XI, 1956) и др. Твардовский с горечью писал, что негде нам скрыться, спрятаться от своей совести, от воспоминаний, но, может быть, со временем все это сотрется из памяти, исчезнет, как будто этого и не было. Возможно ли? Виктор Некрасов сказал во время поездки в Италию, что этого ни забыть, ни стереть со страниц истории нельзя. Однако же поэт малого калибра В. Фирсов, уже при Л. Брежнев, опять прославлял Сталина и сталинистов. Знал об этом и Твардовский. Осторожно, но не отступая, вел он свою линию, пока мог и пока хватало сил. Не случайно в третьем томе "Истории советской литературы" (Москва, 1961) о нем сказано, что поэт "не умалчивал о сложных и трагических сторонах своей эпохи".

Нельзя забывать, что много честных критиков, ставших даже прямыми жертвами коммунистической партии в СССР, все же остаются верными коммунистической идее, будь это Костерин, Сахаров, Твардовский или братья Медведевы. Эта преданность утопии была названа Б. Пастернаком "колдовской силой мертвой буквы".

В. СОЛОУХИН

Владимир Солоухин (р. 1924) — талантливый поэт и прозаик, каких немало в СССР. Известен же он стал своей горячей заинтересованностью в сохранении и восстановлении русской архитектуры, памятников старины, предметов искусства, а также в оберегании русской истории от искажений, а исторических деятелей — от забвения.

Родом из крестьян Владимирской губернии, село Алепино, Солоухин начал свою литературную карьеру как твердокаменный коммунист. Он остро нападал на Б. Пастернака в 1957 году в Союзе писателей и т. п. В "Литературной газете" от 12 апреля 1958 г. он разбирает творчество Е. Евтушенко. Отдавая должное его поэтическому таланту и даже его смелости, Солоухин все же обвиняет поэта в том, что он не всегда находит своего противника "на предписанном месте". Хорошо, если Евтушенко бранит инертность, бюрократизм, все, препятствующее "нашему прогрессу". Но как же он смеет искать врагов и в комсомоле, и даже в среде коммунистов? Зачем-де Евтушенко в стихах жалуется на границы, к чему ему Нью-Йорк, Лондон и Париж? Почему поэт жаждет искусства столь же разнообразного, как он сам? Декларации не нужны, и надо искать врагов в других государствах и бороться против идеологий, чуждых нашему социалистическому отечеству.

Несколькими годами позднее Солоухин в книге критических эссе и полемике — "С лирических позиций" (1965), возражая на упреки некоторых поэтов, замечает: "Хорошие стихи всегда и довольно быстро находят дорогу на страницы газет и журналов, кем бы они ни были написаны, если, конечно, стихи эти отвечают духу нашего времени".⁷⁸ Это сказано уже с осторожной оглядкой на жизнь в СССР, на все то, о чем при встрече с Я. Смеляковым говорил тот же Евтушенко. Но в своих рассказах⁷⁹ Солоухин нет-нет да и скажет горькую правду о нищей жизни в СССР. Так он рассказывает, что узнай кто-нибудь о проделках голодных юнцов с талонами на хлеб, их могут судить: "Много не дадут, но даже одного года в лагерях достаточно для того, чтобы переломалась и на десятки лет вперед вылетела из колеи вся жизнь". Значит, Солоухин имеет хорошее представление о лагерях. Не вся правда видна писателю, но многое он уже переживает по-новому. Читать его книгу — значит идти по пути уже ожившей души. Особенно характерна в этом отношении книга "Письма из Русского музея".⁸⁰ Большой выстраданной любовью к России, ее искусству и истории полна до краев эта небольшая, но веская книга. Она и светлая и печальная, как нагнувшаяся над рекой русская плакучая ива. Не случайно я вспомнил русское дерево. В ряде очерков о деревне и в своих стихах описал с истинной любовью Солоухин и русских людей, и русские деревья, и русские избы.

"Письма из Русского музея" рассказывают о создании "Музея Александра 111". Не умолчал автор и об участии в создании музея самого им-

ператора. Две стороны можно определить в книге: описание пробуждения души человека, начало духовного роста у писателя, появление в нем некой устремленности к Небу; ощущение автором ценности оплеванного коммунистами прошлого России, горечь, которую испытывает писатель от варварства⁸¹ революционного рвения стереть с лица земли памятники высокого и самобытного искусства предков. На стр. 60–61 Солоухин открыто говорит:

“В человеке, кроме потребности есть, спать и продолжать род, с самого начала жило две великих потребности. Первая из них — общение с душой другого человека, а вторая — общение с небом...”

Отчего происходит человеческая потребность духовного общения с небом, т. е. с беспредельностью и в пространстве и во времени? Оттого, вероятно, что человек — частица ничтожная и мгновенная мира, есть частица той самой беспредельности и безграничности. На земле какой же самый яркий символ безграничности? Конечно, небо... Может быть, из неведомых галактик посылают сигналы такого характера, которые мы не умеем воспринять нашими современными аппаратами, но которые, может быть, иногда воспринимает человеческая душа? И вот, в неизъяснимом волнении человек поднимает глаза кверху, и *сопричастие* с чем-то большим, чем он сам, потрясает его...”

Матерьялизм холодный и упорный
Вот Октября яснейшая печать —

писал поэт⁸², но разве от приведенных строк Солоухина не веет уже духовностью? А то, что небо с малой буквы, так в СССР и слово Бог все обязаны писать с малой буквы, говорить не “от Рождества Христова”, а “новой эры”... А с чего же началась “новая эра”, как не с Рождества Христова?!

Солоухин нападает далее на осквернителей святынь: “...Полно, имеют ли право на гордое и высокое звание человека, пусть и двуногие существа, которые справляют нужду под сводами церкви или затаскивают лошадей на второй этаж старинного уникального дворца?” Увы, нет уже трех четвертей некогда сказочной Москвы. А кто только не писал о ней с искренним восхищением! Гамсун, Рильке, Герцен, Лермонтов, Щусов и т. д. Солоухин остроумно замечает: “чтобы обезобразить лицо человека, не обязательно отрубить ему голову: памятников архитектуры в Москве уничтожено более четырехсот”. Разрушены храмы, Триумфальные ворота, Красные ворота, а на их местах трава или “пустые места”. В книге Солоухина слышен плач по навеки утерянной красоте, по фрескам великих мастеров, по иконам безмерной красоты. Не жаль и мне ни растрат денег в СССР, ни даже вырубки дивных лесов — деньги дело наживное, и даже леса, хоть и трудно, но можно вырастить. А вот украли у нас, разбазарили красоту страны, исказили лицо прошлого, и не вернуть его и потомкам потомков!

Солоухин не раз вспоминает о гибели памятников. Чтобы спасти памятник, — с горечью пишет писатель, — “нужен один вертолет... Ну неужели в нашем государстве... один вертолет — проблема?!.. У “Русского музея нет денег, а бесплатно — никто не выделяет”. И все-таки души пробуждаются. Читатель верит в искренность Солоухина, который вспоминает и слова французского художника Матисса: “Италия дала мне меньше, чем русская живопись”. Признается Солоухин, что и сам он “еще пять лет назад бегом проскакивал залы, где выставлены древнерусские иконы”. Да, пробуждалась в Солоухине душа и любовь к искусству родины. Говорит писатель и о живописцах начала века, предреволюционной поры: Врубеле, Васнецове, Сурикове, Нестерове. И видны в его строках о них и знания, и искренняя любовь к живописи человека, который подолгу простаивает перед картинами, чтобы понять и прочувствовать их красоту.

В книге Солоухина очень ценно желание разобраться в идеях наших “шестидесятников”, в утверждениях В. Стасова⁸³, столь схожих по методу с некоторыми современными советскими критиками. Так, Солоухин останавливается, например, на оценке Стасовым картины П. Федотова “Свежий кавалер”, на которой изображен чиновник, хвастающийся перед кухаркой новеньким орденом. И спокойно, со знанием дела Солоухин опровергает тенденциозное толкование картины В. Стасовым и еще одно, уже современное “прочтение” картины.

Голоса таких писателей, как Солоухин, еще редки, но раньше или позже они станут громкими и многочисленными и будут услышаны.

Интересны некоторые стихи Солоухина и его афоризмы:⁸⁴ “Лучше всего исполнять какую-либо должность можно тогда, когда не боишься ее потерять”; “Как я отношусь к Евтушенко? Я отвечаю очень просто: все, что написал я, я не променяю на все, что написал он”.

Умереть за Россию —
Вот чего я пока не сделал!
Умереть за Россию —
Это мне, вероятно, еще предстоит.

Однажды Солоухин сказал: “Самое главное для всякой личности — утвердить себя в мире, сказать ‘Я’ ”. Может быть, он имел в виду то же самое, что и Пастернак, когда говорил:

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только — до конца.

Глава 7

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

*А если что не так, не наше дело!
Как говорится, партия велела...*¹

Аноним (1968)

Будучи участником двух войн, автор этой книги не может не использовать, кроме печатных произведений о войне, изданных в СССР, также и тех сведений, которые ему удалось получить при личном контакте с офицерами и солдатами Красной армии на фронте и потом, уже в мирной обстановке, в Югославии. Кроме того, я позволю себе в значительной мере использовать статью Анонима из сборника "Новый колокол". Статья эта написана, вероятно, около 1967 года. Конечно, невозможно пройти и мимо таких до крайности пристрастных книг, как "Ради жизни на земле" П. Топера, изданной в Москве в 1971 г. Топер пишет: "Путь к публичной правде об Отечественной войне лежит в умении художника видеть в малом большое, в частном общее, в повседневном великое" (стр. 438). Как видите, суть и тут вовсе не в объективной правде, не в художественной ценности, а лишь в том, чтобы обнаружить и показать великое и славное.

В советской литературе тема Отечественной войны не является запретной, весь вопрос только в форме описаний и в идеях, а тут есть очень много запретного и наказуемого.

Приводя мои вопросы и ответы советских военных, я вижу, что, в основном, их утверждения неискренны. Есть в них и отклик на пропаганду, есть и страх все открыто высказать даже с глазу на глаз, но общее у партийцев и непартийцев, конечно, есть, если верить, что действительно существует homo soveticus. Читатель должен учесть, что вопросы на самом деле не были мною сформулированы так резко, как я их здесь привожу, — приходилось быть крайне осторожным.

Замечу, что были и исключения в тенденциозном освещении войны. Об ошибках, промахах и неудачах 1941—1942 годов правдиво повествует книга Некрича, ныне запрещенная в СССР, а также многое в произведениях Солженицына, В. Быкова и других участников войны с Германией и даже с Финляндией.

Первый вопрос²: Что такое империалистическая война?

Ответ: Война связана, сказал Ленин, с тем политическим строем, из которого она вытекает, связана с определенной экономической системой. У капиталистических государств существуют глубокие непримиримые

противоречия и жажда захвата земель. Империалистическая война есть захват чужих территорий и обычно нарушение мирных договоров.

Вопрос: Не захватил ли СССР финские территории и не нарушил ли договор с Финляндией 1932 года — в 1939—40 гг.?

Ответ: Конечно, нет! *Гнусные белофинны* напали, а потом мы взяли свое и обеспечили “подушку” для Ленинграда.

Другой ответ: Мы должны были вторгнуться в Финляндию, но это была и война за финский пролетариат! Сталин предвидел опасность со стороны нацистов, надо было укрепить Север.

Вопрос: Но разве тогда не существовал уже договор о ненападении с нацистами, разве не посылал СССР в Германию бензин и т. д., не торговал с ней в ущерб Франции и Англии, находящимся в состоянии войны с Германией.

Ответ: Гений Сталина предвидел все! Мы еще не были готовы к войне, а чем более пострадали бы капиталисты³ от капиталистов-нацистов, тем лучше для коммунизма.

Вопрос: Верно ли, что финны боролись с отчаянной храбростью,⁴ а их всего-то около четырех с чем-то миллионов?

Ответ: Наглая ложь империалистов! Финские рабочие помогли нам подавить у них гидру контрреволюции.

Вопрос: Почему СССР внезапно нарушил договор о ненападении с Польшей в 1939 году, и, в то время когда поляки отчаянно сопротивлялись нацистам, войска СССР ударили с тыла по польской армии?

Ответ: Вопрос неуместный, в нем видно непонимание основ действий СССР. Не стоит и отвечать на такие вопросы... или выявите антикоммунизм.

Другой ответ: Польша владела частью русской территории. Нам надо было возвратить свое и не дать Гитлеру подойти ближе к границам. Обстановка, реальность уничтожила Пакт о ненападении.

Вопрос: Русские, жившие в Польше, хотели, чтобы их сделали подданными СССР?

Ответ: Те, кто не хотел, просто были выродки и предатели! Конечно, все *должны были хотеть* и радоваться стать гражданином СССР.

Вопрос: Пелась ли в 1937—39 годах песенка:

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Мы сегодня к походу готовы...

Полетит самолет, затрещит пулемет,
Загрохочут железные танки...

и т. д.

Как же в таком случае объяснить, что вдвое превосходящая Германию по населению и во сто раз по ресурсам страна отдала немногим более, чем за год ряд богатых и жизненно необходимых стране территорий: Украину,

Донецкий бассейн, Крым, Северный Кавказ, Волховстрой и др.

Ответ: Гений Сталина решил для полного разгрома нацистов вовлечь их армии вглубь страны. Запомните и поймите, что это был тот же маневр, которым Кутузов завлек в Россию Наполеона. Тот вошел глубоко в Россию и погиб.

И так далее, в том же духе. Только один офицер сказал: "Война с финнами была империалистическая, и многим за нее стыдно. Сражались финны героически. Наши потери были свыше ста тысяч. Войну вели плохо, не смотря на наши ресурсы".

Я никогда не спрашивал, почему в 1941 году сдавались целые корпуса без настоящего боя, как могли немцы взять в плен под Вязьмой свыше ста пятидесяти тысяч солдат и офицеров Красной армии без серьезных потерь. Почему было взято в плен свыше трех миллионов бойцов. И почему позднее почти никто не сдавался в плен. Почему сотни тысяч пленных красноармейцев пошли на зов советского генерала, одевшего немецкую форму с отличительным русским значком — речь о Власове. Не посмел спросить, почему в 1941 году не попытались брататься с немецкими солдатами, как делали в 1917-ом, после революции. Можно ли больше гордиться победой, чем героизмом своих солдат. Население России вдвое больше населения Германии, война шла на одном фронте, в то время как немецкие войска были разбросаны по Норвегии, Дании, Балканскому полуострову, северу Франции, Африке и т. д. В СССР шел поток военного снаряжения и продовольствия через Мурманск и через Персию. Германию бомбили англичане, французы и американцы. Наконец, произошла высадка союзников в Нормандии. С военной точки зрения гордиться особенно нечем, хотя радоваться победе и скорбеть о потерях естественно, особенно, когда эти потери равны 20 миллионам жизней. Однако, на мой взгляд, нет ничего хуже для памяти погибших в боях и особенно для памяти героически погибших, чем ложь и мифы. Ложь рано или поздно открывается, и люди теряют репутацию героев, хотя они и на самом деле честно сражались и погибли смертью храбрых.

И сколько же мифов создали в СССР бодрые очеркисты! Миф о Панфиловцах, миф о запланированном отступлении, миф о лучшей в мире авиации в 1940—41 годах, миф о геройстве населения в боях июля-октября 1941 года, миф об успехах Красного флота и т. д. Правда же заключается в том, что пока многие и многие в СССР думали, что Гитлер воюет против режима, что пленных будут содержать по-человечески, что русских не будут унижать, — армия, в лице чуть ли не двух третей ее состава, не хотела воевать, видя к тому же бестолочь, плохое командование и просто бегство как штатского начальства, так и военных командиров.

Прежде всего, очерками, рассказами и корреспонденциями с фронта в 1941 году стремились влить бодрость в солдат и в штатских, в "братьев и сестер", по неожиданному выражению Сталина, а не в "товарищей". Из бодрых рассказов вспомним два наиболее типичных: Н. Тихонова и

В. Шишкова.⁵ Вот, кратко, содержание первого: опытный, храбрый и хладнокровный машинист ведет длинный поезд, на который нападает немецкий истребитель. Но машинист ловко то замедляет ход поезда, то мчится вовсю, и немецкий летчик ни бомбами, ни пулеметным огнем ничего не может сделать с поездом. Кончается очерк тем, что расстреляв все боеприпасы, истребитель становится беспомощным, а русский поезд могуче и смело "раздавил уходящую тень самолета". Хладнокровие и умение победили злого фашиста.

В рассказе "Гордая фамилия" Шишкова речь идет о простом русском солдате по фамилии Суворов.⁶ Он чувствовал, что своими поступками на фронте обязан оправдать славное имя героя ХУ111 века. В боях солдат Суворов смел и находчив. Но вот он ранен, лежит один на поле боя. Внезапно к раненому приближается тень, призрак великого полководца, и даже говорит: Ты ранен, русский воин..." (Не следует удивляться призракам у советских писателей-атеистов в моменты испытаний. Н. Хрущев нашел старую коммунистку, которая в нужный момент заявила на партийном съезде, что во сне ей явился Ленин и сказал, что не хочет быть в мавзолее со Сталиным.) Герой, к которому подошла тень полководца, потрясен и счастлив, и возвращается к жизни.

Во время войны открыли в России церкви, учредили ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова и т. д. Наконец, вернулись и к погонам образца Русской империи. "Само слово Р о с с и я получило ну вроде бы своеобразную реабилитацию" (см. В. Солоухин. "С лирических позиций", Москва, 1965, стр. 168).

В другом патриотическом ключе писал М. Шолохов Кое-где в романе "Они сражались за родину" звучат и нотки критицизма, осуждения армии населением. Один из героев романа, весельчак Лопухин, идет во время отступления к какой-то хате попросить у старушки-хозяйки соли и ведро сварить раков. Но хозяйка сердито сказала: "Соли вам захотелось? Чтоб вас на том свете солили да не пересаливали! Не дам! Ступай отсюда". Багровый от стыда и злости Лопухин выслушал гневные слова старухи, а когда она помянула медаль, и он огрызнулся на нее: "Она тебя не касается". "Старуха, наклонившаяся было над рассыпанными кизяками, снова выпрямилась, и черные глаза ее вспыхнули молодо и зло. — Меня, сокол ты мой, все касается. Я до старости на работе хрип тянула, все налоги выплачивала и помогала власти не за тем, чтобы вы сейчас бегали, как оглашенные, и оставляли бы все на разор да на поруху..." Далее она же говорит, что на войне уже потеряла одного сына, а три других и зять на фронте. Приди они сейчас к ней, как Лопухин, она бы их, говорит, и во двор не пустила, "благословила бы палкой через лоб да сказала своим материнским словом: "Взялись воевать, так воюйте, окаянные, как следует, не таскайте за собой супротивника через всю державу, не срамите перед людьми свою старуху-мать!" После своей филиппики старуха отошла и дала Лопухину и соли, и ведро — варить раков.

Когда в другом месте романа Лопехин радуется теплу, солнцу, тому, что еще жив, его приятель Николай возражает, что ни на миг не может быть легкомысленного отношения к войне. "Для меня, — говорит Николай, — ясно, что произошла катастрофа. Размеров этой катастрофы мы с тобой не знаем, но кое о чем можем догадываться. Идем мы уже пятый день, скоро уже Дон, а потом — Сталинград... Ясное дело, что фронт наш прорван на широком участке. Немцы висят на хвосте, только вчера оторвались от них, а когда упремся — неизвестно". Герои рассуждают, что солдату-де легче, чем маршалу или командиру армии, кого, может, спрашивает по телефону сам Сталин, почему тот отступает и как мог проиграть сражение. Во всем этом есть доля правды, но и приукрашенность, и даже неестественность, например, в речах старухи. Роман писался уже после победы под Сталинградом. Солдаты — скромные герои, спартанки матери — героини, которые, потеряв одного сына, грозятся выгнать остальных, если зайдут к ним, отступая.

В таком же духе писал и А. Толстой. Возьмем как пример его рассказ "Русский характер". Время написания рассказа сходится с официальным прославлением русскости во время войны под давлением обстоятельств и по приказу Сталина. Цель рассказа А. Толстого — возвеличить, прославить русский национальный характер, доведя его до неправдоподобного совершенства: тут и любовь сыновняя, и материнская, и верность долгу, и доброта, и скромность, и чистота помыслов, и русское величие души. В России было и есть много замечательных людей, прекрасных характеров, но от рассказа веет надуманностью, слащавостью и фальшью.

Вот начало рассказа: " 'Русский характер' — для небольшого рассказа название слишком многозначительное. Что поделаешь, мне именно и хочется поговорить с вами о русском характере. — Русский характер! Подика опиши его... Рассказывать ли о героических подвигах? Но их столько, что растеряешься — который предпочесть... На войне, вертеться постоянно около смерти, люди становятся лучше, всякая чепуха с них слезает, и остается в человеке — ядро..." Надо сказать, что обобщение это неверное. Одни люди на войне, действительно, становятся лучше, другие — гораздо хуже. В массах же война рождает озверение, потерю ряда моральных навыков. Стоит почитать о грабежах, которые начинались с приходом в другие страны Красной армии, например, в книге М. Джиласа. Война развращает и армию, и население.

Дальше в рассказе речь идет о красавце колхознике, добром, сильном и храбром танкисте. У него была невеста в родном селе на Волге. Егор Демов, статный "бог войны" — к тому же почтительный сын и верный жених, после героических подвигов, был тяжело ранен и сильно обожжен. После восьми месяцев в госпитале и нескольких пластических операций он стал неузнаваем. Егор поехал в отпуск домой к отцу с матерью, но не признался, что он их сын, сказал только, что он друг их сына, лейтенант

Громов, герой Советского Союза. Даже голос Егора изменился после операций, так что и мать его не опознала. И он рассказывал старикам об их сыне, то есть о себе самом. Тут есть и верные замечания, например, объяснения Егора, почему война скоро кончится: "Народ осерчал, через самую смерть перешли, теперь его не остановишь, немцу — капут".

Утром, собравшись уходить, Егор-Громов спрашивает о своей невесте Кате и просит передать ей поклон. Когда Катя, раскрасавица, вбежала в избу, "вся изба стала золотая". Но и Катя не узнала жениха, и он твердо решил уйти, не говоря правды. Однако мать вскоре написала ему письмо, в котором писала, что когда он ушел, ей все казалось, что это их Егор приезжал к ним, а не Громов, хотя отец не хотел верить, что родной сын не открылся бы им. Тогда Егор написал матери и признался во всем. И вскоре к нему в тыл приехали и мать, и невеста Катя. "Да, вот они русские характеры... человеческая красота".

Полна романтики и лакировки драма В. Лавренева⁷ "Песнь о черноморцах". В рассказах более позднего времени война и ее герои отражают уже веяния нового времени, но постоянно живет в них дух пропаганды. (Смотри, например, "Знаменосцы" Гончара, 1948). О войне и героизме солдат, офицеров и разведчиков читаем у М. Бубеннова.⁸ В первой части романа "Белая береза" (разумеется, символ России — "и жить будет, и расти будет") интересны два момента. Первый — как автор объясняет крупную неудачу, разгром части войск, а второй — жизнь разведчика, действующего в тылу противника. Поражение произошло по вине начальника, отсталого необразованного генерала, не усовершенствовавшего свое военное искусство со времен гражданской войны, на которой он отличился. Причина такого объяснения, по всей вероятности, кроется в необходимости оправдать расправу, аресты и казни среди командного состава армии перед самой войной, в 1937—1939 годах. Автор немедленно и получил Сталинскую премию. Интереснее рассказ про разведчика. До казни героя немцами, раскрывшими его тайну, никто не знал о том, что он член партии, даже партийцы, которые остались в городе. Это не вымысел Бубеннова. Чтобы следить за самими членами партии, оставшимися организовывать сопротивление захватчикам, оставляли, действительно тайно, особенно верного доносчика. О том, что он член партии, знали лишь в Москве, в Центре. Такой человек мог занимать и высокое, и очень низкое положение, но был "глазами и ушами" партии в тылу.

В литературе о войне нет правды о пленных (исключения составляют, пожалуй, только К. Леонов и А. Солженицын), о тех миллионах, которые, если не умерли с голоду в лагерях Германии, сразу по возвращении на родину оказывались в лагерях Сибири. Хорошо это описано в "Одном дне Ивана Денисовича". Шухов сам считает, что в лагерь он попал "за то, что в сорок первом году к войне не приготовились". Он был взят в плен, сумел убежать к своим, но по наивности не сказал, "что был в окружении",

а признался, что бежал из плена. Нормальному сознанию кажется, что тут хвалить и награждать надо, но нет! Так как многие в 1941 году сдавались в плен, то начальство не поверило Шухову. Он-де мог иметь тайное задание от немцев, он — малограмотный солдатик! Какое же задание? Ну, этого и сам военный следователь не мог придумать. "Дали ему десять лет. Тогда давали десятку, потом давали двадцать пять лет".

В рассказе "Случай на станции Кречетовка" Солженицын говорит как раз о времени тяжелых поражений Красной армии в 1941 году. Главный герой рассказа, верный сталинец, — помощник военного коменданта лейтенант Зотов. Он жил в недоумении и тоске: "...Потребность выть вслух была у Зотова от хода войны, до дикости непонятного. По сводкам Информбюро провести линию фронта было нельзя, можно было спорить, у кого Харьков, у кого Калуга... Почему же война так идет? Не только не было революции по всей Европе, не только мы не вторгались туда малой кровью⁹ и против любой комбинации агрессоров, но сошлось теперь — до каких же пор? Что б ни делал он днем, а ложась вечером, только и думал Зотов: до каких же пор?.. А не сдадут ли еще и Москву?.. А если до Урала?.. Вася Зотов преступлением считал в себе даже пробегание этих дрожащих мыслей. Это была хула, это было оскорбление всемогущему, всезнающему Отцу и Учителю... Но приезжали из Москвы железнодорожники, кто побывал там в середине октября, и рассказывали какие-то чудовищно-немыслимые вещи о бегстве заводских директоров, о разгроме где-то каких-то касс или магазинов". Зотов "совсем не хотел уцелеть с тех пор, как началась война. Его маленькая жизнь значила лишь — сколько он сможет помочь Революции... Он стыдился за свое положение тылового коменданта". Зотов увлекается статьями И. Эренбурга о войне и немцах, а вечерами упорно читает он "синенький толстенький том "Капитала" на шершавой рыжеватой бумаге тридцатых годов", да еще обучает военному делу мальчишек и инвалидов.

Война в этом рассказе показана с тыла, провозят бывших окруженцев, идут составы с эвакуированными, и женщины-железнодорожницы ведут с ними торговый обмен... И на этом фоне как-то нечаянно возникает и разворачивается трагедия актера-ополченца, которого Зотов, несмотря на сомнения и уколы совести, все же арестовывает как "белоэмигранта". В рассказе нет ни лжи, ни бодрости, а чувствуется драма всех людей, захваченных вихрем войны.

Самый бой, храбрость русских солдат и офицеров описаны у В. Гроссмана в "Народ бессмертен", в "В окопах Сталинграда" В. Некрасова. Суховатая, но сильная повесть К. Симонова¹⁰ "Дни и ночи", о боях за Сталинград, об огромных людских потерях. Трагизм фронтовой жизни найдем в сильных и правдивых вещах Ю. Бондарева (р. 1924): "Батальоны просят огня" (1957), "Последние залпы" (1959) и особенно роман "Тишина" (1962).

В литературной критике более десяти лет шло горячее обсуждение литературы о войне. Были тут прекомичные случаи, когда академик, философ А. Йоффе сперва хвалил книгу Некрича, а после решения партии ее осудить, признал свое мнение ошибкой.

По мнению Анонима, мощная волна литературных произведений более свободного дыхания появилась уже после смерти Сталина, около 1956—57 годов. Началось отталкивание от трафаретов. Война стала представляться как величайшее бедствие, в описании героев и будней войны приняты стали простота и точность деталей. Появились прямые обвинения в адрес Сталина. Аноним делит военную литературу на три периода: 1. 1941—45 гг. 2. Послевоенный (В. Некрасов, В. Панова, Э. Казакевич). 3. Новая проза, начавшаяся в 1957 году. Я бы прибавил и крутой поворот к сталинизму, т. е. 4. Период после 1965 г. и до нашего времени, т. е. до 1973 года. О первых двух периодах, т. е. до 1957 года, писатель Василь Быков сказал, что это литературные произведения “благополучно-героических штампов”, а было и “открытое искажение истории войны”. Первыми после 1957 года появились “Судьба человека” М. Шолохова, “Девять дней” Г. Бакланова и т. д. — до “Убиты под Москвой” Воробьева. Эти вещи сразу вызвали отпор сталинистов (см. ж-л “Москва” 1958, № 7, статья М. Шкерина). Но другие критики отмечали прежде всего *правдивость* и достоверность новых произведений, их “сосредоточенное внимание к проблемам этики и гражданского долга”. В спорах критиков особенно остро встали *проблемы правды* и героя. Началось отталкивание “от фальши, ходульности и лакировки” (Аноним, стр. 135). В основе правдива повесть В. Быкова “Третья ракета”. В. Быков заметил: “Всякое умолчание само по себе порочно, хотя бы потому, что соседствует с ложью”. Правда рассматривалась и как проблема литературного жанра, и как проблема психологии творчества, и как социально-историческая или чисто нравственно-философская проблема. Чьими глазами обязан смотреть писатель? Для правдивости картины, описаний нужна ли и “необходима ли широта охвата?” Может ли, должен ли пишущий разделять правду войны на “большую правду истории” и маленькую “окопную правду?” Была война прежде всего трагедией или подвигом нации? Г. Бакланов писал, что до 1953 года (год смерти Сталина) “все, что полагалось знать людям... было кратко сформулировано и заучивалось: временно действующие факторы... постоянно действующие факторы... заманивание противника вглубь территории” и т. п. Было много плохого сочинительства.

На это сейчас же настороженные “оптимисты” сталинского толка возопили, что правда слишком горька, ибо это не большая Правда, а только “малая”, она не видит победоносно-радостного, главного. И. Козлов считал, что “Вся правда — глубокая, большая, *партийная* — в том, что не-

смотря на нашу обидно недостаточную подготовленность к войне, на огромные и, казалось, невосполнимые потери, на позорное появление в нашей среде маловеров,¹¹ паникеров и прямых изменников, — несмотря на все это, мы продолжали борьбу, обретали умение, кристаллизовали мужество и через поражение шли не к краху, а к победе!” Бывало и так, что критики обвиняли правдивого писателя в *натурализме*, а равно в забвении основ “социалистического реализма”. Так протестовали И. Козлов и др. и против картин “ужасов боя” в повести Г. Бакланова “Пядь земли”. Другие критики обрушивались на “малую окопную правду” и забывали о главном в художественной литературе — мастерстве, умении изобразить жизнь и психологию людей. Они требовали, чтобы война 1941—1945 гг. не была похожа на любую войну, а была “великой освободительной войной”. Аноним справедливо подчеркивает: “Итак — человек на войне, во всей полноте своей внутренней жизни, перед лицом проблем, которые и сегодня нас волнуют (порою даже больше, чем вчера) — таково вкратце основное содержание лучших современных книг о войне, такова та правда, которую зыскательные наши критики именуют “малой”. “Большая же правда” о войне, по мнению партийных критиков, состоит в показывании “великого патриотического подвига народа”.

Эта проблема “вообще довольно характерна для определенной части нашей критики, — пишет Аноним, — и занимает важное место в современных спорах о реализме, о проблемах романа... Лозунг “большой” правды, “правды века” и т. п. превращался в умелых руках в оружие борьбы против тех произведений, где вместо иллюстрирования готовых истин читателю предлагалась картина живой действительности, со всей ее реальной сложностью и противоречиями (вспомним хотя бы полемику вокруг таких вещей, как “Один день Ивана Денисовича”, “Матренин двор”, “Теркин на том свете”, “На Иртыше”, “Жестокость”, деревенские очерки Ф. Абрамова, А. Яшина, Е. Дороша и др.)”.

Говоря о героике войны, Аноним, как редко кто в СССР, вспоминает и тех, “кто не по своей вине оказался за колючей проволокой немецких концлагерей”.

Как бы подводя итог, Василь Быков¹² пишет, что в центре внимания писателя должна быть не история героики, а нравственные и психологические факторы, определяющие поведение и жизнь человека как личности, со всем сложным комплексом переживаний.

По мнению Анонима (см. стр. 158), во время войны в русских людях возросло самосознание и стало основой для роста этического чувства, более чуткого, чем раньше. “Пройдя нелегкую школу послевоенного отрезвления и утраты иллюзий, человек стал осознавать себя не только частью народа, не только маленьким винтиком огромной машины, но и самостоятельной личностью, со своими интересами, требованиями, взглядами”.

Упомянутая уже поэтесса Ю. Друнина требует от художников "подготовки молодых сердец и умов к тем великим испытаниям, которые, может быть, выпадут на долю нашего народа..." и вспоминает, что именно эти литературные персонажи: "светловская¹³ девушка в походной шинели", отчаянный легендарный комдив (Чапаев), суровый неистовый Павка Корчагин — привели нас в 1941 году в райкомы и военкоматы с требованием отправить на фронт". На это Аноним замечает, что теперь, в шестидесятые годы, на месте Корчагина Н. Островского оказался герой из романа В. Аксенова "Звездный билет", на месте "Каховки" — песни Окуджавы и т. д. Все изменилось. И он с насмешкой вспоминает статью Н. Погодина¹⁴ "Герой нашего времени": "Совершенно идеальный герой... Только нужен ли он кому-нибудь, кроме его создателя?.. Значительная часть нашей критики занята понуканиями, упреками, "сочинением" героя, занята не тем, что есть, а тем, что, по ее мнению, должно быть в литературе..."

Военные темы живы в русской литературе и сейчас, но до сих пор — при отсутствии свободы творчества, при узости мировоззрения у многих авторов. Правда искусства еще не восторжествовала над догмой, над принуждением и слепотой.

О НОВОМ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ — В. ДУДИНЦЕВ и А. СОЛЖЕНИЦЫН

В. ДУДИНЦЕВ

Историю Владимира Дудинцева (р. 1918) можно было бы назвать трагедией истинного соцреализма. Все, как казалось, должно было благоприствать творчеству этого писателя, ровесника А. Солженицына. Он родился после революции, получил вполне советское воспитание, но не был слепо предан идеям партии, хотя и окончил в 1940 году юридический факультет московского университета.

К началу войны он был уже в армии, храбро сражался, был ранен под Ленинградом. Как юрист и военный работал в военной прокуратуре Сибири. Рано выявились и его писательские способности — начал печататься с 1933 года (первые его стихи вышли еще в 1931 году). В 1952 г. издал сборник рассказов "У семи богатырей". Никаких особых новшеств в сюжете, стиле, философии он не показывал, был довольно типичным, талантливым автором патриотической литературы по партийной указке. Правила же этой литературы известны: можно говорить об ошибках отдельных работников, о головоуныистве, глупости мелких сошек. Неудачи, прорывы на производстве тоже можно описать, но тут же показать, как их умно, быстро, толково и честно исправил появившийся партийный руководитель. Нельзя говорить о бедности среднего рабочего, о покупной способности денег, описывать скудную еду средней советской семьи, говорить не о "случайной" очереди, а о постоянных очередях перед магазинами. Надо непрестанно повторять заветы Ленина и ярко описывать неизмеримо худшую жизнь капиталистического Запада...

В. Дудинцев эти правила внезапно, уже в зрелые годы, нарушил, написав свой ставший знаменитым роман "Не хлебом единым" (1956). Роман был как гром с ясного неба в "счастливой, передовой коммунистической стране". С помощью "Нового мира" Дудинцев первым поднял в советской литературе тему критической оценки действительности. Вот почему значение его романа совершенно исключительно. И даже не важно, что потом его принудили согнуться, оправдываться, даже и по радио...

На роман откликнулись все. К. Паустовский назвал Дудинцева "человеком большой храбрости и честности". Верный режиму К. Федин написал, что в романе "борьба идет не с литературой, а со всей нашей страной".

Белорусский писатель М. Бажан намекал на Дудинцева: “Среди нашей интеллигенции нашлись, к сожалению, неустойчивые люди, которые решили в панике, что нужна переоценка всех ценностей, полная смена вех. Неправильно ставился вопрос о личности Сталина”. А творец гимна СССР, легко менявший его текст на радость шутникам (в новой редакции, принятой после XX съезда, имя Сталина везде заменено словом “партия”), пугливо отмечал “поток произведений, вызывающих недоумение и тревогу. Авторы, скажем, такие, как А. Яшин или В. Дудинцев, метя в противника, попадают в своих”. Еще прямее писал П. Бровка: “Роман Дудинцева — явление отрицательное”, или Е. Поповкин: “Такие книги (“Не хлебом единым”) — Р. П.) нам мешают и помогают нашим врагам”. Журнал “Советская культура” и “Литературная газета” заявили, что Дудинцев, Яшин, Гранин — “группочка, стоящая на позициях нигилизма и ревизионизма. Идет же борьба за партийное формирование литературного процесса. Это борьба за души людей... (очевидно, намек на слова Сталина, что “писатели — инженеры человеческих душ” — Р. П.). Коммунисты относятся непримиримо к попыткам ревизовать линию партии в литературе”.

Русская пословица гласит: “правда глаза колет”. Вот почему и напали партийцы на В. Дудинцева за его обличение строя самой жизни в СССР.

Итак, в чем же конкретно обвиняли Дудинцева? Автор забыл о всемогущей и непогрешимой партии, не показал ее коллективную и положительную роль в борьбе за будущее. Он слишком подчеркнул и преувеличил трудности на пути одиночки-изобретателя, борющегося за свое изобретение. Он получился героем, борющимся со всеми официальными лицами, косными и равнодушными. В романе опасно возвеличен индивидуализм. Дудинцев не показал побед партии над временными трудностями. Автор претендует на писательскую свободу, если она даже идет вразрез с намерениями партии. Его реализм опасен, его герои — еретики.

Заграничная русская критика в основном приветствовала роман, но часто не умела оценить все его значение в СССР. Говорилось даже, что “тема избитая”, “искусственно приподнятый тон”, “роман, не блистающий художественными достоинствами”. В. Александрова (Шварц) в статье в “Новом русско слове”, а потом в книге “Истори советской литературы” (1964) повторила несусветное: “Ни хлебом единым” — слова Иисуса Христа в ответ на угрозу (sic!), дьявола, обещающего превратить хлеб в камни (sic!), если Иисус попытается бороться против него”. Но были и серьезные отзывы о большой теме, превосходно проведенной через весь роман, — “подлинно художественное произведение, доказывающее наличие двух России”. Или: “Этика романа — Вера, Надежда, Любовь... Жизнь, озаренная идеалом высшей справедливости” и т. п.

В романе много стилистических удач. В Сибири, в степи на горизонте появляются дымы завода: “за далекой снежной линией, как за морским горизонтом, словно бы шла эскадра”. Или: “Облачные эшелоны нахмури-

рились, вытянулись один за другим и под музыку алых и лиловых красок ушли на ночь в свою казарму, очистив зеленоватые разводья". Или еще: "...Захватил нижнюю часть лица громадной крапчатой рукой, мясистой и сморщенной, как старая жаба". Описывая образно гибель Дизеля, автор находит удивительно точное сравнение: "Его словно столкнули на ходу в ночной океан, и богато иллюминированный корабль, полный жизни, дыша теплом человеческих страстей, пронесся мимо него". Когда же партийный суд сталинистов осудил самоотверженного изобретателя Лопаткина, он попросту "исчез с горизонта" — намек на то, что героя сослали или посадили.

Правдиво и детально описал Дудинцев жизнь среднего человека в СССР пятидесятых годов, несправедливость дележки земных благ, формирование новой касты, отделенной партийными привилегиями от народа. Описал Дудинцев ужас и одиночество честного человека, вздумавшего противостоять партии. Об этом же написал, и тоже в 1956 году, смелый поэт И. Хабаров:

Чтоб руками неживыми
Оглушить меня навек,
Чтоб забыл я вместе с ними
То, что был я человек.
Что тут крики бесполезны,
Не видать вокруг ни зги.
Люди страшные, железные,
Неподвижные мозги.
Выхожу один навстречу
Их бесчисленным рядам...

У Дудинцева описан профессор, который ходит в обносках, и партиец, покупающей жене шубу за 22 000 рублей. Люди на улице незаметно подбирают невиданную экзотику — апельсиновые корки, выброшенные из окна машины женой партийца. Долголетние рабочие завода, слесари, пьют за завтраком мутный морковный чай — настоящего нет. А партиец посылает шофера на должностной машине "за сметаной посвежее" и т. д. Словом, как говорится в "Скотском хуторе" Орвелла, — после революции все стали равны, но все же некоторые "немного более равны, чем другие". Дудинцев приводит даже цены и суммы зарплат. Зарботок среднего рабочего в 1956 году — около 450 рублей, дешевые ботинки стоят 300 рублей, галоши — 40. Кровельщик, у которого жена и ребенок, получает 400 руб. Дудинцев не сгущает краски. В 1957 году корреспондент-коммунист описал в "Литературной газете" состояние нескольких научно-исследовательских институтов близ подмосковной станции "Плущиха": ВИМ, ГОСНИТИ, ВИЭС... Под чертежными досками "всячески изогнувшись и скорчившись, расположились служащие. Важной аппаратуры нет. Корреспондент, видя "горькую неудобь", начинает "издеваться над трудом впустую".

Вопрос помещений, квартир (по-советски — жилплощади) тоже остро поставлен в романе Дудинцева. Ноев ковчег коммунальной квартиры, 10 кнопок звонков на входной двери. Школьная учительница в своей единственной комнате сдает угол постояльцу.

Возмущает автора романа повсеместная грубость, особенно в суде, где главное “быстрота и оперативность... без уступок и поблажек”. В милиции бьют “без синяков”, умело, чтобы не оставлять следов.

Всюду действует “круговая порука... бюрократическая крепость”. Цель всех чиновников, до замминистров включительно — “удержаться в кресле и продолжать обогащаться”. (Не сказала ли писательница Г. Николаева в своем романе “Битва в пути”: “Мы делаем недостойных образцом для миллионов”.)

Сила романа “Не хлебом единым” была в концентрации всего горького бытия среднего советского человека, со всем комплексом проблем. Счастливого конца в романе не было, хотя Лопаткину и удалось “пробить” свое изобретение.

Название романа взято из Евангелия, что уже само по себе было вызовом. В Евангелии от Луки, гл. 4 читаем: “...Там сорок дней Он был искушаем от диавола, и ничего не ел в эти дни. А по прошествии их, напоследок взалкал. И сказал Ему диавол: если ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом единым будет жить человек, а всяким словом Божиим...” Герой романа Лопаткин замечает: “Для того, чтобы просто жить, нужен хлеб. Но как бы я ни был голоден, я всегда променял бы свой хлеб на искру веры”. Коммунизм Лопаткина есть идеальный альтруизм. Он не поминает ни Маркса, ни Ленина, а утверждает: “... В мещанский коммунизм я никогда не верил... Я сразу понял, что коммунизм — это не придуманная философами постройка, а сила, которая существует очень давно и которая исподволь готовит кадры для будущего общества. Она уже вошла в меня”. Это очень знаменательные слова о некоем духе, что существует давно вне всяких философских систем и может просто “войти в человека”. И человек, в которого такой коммунизм “вошел”, не хочет ничего получать, а просит только, чтобы он “мог беспрепятственно отдавать”. Разве не по словам Христа — “Блаженней давать, чем брать?” Противник Лопаткина, властный карьерист Дроздов — “твердой души прохвост”, — поддразнивая жену, спрашивает ее: “или ты хочешь, чтобы я по-христиански?”

Все это было, конечно, неприемлемо для тоталитарного, атеистического режима. Вот почему писатель Константин Симонов говорил, что Дудинцев замахнулся на самую систему коммунизма в СССР, а “к полному коммунизму есть только один путь — через диктатуру пролетариата, *со всеми вытекающими отсюда последствиями*”. На это отвечает в романе герой: “Вы понимаете, какая беда! Мыслитель не может не мыслить”.

В романе, и кроме названия, недопустимо много, по советским стандартам, прямых или зашифрованных цитат из Евангелий — от Луки, от

Матфея, из Деяний Апостолов, Апостольских посланий, Экклезиаста. И трогательны, например, строчки о Лопаткине-победителе, в конце концов создавшем изобретенную им машину: "Вдруг в мире наступила тишина. Он миновал грохочущие пороги, и теперь ему надлежало, сняв шапку, креститься на тихую текучую воду, на тихие и безмолвные осенние леса... И что-то в нем произошло от этого бесконечного мелькания струй и опасных камней, от постоянной заботы о плоте, на котором он плыл, от той бесконечной дороги, по которой он шел". Необыкновенен и путь самого Дудинцева, комсомольца, выросшего и воспитанного в СССР. Он пришел к великой и простой истине Евангелия, к свободе духа через очищающее страдание и сострадание к бедным и обездоленным. Герой его романа, под впечатлением концерта Рахманинова, думает: "Человек рожден не для того, чтобы во имя жирной еды и благополучия терпеть унижение, лгать и предавать... Человек должен быть кометой и ярко, радостно светить, не боясь того, что сгорает драгоценный живой материал".

На пленуме Союза писателей Дудинцев сказал: "Я помню первые дни Отечественной войны. Лежу в окопе, и надо мной идет воздушный бой: Мессершмиты сбивают наши самолеты, которых значительно больше. В ту минуту во мне началась какая-то ломка, потому что я до той поры все время слышал, что наша авиация летает лучше всех и быстрее всех". Война раскрыла глаза очень многим на правду, обнажив ложь пропаганды, вскрыла печальную истину.

Через несколько лет после романа "Не хлебом единым" Дудинцев написал "Новогоднюю сказку" (1960)¹⁵. Газета "Московский комсомолец" сразу обвинила Дудинцева в "серьезных идейных просчетах, в написании сказки с тех идейных позиций, что и роман "Не хлебом единым". "Литературная газета" подчеркнула, что "Новогодняя сказка" ставит ряд "недоуменных вопросов" перед читателем. Заграничная пресса высоко оценила сказку. Гаррисон Солсбери даже считал, что "симпозиум бандитов и воров" — намек на компартию, а в письме "пахана" он увидел намек на речь Хрущева о Сталине на XX съезде партии. Это нам несколько сомнительно, но "Новогодняя сказка" — вещь, конечно, символическая и сатирическая, написанная с большим мастерством и едкой иронией.

Бандит-"пахан" и его двойник — автор внезапно видят правду. Пахан во всю свою жизнь не имел таких "вещей" как человеческая дружба и "истинная любовь". Хороша в сказке женщина, "ослепшая от любви". Действие сказки происходит на фантастической планете, у которой одна сторона никогда не освещается солнечным светом, но часы на ней идут "по сигналам Московского времени". В сказке очень много рассуждений о времени, в ней выступает и таинственная сова — символ времени, но ее немногие могут видеть. Главные же проблемы, обсуждаемые автором, как и прежде, — проблемы этические и нравственные. Очень знаменательно, что однажды в разговоре с немецким писателем Гердом Ругэ Дудинцев

вспомнил слова Канта: “Самое удивительное в мире — это звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас”.

Последний сборник Дудинцева “Рассказы” ничего нового не дает. Но огромное значение в истории советской литературы романа “Не хлебом единым” и “Новогодней сказки” несомненно. Они открывают новую эпоху, эпоху борьбы интеллигенции в СССР за свободу слова, за человеческое достоинство, за гражданские права и за право на Веру.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Александр Солженицын (р. 1918) — и как личность и как писатель — единственный в своем роде во всей советской литературе. Почти все советские писатели недоговаривают или проговариваются, а потом каются, в лучшем случае молчат или “пишут в стол”. Солженицын был первым, кто открыто “пошел на Вы”, писал то, что думал, пытался опубликовать это на родине, за свои писания шел в тюрьму... Это человек огромного своеобразного таланта и необычайного мужества.¹⁶ С русской земли, пока на ней будут говорить по-русски, не уйдет сумрачная, трагическая тень писателя. Как и обо всем, о своем отношении к России, писатель сказал с предельной ясностью: “Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только ее боль я слышу, только о ней пишу”.

Александр Солженицын родился через несколько месяцев после гибели своего отца, ушедшего добровольцем на первую мировую войну. Он участвовал в походе в Восточную Пруссию, описанном потом писателем в романе “Август четырнадцатого”. Детство писателя было нищим, не только потому, что все в СССР были бедны, но и из-за “сомнительного непролетарского происхождения” матери и погибшего отца. Его военные ордена мать постоянно прятала. В 1941 Солженицын, как и отец, ушел на фронт, тоже стал офицером-артиллеристом и получил боевые награды. Но незадолго до конца войны он был арестован за несколько строк в его частном письме к другу, в которых он осуждал Сталина. За эту критику боевой офицер и кавалер орденов был осужден, получил огромный срок и был отправлен в лагерь. Мать Солженицына, зачахла от горя и начавшегося туберкулеза и умерла в 1949 году, так и не дождавшись сына с каторги.

В заключении Александр Солженицын начал писать. Он писал на маленьких листках бумаги и тщательно прятал их от охраны. С помощью других заключенных ему удалось переправить свои записи на волю. После смерти Сталина начали выпускать политических заключенных, в первую очередь боевых офицеров. Выйдя в 1953 году на свободу, Солженицын завершает работу, начатую в лагере.

На произведения Солженицына (так же как и на роман Дудинцева) откликнулись все, причем как на изданные, так и на неизданные — романы Солженицына так никогда и не были опубликованы в СССР. Вениамин Каверин сказал “о необыкновенных высотах вполочения прошлого у Солженицына, о внутренней свободе и могучем стремлении к правде... Поставить людей разных профессий, разного уровня образования, разной степени тонкости лицом к лицу со смертью — это задача огромная, больше, чем в ‘Смерти Ивана Ильича’ ”. (Это о “Раковом корпусе”). Поэтесса Б. Ахмадулина воскликнула: “Прекрасный человек! Помолимся Господу Богу, чтобы он дал здоровья Александру Солженицыну!”. Г. Березко заявил, что “повесть (“Один день Ивана Денисовича”) производит оглушительное впечатление — вещь необычайной художественной силы...”. Михаил Шолохов утверждал: “Сумасшедший. Не писатель. Антисоветский клеветник...” Поэт А. Сурков яснее всех объяснил причину нападков на Солженицына таких писателей, как Корнейчук, Кожевников и он сам: “Произведения Солженицына для нас опасней Пастернака. Пастернак был человек, оторванный от жизни, а Солженицын — с живым, боевым, идейным темпераментом, это идейный человек”. “Раковый корпус”, после долгих и бурных обсуждений, был запрещен.¹⁷

Почему напечатали “Один день Ивана Денисовича”? Н. Хрущев в то время боролся со сталинистами, и ему нужна была опора в литературе. Когда “Новый мир”, после личного разрешения Хрущева, напечатал эту повесть, началась бешеная полемика.¹⁸ Мнения читателей тоже разделились. Вот две-три характерных выдержки из писем: “Целую Ваши золотые руки. Спасибо за правдивость”; “В горле сдавило от предельной силы, от человечности, от гениального совершенства, от бесконечной толстовской глубины...”; “Это настоящая жизнь, такая боль, что, кажется, остановится сердце...” Среди упреков людей, усмотревших в повести критику режима, особенно часто было возмущение по поводу презрения, выраженного Солженицыным к “стукачам” и “стукачеству”, т. е. доносу. Видимо, слишком многие в стране сами доносили на своих коллег или соседей, относясь к этому не как к подлости, но как к выражению лояльности по отношению к власти и режиму. Недаром советская мораль, в противоположность общечеловеческой морали, сделала революционным героем деревенского мальчика Павлика Морозова, который донес на своего отца, припрятавшего от конфискации зерно.

Первый роман Солженицына “Раковый корпус” во многом автобиографичен. Его герой, Олег Костоготов, как и автор, был арестован прямо на фронте: “Воевали и как-то ожидали после войны чего-то другого... И вот девчонок замели вместе с нами... Одна из наших девушек покончила с собой... Еще одна жива. Трех ребят уже нет. Про двоих не знаю”... По дороге в лагерь заключенных девушек насилуют урки (уголовники), а в лагерях их водят голыми в баню, и тут выбирают себе наложниц нарядчики да охрана. Брали военных сотнями — “полярного летчика известного...

его именем так и продолжал называться остров в Ледовитом океане, а сам он сидел". Одним из самых интересных образов в романе, бесспорно, является фигура высокопоставленного партийца Русанова, в силу обстоятельств попавшего в обычную больницу и оказавшийся перед лицом смерти среди беспартийных, непривилегированных граждан. Пожалуй, это первый случай в советской литературе, когда партийная элита показана со всеми ее отрицательными качествами и в принципе противопоставлена нормальному человеку, с душой и совестью.

В "Круге первом" описана "шарашка" — тюрьма, где работали арестованные ученые и инженеры. Главный, так сказать, нерв романа — скрытый поединок между заключенными интеллектуалами и их опытными и умелыми тюремщиками. Последние используют все возможные способы давления, чтобы заставить ученых работать над проектами для тайной полиции — МГБ, вплоть до отсылки строптивых обратно в лагеря, на верную смерть. В описании реакции ученых и техников мы видим весь спектр человеческого поведения — от самоутешения и самообмана, слабости и отчаяния, до редкостных проявлений силы воли, мужества и готовности умереть, но не предать свои принципы. В романе есть ярчайшие трагикомические страницы, из которых выделяется глава "Улыбка Будды", о посещении тюрьмы политзаключенных Элеонорой Рузвельт. Поистине смех и слезы вызывает история о том, как обводят советские тюремщики наивную даму из Америки. Перед ее приходом заключенных моют, кормят, одевают в пижамы, хорошо освещают свежепокрашенную камеру. На стол кладут Евангелие и папиросы (которые трогать, под страхом сурового наказания, не велят), готовят специальный обед. И даже в угол ставят маленькую статуэтку Будды, как бы для заключенных-буддистов. Политзаключенных представляют первой леди Америки как преступников, убийц, пособников нацистов. И наша американка дивится прекрасным условиям, в которых содержат в гуманной советской тюрьме таких страшных людей. Кстати, о так называемой "показухе"¹⁹ в Советском Союзе можно найти сведения и в других книгах, написанных невозвращенцами или эмигрантами.

Очень интересен в романе образ приятеля главного героя, Нержина, — Льва Рубина. Это тип по-своему честного фанатика-коммуниста. Невинно осужденный, как и все вокруг него, он все еще хочет помочь партии, объяснить ошибки, укрепить идейную преданность заключенных — членов партии.

В своих произведениях, и особенно, конечно, в "Архипелаге ГУЛАГ", Солженицын попирает все табу советской литературы: он описывает лагерь смерти, говорит о причинах неудач в начале войны, сообщает все, что знает, о сталинском терроре; он касается веры и религии; он раскрывает тайные привилегии партийной элиты, включая "закрытые распределители" и роскошные специализированные больницы. Он пишет открытое письмо Съезду писателей по поводу злоупотреблений цензуры; он пись-

менно выступил в защиту биолога Жореса Медведева, отправленного в психиатрическую лечебницу за переписку с западными учеными, и говорит смелое слово на могиле затравленного поэта и редактора "Нового мира" А. Твардовского.

Будучи человеком глубоко верующим, А. Солженицын обратился к Патриарху с открытым письмом, в котором упрекнул Московскую патриархию в полном попустительстве властям в их гонениях на священников и на Церковь... Трогательна молитва писателя в конце его романа "Август четырнадцатого", где он, кстати, замечает, что писать слово Бог с маленькой буквы "есть дешевая атеистическая мелочность, мелкость... На это унижение я уже не могу пригнуться". И нам хочется верить словам молитвы писателя о том, что "Господь позаботится, и не все пути для Добра будут закрыты".

Творчество Солженицына – особый этап в развитии всей русской литературы.²⁰ В его произведениях уравновешены современное и вечное, этика и вера, нравственное и эмоциональные отношения к жизни...

Л. Толстой когда-то заметил, что все наиболее выдающиеся крупные произведения русской литературы не подходят в точности под определение романа. Мы полагаем, что именно это можно сказать и про крупные произведения Александра Солженицына. Главное в них не фабула, не любовная история, не приключение, даже не страдание героя, а та живая и узнаваемая картина современной ему жизни, которая обещает остаться на века портретом эпохи.

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ПРОЗАИКИ И ПОЭТЫ:

**В. НЕКРАСОВ, Ю. НАГИБИН, Ю. КАЗАКОВ, В. АКСЕНОВ,
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, Е. ЕВТУШЕНКО, Б. АХМАДУЛИНА**

В. НЕКРАСОВ

Виктор Некрасов (р. 1911), писатель, драматург, очеркист и публицист, родился в семье киевского врача. В детстве, еще до начала первой мировой войны жил с матерью и теткой в Париже. В 1936 году окончил архитектурное отделение Киевского строительного института, учился и в театральной студии и одно время был актером. В молодости Некрасов много путешествовал по России — побывал даже на Дальнем Востоке. Во время второй мировой войны он служил в саперном батальоне, участвовал в Сталинградской битве. Был дважды ранен (второй раз летом 1944 г. под Люблином в Польше) и в 1945 г. демобилизован. Виктор Некрасов — человек широкого образования, чуткого сердца и горького жизненного опыта.

Есть в творчестве В. Некрасова черты, роднящие его с В. Пановой — и прежде всего, это способность стать “на зыбкую, засасывающую почву объективизма”. Его отличает почти полное отсутствие ложной патетики, внимание к мелочам быта, чувство горячего патриотизма и пронизательность в описаниях душевных переживаний героев. Его лучшая и самая знаменитая вещь, повесть “В окопах Сталинграда” (1946), полна точных наблюдений боевого офицера: “Я кидаю гранату наугад, вперед, во что-то чернеющее. Бросаюсь рывком... Ночной бой — самый сложный вид боя. Это бой одиночек. Боец здесь все... Нет кругозора. И пути назад нет”. Повесть пережила двойной взлет популярности. Второй — в шестидесятых годах, когда по ней был поставлен талантливый фильм. Думается, что эта повесть оказала благотворное влияние на творчество писателей Г. Бакланова¹ и Ю. Бондарева.² Она была удостоена Сталинской премии.

Из рассказов В. Некрасова о войне ценны “Сенька” и “Посвящается Хемингуэю”. Другие значительные произведения писателя — “В родном городе” (1954) и “Кира Георгиевна” (1961). Первая — о судьбе вернувшегося с войны раненого капитана Митясова и о трудности включиться в мирную жизнь. В СССР, как и на Западе, появилась после войны проблема потерянного поколения. Герой обнаруживает, что он потерял все — его жена Шура уже давно живет с другим, у него не стало ни семьи, ни дома. В чайной Митясов встречает другого такого же неудачника, Ерошика,

“человека без профессии”. Ерошик был летчиком и потерял на войне ногу, а кому нужен безногий летчик?! Живет он тем, что продает ночные туфли, сшитые инвалидами войны. Жизнь после войны оказалась лишена высокой и ясной цели: “На фронте, например, Николай знал, что он делает самое нужное и отдает все, что у него есть. И задача была ясна... А сейчас? Двадцать пять лет человеку, а что впереди? Топчись на одном месте и радуйся, что хоть что-то от прежнего осталось. И так всю жизнь?!”

Роман “В родном городе” вызвал жестокую полемику на страницах “Литературной газеты”³. Ю. Капусто оправдывала действия Митясова, который, защищая несправедливо уволенного старого профессора, дал пощечину декану факультета, и поддерживала его борьбу за справедливость, а Н. Панов напал на нее и на В. Некрасова.

В романе “Кира Георгиевна” героиня — молодая женщина, талантливый скульптор. Ее возлюбленный Вадим был без вины арестован и сослан в лагерь. Через двенадцать лет они пытаются восстановить прошлое, вернуть любовь, которая потерялась где-то на этапах, пересылках и в серых буднях советской жизни.

Одним из самых интересных произведений Некрасова, возможно, даже самым лучшим, являются его путевые очерки “По обе стороны океана” (1962). Честный писатель не скрывает, что во многом Запад превосходит СССР, что жизнь на Западе и свободнее, и разнообразнее. За эти очерки Некрасов был жестоко раскритикован партийной критикой.

Ю. НАГИБИН

Юрий Нагибин⁴ (р. 1920) напечатал первый рассказ двадцатилетним юношей. Хотя по возрасту Нагибин относится к среднему поколению писателей, по духу он ближе к молодым, послевоенным литераторам. На войне был корреспондентом газеты “Труд”, получил контузию, но остался на фронте. Самую характерную ноту в прозе Нагибина можно определить как печальный, даже пронзительный лиризм. И писатель остается верным этой ноте, что бы он ни описывал: войну, нищую деревню, любимую им охоту, природу, детей.

Первый его сборник, вышедший в 1944 году, включал военные рассказы и назывался “Большое сердце”. Второй сборник, “Москва” (1956), вышел уже после смерти Сталина, когда дышать стало полегче, и в него вошли два интересных и очень характерных для Нагибина рассказа: “Свет в окне” и “Хазарский орнамент”. Особенно запоминается последний.

Несколько охотников, изящных, грязных и мокрых, сходятся в избе мещерского охотника и рыболова и за ужином и выпивкой говорят о жиз-

ни края. Мещера находится километрах в 45-ти от Москвы, но дорог там практически нет. Рассказ и начинается с того, что один из гостей ругательно ругает дороги: "Это же черт знает что такое, а не дорога!.. И не стесняются на карте пометать!.. Сколько лишних мук терпит русский человек из-за проклятого бездорожья!.." Старик-хозяин рассказывает приездом, как дико живут его односельчане. Почти никто не то что в Москве, а и в Рязани не бывал. Мальчики лет одиннадцати уже в школу не ходят — начинают охотиться. — "Ну, а как же с всеобщим обучением? — А Мещеры — люди отдельные". Живут "на самом стыке Московии и Рязанщины, а вот сколько, по-вашему, письмо от нас до Москвы идет? — Не знаю, на второй день должно прийти... — А если здесь в ящик бросишь, то, дай Боже, на восьмой, на девятый день придет. Тоже и к нам, считай, ден с десять. Сын в районную газету писал, напечатали, даже денег заплатили, шесть рублей. А почту и вовсе перестали носить. Нас с тех пор газетчиками в деревне кличут. Вот и вся выгода! Дед плюнул на пол, растер ногой и продолжал... — У нас копилки, у нас на три деревни... одно радио имеется". А колхоз? — "Бывает, телята потравят колхозную гречу, а народ и говорит: это хорошо, крестьянину польза и колхозу выгода — убирать не надо. Вот до чего дело дошло". Только один из гостей, Леонтий, человек образованный и вежливый, не может переносить таких "острых разговоров". Сначала он пытается остановить поток критики, а потом, видя, что крамольные разговоры продолжается, спешно выходит из избы. "Я не стал объяснять этому незнакомому охотнику, — пишет автор, — что мой спутник, такой уверенный и надежный в природе, был человеком раз и навсегда испуганным. Он и в работе-то выбрал область, бесконечно далекую от жизни: он изучал хазарский орнамент".

Печален и рассказ "Свет в окне". В доме отдыха имеется особый павильон, роскошный по сравнению с остальными помещениями. В нем дорогая мебель, стоит телевизор и есть маленькая бильярдная. В этот павильон никого не поселяют. Как бы ни было тесно в Доме отдыха, этот павильон всегда стоит пустой — ждут Самого! Ждут год, другой, а он все не приезжает.

В этот вечер директор Дома отдыха размягченно думал о переменах в стране, происходящих после недавних событий (имеется в виду смерть Сталина и казнь Берии) — "что теперь можно медленно и сладко засыпать в тепле постели, не опасаясь, что тебя подымут среди ночи; что в отношениях между людьми все больше укрепляется дух взаимопонимания и доверия, что можно, не боясь недоброжелателей, от души стараться сделать жизнь отдыхающих лучше, сытнее, спокойней и веселей, да и свою жизнь тоже..." И в это время директор заметил свет в окне закрытого павильона... Уборщица Настя, казавшаяся директору тихоней, пригласила прислугу Дома отдыха посмотреть телевизор. Все благостные мысли вмиг слетели с директора — он "орал, грозил, топал ногами, заходясь и

пьянея от собственного крика"... В конце рассказа директор с ужасом вспоминает свое поведение и не может понять, как им могла овладеть такая паника. Когда еще придут в себя люди после десятилетий террора...

Ю. КАЗАКОВ

Юрий Казаков (р. 1927) — писатель настоящей литературной культуры. На него явно оказали сильное влияние И. Тургенев, И. Бунин, А. Чехов, Э. Хемингуэй и другие мастера прозы. Начал печататься Казаков с 1952 г., но Литературный институт им. М. Горького окончил только в 1958 г. Он издал несколько сборников рассказов: "Манька" (1958), "На полустанке" (1959), "Двое в декабре" (1966) и другие.

Постоянные темы рассказов Ю. Казакова можно назвать лирическими — любовь, ревность, безотчетная грусть, потрясенность красотой, тонкие нюансы переживаний творческой личности...⁵ Природа в рассказах Казакова одушевлена и играет особую, если не главную, роль в его творческом методе. В "Северном дневнике" читаем: "Что-то здесь присутствует, какая-то сила в этих домах и людях, в этой природе, которая делает Север ни на что не похожим, — древность ли живет здесь и властвует над всяким приезжим; века, которые здесь как бы и не текли; новгородская жизнь, которая у нас давно прожита и забыта, а здесь остается еще, как эхо, или белые ночи и море, раскинувшееся за холмами?"

Многие рассказы Ю. Казакова написаны о животных⁶: "Тедди", "Арктур — гончий пес". В рассказе "Тедди" дрессированный медведь убегает из цирка в лес, и читатель с волнением наблюдает, как в животном просыпаются дремавшие инстинкты и из робкого и послушного пленника Тедди становится вольным смелым зверем.

Гораздо тоньше и сложнее рассказ "Арктур — гончий пес", о слепой собаке, которая до конца следует своему предназначению — быть охотником. Бездомного слепого пса пригревает старый врач-вдовец. "Много я видел преданных собак, — говорит автор, — собак покорных, капризных, гордецов, стойков, подлиз, равнодушных, лукавых и пустых. Арктур не был похож ни на одну из них. Чувство его к хозяину было необыкновенным и возвышенным". И все же зов крови оказался сильнее: "...Спотыкаясь, застревая в густоте, задыхаясь, перебежал я одну поляну, потом другую, спустился в лощину, выбежал на чистое место и сразу увидел Арктура. Он выкатился из кустов и мчался прямо на меня. Он был неузнаваем, бежал смешно, высоко подпрыгивая, не так, как бегают обыкновенно собаки, но тем не менее гнал уверенно, азартно, лаял беспрестанно,

захлебываясь, срываясь на тонкий щенячий голос... Он был сильно помят и поцарапан, держал левое ухо к земле: видимо, он все-таки ударился где-то несколько раз, но так велика была его страсть... что он и не почувствовал этих ушибов". Года через два автор, приехав в те же края на охоту, находит останки Арктура, налетевшего в пылу гона на острый, высохший еловый сук.

Многие рассказы Ю. Казакова и о людях как бы вскрывают их глубинную суть, все ту же, что и столетие назад, ту же, что всегда, несмотря на временные, наносные мнения и убеждения. Таков, например, рассказ "Кабиясы". Молодой завклубом, атеист и пропагандист, встречается вечером ночного сторожа, который рассказывает ему про низкорослых чертей, "кабиясов", по которым он ночами палит "крещеными патронами". Завклубом выговаривает сторожу за суеверие и уходит. Дорога его домой лежит через темный вечерний лес, где таинственные силы природы возвращают его в детское, первобытное состояние: "Косясь на сову, Жуков спотыкался и нехорошо о ней думал. Глянуть направо в лес или назад он совсем не смел. А когда все-таки глянул вперед по дороге, мороз продрал его по спине: впереди и немного слева, перейдя из лесу через дорогу, стояли и ждали его кабиясы. Маленькие были они, как и говорил Матвей. Один из них тотчас хихикнул, другой жалобно, как давеча за сараем, простонал: "О-о... О-о...", а третий крикнул перепелиным победным голосом: "Подь сюды! Подь сюды!" Жуков стукнул зубами и помертвел. Он и перекреститься не мог, рука не поднималась..."

Казакову присущ дух новой генерации писателей, чуждых пропагандистского духа, склонных к рефлексии, касающихся вещей, издавна запрещенных, например, веры. Таково, скажем, настойчивое возвращение взгляда и мыслей художника Агеева из рассказа "Адам и Ева" к древней северной церкви, стоявшей у озера: "...в церкви этой было что-то властное, вызывающее мысли о гениальном народе, об истории — и еще о покое. уединении"... Вечером Агеев поднимается на колокольню. Его девушка спрашивает его потом, где он был. "Там... — неопределенно махнул рукой Агеев. — Наверху. У Бога".

Почти обо всех рассказах Юрия Казакова можно сказать то, что сказал когда-то А. Твардовский о русском рассказе вообще: "Возникнув из живой жизни, конечно, преображенной и обобщенной творческой мыслью художника, эти произведения русской прозы в своих концовках стремятся как бы сомкнуться с той же действительностью, откуда вышли... оставляя читателю широкий простор для мысленного продолжения их".

В. АКСЕНОВ

Василий Аксенов (р. 1932). В "Краткой литературной энциклопедии" о нем сказано: "русский советский писатель. Окончил Ленинградский медицинский институт". О том, что было до института, энциклопедия умалчивает. До института же был арест в 1937-ом и отца, и матери, Евгении Гинзбург, которая пережила десять лет лагерей и написала книгу "Крутой маршрут", ставшую знаменитой не только в советском Самиздате, но и на Западе, после того как была опубликована в Милане в 1967 году.

"В творчестве В. Аксенова, — написано в коллективном труде "Русский советский рассказ" (стр. 661), — характерно умение видеть в каждом отдельном факте не частную ситуацию, не случайный анекдот, а явление, имеющее многочисленные связи со всей действительностью, желание тем или иным образом обозначить эти связи и сделать широкий этический вывод".

К произведениям В. Аксенова существуют "неослабевающий интерес... споры, которыми сопровождается появление почти каждой его новой повести или рассказа, свидетельствуют о том, что писатель касается существенных, волнующих проблем... Повести Аксенова оставили заметный след в литературе начала 60-х годов и оказали несомненное влияние на современную, особенно городскую молодежь". Наиболее известные его произведения: рассказы (сборник "Катапульта", 1959), повесть "Коллеги", о молодых врачах, роман "Звездный билет" (1960), роман "Апельсины из Марокко", сатирическая повесть "Затоваренная бочкотара" и другие.

Критика обвиняла Аксенова в подчеркивании "нездоровых явлений в жизни молодежи", в отчужденности от великих задач построения коммунизма, в чувстве неудовлетворенности и в острых столкновениях с прописной оптимистической и реалистической традицией.

Часть молодежи Москвы и Ленинграда узнавала себя в произведениях Аксенова. Ироничность автора, скрытый подтекст, горечь от привкуса настоящей жизни очаровали молодых читателей.

В ответе на анкету журнала "Вопросы литературы" (1962) Аксенов писал: "Меня продолжает интересовать процесс формирования характера молодого человека..." Действительно, главной темой его первых романов было постепенное исчезновение романтизма советского юноши под суровыми ветрами реальной жизни, и страдания героев, связанные с этим болезненным процессом. Для настоящей жизни нужна была "смелость, естественная, как дыхание". Герои Аксенова выросли вместе с ним, по сути дела, его можно было бы назвать жизнеописателем одного поколения, его собственного. И чем старше становится писатель, тем серьезнее и мучительнее делаются проблемы, над которыми задумываются его герои: "Боже мой, думал я, смертные люди!.. Что же делать? Ведь мы же все должны друг друга утешать, все время ободрять... Но, к сожалению, как часто люди ведут себя так, будто не умрут они никогда" (рассказ

“Мы-то не умрем”). Видно, мятется душа, беспокойен ум, болит сердце у писателя нового поколения, чувствующего ответственность за то, что происходит в “счастливой стране победившего социализма”.

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Андрей Вознесенский (р. 1933) делит с Е. Евтушенко славу популярнейшего среди молодежи СССР поэта. Вознесенский вырос в небедной и культурной семье: его отец — ученый, мать — преподавательница русской литературы. Поэт окончил Московский архитектурный институт. Правда, его дипломный проект сгорел во внезапном пожаре, что, возможно, в каком-то смысле послужило символическим сигналом, после которого Андрей Вознесенский начал заниматься структуральной поэзией.

Ряд сборников Вознесенского вызвал живую дискуссию в СССР: “Мастера” (1959), “Пишется как любится” (1962), “Антимиры” (1964), “Стихи” (1967), “Тень звука” (1970) и другие.

Поэма “Мастера”⁷ построена в основе своей на легенде ХУ1 века об ослеплении царем двух строителей Храма Василия Блаженного. Это событие служит поводом к рассуждению поэта о несовместимости истинного искусства с деспотизмом.

В своих стилистических поисках и новшествах Вознесенский опирается на русскую традицию в творчестве М. Цветаевой и Б. Пастернака. Он постоянно экспериментирует со звуковыми ассоциациями, с новыми ритмами, с особыми конструкциями строф и периодов, что порою напоминает и стихи футуристов. Особой ценности, мне кажется, его поэзия не имеет, но его удаление от обычной монотонности реалистического и пропагандистского стиха в СССР вносит, по крайней мере, свежую струю в догматическую и однообразную советскую литературу.

Вознесенский принадлежит к кругам так называемой легальной либеральной оппозиции и к московской богеме, однако и у него есть ряд по-советски обязательных тем, раскрытых с соответствующих идеологических позиций: отрицание “капиталистической, буржуазной войны”; лирические пассажи о родине; нападки на бездушие и бездуховность Запада и т. п.

Вознесенский необычайно популярен. Он читал свои стихи на стадионах, заполненных слушателями, его имя вошло не только в “Краткую литературную энциклопедию”, но и в “Encyclopedia of World Literature in 20-th Century” под редакцией Вольфганга Бернарда Флейшмана. *Нью-Йорк Таймс* (11.4.73) разбирал модную и нашу шумевшую поэму Вознесенского “Художники обедают в парижском ресторане Кус-Кус”.

Его поэзия, смелая и часто вызывающая, полна также всяких оппози-

ционных намеков, которые радуют сердца молодых читателей в СССР: "Голодуха, брат, голодуха, особо в области духа..."

Власти часто одергивают поэта, но, тем не менее, решительных мер против него не принимают, он имеет возможность разъезжать по всему свету и читать свои стихи.

Е. ЕВТУШЕНКО

Евгений Евтушенко (р. 1933) — плодовитый поэт. Он написал огромное количество стихов и несколько больших поэм: "Шоссе энтузиастов" (1956), "Третий снег", "Обещание", "Братская ГЭС" (1965), "Казанский университет" — о Ленине, (1970), "Под кожей статуи Свободы" (1970), "Интимная лирика" (1973) и другие.

Поэт прославился тем, что одним из первых после смерти Сталина попробовал смело коснуться запрещенных тем: "Бабий яр", "Наследники Сталина" и другие. В "Литературной газете" от 25 января 1955 г. появилась его декларативная статья о двух поколениях поэтов. По мнению Евтушенко, новые поэты не появляются как одиночки в литературе, но как выразители, как часть ядра нового поколения, люди, чувствующие сходно или даже одинаково с большинством своего поколения. Только такие поэты могут стать глашатаями для всего народа. Он постоянно обращается к современнику: "О, мой современник, мой верный друг! Моя судьба связана с твоей. Давай открыто скажем правду о нас самих, совместно разберемся в наших заботах... Скажем самим себе и другим, чем теперь мы не можем более быть и чем мы хотим стать".

Не забудем, что перед каждым поэтом и писателем в СССР открыты четыре возможности: 1. Служить властям, прислуживаться и лгать. 2. Избегать острых углов, угождать партии, ее линии и благонамеренно и осторожно кое-что критиковать. 3. Писать в основном для будущего, в стол, отгородиться в своем замкнутом мире: "Ты царь, живи один!" 4. Борьба за свободу творчества, за правду любой ценой. Все четыре пути, несомненно, отражаются на темах, идеях, образах, стиле и языке произведений.

Евтушенко мечется между всеми этими возможностями, кидаясь то в одну, то в другую крайность. Недаром в стихах поэта так часто встречается распутье, дорога. В своем "Кредо поэта" (1962) он вспоминает слова Цыбина: "На росстани, на росстани стоит богатырь". Или о себе "В дорогу тянет, ох как тянет! Земля большая, трудными были по ней шаги... Шел, как идут сквозь пули, сквозь века... Вставайте, братья, в путь пора. Мы те, кто в дальнее уверовал... Дорогой, обданной бедой, иду"...

В своих стихах Евтушенко часто говорит о смерти (что не рекомендуется в советской литературе): "В раздумиях о вечности и смерти, охваченный надеждой и тоской, гляжу..."; "Есть пустота от смерти чувств и от потери горизонта...". Другая его любимая и острая тема: поэт и ОНИ. Порой Евтушенко говорит о храбрости, о бое... В 1963 году он дерзнул напечатать свою полуправдивую автобиографию во французском еженедельнике "Экспресс". Это был смелый и рискованный поступок. Правление Союза писателей осудило не только содержание биографии, но и сам факт напечатания ее в заграничном журнале. Евтушенко сразу сдался, признал ошибки и обещал исправиться. Он поспешил написать верноподданические стихи: "Опять на станции Зима" (во искупление своей правдивой и, наверное, лучшей поэмы "Станция Зима"), "Пришли иные времена" — воспевание строительства Братской ГЭС, "Идут ходоки к Ленину" и т. п. Словом, как сказал в минуту откровенности сам поэт:

Живешь расхваленно и ладно,
И в то же время мельтеша,
Примером, что конец таланта
Есть невозможность мятежа.

И поэт опять осторожно сворачивает на проторенный Некрасовым путь восхваления народа, где никогда не ошибешься:

Это женщины России,
Это наша честь и суд.
И бетон они месили,
И пахали, и косили.

Все они переносили,
Все они перенесут...
Их обсчитывать постыдно,
Их обвешивать грешно...

То-то торговые служащие устыдятся!

Евтушенко — несомненно талантливый, неуравновешенный, запутанный и запуганный человек. Размер его таланта не больше таланта А. Вознесенского, но стихи поэта проще и доходчивей.

Б. АХМАДУЛИНА

Белла Ахмадулина (р. 1937) — представительница нового поколения поэтов. В ее работах видна культура стиха, известная изысканность речевой структуры и порою живая неожиданность рифмовки.

Мне известны ее стихи, разбросанные по советским и заграничным журналам, и два сборника: "Струна" (1962) и "Уроки музыки" (1969). Судя по этим вещам, поэтесса, как и некоторые другие русские поэты ее поколения, вступила, и духовно, и стилистически, на прежний, классический путь поэзии. Ее стихи отличает искренность, раздумчивость, иногда мечтательность... Она пытается решать или, по крайней мере, выразить в стихах те вопросы, на которые не может ответить разум. Она возвращается в своей поэзии к вечным темам: судьба, родина, вдохновение, смерть, любовь:

Останься с нами, кто-нибудь, вошедший!
Ты сам увидишь, как по вечерам
Мы зажигаем наш фонарь волшебный.
О, смех! О, лай! О, скрип! О, тарарам!

Старейшина в беспечном хороводе,
Вполне бесстрашном, если я жива —
Проговорюсь моей ночной свободе,
Как мне страшна забота старшинства.

Куда уйти? Уйду лицом в ладони.
Стареет пес. Сиротствует тетрадь.
И лишь дитя, все больше молодое,
Все больше хочет жить и ликовать...

Не менее звучно и образно стихотворение "Осень":

Бьют часы, возвестившие осень:
Тяжелее, чем в прошлом году,
Ударяется яблоко оземь —
Столько раз, сколько яблок в саду.

Этой музыкой, внятной и важной,
Кто твердит, что часы не стоят?
Совершает поступок отважный,
Но как будто бездействует сад.

Все заметней в природе печальной
Выраженье любви и родства,

Словно ты — не свидетель случайный,
А виновник ее торжества.

Чуть слишком возвышенный, приподнятый и романтический тон ее стихов часто искупается трогательностью и женственностью. Примером именно такой трогательно приподнятой интонации может служить концовка предисловия к одному из сборников, в котором поэтесса обращается к читателю: "...Вы, живущие и грядущие жить на белом свете, вершащие в нем непреклонное добро Труда, Свободы, Любви и Таланта".

Глава 10

Л. ЧУКОВСКАЯ. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛАГЕРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. САМИЗДАТ

Л. ЧУКОВСКАЯ

Лидия Чуковская, дочь знаменитого литературоведа, критика и детского писателя Корнея Чуковского, заняла достойное место среди русских литераторов как публицист и писатель. Ее перу принадлежит ставшая особенно широко известной в России и на Западе повесть "Софья Петровна", а также "Спуск на воду", "Гнев народа" и др.

К. Чуковский завещал часть своего небольшого состояния А. Солженицыну, а Л. Чуковская была одной из первых, публично выступивших на защиту опального писателя, раскритиковав демагогическое и полное угроз выступление М. Шолохова. В 1968 году, к пятидесятилетию Солженицына, Лидия Чуковская послала ему телеграмму следующего содержания:¹ "Вашим голосом заговорила сама немота. Я не знаю писателя более долгожданного и необходимого, чем Вы. Где не погибло слово, там спасено будущее. Ваши горькие книги ранят и лечат душу. Вы вернули русской литературе ее громовое могущество".

Одним из наиболее интересных литературных произведений Л. Чуковской кажется "Софья Петровна"². Эта повесть позднее была переведена на все европейские языки и получила мировое признание. Прежде всего, внимание читателя останавливает предисловие автора. Повесть пролежала в ящиках письменных столов самой Л. Чуковской и ее друзей в Ленинграде около четверти века, прежде чем увидеть свет. Писалась же она с ноября 1939 по февраль 1940 года. Л. Чуковская пишет: "После смерти Сталина и XX и XX11 партийных съездов стала приходить мне на ум надежда, прежде несбыточная, что близится время, когда повесть увидит свет". Однако свет повесть увидела только на Западе, в эмигрантской прессе. "Мне бы хотелось, — пишет далее Л. Чуковская, — чтобы повесть стала достоянием читателей и тем самым послужила делу, которое представляется мне жизненно важным: во имя грядущего помогать уяснению причин и следствий пережитой народом трагедии... Повесть писалась по свежему следу только что происшедших событий... Пусть моя "Софья Петровна" прозвучит сегодня как голос из прошлого, как рассказ очевидца, добросовестно пытающегося, вопреки могущественным усилиям лжи, разглядеть и запечат-

леть то, что совершалось перед его глазами”.

Художественные достоинства прозы Чуковской несомненны: тонкая наблюдательность писательницы, спокойное, мастерское, детальное описание трагедии, без истерики и преувеличений, живая, естественная речь действующих лиц. Описания города и природы очень сжаты, но яркие, уместны и мгновенно запоминаются. Например, в сцене, когда Софья Петровна стоит в очереди всю ночь, чтобы узнать что-нибудь о сыне: “От Невы поднимался мокрый холод. Тут впервые в жизни Софья Петровна увидела восход солнца. Оно встало откуда-то из-за Охты, и по реке сразу побежали мелкие волны, будто ее погладили против шерсти”.

Сюжет повести прост и ужасающ — как жизнь в Ленинграде в 1937 году. Посреди как будто нормальной, привычной жизни вполне советской семьи: матери — вдовы врача Липатова, и ее сына-комсомольца, происходит чудовищная и необъяснимая вещь — арест. Сына Колю, обожаемого, хорошего, честного, добросовестного советского мальчика арестуют без объяснения причин, и он исчезает без следа. Потрясенная мать скрывает позор от соседей и знакомых. Ничего узнать и ничем помочь сыну ей не удастся. Влюбленная в Колю и преданная ему девушка Наташа кончает собой... Соседи начинают догадываться... Ее постепенно окружает стена недоброджелательства и страха... Вокруг нее образуется пустота, ей грозит увольнение, нищета...

Однажды, когда Колю и его друзей принимали в комсомол, почему-то не приняли Наташу. Софья Петровна думала, что это несправедливо — девушка предана советской власти. Но Коля убеждал ее: “Несправедливость — понятие классовое, и бдительность необходима. Все-таки Наташа из буржуазно-помещичьей семьи”. Когда, после убийства Кирова, стали высылать людей из Ленинграда, выслали подругу Софьи Петровны — Неженцову. Она была тихой женщиной, преподавала французский язык, жила как все. “Но Коля объяснил, что Ленинград необходимо очистить от ненадежного элемента. А кто такая, собственно говоря, эта твоя мадам Неженцева? Ведь ты сама помнишь, мама, что она не признавала Маяковского и говорила всегда, что в старое время все было дешевле. Она не советский человек...” И постепенно сама Софья Петровна стала считать, что в СССР даром не арестуют, что даже хорошо ей известные люди, раз арестованы, то уж чем-то наверняка нарушили закон или связались с какими-нибудь троцкистами. Другое дело Коля, он невинен...

И в это время Софья Петровна обнаруживает в почтовом ящике непроштмпелеванный, видимо, доставленный с оказией, конверт: “Мамочка, на тебя вся моя надежда... Сашка Ярцев показал, что он вовлек меня в террористическую организацию. И я тоже должен был сознаться. Но это неправда, никакой организации у нас не было. Мамочка, меня бил следователь Ершов и топтал ногами, и теперь я на одно ухо плохо слышу... Мамочка, сделай что-нибудь скорее, потому что здесь недолго можно про-

жить". И Софья Петровна сжигает письмо сына, делает его как бы не написанным, никогда не существовавшим. Перед читателем встает вопрос, а так ли, действительно, невинен Коля, одобрявший все зверства и беззакония? А сама Софья Петровна, которая относилась снисходительно к террору до тех пор, пока он не коснулся ее сына?

Произведения Лидии Чуковской счастливо сочетают в себе художественную ценность с необычайной социально-политической значимостью.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛАГЕРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Лагерная жизнь, ссылки по доносам, аресты инакомыслящих — дело для людей в СССР привычное. Они, если верить словам В.Каверина, "связаны с судьбой страны, с ее историей — трагически и неразрывно". Писать о лагерях теперь, т. е. в 1973 году, в СССР кое-что можно, но вот печатать это ко-что все еще нельзя. Все же правду о лагерях написали многие: писала ее верная компартии Евгения Гинзбург ("Крутой маршрут"), И. Солоневич, А. Солженицын ("Архипелаг ГУЛАГ"), Ю. Марголин, В. Шаламов ("Колымские рассказы"), Амальрик в своих воспоминаниях, Б. Ширяев, А. Марченко ("Мои показания"), В. Максимов и другие, в частности и те, чьи записки так и не были напечатаны. Следует помнить слова умирающего Зощенко, сказанные К. Чуковскому: "Литература — производство опасное, равное по вредности лишь изготовлению свинцовых белил".

Целое поколение писателей погибло в ИТЛ — Исправительно-трудовых лагерях "страны победившего социализма". Если рассматривать все, написанное о лагерях с точки зрения историка литературы, то необходимо, конечно, различать литературные произведения от просто воспоминаний и записок типа записок А. Марченко. Но даже если такие записки не одушевлены, так сказать, дыханием искусства, в них все же есть общее, всегда наличествующее: простота, точность, правдивость... Это нагая, хмуро сосредоточенная проза. И все, что она рисует: портреты, обстановка, голоса — все сливается в одно гнетущее впечатление. От этой литературы болит сердце и теряется последнее, что мы можем потерять на земле — надежда.

Начнем с рассказа неизвестного автора, поступившего в "Новый журнал" еще в 1966 году. Он назывался "Находка в тайге" (см. № 84, стр. 134):

"Каждый день на заре из ворот лагеря вывозили большие отвратительные ящики, набитые трупами... У всех народов много разных похоронных обычаев. Но похороны заключенных не сопровождаются церемониями. Погребение не осложняется ни молитвами, ни музыкой, ни слезами, ни речами. Все это заменяет густая матерная брань, без которой в лагере вообще ничто не обходится. Человеческий отброс, "штрафная команда", кото-

рая не может быть использована ни на какой более или менее самостоятельной работе, обычно посылается на закапывание покойников... Похабная лагерная брань, это не просто матерная брань, а исключительно циничная, виртуозно-отвратительная, содержащая в себе все, что можно сказать самого худшего о самом лучшем; в этой брани оплевывается все то, что для человека может еще казаться святым или ценным. Эта брань заменяет при лагерном погребении и псалмы, и надгробные речи, и слезы близких. Это вполне понятно, так как тут не "усопший", не "покойник" и даже не "умерший", а просто "падаль", которую нужно поскорее закопать".

"Надо еще добавить, что все это лагерное строительство на самом деле было дутым; это было просто делом обмана, спасавшего руководство лагеря от военной службы, от фронта. Построить гидроэлектростанцию на этом месте было нельзя из-за особенностей геологического строения берегов реки Чусовой".

В лагерной песне (записанной около 1964 года) заключенный обращается к Сталину:

За что сижу, по совести, — не знаю.
Но прокуроры, видимо, правы.
И вот сижу я в Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы...

В чужих грехах мы сходу сознавались,
Этапом шли навстречу злой судьбе.
Мы так вам верили, родной товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Вчера мы схоронили двух марксистов,
Мы их не покрывали кумачом,
Один из них был правым уклонистом,
Другой, как оказалось, не при чем...

В песне пародируются известные стихи официального поэта Исаковского: "Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе".

* * *

Поэт, прозаик, очеркист Варлам Шаламов пробыл на советской каторге около двадцати лет. Попал туда почти мальчиком, вышел после XX съезда и реабилитации пожилым человеком. Его рассказы ходили в Самиздате. Некоторые попали за границу и были напечатаны, без ведома автора, в "Новом журнале". И произошла, на первый взгляд, странная вещь — Ша-

ламов резко обрушился на "Новый журнал" в письме своем в "Литературной газете". Сравнивая это письмо и рассказы писателя, я понял, что письмо написано скорее в стиле КГБ, чем в стиле Шаламова. Но даже если предположить, что письмо было ему отчасти подсказано, что все же побудило автора согласиться? В письме он пишет, что нельзя сейчас печатать то, что написано о прошлом и уже не отвечает новой жизни. Но с каких это пор писатели стали возмущаться, когда печатают их вещи, написанные о прошлом? Не страх ли руководил автором этого письма, все еще живой, все еще не ставший прошлым?

Проведя двадцать лет в советских лагерях, и железный человек может сломаться. Во всяком случае, бесспорное мужество Шаламова заключается уже в том, что он написал и сохранил эти рассказы. Кстати, один из его "Колымских рассказов", "Сентенция", посвящен одной из самых ярких и смелых диссиденток в СССР — Надежде Мандельштам, вдове замученного Осипа Мандельштама.

Вот кое-какие отрывки из лагерных рассказов Шаламова:

"...Я никогда не пробовал ни кусочка от этих куропаток (которых убивали вольные рабочие и охрана — Р. П.) . Мое — были ягоды, корни, травы, пайка. И я — не умирал. Я стал все более равнодушно, без злобы смотреть на холодное красное солнце, на горы-гольцы, где все: скалы, повороты ручья, лиственницы, тополя — было угловатым и недружелюбным. По вечерам с реки поднимался холодный туман, и не было часа в таежных сутках, когда бы мне было тепло".

Голод, холод, изнеможение: "Отмороженные пальцы рук и ног ныли, гудели от боли. Ярко-розовая кожа пальцев так и оставалась розовой, легко ранимой. Пальцы были вечно замотаны в какие-то грязные тряпки, оберегавшие руку от новой раны, от боли, но не от инфекции. Из больших пальцев на обеих ногах сочился гной, и не было гною конца... Мы голодали давно. Все человеческие чувства: любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность, — ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания... Мы знали, что такое научно-обоснованные нормы питания, что ведро воды заменяет по калорийности сто граммов масла. Мы научились смирению, мы разучились удивляться".

Вечером того дня, когда в тайге повесился один из заключенных: "Я заснул быстро, а среди ночи проснулся и подошел к столу дежурного дневального. Там примостился Федя с листком бумаги. Через его плечо я прочел написанное: "Мама, — писал Федя, — я живу хорошо. Мама, я одет по сезону..."

На недоумение и ужас западного человека, в чьей голове не укладывается, как может общество так чудовищно пренебрегать жизнями тысяч своих собственных граждан, ясно ответил один офицер КГБ: "Страна большая, авось не обедняем!" Но остается другой вопрос, не менее тревожный,

что становится с народом, живущим в такой чудовищной несвободе десятилетия? Возможно ли то, что говорил Солженицын в "Раковом корпусе", отвечая на мысли Костоглотова, почему нельзя всех освободить. — "Потому, что потеряна была ими вместе с родиной и идея разумной свободы. И от внезапного их освобождения могло стать только страшней".

САМИЗДАТ

Сейчас, летом 1973 года, можно уже говорить о Самиздате как о временно отошедшем в прошлое периоде в литературной жизни СССР. Он не исчез, но приостановился. Самиздат, то есть распространение в машинописных копиях книг, не получивших разрешения на публикацию, начался тогда, когда появились в советской литературе новые голоса. Профессор Б. Филиппов писал об этом в своей брошюре "Ленинград-Петербург в русской поэзии и прозе" (1973, стр. 48—49): "Кончается удручающая арацкеевщина казарменного единообразия мыслей и чувств, идей и вкусов, обычаев и слов. Кончается, во всяком случае, у немногих, но лучших, кому принадлежит Завтра".

Новые голоса говорили то, что в советской литературе было говорить недозволено: "Довольно думать о человеке. Пора подумать о Боге" (Абрам Терц, он же А. Синявский). Довольно думать о коллективе. Пора подумать о человеке — "Ведь человек же — очень сложное существо, почему он должен быть объяснен логикой? или там экономикой? или физиологией?" (Солженицын). "Что-то сдвинулось в мире. Кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить всей поголовностью, всем населением. Вожди и народы отошли в прошлое. Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая личность стала Божьей повестью..." (Б. Пастернак).

Надежда Мандельштам говорит о Самиздате во "Второй книге" воспоминаний и замечает: "Тиражи "Самиздата", в котором распространяются стихи Мандельштама и многое другое, учесть нельзя, но похоже, что они несравненно превосходят тиражи любых стихотворных книг нашей молодости... На наших глазах действительно произошло самозарождение читателя, но как это случилось, понять нельзя..."

Владимир Самарин в ценной статье³ "Идейные искания" дает профиль Самиздата. Г. Померанц в своем труде "Человек без прилагательного" так характеризует Самиздат: "Открылся животворный родник, из которого хлынули песни, стихи, проза, философские эссе, абстрактная и конкретная живопись... Родник бьет снизу — мимо официальных писательских организаций. Но это совсем не народные низы. Скорее, это верхи в смысле образованности".

Появление Самиздата связано со многими духовными процессами, начавшимися в советском обществе после смерти Сталина и относительной либерализации. Ученый А. Федосеев⁴ пишет, что среди интеллектуалов уже нет людей, полностью признающих политический строй СССР. Появились новые формы русского мессианизма. Живы сейчас среди нового поколения, искания, напоминающие искания западников и славянофилов XIX века. В. Максимов заметил в своем романе "Семь дней творения": "Я вижу процесс воскресения человеческого духа в двух планах: отрицание режима и собственно идейные искания. Степень отрицания режима определяет глубину идейных исканий". Некоторые, например, писатель В. Гроссман, полагали, что если развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, то развитие России оплодотворялось ростом рабства. Другие, например, В. Горский, думают, что в настоящее время в СССР, а особенно в РСФСР, плодотворна может быть не слепая ненависть к большевизму, а утверждение духовных ценностей. Необходимо преодоление национал-мессианского соблазна и примат христианского мирочувствия, доброго, терпимого отношения к миру и людям.

С другой стороны, в советском подполье происходило и, возможно, происходит сейчас, возрождение национального духа и духа православия. В 1964 году в СССР короткое время действовала организация Игоря Огурцова "Всероссийский социал-христианский союз" с рядом блестящих молодых людей. Организацию обнаружили и членов ее сослали в лагерь. В программе этой организации была, насколько мне известно, идея христианизации страны, признание человеческой личности высшей ценностью, ограничение прав государства в экономике, и т. д.

Что касается возрождения религиозности, то даже рационалист Г. Померанц писал: "Когда прекращается шепот неба, начинает вдохновлять бес, и дьявольщина разрастается в обществе, пока не пожрет его". В стихотворении в прозе А. Солженицына, ходившем по России в Самиздате, читаем: "...Всегда люди были корыстны и часто недобры. Напоминал Он, что надо покинуть мелкие земные дела, отдать час молитве и мысли — вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтобы не опуститься на четыре ноги".

* * *

Очень характерен для Самиздата роман В. Максимова "Семь дней творения", хотя по своим художественным достоинствам он не выше среднего (излишний пафос, слияние голоса автора с героем, порою дикая психология и т. п.). Роман все же типичен по ряду факторов, полному пренебрежению партийностью, правилами соцреализма, по ощущению живого искания веры и по критике, довольно дельной, действий режима.

Стержень романа — судьба семьи коммунистов Лашковых и трагедия их разочарования в идеале — коммунизме.

Владимир Максимов (р. 1932) прошел через детские дома и колонии. Отец погиб на войне в 1941 году. Максимов был каменщиком, работал на стройках, побывал на севере Сибири, был корреспондентом. Писать начал рано, а печататься — с 1952 года. Его творчество открывается сборником стихов "Поколение на часах" (1956). В сборнике "Тарусские страницы", под редакцией Паустовского (1961), помещена его повесть "Мы обживаем землю". Повесть 1962 года "Жив человек" была драматизирована и поставлена на сцене Московского театра драмы. Некоторые повести писателя касались трагических судеб людей, острых конфликтов отношений ("Шаги к горизонту", "Магадан" и др.).

С 1967 г. на Максимова начинаются гонения за его роман "Семь дней творения", который сначала ходил в Самиздате, а в 1971 г. был опубликован в эмигрантском издательстве "Посев" в Западной Германии. Писателю грозил арест или психбольница. В конгрессе США конгрессмен выступает в защиту писателя, о нем пишут во Франции и Западной Германии. Что же возбудило озлобление властей в СССР? Возможно, то обстоятельство, что Максимов, плоть от плоти, кровь от крови народа, дерзнул стать в открытую декларированную оппозицию к режиму, к идеологии, к безверию. Вот несколько особенно характерных линий романа: честный старый коммунист П. Лашков вдруг ощутил, что "мир, взлелеянный с такой любовью, с таким тщанием, начал терять свою устойчивость, трещать по швам, разваливаться на глазах... Жизнь — сплошная гонка за призраком". Другой герой, Василий Лашков, думает, что путем революции пришло Зло: "Один бес всех попутал... Все потеряли: себя, душу свою". В другом месте романа герой вопиет: "В силу какого такого закона за кровавую блажь нескольких параноиков должна платить вся нация?.. Россия... она адским своим опытом показала остальным, чего не следует делать!.. Злоба Россию душит". О детской колонии сказано: "Это там, где душу выворачивают наизнанку и дубят, чтобы ничего в ней человеческого не осталось". Поэт Мороз говорит в романе: "Мы платим, и за какой-то тяжкий грех... Там, внутри нас, пустота". Все это было явным объявлением войны. И власти не замедлили ответить репрессиями, начав с увольнения писателя из редакции журнала "Октябрь" в 1967 году.

В. Максимов — человек очень религиозный. В романе "Карантин" (1973) он говорит: "Пусть помнят правители и народы, какой ценой расплачиваются потомки за их легкомысленный флирт с дьяволом".

В 1973 году на Запад через Самиздат дошли и были напечатаны еще два произведения Максимова: "Карантин"⁵ и "Прощание из ниоткуда"⁶. Последнее, вероятно, — лучшее из всего написанного писателем.

В советских статьях и библиографиях о писателе В. Гроссмане⁷ нет ни слова о главном деле его жизни, о романе, который явился итогом многолетних наблюдений над жизнью в Советском Союзе, как она есть, — над ростом тирании Сталина, репрессиями, ужасом раскулачивания и чисток, над

тем, как создавался тип бессердечного предателя в советском обществе. Название романа — “Все течет” — взято из Гераклита, который считал, что перемена — закон бытия.

Основной психологический упор в романе делается, по моему мнению, на природе и феномене доноса. “Донссы, — пишет автор, — предшествовали ордеру на арест, сопутствовали следствию, отражались в приговоре. Эти мегатонны доносной лжи, казалось, определяли имена людей в списках раскулаченных, лишаемых голоса, паспорта, ссылаемых, расстреливаемых”.

Кто и почему делался доносчиком? Гроссман разбирает несколько типичных случаев:

Этого сломала пытка, бессонница, то, что не давали пить, били, кричали. Сдался и стал доносить.

О другом писатель говорит: “С детства жил в нем ужас. Мать до дрожи боялась милиции, управдома, старшего по квартире, делопроизводителя из горсовета. Каждый день и каждый час он и родня его чувствовали свою классовую ограниченность и классовую порочность”. Отец героя был богатым и интеллигентным человеком и поэтому закончил свою жизнь в концлагере в 1919 году. И зачаровала будущего доносчика “сила нового мира”, и он весь сдался на требование силы и стал доносить на людей своего круга.

А вот еще один случай: “Анкетные данные его — снежной белизны, сами светятся. Родня — станковые рабочие и беднейшее столбовое крестьянство”. Он не очень умен и не учен. “В 1937 году человек этот слету, смаху написал больше двухсот доносов. Многообразен его кровавый список...” “Помни, — говорили ему наставники, — нет у тебя ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер, — есть у тебя лишь партия”. “Он, сельский комсомолец, не верил в Бога. Но жила в нем другая вера — вера в беспощадность карающей руки великого Сталина”. Была в нем “благодарная робость перед могучей силой”.

Бывала и такая разновидность: мещанин до мозга костей, жадный до вещей накопитель, фанатик материального интереса... Ценой страданий тех, кого он губит, он просто добывает себе нужные вещи: жилплощадь, повышение оклада, польский гарнитур, утепленный гараж для своего “москвича”, садик... Его страсть к вещам порождена нищетой. О, он может порассказать о комнате в восемь квадратных метров, где спит одиннадцать человек... о деревенском зелено-коричневом хлебе с толченым листом, о едином трехразовом московском супе из уцененной промерзшей картошки... Не от звериной ли жизни озверел он?.. Но замечено, что ему-то жилось не хуже, чем другим... лучше, чем многим и многим”.

В. Гроссман не дождался выхода в свет своей книги. Рукопись ее была арестована в Москве, и только одна ее копия, спасенная благодаря мужеству друга писателя, была переправлена на Запад и издана уже после смерти автора.

Кроме романов, стихов, философских и экономических трактатов⁸ в Самиздате выходил и журнал — “Хроника текущих событий”. До сих пор вышло 27 номеров этого подпольного журнала.

Настоящее исследование содержания “Хроники” дал английский ученый Питер Реддавэй из “Лондонской экономической школы”. По его мнению, за почти пять лет существования “Хроники” журнал показал свою объективность и желание тотчас исправить ошибку, если таковая вкралась в очередное сообщение. “Хроника” “была форумом для всех демократических течений в Советском Союзе”.

Причиной остановки издания Реддавэй считает более жестокое преследование в СССР всех сотрудников или подозреваемых в сотрудничестве с редакцией “Хроники”. Сговорившись о многом с США и Западом, советские власти считают, что теперь будет меньше протестов на Западе и что поэтому у властей развязаны руки. Некоторых инакомыслящих, как было и в 1922 году, просто высылают из СССР (Чалидзе, Есенин-Вольпин, И. Бродский, Жорес Медведев, Андрей Синявский и другие). Иных же просто ссылают, как историка Амальрика, или заключают в психиатрические лечебницы — “психушки”. Возродится ли “Хроника”, никто не знает.

Предостерегая Запад от пособничества коммунистическим режимам, один из авторов Самиздата, остроумно заметил, что когда коммунизм восторжествовал в России, русским интеллигентам еще было куда бежать. Но, если у вас, на Западе, победит коммунизм, куда побежите вы?

СТИХИ И СВОБОДНАЯ ПЕСНЯ

Особая сфера Самиздата — магнитофонные пленки. Это они разнесли по стране песни Б. Окуджавы, В. Высоцкого, А. Галича, стихи И. Бродского и т. д.

Одним из самых популярных и самых значительных бардов в СССР стал Булат Окуджава (р. 1924). В 1941 году Окуджава, совсем мальчиком, ушел на фронт добровольцем, был ранен. В 1955 году, скорее всего, под давлением свыше, стал членом компартии. Печатать свои стихи начал с 1953 года: “Лирика”, “По дороге к Тинатин”⁹, “Март великодушный”. Позже стал писать прозу и пьесы: “Будь здоров, школяр!”, “Глоток свободы” и др. Славу принесла писателю гитара. Его стихи, им самим переложенные на музыку и им же исполняемые, покорили слушателей от Москвы до Сибири.

В чем секрет успеха Окуджавы? Роман Гуль (см. его “Одвуконь”) пи-

шет: "...это подлинная, запоминающаяся, волнующая поэзия". В свое время я посвятил песням Окуджавы статью в "Новом русском слове" (28 января 1968). Случай свел меня с близким другом поэта, и я воспользовался тем, что он мне сообщил. Меня интересовало, что трогает особенно молодую аудиторию в СССР. Прежде всего, я думаю, это интимный, разговорный тон поэта-певца, сочетание трогательности напева с искренней любовью и жалостью к человеку, к современнику, к сверстнику. Подчас, мне кажется, в песнях есть глубина, понятная и ощутимая не всем слушателям.

Приметы советского времени, осуждение и политические намеки в его песнях одухотворены печалью, иронией, никогда не даны прямо, в лоб, но всегда опозтизированы и смягчены, что дает автору, а вместе с ним и сотням слушателей в зале подняться над повседневностью и стать на это время причастными к истинной поэзии. И за это возвышающее чувство Булат Окуджава заслужил редкостную любовь и популярность в русской аудитории.

...Нетерпеливо жаждет век нащупать брешь у нас в цепочке...

Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть

поодиночке.

Среди совсем чужих пиров и слишком ненадежных истин,

Не дожидаясь похвалы, мы перья белые свои

почистим.

Пока безумный наш султан нам прочит дальнюю дорогу,

Возьмемся за руки друзья, возьмемся за руки, ей-богу!..

Б. Окуджава написал самые простые, трагичные и трогательные песни о войне:

Вы слышите, грохочут сапоги
И птицы ошалелые летят,
И женщины глядят из-под руки,
В затылки наши круглые глядят...

Все та же мудрая доброта и бескорыстность видна в вольном пересказе "Молитвы Франсуа Вийона".

Пока земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же Ты каждому,
Чего у него нет.

Умному дай голову,
Трусливому дай коня,
Дай счастливому денег
И не забудь про меня...

Дай передышку щедрому,
Хоть до исхода дня.
Каину дай раскаянье
И не забудь про меня...

Окуджава умеет поднять волну тревоги и надежды в сердцах слушателей:

Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
Когда дворники маячат у ворот.
Ты увидишь, ты увидишь, как веселый барабанщик
В руки палочки кленовые берет...

Недаром, многие из лучших песен поэта связаны с Надеждой: "Не грусти, не печалься, мать Надежда, есть еще на земле у тебя сыновья!"

Выслали из России поэта-песенника А. Галича, не дают выступать Окуджаве и Высоцкому, но их песни разлетелись, как птицы, по всей России, как вестники духовной свободы и живого чувства, которое нельзя запретить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Литература в СССР, при всем кажущемся ее оптимизме и камуфляже, литература печальная. Все, кого можно назвать талантливыми, будь они правоверными коммунистами, как Шолохов и Серафимович, или убежденными противниками режима, как Солженицын и Максимов, нарисовали совместно, каждый свой кусочек, картину, ужасающую стороннего наблюдателя.

Самые блестящие писатели разочаровались в революции и коммунизме очень быстро, даже те из них, кто поначалу поддался очарованию новизны и надежде на перемены к лучшему. Писатели не любили режим и режим отвечал им взаимностью. Список убитых и репрессированных занял бы десятки страниц. Немногоим удалось выбраться или посчастливилось быть высланными на Запад.

Спрашивается, кто же стоит за режим? Оглушенные пропагандой массы, которых бесконечными повтореньями заставили поверить в то, что их образ жизни лучший, единственно возможный? "Если десятки лет за десятками лет, — пишет Солженицын, — не разрешать рассказывать то, как оно есть, — непоправимо разблуживаются человеческие мозги, и уже соотечественника понять труднее, чем марсианина".

Что понял Запад из уроков, данных Россией и засвидетельствованных ее писателями? "Смотрите же на наши успехи во всем мире, — говорил молодым коммунистам Жданов в своей речи в 1946 году. — Они показывают нам ясно и неопровержимо, что путь Ленина и Сталина правилен. Демократии Запада слабы и в них нет единства, они очень пугливы, нерешительны, готовы сдать. У них, прежде всего, нет единой цели, они живут биологически, а в истории нет побед без идеологии Маркса-Ленина-Сталина!"

Через двадцать лет Н. Хрущев кричал Западу: "Мы вас угробим!" (Любопытно, что на Западе эту фразу перевели: "мы вас похороним", чтобы было приличней.)

5 сентября 1973 года в статье "Мир и насилие" А. Солженицын написал о Западе и его завтра: "Нет, не трудности познания затрудняют Запад, но НЕЖЕЛАНИЕ ЗНАТЬ, но эмоциональное предпочтение приятного — суровому. Руководит таким познанием дух Мюнхена, дух ублажения и уступок, трусливый самообман благополучных обществ и людей, потерявших волю к организации, к жертвенности и стойкости. И хотя этот путь никогда не приводил к сохранению мира и справедливости, всегда бывал попан и поруган, — человеческие чувства оказываются сильнее самых отчетливых уроков, и снова и снова расслабленный мир рисует сентиментальные картины, как насилие великодушно смягчится и охотно откажется от превосходства своей силы, а пока можно продолжать беззаботное существование..."

Я написал эту книгу о трагических судьбах литераторов, да и всей русской литературы в СССР, не для того, чтобы открыть глаза западному чи-

тателю. Кто хотел, давно уже увидел истину, читая Солженицына, Гинзбург, Марченко, Синявского, Аллилуеву и других. Кто не хочет видеть, того не убедит и эта книга, будь она даже втрое сильнее и обширнее.

Книга написана просто от того желания, которое и до сих пор живет в душах многих, — желания сказать правду. Кроме того, мне кажется, я затронул некоторые разделы литературы, о которых ранее писалось мало: Самиздат, детская литература, фантастика, описания природы и некоторое другое.

Мы все откликаемся на несчастье ближнего, от каких бы причин оно ни происходило. Так как же можно не откликнуться, когда слезами, кровью и ложью заливаются население одной шестой части земного шара? Когда сотни и сотни писателей "репрессированы... и посмертно реабилитированы"? Когда талантливейших людей по приказу свыше лишают заработка и возможности печататься? Любой историк литературы, каким бы объективным он ни был, если сердце его не вполне обросло мхом равнодушия, не может не сострадать и не жаждать лучшего, свободного и достойного бытия для своих собратьев. О, мать Надежда, есть ли еще на земле у тебя сыновья?

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. См. подробнее в эссе о К. Бальмонте.

2. Лучшая книга об исканиях в области формы в русской литературе и о футуризме — G. Ergolaev. *Soviet Literary Theories 1917—1934*. Berkley. 1963. О пребывании В. Иванова в Риме см. А. Климов, "Вячеслав Иванов в Италии" в сборнике "Русская литература в эмиграции", ред. Н. Полторацкий. Питсбург, 1972.

3. Wjatscheslaw Iwanow. *Dostojewskij*. Tubingen, 1932.

4. Михаил Гершензон (1869—1925), талантливый историк литературы и мыслитель. Автор работ о Грибоедове, Пушкине, Тургеневе, Герцене, Чаадаеве, декабристе Кривцове. Издатель ценнейших архивных материалов. Сотрудник знаменитого сборника "Вехи" (1909) и автор проникновенной книги "Ключ веры" (1922).

5. Давид Бурлюк (1882—1967). С 1922 г. находился в США. Основатель "Кубофутуризма в России. См. "1/2 века", Нью-Йорк, 1932 г. и его же журнал "Цвет и рифма".

6. Члены "Российской ассоциации пролетарских писателей".

7. Государственное литературное издательство (СССР).

8. В 1966 г. вышла книга П. Лукьянова и А. Соловьева "История химической промышленности в СССР". Авторы, издавая книгу в СССР, пишут также и о развитии промышленности в дореволюционной России. С 1900 г. до 1916 г. производство азотной кислоты возросло в 39,8 раз! Только за три года (1900—1903) производство фосфатов поднялось с 42 000 тонн до 85 000 тонн! Рост промышленности в период 1905—1914 никогда не был достигнут ни в одной пятилетке.

9. Придя к власти, большевики запретили выдавать читателям в библиотеках книги даже таких философов, как И. Кант и Платон. Богословские книги часто просто сжигались или за гроши продавались за границу.

10. Н. Бердяев писал: Маркс — Ветхий Завет, Ленин — Новый Завет. Свои мученики — коммунисты. Свои праведники, свои "ереси", свои Соборы, исповеди, и т. д.

11. В истории большевистского правления в России был краткий период так называемой "уровниловки". Выплаты денег были одинаковы (за исключением знатных партийцев). Вскоре, однако, введено было резкое разделение в величине заработка и в количестве других благ — "по заслугам". А ценность заслуг решала и решает партия.

Ч А С Т Ь 1. ЗАРУБЕЖНАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

12. М. Цветаева вскоре после возвращения повесилась. Проф. Устрялова убили. Д. Святополк-Мирский умер в концлагере. А. Толстой и И. Эренбург сделали блестящую карьеру. А. Белый хныкал и томился.

13. См. "Библиография русской зарубежной литературы. 1918—1968". G. K. Hall, Boston, 1971.

14. Талантливый прозаик: "Отчина" (1928), "Поле" (1938).

15. См. "Русская литература в эмиграции", сборник статей под ред. Н. Полторацкого. Питсбург, 1972.

16. См. интересную статью невозвращенца М. Корякова в "Новом русском слове" от 26 апреля 1973.

17. Продовольственный налог, которым облагали крестьян.

18. Савицкий — геополитик, историк, экономист. Трубецкой — лингвист, фонолог. Флоровский — будущий отец Георгий, историк церкви. Карсавин — историк средних веков, мистик. Арестован в г. Ковно в Литве в 1939 г. и погиб в концлагере в 1952 г. Слово ЕВРАЗИЯ введено в науку австрийским геологом Э. Зюсом как геологический термин.

19. Подробную критику именно этой стороны атеизма и коммунизма дал позднее отошедший от евразийцев Георгий Флоровский. Он посчитал евразийство "соблазном духа". См. его статью в 1928 г. в "Современных записках" № XX1У (Париж).

20. Особенно интересны статьи о марксизме польского марксиста А. Ставара и книга Б. Петрова (Вышеславцева) "Философская нищета марксизма". Франкфурт, 1952.

21. См. S. Johanson. *Le symbolisme*. Copenhagen, 1945.

22. З. Гиппиус, отличаясь острым и живым умом, создала ряд ценных литературных этюдов и рецензий. О ее жизни см. английскую книгу Т. Пахмус. Из статей Гиппиус особенно ценна работа о Н. Некрасове.

23. Подробнее см. N. Zernov. *The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century*. London, 1963. И по-русски: З. Гиппиус. "Димитрий Мережковский". Париж, 1951.

24. Издано посмертно. См. "Новый журнал", кн. 64, 65, 66 (1961—1962). Нью-Йорк.

25. Напечатана посмертно в журнале "Возрождение", №№ 138—139 (Париж, 1968).

26. Из "Божественной комедии" Данте: "Nell mezzo del cammin di nostra vita".

27. Т. Пахмус, "З. Н. Гиппиус в эмиграции — по ее письмам". См. "Русская литература в эмиграции". 1972 (Ред. Н. Полторацкий). Питсбург.

28. Сокращенное название продуктовых магазинов в Петрограде.
29. Сокращенно — Районный комитет.
30. См. книгу А. Дынника "А. И. Куприн", Лансинг, 1969 (Очерк жизни и творчества).
31. И. Ильин. "О тьме и просветлении" (Бунин, Ремизов и Шмелев). Мюнхен. 1959. А. Волков, "Проза Бунина". Москва, 1968. Отзывы критиков и писателей о Бунине — эмигранте собраны в книге Г. Струве "Русская литература в изгнании". Нью-Йорк, 1956, стр. 81—85 и 246—253.
32. Из переводов особенно ценны "Песнь о Гайавате" Лонгфелло; "Манфред" и "Каин" Байрона и "Леди Годива" Теннисона, а также великолепен перевод "Ворона" Э. По.
33. Лиричность особенно ярка, по нашему мнению, в "Божьем древе", где ряд страниц — стихотворения в прозе.
34. Семен Надсон (1862—1887) — поэт декадентского пессимизма и грусти.
35. В описании смерти богатого американца, путешествующего на роскошном пароходе, можно уловить влияние Л. Толстого и его рассказа "Смерть Ивана Ильича".
36. Е. Дорош (р. 1908), член компартии с 1945 г. Пишет на деревенские темы: "Тихая профессия", "Иван Федосеевич" (1954), "Сухое лето" (1961) и др. Хороший очеркист.
37. "Далекое". Вашингтон, 1965.
38. Борис Зайцев, "Москва", Мюнхен, 1960.
39. А. Волков. "Русская литература XX века. Октябрьский период". Москва, 1960.
40. Брат Ивана Бунина, математик, революционер-народоволец, оказавший влияние на раннее творчество И. Бунина.
41. О. Сорокина, "Творческий путь Шмелева в эмиграции". См. "Русская литература в эмиграции", под ред. Н. Полторацкого. Питсбург, 1972.
42. "Солнце мертвых" было переведено на двенадцать языков.
43. Поэт Н. А. Некрасов также вводил в свои стихи элементы сказа.
44. См. "Современные записки" № 52, Париж, 1933.
45. ПРОЛЕТКУЛЬТ — Пролетарская литературно-художественная и культурно-просветительская организация 1917—1932 гг. Теоретиком в ней был А. Богданов. Выделялись П. Бессалько, П. Лебедев-Полянский и В. Плетнев. Организация насчитывала 400 000 членов.
46. См. П. Грибановский, "Борис Константинович Зайцев" в сборнике "Русская литература в эмиграции". Ред. Н. Полторацкий. Питсбург, 1972. Там же библиография.

47. Сообщение А. Шиляевой.
48. Максимилиан Волошин — поэт и художник.
49. Зайцев знал Б. Пастернака лично.
50. С. N. Lee, *The Novels of Aldanov*. The Hague Mouton Co, 1963.
51. Особо интересен труд Алданова, изданный в 1950 г. Изд. Paul Herman et Cie, *La possibilite des nouvelles decouvertes en chimie*.
Библиографию и оценку творчества Алданова лучше всего дает статья Ч. Николас Ли в сборнике под ред. Н. Полторацкого (1972).
52. Об этом М. Алданов писал И. Бунину 21 февраля 1931 г.
53. От Иоанна, гл. X11, ст. 24.
54. Роман Гуль, "Поэзия нарциссизма" — в кн. "Одвуконь", 1973.
55. Глеб Струве, "Русская литература в изгнании", 1956.
56. См. журнал "Современные записки" (1923).
57. См. Апокалипсис, гл. У111, ст. 10—11.
58. Лучшая книга о поэтессе — S. Karlinsky, *Marina Cvetajeva*. Berkeley, 1966 (Univ. of Calif. Press).
59. См. Роман Гуль, "Одвуконь", Нью-Йорк, 1973, стр. 291—292.
60. Знаменитый русский драматург и поэт. (1823—1886).
61. "проживать" здесь — тратить деньги.
62. "Русская литература в изгнании". Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1956, с. 146.
63. *Modern Russian Literature*, New York. 1953.
64. Печатался в журнале "Воля России". Прага, 1925.
65. Итальянское слово *sbigo* и французское *sbire* — полисмен.
66. Князь Олег, жил в X веке после Р. X.
67. Имеется в виду "Песнь о вещем Олеге".
68. См. "Новый журнал", кн. 52. Нью-Йорк, 1958, стр. 58—59.
69. Г. Иванов эмигрировал в 1923 году.
70. См. статью Р. Гуля в "Новом журнале", кн. 52, и В. Маркова "О поэзии Георгия Иванова" в ж-ле "Опыты" № 8. См. также библиографию в кн. Л. Фостер.

71. Об акмеизме и Н. Гумилеве см. в отделе "Советская литература", часть 3.
72. 1878—1890.
73. См. "Русская литература в эмиграции". Сборник статей под ред. Н. Полторацкого. Питсбург, 1972.
74. См. Глеб Струве, "Русская литература в изгнании", Нью-Йорк, 1956, стр. 281.
75. Там же, стр. 284.
76. Первый сборник стихов издан им в России в 1916 г.
77. В Праге историк литературы Алфред Бем организовал кружок из молодых поэтов и писателей, сходный с парижским кружком Г. Адамовича.
78. См. В. Ходасевич, "Литературные статьи и воспоминания", Нью-Йорк, 1954.
79. Есть основания полагать, что это слово введено во французский язык русскими в начале века — от "быстро".
80. Подробнее о матери Марии см. в статье Т. Манухиной, "Новый журнал" № 41 (1955).
81. Некоторые знакомые Поплавского предполагали, что это была не случайная смерть от большой дозы наркотиков, а самоубийство.
82. Младороссы — партия, в которой было много засланных из СССР провокаторов. Цель — монархия под Сталиным. О младороссах см. в книге: Р. Рончевский, "Младороссы", Торонто, 1973.
83. П. Краснов (1869—1947), главное произведение — "От двуглавого орла к красному знамени".
84. Настоящая фамилия Акульшин. В США вступил в религиозную общину баптистов. Напечатал очень много романов, рассказов, стихов, но часто мало художественных. Лучшее — правдивые воспоминания о своей жизни в СССР.
85. Следует подчеркнуть, что Анна Ахматова одобряла Л. Алексееву, а и она была певцом воспоминаний. Известность Алексеевой принесли стихи, напечатанные в "Возрождении" и высокая оценка ее таланта И. Тхоржевским. См. сборник "Содружество" (1947—1948).
86. Православные мистики постоянно говорили о "теплоте Божьей благодати".
87. Одно время принадлежал к пражскому объединению "Скит поэтов" под председательством А. Бема. Книги повестей и рассказов. Особенно удачны "Прекрасная Эсмеральда" (1933) и "Канаречное счастье" (1938). Существенно влияние Н. Лескова.
88. См. Л. Ржевский, "Художественная проза "новой эмиграции" в сборнике под ред. Н. Полторацкого.

ЧАСТЬ 2. ЛИТЕРАТУРА В СССР

ВВЕДЕНИЕ

1. На Западе редко интересуются положением индустрии в России до 1917 г. Однако Россия уже тогда занимала по индустрии четвертое место в Европе, а по машиностроению была на третьем, превосходя Францию! См. более полные данные в советской книге "План ГОЭРЛО". Москва, 1955.

2. Со времен Петра Великого (XУ111 в.) церковь в России была подчинена в своем управлении государству.

3. Указание поэта и дипломата Ф. Тютчева (1803—1873) .

4. См. памфлет Л. Толстого "Разрушение ада и восстановление его". В нем читаем слова Дьявола: "И когда они (люди) поверили в Церковь, я успокоился... ад восстановлен".

5. См. Р. Гуль, "Писатель и цензура в СССР". "Новый журнал" № 103, Нью-Йорк, 1972.

6. Очень важны слова В. Ленина в конце 1921 года на втором пленуме Центрального комитета партии большевиков: "...Товарищи, со всей серьезностью прошу вас отнестись к моим словам. *Страну необходимо опоясать исправительно-трудовыми лагерями, и режим там должен быть самый жестокий, никакого либерализма... Что делать с инакомыслящими интеллигентами, которые в одно и то же время и с нами и против нас? Огромную роль в деле их воспитания и перевоспитания должны сыграть психиатрические лечебницы-стационары. Я думаю, товарищи, что вы меня в этом вопросе поддержите...*"

7. См. книгу Роя и Жореса Медведевых "Кто сумасшедший". Изд. "Посев", 1972.

8. Эвфемизм для тирании Сталина.

9. Интересно, что ряд коммунистов утверждает, что в СССР уже нет классов. Откуда же тогда взяться классовой морали?

10. В. Быков (р. 1924) . Повесть "Журавлиный крик" (1960) , рассказы "Смерть человека", "Двадцатый". Писатель очень остро ставит вопрос о ценности жизни человека и критически разбирает войну 1941—1945.

11. Полная бессмыслица. Формализм возник в начале XX века как течение в литературоведении и критике. Он изучает значение художественной формы произведения, развитие жанров, смену метров, изменение в структуре романа, драмы, смену форм рифмы и т. д.

12. Литературовед и биограф, автор исторических романов-биографий: "Кюхля", "Смерть Вазир-Мухтара".

13. Основан графом Зубовым в 1912 г.

14. Очень обстоятельную книгу о формалистах в России написал В. Эрлих (V. Erlich, *Russian Formalism*, Hague, 1955). См. и René Wellek und Austin Warren, *Theory of Liter-*

ature (A Harvest Book, New York, 1956). О разгроме Института, увольнении профессоров за формализм, см. L. Shapovaloff, *The Russian State Institute of Art History*, напечатано в *Transactions of Association of Russian-American Scholars in USA* (Vol. VI, New York, 1972). Цитируется сборник статей с предисловием Романа Якобсона. Привожу название и данные французского издания: *Theorie de la littérature. Textes des Formalistes russe*. Aux éditions du Seuil, Paris, 1965.

15. Необходимо признать значительный вклад русских новаторов 10-х и 20-х годов в область поэтики, определивший прогресс научной мысли в сфере языка во всем разнообразии его функций.

16. См. его книгу "Живой как жизнь. Разговор о русском языке". Изд. "Молодая гвардия", 1962.

ГЛАВА 1

1. См. о "Мелком бес" книгу Г. Селегень "Прехитрая вязь", Вашингтон, 1968.

2. Renato Poggioli. *The Poets of Russia 1890–1930*. Cambridge, 1960.

3. См. роман о безнаказанности зла в обществе: Barbey D'Aureville, *Les Diaboliques* (1874). Переведен на русский язык в 1908 г.

4. От ужасов революции, говорят, покончила с собой жена Сологуба, бросившись в Неву. Сологубов не выпускали из СССР. См. В. Ходасевич. "Некрополь", Брюссель, 1939. Стр. 176.

5. В. Короленко (1853–1921). Писатель, близкий к революционерам-народникам, гуманист, демократ. Повести "Слепой музыкант" (1886), "Без языка" (1895), "Сон Макара" (1885), "История моего современника" (1906–1922). Собрание сочинений в десяти томах. Москва, 1953–1956.

6. Всеволод Иванов (1895–1963). "Бронепоезд 14–69", "Цветные ветра", "Голубые пески" (1923), "Северосталь" (1925) и др. См. Всеволод Иванов.

7. См. М. Горький, "О социалистическом реализме" в "Собрании сочинений", т. 27, Москва, 1953. В Энциклопедии СССР приведены и две речи другого авторитета в вопросах соцреализма — Н. Хрущева (речи 1957 и 1959 годов). Теперь, после падения Хрущева, эти речи уже нигде не упоминаются.

8. Автор книги "Человек меняет кожу" (американец инженер на стройке в Средней Азии становится коммунистом).

9. Автор книг "Педагогическая поэма" и "Флаги на башнях" (о воспитании и перевоспитании, по опыту работы с детьми в детской колонии).

10. Автор романа "Как закалялась сталь" (1932–34) и "Рожденные бурей" (1936).

11. Его дань соцреализму — роман "Хлеб", о роли Ленина и Сталина в годы революции.

12. Критика хвалила Б. Ясенского, однако в 1938 г. писатель был арестован и

“ликвидирован”. Видимо, он не всегда понимал, что “свобода есть осознанная необходимость”.

13. См. Б. Зайцев, “Москва”.

14. Письмо по поводу смерти сына Серафимовича. См. “Сочинения Ленина”, Москва, 1941—1958, т. 35, стр. 383.

15. А. Фадеев написал также роман “Молодая гвардия” (1945), в котором описаны действия группы молодых коммунистов на Дону во время немецкой оккупации. Роман стал очень знаменит в СССР. По требованию властей автор не раз менял концепции и даже содержание романа. Фадеев многие годы был первым секретарем Союза советских писателей. В 1956 г., после возвращения нескольких писателей, арестованных и посаженных в лагеря по его прямому указанию, Фадеев застрелился.

16. Поэт умер от солнечного удара.

17. Риккерт — немецкий философ (1863—1936), неокантианец.

18. А. Рембо (1854—1891) писал о звукописи: “Я избрал цвет для гласных букв: А — черная, Е — белое, И — красное, О — голубое, У — зеленое... Я писал молчания, я запечатлевал необъяснимое...” А. Блок тоже увлекался этой проблемой. “Существительное и глагол совпадают: первое — с краской, второй — с линией”. См. и о В. Хлебникове у Ю. Анненкова в “Дневнике моих встреч”, т. 1 (1969).

19. Великий русский ученый и поэт (1711—1765).

20. Увы, Октябрь 1917 г. не принес счастья: “Я видел, как печь топят буфетом, как кипят чайник на лампе, как жарят конину на кокосовом масле и как воруют балки из разрушенных зданий”. Часто и после революции писатель вел полуголодную жизнь. Его фантастика тогда была не ко двору.

21. Konrad Korzeniowski (1857—1924), romancier anglais.

22. По этой повести, ставшей очень популярной в СССР, снят фильм и поставлен балет.

23. *Russian Literature under Lenin and Stalin. 1917—1953.* Oklahoma Univ. Press, 1971.

24. *Revue des Etudes Slaves.* Vol. 38, Paris, 1961.

25. *Suvremeni Ruski Pisci.* Zagreb, 1962.

26. Всеволод Рождественский (р. 1895), поэт. Его сборники: “Гимназические годы” (1914), “Лето”, “Золотое веретено” (1921), “Земное сердце” (1933), “Голос родины” (1943), “Родные дороги” и др. А также мемуары — “Страницы жизни” (1962).

27. В. Саянов (1903—1959). Писатель, поэт, литературовед.

28. См. Vyacheslav Zavalishin. *Early Soviet Writers.* Frederick Praeger Publisher, New York, 1958.

29. См. в "Скифах":

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой...

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30. См. в стихах Блока: "Я пригвожден к трактирной стойке..."

31. См. книгу С. Маковского "На Парнасе Серебряного века". Мюнхен, 1962.

32. Боюсь, что именно такой жизнью и жил часто сам поэт.

33. Он словно предвидел: за неделю-другую до смерти рассудок Блока начал мешаться.

34. Созданные революционной властью так называемые домовые комитеты из вредных режиму жильцов.

35. В еврейской и арабской ангелологии — ангел смерти, отделяющий душу от тела человека.

36. К. Мочульский, "Александр Блок", Париж, 1948; "Собрание сочинений" в 12 томах, Ленинград, 1932—36; "Собрание сочинений" в 8 томах, редактор В. Орлов, М.—Л., 1960.

ГЛАВА 2

1. Евангелие от Иоанна, гл. XI, ст. 43—44. Стихи эти, "На дне преисподней", посвящены памяти А. Блока и Н. Гумилева.

2. См. интересную статью Валерия Перелешина в "Новом русском слове" от 6 мая 1973 г.

3. Раешник — от слова "раек" (первоначально народный театр картинок и куплетов) — народный стих XV—XVI вв. с парной рифмой в конце строк, без закономерности числа слогов в стихе и даже ударений.

4. С началом войны журнал "Безбожник" закрыли, а Сталин по радио заявил: "...Русский народ всегда был предан православию".

5. Подробнее о критике Бухарина и Радека см.: Gleb Struve, *Russian Literature under Lenin and Stalin. 1917—1953*. Oklahoma, 1971, pp. 266—269.

6. Марсель Пруст, Г. Уэллс и особенно Джеймс Джойс влияли так или иначе на русскую литературу. (Вспомним Олешу, Катаева, Замятина). Их в разной степени привлекал критический взгляд на религию, изображение мира распавшегося, рассыпавшегося в осколки, описание не потока событий, а потока сознания героя, и т. д.

7. А. Дементьев, Е. Наумов, Л. Плоткин, "Русская советская литература", Москва, 1959.

8. А. Соловьев (Ю. Клобуковский), "Трое Толстых", в "новом журнале", кн. 43. Нью-Йорк, 1955, стр. 63—95.

9. В 1923 году.

10. Чуть измененная поговорка.

11. Последняя часть называется "Хмурое утро".

12. Василий Каменский (1884—1961), кубофутурист. Роман "Стенька Разин" (1916), сборник стихов "Танго с коровами. Железобетонные поэмы" (1914), поэма "Пувамма" (1920), "Иван Болотников" (1934) и др.

13. В журнале "Новый мир" № 11, 1970 г. Хлебникову посвящено стихотворение поэта Б. Слуцкого "Перепохороны Хлебникова".

14. У Маяковского: "из военной бюры", "жмет плечьми", "громადье", "крикогу-бый", "нагаммить" и прочие неологизмы.

15. "Паццо" — по-итальянски "дурак".

16. Сам Хлебников считал это не стихотворением, а поэмой, в ней — "узлы будущего — малый выход бога огня и его веселый плеск".

17. Полагаю, что корень квадратный из минуса не значит ничего, тем более у Лейбница.

18. Акме — древнегреческое слово, означающее "острие", "вершина". Советская энциклопедия (изд. 1958 г.) называет акмеизм "декадентским направлением в литературе", но в "Краткой литературной энциклопедии" (1962) написано, что хотя акмеизм возник в "условиях кризиса буржуазной культуры", он — "модернистское течение в литературе". Уже говорится и о кружке акмеистов — "Цех поэтов", о его главе Гумилеве и о принадлежавших к "Цеху поэтов" А. Ахматовой, С. Городецком, М. Кузmine, Б. Садовском и других. Сам Гумилев иногда называл акмеизм адамизмом. В кн. Бытия (гл. 2, стр. 19, 20) сказано, как Бог, создав животных и птиц, привел их к Адаму, "чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было ей имя". Силы природы, краски, звуки, ясные и четкие образы должны, по Гумилеву, преобладать в поэзии, в звучном, чеканном стихе. Так же, как и Т. Готье, Гумилев, переведший великолепно "Эмали и камеи", требовал от поэта красочной ясности, ухода от неясной музыки, намеков и усложненной символики. Своим учителем стиха, крепкого и сильного, он считал В. Брюсова. У Гумилева есть обращение к живописцу в жизни, к простой вере, а не пассивному восприятию религиозных томлений. Во всем у него активное начало: Воля, Вера и Подвиг. Акмеизм создал сильное течение в поэзии и прозе, повлиял на таких различных поэтов, как А. Ахматова, С. Городецкий, О. Мандельштам, Э. Багрицкий (Дзюбин), И. Одоевцева, Г. Иванов, Г. Адамович, Н. Тихонов, Б. Лавренев, К. Симонов и др. Акмеизм брал нечто и от символистов типа А. Рембо, В. Брюсова, но был новым и живым направлением поэзии. Не умерло оно и до сих пор, ни за границей, ни в СССР.

19. В русской летописи 1187 г. читаем: "Небо погоре облакы огнезарными".

20. Иннокентий Анненский (1856–1909), изощренно тонкий поэт, знаток классических языков, оригинальный критик. Перевел на русский язык все трагедии Эврипида, многие стихи Ш. Бодлера, П. Верлена и Леконта де Лилля. Написал блестящие трагедии: “Меланиппа – философ”, “Лаодамия”, “Царь Иксион” и др. Из сборников стихов (всего три) выделяется “Кипарисовый ларец”. Критические этюды и эссе вышли в двух томах – “Книга отражений” (1906–1909). Избранные стихи и трагедии Анненского переизданы в Ленинграде в 1959 г. Поэзию Анненского высоко ценила А. Ахматова.

21. *Pirpa passes* – пьеса в стихах Р. Браунинга (1818–1889), написанная поэтом в 1841 году.

22. Гафиз (Shamsad Din Mohammed), гениальный персидский поэт XI в. (гафиз – знаток Корана).

23. Имр (Имру) – ул Каис, создатель правил арабского стиха (VI в.). Гумилев мог читать о нем по-русски в кн. В. Розена “Древнеарабская поэзия и ее критики”, 1872, или А. Крымского “Арабская литература в очерках и образцах”, Москва, 1911.

24. Пери – в персидской мифологии крылатая дева, защитница от злых духов.

25. койнэ – общегреческий язык с I столетия после Р. Х.

26. Комментаторы вашингтонского издания несколько ошиблись. У Юстиниана от Феодоры был ребенок, но умер во младенчестве.

27. См. G. Olinder, *The Kings of Kinda*, Lund, 1927.

28. Сравн. Евангелие от Иоанна, гл. 1, стр. 1.

29. В книге “История советской литературы” Ахматовой не посвящено и четверти страницы.

30. См. Надежда Мандельштам, “Вторая книга” (воспоминания), Париж, 1972, стр. 255. Пророчествам Кассандры в Трое, увы, никто не верил.

31. Н. Мандельштам, *там же*, стр. 497 и 498.

32. Н. Мандельштам, *там же*, стр. 256.

33. См. об этом во “Второй книге” Н. Мандельштам, стр. 422. А также в книге Г. Струве *The Soviet Literature*.

34. Несколько раз переиздавалась в эмиграции.

35. См. подробное описание этой сцены в романе В. Максимова “Семь дней творения”, Самиздат, 1970. Переиздан “Посевом” в 1971 г. в Германии.

36. Черная Маруся – тюремный автомобиль НКВД (позже – Черный ворон).

37. См. Р. Гуль, “Одвуконь”, Нью-Йорк, 1973, стр. 270–271.

38. Об Ахматовой писали многие: Н. Недоброво в “Русской мысли” № 4, 1915;

В. Виноградов, В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум в книге "Анна Ахматова. Опыт анализа", Петроград, 1923. Г. Струве, Б. Филиппов, Р. Плетнев (по-словацки, по-чешски, по-русски) и др.

39. См. "Вторая книга", стр. 262 и след. Мандельштам был особенно чуток к формам и заветам древних культур.

40. Одной из причин ареста была ходившая по рукам эпиграмма Мандельштама на Сталина.

41. Самое полное собрание сочинений О. Мандельштама, в трех томах, издано под редакцией Г. Струве и Б. Филиппова, Вашингтон, 1964—69.

42. По мнению Г. Струве, поэт написал это эссе в 1931 году. В нем своего рода кредо поэта, данное в связи с разбором "Божественной комедии": "поэзия не поддается пересказу".

43. См. "Вторая книга", стр. 345.

44. В 1927 г. написана им оптимистическая поэма "Хорошо".

45. ЛЕФ — Левый фронт искусства.

46. РАПП — Рабочая ассоциация пролетарских писателей. Закрыта в 1932 г.

47. По-французски Маяковского можно прочесть в книге *Maiakovsky inconnu*, изданной в 1958 г. в переводе Ю. Анненкова, и в книге, изданной в 1963 году с предисловием Эльзы Триоле — *Vers et proses choisis*.

48. Илья Мечников, знаменитый русский ученый, врач, последователь Пастера, в 1908 г. получил Нобелевскую премию.

49. Смешная нелепость — нагар снимали в старину с фитилей сальных свечей.

50. Вероятно, идея туннеля взята из романа Б. Келлермана "Туннель", 1913.

51. Маяковский верил, судя по замечаниям Р. Якобсона, в будущее воскрешение научными методами умерших людей. Вероятно, он знал об идеях Н. Федорова ("Философия общего дела").

52. Слова, которые сказал Андрэ Жид, — приведены Ю. Анненковым в "Дневнике моих встреч. Цикл трагедий". Т. 1, стр. 206.

53. Она поразила даже Железного канцлера — Бисмарка.

54. Сергей Клычков (настоящая фамилия Лешенков, 1889—1940). Родился в семье сапожника. Начал печататься с 1908 г. Как поэт и писатель был близок к крестьянской поэзии Н. Клюева и С. Есенина. Клычков явно не хотел принять советскую действительность. В стихах, полных народной фантазии, он мечтает о недостижимом: "Я ищу в забытии, чего нету на свете и чего никогда не найти". Из прозаических произведений важны: "Сахарный немец", "Чертухинский балакирь" (1926), "Талисман" (1927). Советский литературовед К. Сергеев писал в 1966 году: "Клыч-

ков в 1937 г. был незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован”.

55. Химическая формула жень-шеня (по советской энциклопедии) — С 32 Н 36 О 49 С 27 Н 48.

56. Колобок — персонаж русской народной шуточной сказки, круглый хлебец.

57. Росстань — распутье, перекресток дорог.

ГЛАВА 3

1. Анатолий Якобсон, “Конец трагедии”, изд. имени Чехова, Нью-Йорк, 1973. (А. Якобсон — молодой советский писатель-историк, автор Самиздата, год рождения 1935.)

2. Подробнее см. Глеб Струве, *ук. соч.*, стр. 43—45.

3. См. сборник “Лица”, изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955 г., стр. 103 и сл.

4. Содружество писателей назвало себя “Серапионовы братья”, по имени персонажа Е. Т. Гофмана. Основой содружества была вера в свободу художника и независимость искусства от идеологий. Всех их было человек двенадцать, некоторые, как В. Познер, эмигрировали и стали французскими писателями. Наиболее известными, кроме их учителя Е. Замятина, стали В. Шкловский, М. Зощенко, В. Иванов, К. Федин и В. Каверин (Зильберг). За границей умер теоретик Л. Лунц (в 1924 г.).

5. Ольга Форш (1875—1961) — советская писательница.

6. Перифраз из книги Бытия, гл. 1, ст. 26.

7. Прославление пятилетки.

8. Имеется в виду коммунистический переворот в октябре 1917 г.

9. “Русская литература”. Изд. “Возрождение”, Париж, 1950, стр. 612.

10. В романе угадывается влияние “Войны и мира” Толстого. Например, полковник Найтурс напоминает Денисова, Петю — герой романа, юный юнкер, и т. д.

11. Самый полный текст, без цензурных купюр, издан в 1969 г. во Франкфурте издательством “Посев”. О цензурированных выпусках см. статью Л. Ржевского в “Новом журнале” № 90, 1968.

12. Воланд — имя демона в “Фаусте” Гете. Эпиграф к роману тоже взят из “Фауста”.

13. Подробнее см. в моей книге “О литературе”, Торонто, 1969 (Издание Русской летней школы Торонтского университета).

14. Robert Payne, *The Three Worlds of Boris Pasternak*. Bloomington, Indiana Press. 1963 з pp. 83—85.

15. Рдест, кундурак — водяное растение.
16. т. е. преподавателю греческого языка. Революция упразднила изучение древних языков в средних школах. До революции его изучали в классических гимназиях и в семинариях.
17. Великий князь.
18. "Б. Пастернак. Сочинения. т. 1. Стихи и поэмы". Под ред. проф. Г. Струве и Б. Филиппова. Анн Арбор. University of Michigan Press, 1961, стр. XXXY1—XXXY111.
19. Невозвращенец с апреля 1972 г., бывший научный сотрудник Академии наук СССР. См. *The New Review* № 109, Нью-Йорк, 1972, стр. 216, сл.
20. "книга жизни" — термин из Апокалипсиса.
21. М. Слоним, "Роман Пастернака", "Новый журнал", кн. 58, Нью-Йорк, 1958.
22. См. ее собрание сочинений в двух томах. Москва, 1928.
23. Покончил с собой в 1937 году.
24. "Собрание сочинений", т. 1, 1957 г., стр. 9 и 13.
25. О жизни и творчестве Паустовского см. Л. Левицкий, "Константин Паустовский". Москва, 1963. Неплохая книга — В. Ильин, "К. Паустовский. Поэзия странствий". Москва, 1967.
26. "Вторая книга", стр. 169.
27. См. Г. Струве, *ук. соч.*, стр. 94.
28. Имена символические: Старцов — от "старость" и Ван от *der Wahn* — мечта, иллюзия.
29. К. Федин был одно время актером.
30. См. Г. Струве, *ук. соч.*, стр. 343 и Б. Брайнина, "Константин Федин", Москва, 1956. А также "Собрание сочинений" Федина в девяти томах, Москва, 1960.
31. Былье — сорняки, трава забвения.
32. полынная — значит горькая.
33. См. П. Палиевский, "Экспериментальная литература" в "Вопросах литературы" № 8, 1966.
34. Там есть любопытные страницы о русских юридах.
35. Михаил Фрунзе (1885—1925), одаренный полководец, заместитель народного комиссара по военно-морским делам. Умер на операционном столе.
36. Г. Зиновьев (1883—1936), сотрудник Ленина в организации Коммунистического интернационала.

37. Мешочниками называли кочевавших в годы гражданской войны торговцев черного рынка.
38. H el ene Scriabine, *Les faux dieux*. Mercure de France. Paris, 1963, стр. 11–12.
39. “Литературное наследство”, т. 70, 1963.
40. М. Зощенко, “Избранное”, Анн Арбор, 1960, стр. 18.
41. См. Зощенко, “Перед восходом солнца”. Введение Б. Филиппова. Нью-Йорк, Балтимор, 1967, стр. 16–17.
42. Там же, стр. 30, 32.

ГЛАВА 4

1. См. подробнее в статье Г. Маквей “Письма и записки Есенина”, “Новый журнал” № 109, 1972.
2. Самое до сих пор полное “Собрание сочинений” в пяти томах, со статьей К. Зелинского, Москва, 1961–1962.
3. Вероятно, переделка имени Н. Махно (1884–1934), анархиста, бандита времен гражданской войны 1918–21 годов.
4. Намек на сервильность Демьяна Бедного.
5. Тужиль — грусть, тоска, — от слова “тужить”.
6. Тальянка — гармонь.
7. Из советских писателей интересные описания Сибири и ее жителей дали Л. Сейфулина, В. Шишков, А. Фадеев и П. Павленко (“На Востоке”, “Азиатские рассказы”).
8. Глеб Струве видит в повести влияние Л. Толстого и Ф. Достоевского.
9. См. Aleksander Flaker, *Suvremeni ruski pisci*. III. Zagreb, 1962, p. 228. А. Флакеры пришлось подняться по лестнице на девятый этаж. Трудная прогулка для старого большого Олеша.
10. А. Белинков (1921–1970), талантливый критик и литературовед. Бежал на Запад в 1968 году.
11. Иван Суриков (1841–1890). Поэт из крестьян. Автор популярных песен: “Рябина”, “В степи”, “Песня сироты” и др.
12. “Зеленые” — партизаны времен гражданской войны, не признававшие ни белых, ни красных. Их политика была: налогов не платить, не воевать и быть независимыми и свободными. Во время войны часто бандитствовали в деревнях.
13. *A History of Soviet Literature*. New York, 1964, p. 221.

14. Я не уверен, был ли это Михаил Александрович Шолохов или какой-нибудь его однофамилец.

15. После 1945 г. вывезен в СССР и засекречен.

16. Своеобразное продолжение некоторых идей романа "Новь" (что тоже значит "поднятая целина") И. Тургенева, но на Дону и в конце двадцатых годов.

17. Подробнее всего описание коллективизации на основании документов дано в книге С. Маслова "Колхозная Россия", издат. "Крестьянская Россия", 1937, стр. 51, стр. 208–209 и след.

18. См. Р. Плетнев, "А. И. Солженицын", YMCA Press, Paris, 1973, стр. 20.

ГЛАВА 5

19. Сборник стихов "Голубая глубина", Краснодар, 1922. Книга "Электрификация", 1922.

20. Вспомним народное присловье: "На Макара все шишки валяются" и "Сон Макара" В. Короленко.

21. См. "Литературная газета" от 17 октября 1964 г.

22. См. его роман "Утро советов" (1957), повесть "Пушка Югова" (1944) и др.

23. См.: И. Ильф. и Е. Петров, "Собрание сочинений" в пяти томах, Москва, 1961.

24. Анри Барбюс (1873–1935), франц. писатель, автор биографии Сталина.

25. Леон Фейхтвангер (1884–1958), нем. писатель: "Братья Лаутензак", "Безобразная герцогиня", "Лисы в винограднике", "Еврей Зюс", "Симона", "Москва 1937" и другие.

26. Артур Конан-Дойль (1859–1930), англ. писатель, автор замечательных исторических романов и создатель образа легендарного сыщика Шерлока Холмса.

27. У Г. Струве, *ук. соч.* стр. 113, дается фамилия Зильберг, а в Советской энциклопедии — Зильбер.

28. "Вне закона" — пьеса о необходимости свободы для искусства; "Обезьяны идут" и "Бертран де Борн" отличаются напряженным драматизмом. М. Горький высоко ценил талант Л. Лунца.

29. В. Катаев — автор повестей "Растратчики" (1926), "Белеет парус одинокий" (1936), "Сын полка" (1945), остроумной комедии "Квадратура круга" (1928) и др. В книге "Белеет парус одинокий", ставшей особенно популярной, хорошо описана атмосфера 1904–1905 годов и удачны психологические детские портреты.

30. См. Николай Заболоцкий, "Стихотворения". Под общей редакцией Г. Струве и Б. Филиппова. Inter-Language Literary Associates. Washington—New York, 1965, p. XXXV.

31. Н. Тихонов, поэт-коммунист, получивший премии Сталинскую и Ленинскую. Издал ряд сборников стихов и рассказов, начиная с 1922 г. О К. Федине см. в отдельном очерке.

32. Эвфемизм, читай: пыток.

33. Сычуг — коровий желудок. Другое название — рубец.

34. Читай — поэзия.

35. Ср. название романа П. Краснова о СССР — “За чертополохом”.

36. См. Л. Плоткин, “Творчество Веры Пановой”. Москва—Ленинград, 1962. См. также А. Нинов, “Вера Панова”, Ленинград, 1964.

37. Ранние святые русской церкви X—XI вв.

38. История переименования г. Перми такова: до 1940 г. — Пермь. Название связано с финноугорской народностью, “пермяками”, жившими в этих краях. С 1940 г. назван Молотовым и так оставался до 1957 г. С этого года В. Молотов впал в немилость, и город вновь, еще при его жизни, стал Пермью! Подобное — не редкость в географии СССР. Сравни: Царицын — Сталинград — Волгоград, история переименований Гатчины и др. Можно надеяться, что и Ленинград когда-нибудь станет прежним Петроградом.

39. Слово “листопад” в старину обозначало месяц октябрь.

40. См. “Литературная газета” от 17 янв. 1948.

41. См. “Раковый корпус”, изд. YMCA-Press, Париж, 1968, стр. 111.

42. Особенно печальны 1931—1940 гг. Об этом сказано даже в “Краткой литературной энциклопедии”, т. 2.

43. Корней Чуковский (1882—1963). Критик, писатель, переводчик и поэт. См.: “От Чехова до наших дней” (1907), “Уолт Уитмен” (1914), “Лица и маски” (1914), “От двух до пяти”, “Мастерство Некрасова” (1952). Переводы из Шекспира, Киплинга, М. Твена, О. Генри и др. Детские стихи и поэмы он писал начиная с 1916 года. Оставил часть наследства А. И. Солженицыну.

44. Самуил Маршак (1887—1964), воспитанник М. Горького. Печататься начал в 1907 г. В 1913—1914 учился в Англии, переводил английских поэтов. После революции организовал театр для детей. Выпустил много книжек для детей, см., например, “Сказки, песни и загадки”, изд. 1966 г.

45. Переводил сонеты Шекспира, стихи Роберта Бернса, стихи для детей Эдварда Лира, Д. Милна и др., народные английские стихи, баллады и песни: см. “Дом, который построил Джек”, “Сказка о глупом мышонке” и т. д.

46. См. Борис Житков, “Избранное”, М. 1963. С предисловием Л. Чуковской.

47. Елизавета Полонская (р. 1890). Из детских книг стихов известны: “Зайчата” (1923), “Часы” (1925). О Серапионах см. в ее книге “Упрямый календарь” (1929).

В 1945 году поэтесса выпустила книгу стихов о войне — “Камская тетрадь”.

48. Сергей Михалков (р. 1913). Поэт, баснописец, политико-публицистический писатель, редактор и известный детский поэт. См. “Собрание сочинений”, тт. 1—4. Москва, 1963—1964. Написал слова гимна СССР и потом переделал их по требованию властей (после смерти Сталина из гимна было убрано его имя и везде заменено словом “партия”).

ГЛАВА 6

49. Алексей Апухтин (1840—1893) — известный русский поэт.

50. Николай Федоров (1828—1903), философ, автор книги “Философия общего дела”, т. 1 (1906), т. 2 (1913). Главная идея — воскрешение мертвых.

51. Константин Циолковский (1857—1935), изобретатель космических летательных аппаратов.

52. “Русский советский рассказ. Очерк истории жанра”. Изд. “Наука”, Ленинград, 1970 (ред. В. Ковалев), стр. 457.

53. Исаак Нусинов (1889—1950), грубо прямолинейный, вульгарный критик-марксист. Репрессирован в 1949 г. “Посмертно реабилитирован”.

54. Александр Беляев (1884—1942). Начал печататься с 1910 года.

55. Е. Р. Берроуз (1875—1950).

56. Анатолий Днепров (настоящая фамилия Мицкевич, р. 1919). Романы: “Мир, в котором я исчез”; “Формула бессмертия” и др. По образованию физик, печатается с 1958 года.

57. Антон Макаренко (1888—1939). Педагог, автор книг: “Марш 30-го года” (1932), “Педагогическая поэма” (1933—1935) и др.

58. См. в книге “История русского театра” (Нью-Йорк, 1955), принадлежащей перу знаменитого режиссера и писателя Николая Евреинова (1879—1953). Эмигрант с двадцатых годов. Умер в Париже.

59. Пролетарская культурная организация возникла еще в конце февраля, в марте 1917 г. Культивировала революционно-романтический пафос. Из Пролеткульта выделилась группа посредственных поэтов под названием “Кузница”. В 1932 г. Пролеткульт был закрыт, частью за прежнюю полемику с Лениным и отрицание “классиков”.

60. В. Ленин, “Собрание сочинений”. Изд. 4, т. 1, стр. 381.

61. Николай Островский (1904—1936): “Как закалялась сталь” (1932—1935); “Рожденные бурей” (1936).

62. Настоящая фамилия Голиков (1904—1941).

63. Поэтесса (р. 1924), санитарный инструктор во время второй мировой войны. Сборники: "В солдатской шинели" (1948), "Ветер с фронта" (1958), "Современники" (1960) и др. Вполне правоверная коммунистка.

64. Герой романа Н. Чернышевского "Что делать" (1863).

65. Подробнее о смысле соблазнов утопии см. в моей статье "О соблазнах и соблазнившихся". "Новое русское слово", Нью-Йорк, 31 янв. 1966.

66. У коммунистов свои праздники, своя вселенскость, свои мученики, свои соборы, свои ереси, свои мощи и т. д.

67. Тогда мальчишки в городах пели:

Спички шведские,
Головки советские,
Две минуты вонь,
Потом иногда огонь.

И теперь, в 1972—73 годах в ряде сел Севера не было спичек! О спичках конца сороковых годов можно прочесть в советском журнале "Крокодил", что есть коробки, в которых ни одна спичка не зажигается. Но "Миги" летают отлично, и артиллерия очень хороша.

68. "Вторая книга", стр. 255.

69. "Районные будни" (1952—56); "Слепой машинист" (1941) и др.

70. Напечатано в ж-ле "Новый мир" № 12 за 1962 г.

71. "Литературная Москва", 1956.

72. "Новый мир" № 6 (1964).

73. См. "Русский советский рассказ". Академия наук СССР. Ленинград, 1970, стр. 579. (ред. проф. В. Ковалев).

74. Муравия — фантастическая страна, крестьянская утопия, земля, где нет податей и все счастливы. Иногда народная фантазия именует ее "Белые воды".

75. Василий Теркин упоминался среди персонажей одного писателя XIX века на семинарах по литературе в Москве, которые вел Максим Горький и которые посещал Твардовский.

76. В статье, например, утверждается, что героический подвиг Панфиловцев в 1941 году — от начала до конца патриотическая выдумка.

77. Маргарита Алигер (р. 1915): "Сказка о правде", "Стихотворения" (1958).

78. Вероятно, Солоухин вспомнил, что гениальную Анну Ахматову исключили из Союза писателей, что Ярослава Смелякова (р. 1913), сына рабочего, трижды ссылали. Произведения Смелякова — "Работа и любовь", 1932; "Кремлевские ели", 1948; "Дальняя поездка" и др.

79. См. "Мать-Мачеха" (роман, рассказы), Москва, 1963, стр. 287—486.

80. Москва, изд. "Советская Россия", 1967.

81. См. в книге Солоухина "Черные доски" о разрушении храмов и икон: "Судьба ставровских церквей такова. В одной из них устроили столярную мастерскую, а в другой расположилась МТС. И в ту и другую церковь заезжали гусеничные тракторы, грузовики, закатывались бочки с горючим. Летняя церковь, та, что досталась МТС, была при строительстве укрепена железными тягами. Это ускорило ее гибель. Железные тяги приглянулись директору МТС, он приказал обрубить их и делать из них болты, гайки и др. запчасти. Меня всегда удивляла, между прочим, та легкость, с которой умеем мы распоряжаться всем, что сделано, или, как говорится, положено не нами. Освобожденные от тяг, церковные стены пошатнулись. Вибрация гусеничных тракторов, разъезжающих под сводами, ускорили дело. Церковь рухнула. На месте церкви теперь образовался скверик, в котором помещается тир и танцевальная площадка".

82. Поэт Странник (Иоанн Сан-Францисский) — "Упразднение месяца".

83. Владимир Стасов (1824—1906), художественный и музыкальный критик левого крыла интеллигенции, автор монографий о ряде русских художников.

84. См. Владимир Солоухин, "Сорок звонких капелей. Осенние листья", Изд. "Молодая гвардия", 1968, стр. 184, 191, 200, 201.

ГЛАВА 7

1. Переделка строчек песни Б. Окуджавы "Песенка американского солдата":

А если что не так, не наше дело,
Как говорится, родина велела...

Записано в СССР после оккупации Чехословакии в 1968 году.

2. Часто я задавал вопросы под видом необходимости объяснить действия СССР коллегам из Югославии и ответить на их недоумения.

3. Когда в СССР дошла весть о том, что Париж захвачен нацистами, она была встречена рукоплесканиями толпы, собравшейся на стадионе "Динамо" в Москве.

4. Об успехах финнов и их геройстве во время финской войны есть ряд объективных свидетельств. Кроме книг Маннергейма и Зензинова, см. также W. Erfurth, *Der Finnische Krieg*. Wiesbaden, 1950.

5. Вячеслав Шишков (1873—1945). Много писал о Сибири: "Помолились" (1912), "Тайга" (1916), "Угрюм-река" (1932), "Емельян Пугачев" (1945). В период НЭПа создал ряд живых сатирических рассказов в духе Зощенко — "Шутейные рассказы".

6. В деревнях, некогда принадлежавших генералиссимусу Александру Суворову (1729—1800), многие крестьяне получили фамилию по хозяину деревни — они стали Суворовы.

7. Не следует удивляться призракам у советских атеистов в моменты испытаний. Н. Хрущев нашел старую коммунистку, которая в нужный момент заявила на партийном съезде, что ей во сне явился Ленин и сказал, что не хочет лежать в мавзолее со Сталиным.

7. Борис Лавренев (1891—1953). Повести и рассказы: "Ветер" (1934), "Сорок первый" (1926); драма "Разлом" (1928), "Голос Америки" (1950) — все несут в себе политическую тенденцию.

8. Михаил Бубеннов (р. 1909). Член компартии с 1951 г. Романы: "Белая береза" (1947—1952), "Орлиная степь" (1959). В последнем со лживым пафосом описан герой, представитель молодежи, работавшей на целине.

9. См., например, Л. Лагин. "Без вести пропавший" (1931); Н. Шпанов. "Первый удар" и т. п.

10. Константин (Кирилл) Симонов (р. 1915) — поэт, прозаик и драматург. Несколько его стихотворений военного времени обошли всю Россию: "Жди меня", "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины" и другие. Были в свое время популярны и его пьесы: "Русские люди" (1942), "Русский вопрос" (1946) и другие произведения.

11. О бегстве партийного начальства, о хаосе и трусости писал в первой, отвергнутой партией версии А. Фадеев в своей "Молодой гвардии".

12. Василь Быков (р. 1924), белорусский писатель: "Смерть человека" (1957), "Эстафета", "Мертвым не больно" (1965) и др.

13. Михаил Светлов (1903—1964), поэт: "Стихи" (1924), "Горизонт" (1959) и др. Автор популярной песни революционных лет "Каховка".

14. Николай Погодин (настоящая фамилия Стукалов. 1900—1962), драматург: "Человек с ружьем" (1937), "Кремлевские куранты" (1942), "Феликс Дзержинский" и др. Статьи о театре — "Театр и жизнь" (1953). Журналист, типичный "ура-коммунист".

ГЛАВА 8

15. "Новый мир" № 1, Москва, 1960.

16. См. подробно в моей книге "А. И. Солженицын", Изд. YMCA Press. Париж, 1973.

17. Об этом заседании см. статью и записи А. Белинкова в "Новом журнале" № 93, Нью-Йорк, 1968.

18. О споре "Нового мира" с "Литературной газетой" см.: Barbara Bode, *Die Discussion um Solzhenitzyn*. — "Ost Europa", No. 10, 11, 12, 1965, p. 679 ff. ст. , p. 784 ff. См. также: Pervushin, *The Soviet Writer Solzhenitsyn*. — "Studies Slaves et Est-Europeennes". Montreal. Vol. X, pp. 3—19.

19. "Показуха" — советское слово, обозначает умение "втереть очки", обмануть, создать ложное впечатление. О показухе писали многие невозвращенцы. См., напри-

мер, Владимирова, "Россия без прикрас и умолчаний", изд. "Посев", 1970.

20. См., например, Pierre Daix, *Ce que je sais de Soljénitsyne*. Seuil, Paris, 1973.

ГЛАВА 9

1. Григорий Бакланов (р. 1923): "В Снегирях" (1954), "Южнее главного удара" (1958), "Пядь земли" (1959).

2. Юрий Бондарев (1924): "На большой реке" (1953), "Батальоны просят огня" (1957) и др.

3. См. "Литературная газета" от 26 марта 1955 г. и от 19 марта 1955 г.

4. О Ю. Нагибине см. М. Иофьев, "Писатель в пути", "Новый мир", № 3, 1959 и Е. Николин, "Полной душой. Заметки о рассказах Ю. Нагибина", "Нева" № 4, 1963.

5. См. об этом в статьях А. Нинова (р. 1931). Статьи о сатире, новеллах. Книга "Вера Панова. Очерк творчества".

6. А. Нинов находит в рассказах Казакова влияние Сетон Томпсона (1860—1946).

7. Поэма Вознесенского напоминает балладу Дмитрия Кедрина (1907—1945) "Зодчие" и явно подражает Кедрину.

ГЛАВА 10

1. См. подробнее в "Новое русское слово" от 7 октября 1973 в перепечатке рассказа "Гнев народа".

2. Впервые опубликована без ведома Л. Чуковской в "Новом журнале" №№ 83 и 84, Нью-Йорк, 1966.

3. См. "Зарубежье", Мюнхен, июль-октябрь 1972, стр. 11—16.

4. С мая 1971 стал эмигрантом.

5. Сюжет романа прост: поезд задерживают в Одессе из-за разразившейся эпидемии холеры. Описаны шесть дней стоянки, разговоры и чувства нескольких пассажиров о жизни в СССР.

6. Частью напечатан в журнале "Грани", №№ 87—88. Франкфурт, 1973.

7. Василий Гроссман (1905—1964). По специальности инженер-химик. Первая повесть, "Глюкауф" — о жизни шахтеров. Роман "Степан Кольчугин" (1937—40). В войну был военным корреспондентом. "Народ бессмертен" (1942). Пьеса "Если верить пифагорейцам" и неоконченный роман "За правое дело".

8. См., например, А. Гольцов, "Распределение национального дохода в СССР" и др.

9. Красавица из эпоса Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре", XI век.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов, Ф. А. (1920—1983) — 168, 201, 215
 Аверченко А. — 56
 Адалис А. 163
 Адамович Г. (1894—1971) — 20, 26, 31, 47, 49, 53, 58; 59
 Аддисон Д. 156
 Аксенов В. — 216, 231
 Алдянов М. — 17, 20, 30, 41—43, 53, 75, 77
 Александр Первый — 25
 Александрова Вера — 119, 167, 218
 Алексеева Лидия (Девель, Иванникова) — 48, 66, 67, 68
 Алигер М. — 203
 Аллилуева С. — 70, 250
 Алкей — 9
 Амальрик Андрей — 239, 246
 Аминадо, Дон (Шполянский) — 56
 Андерсен Г. Х. — 164
 Андреев Г. (Хомяков) — 70
 Андреев Л. Н. — 29, 30, 33, 101, 148, 152, 165
 Андреев Н. — 17, 53
 Анненков Ю. — 12, 13, 56, 89, 90, 99—102, 112, 125
 Анненский И. — 11, 51, 115
 Анстей Ольга (ум. 1986) — 66
 Апресьян Г. — 80
 Алухтин А. Н. — 104, 188
 Арагон Луи (1897—1982) — 79
 Арбузов А. Н. — 81
 Арвалов Б. — 111
 Аристотель — 156
 Арсеньев В. — 129
 Арсеньев Н. — 128
 Арцыбашев М. — 38
 Асеев Н. Н. — 141
 Ататюрк К. — 77
 Афиногенов А. — 193, 194
 Ахмадулина Б. — 223, 235
 Ахматова Анна (Горенко) — 16, 23, 48, 57, 81, 100, 115, 118—123, 151, 159
 Бабель И. — 89, 153—55, 161
 Бабушкина А. — 182
 Багрицкий Э. (Зубин) — 163
 Бажан М. П. (1904—1983) — 218
 Бажов П. П. — 197
 Бакланов Г. Я. — 214, 215, 226
 Бальмонт К. Д. — 11, 21—23, 34, 40
 Баратынский Е. А. — 44
 Барбюс А. — 79, 175
 Бедный Д. (Е. Придворов) — 107—8
 Бейль А. М. — см. Стендаль
 Бек А. А. (1903—1972) — 150
 Белецкий И. — 19
 Белинков А. — 16, 165
 Белый А. (Бугаев) — 16, 22, 23, 44, 47, 52, 57, 84, 93, 95, 96, 111, 144, 152, 158
 Беляев А. Р. — 189—90
 Бем А. — 20, 47
 Бем Я. — 22
 Бенуа А. — 24
 Бергсон А. — 156
 Бердслей О. — 51
 Бердяев Н. — 13, 16, 23, 51, 54, 61, 75
 Березко Г. — 223
 Березов Р. — 65
 Берия Л. П. — 228
 Бернер Н. — 63
 Берроуз Э. Р. — 190
 Бицилли П. — 31
 Благой Д. — 80
 Блок А. — 22, 23, 51, 57, 87, 93, 95, 98, 100—4, 106, 109, 112, 119, 126, 128, 132, 133, 141, 144, 145, 158, 192
 Бобров С. — 141
 Боброва Э. — 66
 Бодлер Ш. — 21, 22, 24, 87, 104
 Большухин Ю. — 70
 Бондарев Ю. — 80, 213, 226
 Борисов Л. — 97
 Брандт С. — 25
 Брежнев Л. И. — 78, 202, 203
 Бровка П. У. (1905—1980) — 218
 Бродский И. — 79, 246
 Брюсов В. — 22, 23, 34, 39, 84, 92, 93, 104, 115, 158, 188, 190
 Бубеннов М. С. (1909—1983) — 212
 Бугаев Б. — см. Белый А.
 Бугаев Н. — 94
 Булгаков М. — 137—39, 189, 192
 Булгаков С. — 13, 14, 16, 54, 190
 Булгарин Ф. В. — 137

- Булич Вера — 66
 Булич Сергей — 66
 Бунин И. А. — 12, 16, 17, 20, 24, 29, 30,
 34, 41, 67, 130, 150, 152, 165, 229
 Бунин Ю. — 34, 165
 Буркин И. — 66
 Бурлюк Д. Д. — 12, 111, 125
 Бухарин Н. — 108, 124
 Бучинская Н. Д. — см. Тэффи
 Быков В. В. — 82, 207, 214, 215
- Валентинов Н. В. — 197
 Вардин И. — 158
 Варшавский И. И. (1909—1974) — 190
 Васнецов В. М. — 206
 Вахтангов Е. — 192
 Вейдле В. — 31, 35, 44, 47, 143
 Вейк Н. Л. — 36
 Венгеров С. — 9
 Вересаев Викентий (Смидович) — 34
 Верлен П. — 22, 87, 105
 Верн Жюль — 135, 188, 190
 Вернадский Г. — 75
 Вертинский А. — 58
 Верхарн Э. — 87
 Веселый А. — 152
 Виельгорская А. — 34
 Вийон Ф. — 123
 Вильсон В. — 126
 Виноградов В. — 83, 84
 Винокур Г. — 111
 да Винчи Леонардо — 24
 Вишневский В. — 108, 193
 Владко В. — 190
 Власов А. А. — 209
 Вогау Борис — см. Пильняк
 Вознесенский А. — 112, 113, 232, 234
 Войнович В. — 17, 192
 Волков А. — 30, 33
 Волошин М. — 40, 93, 105, 106
 Вольинский А. — 151
 Воробьев К. Д. — 214
 Воронский А. — 12, 153, 173
 Врубель М. А. — 206
 Второв Николай — 56, 70
 Высоцкий Владимир — 246, 248
 Вышеславцев В. — 16, 54
- Галансков Юрий — 17, 82
 Галич А. — 246
 Гамсун Кнут — 11, 89, 205
 Гауптман Г. — 22, 101
 Геземанн Герхард — 133
 Гейнеке Ирина — см. Одоевцева
 Геррель Г. — 26
 Герман Д. — см. Гранин
 Герман Ю. — 151
 Герцен А. И. — 205
 Гершензон М. — 10, 13
 Гете И. В. — 47, 125, 140
 Гинзбург А. — 79, 82
 Гинзбург Евгения — 17, 82, 239, 250
 Гиппиус З. — 20, 24, 26
 Гитлер — 25, 32, 77, 208, 209
 Гладков Ф. — 196
 Глазов Ю. — 144, 192
 Глазунов Илья — 19, 80
 Глинка Глеб — 65
 Гоголь Н. — 37, 52, 87, 132, 140, 200
 Гонкур Ж. — 11
 Гонкур Э. — 11
 Гончар О. — 212
 Горбунов — 155
 Горенко Анна — см. Ахматова
 Горобов Д. — 65
 Горский В. — 243
 Горький М. (А. Пешков) — 12, 28, 29,
 31, 34, 35, 86, 88—91, 107, 109,
 129, 142, 152, 154, 156, 159, 161,
 165, 169, 175, 182, 193, 197, 229
 Готье Т. — 115
 Гофман Э. — 96, 113, 140
 Гранин Д. А. (Герман) — 218
 Гребенщиков Г. — 20, 61
 Гребнер Г. — 190
 Грин А. (Гриневский) — 11, 96, 97
 Григоренко П. Г. — 77, 79, 82
 Гриневский А. — см. Грин
 Грозный Иван — 180
 Громов А. — 92, 93
 Гроссман В. — 198, 213, 243, 244—45
 Гузенко И. — 90
 Гуль Р. (1896—1986) — 13, 20, 44, 45,
 51, 56, 58, 69, 95, 121, 246
 Гумилев Л. — 119
 Гумилев Н. — 16, 49, 50, 57, 59, 87, 93,
 104, 114, 115—18
 Гура В. — 168
 де Гурмон, Реми — 22
 Гурович Л. — 175
- Газданов Гайто — 17, 61
 Гайдар А. — 182, 195

- Даль В. — 35
 Данилевский Г. — 42
 Даниэль Юлий — 82
 Данте — 39, 123
 Даров Анатолий — 16, 70
 Девель Лидия — см. Алексеева
 Декарт Рене — 42
 Демичев П. Н. — 202
 Державин Г. — 128
 Джилас М. — 211
 Джойс Д. — 108
 Диккенс Ч. — 71
 Дионис — 9
 Днепров А. — 190
 Додэ — А. — 54
 Дорош Ефим — 32, 198, 199, 215
 Достоевский Ф. — 9, 24, 36, 37, 39,
 47, 85, 87, 113, 137, 139, 163,
 166—68, 172, 191, 200
 Друнина Ю. — 195, 216
 Дудинцев В. — 82, 192, 199, 217—22
 Дункан А. 158—59
 Дынный А. — 29
 Дягилев С. — 24, 192
- Евреинов Н. — 16, 192
 Евтушенко Е. — 79, 122, 204, 206,
 232—34
 Елагин Иван (Матвеев) (1918—87) —
 20, 63, 65, 66
 Ермилов В. — 173
 Ершов Г. — 191
 Есенин С. — 11, 12, 106, 107, 113,
 125, 144, 158—60
 Есенин-Вольпин А. С. — 79, 246
 Ескапри Роберт — 156
 Ефремов И. (1907—1972) — 190
- Жданов А. — 120, 156, 249
 Жид А. — 79
 Жирмунский В. — 83
 Житков Б. С. — 185
- Заболоцкий Н. — 16, 177, 178
 Зайцев Б. К. — 11, 16, 17, 20, 23, 32,
 33, 34, 39, 46, 47, 53, 77, 94, 95,
 99, 100, 165
- Замойский П. — 198
 Замятин Е. — 16, 37, 52, 54, 88, 97,
 132—35, 152, 189, 190
 Зворыкин В. К. — 16
 Зелинский К. — 161
 Зильбер Вениамин — см. Каверин
 Зиновьев Г. — 153
 Зоценко М. — 35, 120, 151, 155,
 174, 239
- Ибсен Г. — 22, 101
 Иванникова Л. — см. Алексеева
 Иванов Всеволод — 90, 91, 161
 Иванов Вячеслав — 9, 10, 22, 23, 69,
 84, 89, 93
 Иванов Георгий — 51, 53, 178
 Иванов С. — 191
 Иванов Ю. — 19
 Иванова Ирина — см. Одоевцева
 Иванов-Разумник — 23
 Иваск Ю. — 46, 47
 Ивинская Ольга — 147
 Ивич А. — 182
 Ивнев Р. — 11
 Изгоев А. — 13
 Изу Изидор — 112
 Ильенков — 197
 Ильин И. — 30, 36, 54
 Ильинский О. — 66
 Ильф И. — 110, 163, 174
 Иоанн, архиепископ — см. Странник
 Исаковский М. — 201
- Йоффе А. — 214
- Каверин В. (Зильбер) — 162, 175,
 176, 223, 239
 Казакевич Э. — 214
 Казаков Ю. (1927—1982) — 229—30
 Каменский В. — 111
 Кант И. — 156, 222
 Капусто Ю. — 227
 Каратаев — 17
 Кардин В. — 202
 Карсавин Л. — 18, 192
 Катаев В. (1897—1986) — 163, 177
 Катаев Е. — 174

- Катаев И. — 174
 Катанян В. — 128
 Катков М. — 56, 75
 Кафка Ф. — 52
 Кестлер А. — 56
 Кизиветтер А. — 75
 Киреевский И. В. — 18
 Кириенко Макс. — см. Волошин
 Кистяковский Б. — 13
 Кленовский Д. — 20, 63, 64
 Клименко М. — 168
 Климентов А. — см. Платонов А.
 Климов Г. — 70
 Клычков С. — 128
 Клюев Н. — 106, 113, 114
 Кодрянская Н. — 37
 Кожевников В. (1909–1984) — 223
 Козлов И. — 214–15
 Кокто Ж. — 112
 Коллоди К. — 110
 Коллонтай А. — 39
 Конан-Дойль А. — 96, 175
 Конрад Джозеф — 96
 Корвин-Пиотровский В. — 57
 Корнейчук А. (1905–72) — 223
 Корнилов Лавр — 58, 169, 171
 Короленко В. — 34, 39, 88
 Коряков М. — 70
 Косман С. — 12
 Костер Ш. — 140
 Костерин — 77, 203
 Кравченко В. — 56
 Крайний Антон — см. З. Гиппиус
 Краснов П. — 61
 Кронштадтский Иоанн — 98
 Крученных А. — 158
 Крылов И. — 102
 Кузина Елена — 44
 Кузмин М. — 50, 93
 Кузнецов Анатолий — 16, 70, 79
 Куланчакова — 27
 Купер Ф. — 96, 129
 Куприн А. — 27–29, 57, 133, 188
 Курочкин В. — 107
 Кутузов А. М. — 111, 209
- Левин Л. — 199
 Лежнев А. — 12, 65
 Лейкин Н. — 155
 Ленин В. И. — 12, 19, 28, 56, 76–78, 81, 92–94, 107, 110, 127, 147, 157, 159, 161, 195, 197, 210, 217, 249
 Леонов Л. — 19, 37, 162, 165–68, 192, 197, 198, 212
 Лермонтов М. — 56, 200, 205
 Лесков Н. — 35, 37, 132, 134, 166
 Лесневский С. — 125
 Ловкрафт Г. — 113
 Ломоносов М. — 96
 Лондон Д. — 164
 Лосский Н. — 16, 75, 191
 Лотарев Игорь — см. Северянин
 Лохвицкая Надежда — см. Тэффи
 Луначарский А. — 25, 158
 Лунц Лев — 176
 Ляцкий Е. — 37
- Макаренко А. — 91, 191
 Маквей Г. — 113
 Максимов В. — 17, 191, 192, 239, 243, 244, 249
 Максимов С. — 16, 69
 Малашкин С. — 38
 Малларме С. — 22
 Мамин-Сибиряк Д. — 161
 Мандельштам Н. — 16, 23, 57, 71, 91, 122–25, 159, 162, 198, 241, 242
 Мандельштам О. — 91, 119, 122–24, 149, 159, 178, 241–42
 Мани Томас — 151
 Марголин Юлий — 69, 70, 239
 Мариенгоф А. — 11, 158
 Маринетти Ф. — 11, 12, 158
 Мария Мать (Елизавета Пиленко, по мужу Скобцова) — 59
 Марков В. — 111
 Маркс К. — 195
 Марченко А. — 79, 82, 85, 239, 250
 Маршак С. — 182–84
 Маслов С. — 199
 Матисс Анри — 206
 Маяковский В. — 12, 47, 89, 106–8, 111, 127, 128, 141, 144, 158, 178, 192
 Медведев Жорес — 77, 79, 85, 203, 225, 246
- Лавренев В. — 212
 Ладинский Антоний — 60
 Ландау Марк — см. Марк Алданов
 Ланщиков А. — 19
 Лебединский Ю. — 174

- Медведев Рой — 19, 77, 82, 85, 203
 Мейеринг Гей — 140
 Мейерхольд В. — 83, 125, 192
 Мельгунов С. — 56, 75
 Менделеев Д. — 98, 161
 Мережковский Д. — 9, 22, 24, 25, 129, 152
 Мериме П. — 96
 Метерлинк М. — 21, 87, 101, 104
 Мечников И. И. — 126
 Милюков П. — 75
 Минцлов С. — 61
 Михайлов О. — 36, 52
 Михалков С. — 186
 Мицкевич А. — 17
 Молотов В. — 56
 Моне К. — 10
 Мопассан Ги де — 154
 Моршен Николай — 66, 68
 Мочульский К. — 35, 93, 94, 100
 Муссолини Б. — 25, 77
 Мякотин А. — 75
- Набоков В. В. (Сирин) — 17, 20, 44, 52, 54–56
 Набоков В. Д. — 52
 Нагибин Ю. — 227
 Надсон С. — 24
 Наполеон — 42, 43
 Нароков Н. — 69
 Наумов Е. — 161
 Неверов А. (Скобелев) — 162
 Невский Александр — 111
 Некрасов В. — 76, 77, 121, 203, 213, 214, 226, 227
 Некрасов Н. — 141, 200
 Некрич А. — 207, 214
 Немирович-Данченко В. — 192
 Немцов В. — 191
 Нестеров М. В. — 206
 Нижинский В. Ф. — 192
 Никитин Н. Н. — 200
 Николаева Г. — 220
 Николай Второй — 70
 Николай Первый — 142
 Ницше Ф. — 22, 96
 Норд А. — 28
 Нусинов И. — 189
- Овечкин В. — 198
 Овсянников М. — 80
 Огурцов И. — 243
 Одоевцева И. (Гейнеке, Иванова) — 49, 57, 94, 154
 Озирис — 21
 Окуджава Б. — 216, 246–48
 Олеша Ю. — 97, 162–64, 176, 190
 Орвелл Д. — 56, 134
 Ортега-и-Гасет Хосе — 77
 Осоргин М. — 53
 Островский А. — 46
 Островский Н. — 91, 195, 216
 Оууп Н. — 59, 118
- Павлова К. — 192
 Палиевский П. — 39
 Панова В. (1905–1973) — 180–81, 214, 226
 Панов Н. — 227
 Пастер Л. — 40
 Пастернак Б. — 12, 13, 41, 47, 71, 79, 100, 112, 113, 122, 126, 128, 141–44, 147, 148, 151, 159, 168, 178, 203, 204, 206, 223, 232, 242
 Паунд Э. — 11
 Паустовский К. — 29, 32, 97, 130, 148–50, 178, 217, 244
 Пахмусс Т. — 26
 Перелешин В. (Салатко-Петрище) — 58, 169
 Петр Великий — 24, 110, 111
 Петражицкий — 14
 Петров Евгений — 110
 Пешков А. — см. Горький
 Пилат Понтий — 140
 Пиленко Е. — см. Мария
 Пилсудский Юзеф — 25
 Пильняк Б. (Воган) — 37, 152, 162
 Пиотровский В. — 162
 Платонов А. (Климентов) — 173–74, 189
 Платонов С. — 110
 Плетнев — 90
 Плеханов Г. — 25
 По Э. — 33, 87, 97, 113
 Победоносцев К. — 96
 Погодин Н. — 216
 Полонская Е. — 185
 Полторацкий В. В. — 69
 Померанц Г. — 242–43

- Померанцев В. — 201
 Поплавский Борис — 60
 Попов А. — см. Серафимович
 Поповкин Е. — 218
 Постников С. — 169
 Придворов Ефим — см. Бедный
 Пришвин М. — 37, 129—31, 135, 173, 178
 Прокопович Феофан — 75
 Прокофьев С. — 192
 Пруст М. — 11, 31, 52, 163
 Пущкин А. — 12, 31, 54, 67, 103, 123, 140, 142, 164, 200
 Пэйн Роберт — 141—42
- Радек К. — 108
 Радищев А. — 75
 Разин Степан — 88
 Разумный В. — 80
 Рафаэль — 39
 Рахманинов С. — 58
 Реддавей Питер — 246
 Рейснер Лариса — 147
 Рейсс — 46
 Рембо А. — 22, 96
 Ремизов Алексей — 37, 52, 96, 129, 152—53
 Ремизова С. П. — 37
 Ренникова — 68
 Ренье А. — 105
 Ржевский Л. Д. (1905—1986) — 70
 Рид М. — 96
 Рильке Р. М. — 22, 47, 141, 205
 Рождественский В. — 97
 Розов Виктор — 81
 Роллан Ромэн — 110
 Ромэн Жюль — 123
 Роттердамский Эразм — 113
 Ругэ Герд — 221
 Рузвельт Элеонор — 224
 Руставели Шота — 179
- Савицкий П. — 18, 19, 133
 Савич Овадий — 162
 Садовской К. М. — 102
 Салатко-Петрище — см. Перелешин
 Салтыков-Щедрин М. — 87, 166
 Самарин В. — 18, 70, 242
 Сафо — 9
- Сахаров А. Д. — 77, 82, 112, 203
 Саянов В. — 97
 Святополк-Мирский Д. — 44, 47, 108
 Северянин И. (Лотарев) — 12, 58
 Селегень Г. — 86
 Семин В. — 202
 Сент-Бёв Шарль — 45
 Серафимович А. (Попов) — 88, 91, 92, 169, 197, 249
 Силоне И. — 56
 Сикорский И. И. — 16
 Симонов К. — 213, 220
 Синявский А. — 17, 82, 202, 242, 246, 250
 Сирин — см. Набоков В. В.
 Скобелев А. — 162
 Скобцова Е. — см. Мария
 Скрябин А. — 10, 123
 Скрябина Елена — 155, 157
 Слоним Марк — 20, 47, 69, 146, 156
 Слонимский М. — 97
 Смеляков Я. — 204
 Смидович Вик. — см. Вересаев В.
 Смирнов В. — 182
 Собинов М. — 192
 Соколов — 56
 Солженицын А. — 16, 17, 70, 71, 79, 81, 85, 91, 121, 149, 169, 172, 181—82, 191—92, 198, 200, 202, 207, 212, 213, 217, 222—25, 237, 239, 242—43, 249, 250
 Соловьев А. — 108
 Соловьев В. — 23, 42, 104
 Сологуб Ф. (Тетерников) — 23, 86, 87, 151, 192
 Солоневич И. — 56, 239
 Солоухин В. — 79, 128, 188, 204—6, 210
 Солсбери Г. — 171, 221
 Сорокин П. — 16, 75
 Сталин И. — 12, 32, 78, 81, 84, 85, 89, 90, 108—11, 114, 119, 120, 122, 133, 137, 141—42, 147, 150, 153, 161, 164, 170, 186, 193—95, 202, 203, 208—10, 214, 218, 221, 222, 228, 240, 243, 249
 Станиславский К. С. — 192
 Старцев И. — 182
 Стасов В. — 206
 Стендаль (Бейль) — 42
 Степун Ф. — 31, 47
 Стерлин И. — 32
 Стивенсон Р. — 96, 97

Странник (Иоанн Шаховской) — 62, 118
Струве Глеб — 21, 31, 44–47, 53, 61, 65, 69, 97, 114, 120, 150, 176
Струве П. — 13, 75
Стругацкие А. и Б. — 97, 190
Суворин Б. — 28
Суворов Г. К. — 111
Сувчинский П. — 18
Суриков Иван — 165
Сурков А. — 91, 206, 223

Тарсис В. — 70
Таубер Е. — 66
Твардовский А. — 81, 150, 188, 200–3, 225, 230
Телешов Н. — 29
Тельпугов В. — 191
Терапиано Ю. — 44, 58, 66
Терц Абрам — см. Синявский
Тескова Анна — 46
Тетерников Федор — см. Сологуб
Тимофеев Л. — 80, 88
Тимошенко С. П. — 16
Тихонов Н. — 156, 177, 209
Толстой А. К. — 31
Толстой А. Н. — 16, 42, 91, 108–9, 111, 175, 190, 211
Толстой Лев — 24, 31, 34, 39, 42, 92, 132, 141, 144, 169, 225
Томан Н. — 191
Томашевский Б. — 83
Топер П. — 207
Третьев Василий — 180
Троцкий Лев — 76, 132, 150
Труайа А. — 36
Трубецкой Н. — 18
Тургенев И. — 31, 39, 195, 229
Тухачевский М. Н. — 56
Тхоржевский Иван — 31, 44, 67, 137, 176
Тынянов Ю. — 83
Тэффи Надежда (Лохвицкая, Бу-чинская) — 57
Тютчев Ф. — 44, 67, 141

Уайльд О. — 21, 22
Уитмен У. — 21, 126

Ульянов Николай — 16, 67, 70, 192
Устрялов Н. В. — 16
Уэллс Г. — 26, 132, 135, 189, 190

Фадеев А. — 92, 129, 144
Файзильберг Илья — 174
Федин К. (1892–1977) — 19, 32, 37, 84, 149–51, 162, 177, 217
Федоров А. — 69
Федоров В. — 17, 69
Федоров Н. — 17, 19, 20, 188
Федорова Нина (псев., по мужу Рязановская) — 69
Федосеев А. — 243
Федотов Г. — 20, 47, 75, 100
Федотов П. — 206
Фейхтвангер Л. — 175
Фет А. — 31, 104
Филиппов Б. — 65, 67, 113, 114, 120, 242
Философов Д. — 24, 26, 38
Фирсов В. — 203
Флакер Александр — 97, 98, 165
Фламарион К. — 189
Флейшман В. Б. — 232
Флобер Г. — 41
Флоровский Г. — 18
Фокин М. М. — 192
Фондаминский И. — 59
Форш О. — 89, 132
Фостер Людмила — 17
Франк Семен — 13, 54, 191, 196
Франс Анатоль — 42, 132, 189
Фрунзе М. — 153, 195
Фурманов Д. — 88, 92, 162

Хабаров И. — 219
Хаиндрава Ливан — 106
Хаксли О. — 134
Хемингуэй Э. — 229
Хемницер И. — 88
Хлебников Велимир — 12, 111, 112, 158
Ходасевич Владислав — 20, 44, 45, 55, 58, 89
Холендро Д. — 81
Хомяков А. — 18
Хомяков Г. — см. Андреев Г.

Хренников Т. — 192
Хрущев Н. — 78, 81, 84, 146, 171,
202, 210, 221, 223, 249

Цветаяева М. — 16, 20, 46, 47, 141,
159, 232

Циолковский К. — 188

Цыбин В. Д. — 233

Чагин П. И. — 158

Чалидзе В. Н. — 82, 246

Чалмаев В. — 19

Чапек К. — 190

Чеботаревская А. — 39

Чернышевский Н. Г. — 55, 188, 197

Черный Саша (Гликберг) — 56

Чертков Л. — 52

Чехов А. — 10, 30, 31, 34, 36, 39,
54, 85, 87, 91, 155, 229

Чингизхан — 19

Чиннов И. — 66

Чичерин Б. — 14

Чубинский М. — 33

Чуковская Лидия — 71, 169, 237

Чуковский К. — 12, 84, 89, 126,
182, 239

Шагинян М. — 197

Шаламов Варлам — 16, 17, 80, 240,
241

Шаляпин Ф. — 62, 192

Шаховская З. — 62

Шаховской А. А. — см. Странник

Швецов Л. — 125

Шенгели Г. — 12

Шенье А. — 114

Шершеневич В. — 11

Шестов Л. — 54

Шилейко — 115

Ширяев Борис — 69, 239

Шишков В. — 210

Шкерин М. — 214

Шкловский В. — 83, 84, 111

Шмелев Иван — 16, 20, 35, 41

Шмурло Е. — 75

Шолохов М. — 92, 151, 168–72, 198,
210, 214, 223, 237, 249

Шопенгауер А. — 22

Шостакович Д. — 192

Штейгер А. — 66

Штейнгер Анатолий — 61

Штейнер Рудольф — 37, 94

Шукшин В. — 200

Щербатов М. М. — 188

Щусев А. В. — 205

Эвентов И. — 161

Эйхенбаум Б. — 83

Экклезиаст — 43

Эмпирик Секст — 22

Энгельгардт А. Н. — 115

Эренбург Илья — 135–37, 155, 161,
163, 203, 213

Эсхил — 9

Эфрон Аля (Ариадна) — 46, 47

Эфрон Сергей — 46, 47

Юденич И. Н. — 28

Юлиан Отступник — 24

Юрасов С. — 70

Юркевич — 16

Юстиниан — 116, 117

Язвицкий Валерий — 180

Якобсон Анатолий — 132

Якобсон Роман — 84, 111

Яковлев А. — 19

Ясенский Бруно — 91

Яшин А. — 82, 198, 199, 215, 218

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	7
Введение	9

Часть 1. Зарубежная русская литература

Зарубежная русская литература	16
Евразийство и евразийцы	18
О поэзии и прозе старших. К. Бальмонт; Д. Мережковский; З. Гиппиус; А. Куприн; И. Бунин; Л. Андреев; И. Шмелев; А. Ремизов; М. Арцыбашев; Б. Зайцев; М. Алданов; В. Ходасевич; М. Цветаева; Г. Иванов; В. Набоков. О темах староэмигрантской литературы	21
Поэзия и проза новой эмиграции	63

Часть 2. Литература в СССР

Введение

Революция и литература	75
Русская литература в СССР	78
Проблемы писателей и литературы в СССР	79
О борьбе за свободу художника и писателя	80
О формалистах в СССР	83
Несколько слов о языке советской литературы и прессы	84

Глава 1. Ф. Сологуб; М. Горький; О социалистическом реализме; А. Серафимович; В. Брюсов; А. Белый; А. Грин; А. Блок	86
Глава 2. М. Волошин; Д. Бедный; А. Толстой; В. Хлебников; Н. Клюев; Н. Гумилев; А. Ахматова; О. Мандельштам; В. Маяковский; Нечто о любителях природы и охоты: В. Арсеньев и М. Пришвин	105
Глава 3. Е. Замятин; И. Эренбург; М. Булгаков; Б. Пастернак; К. Паустовский; К. Федин; Б. Пильняк; И. Бабель; М. Зощенко	132
Глава 4. С. Есенин; В. Иванов; О. Савич; Ю. Олеша; Л. Леонов; М. Шолохов	158
Глава 5. А. Платонов; И. Ильф и Е. Петров; В. Каверин; Н. Заболоцкий; В. Панова. Детская литература	173
Глава 6. О фантастике в литературе. О советском театре. О соблазнах и о "твердой души" коммунистах. Жизнь и колхозы. О пробуждении души — А. Твардовский и В. Солоухин	188
Глава 7. Советская литература о второй мировой войне	207
Глава 8. О новом в послевоенной литературе — В. Дудинцев и А. Солженицын	217
Глава 9. Новое поколение. Прозаики и поэты: В. Некрасов; Ю. Нагибин; М. Казаков; В. Аксенов; А. Вознесенский; Е. Евтушенко; Б. Ахмадулина	226

Глава 10. Л. Чуковская. Несколько слов о лагерной литературе. Самиздат. Стихи и свободная песня.	237
Заключение	249
Примечания	251
Указатель имен	273

РОСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЛЕТНЕВ родился 28 марта 1903 года в Петербурге. Учился в классической гимназии. В 1928 году защитил диссертацию и получил степень доктора философии Карлова университета в Праге (Чехословакия). В области славистики был учеником академика В. А. Францева, а в философии — учеником и последователем Н. О. Лосского. Работал в библиотеках как специалист по древнеславянским азбукам и книгам. Служил до Второй мировой войны в гимназиях и в лицее, читал лекции в Чехословакии и Югославии. Автор нескольких книг по русской литературе. Профессор Плетнев написал более шестидесяти работ о Достоевском и более двухсот статей на восьми языках на разные литературные, философские и филологические темы. Был профессором Университета Монреаля и Университета Мак-Гилл. Скончался 25 ноября 1985 года.

\$ 15.00

ISBN 0-934923-01-9